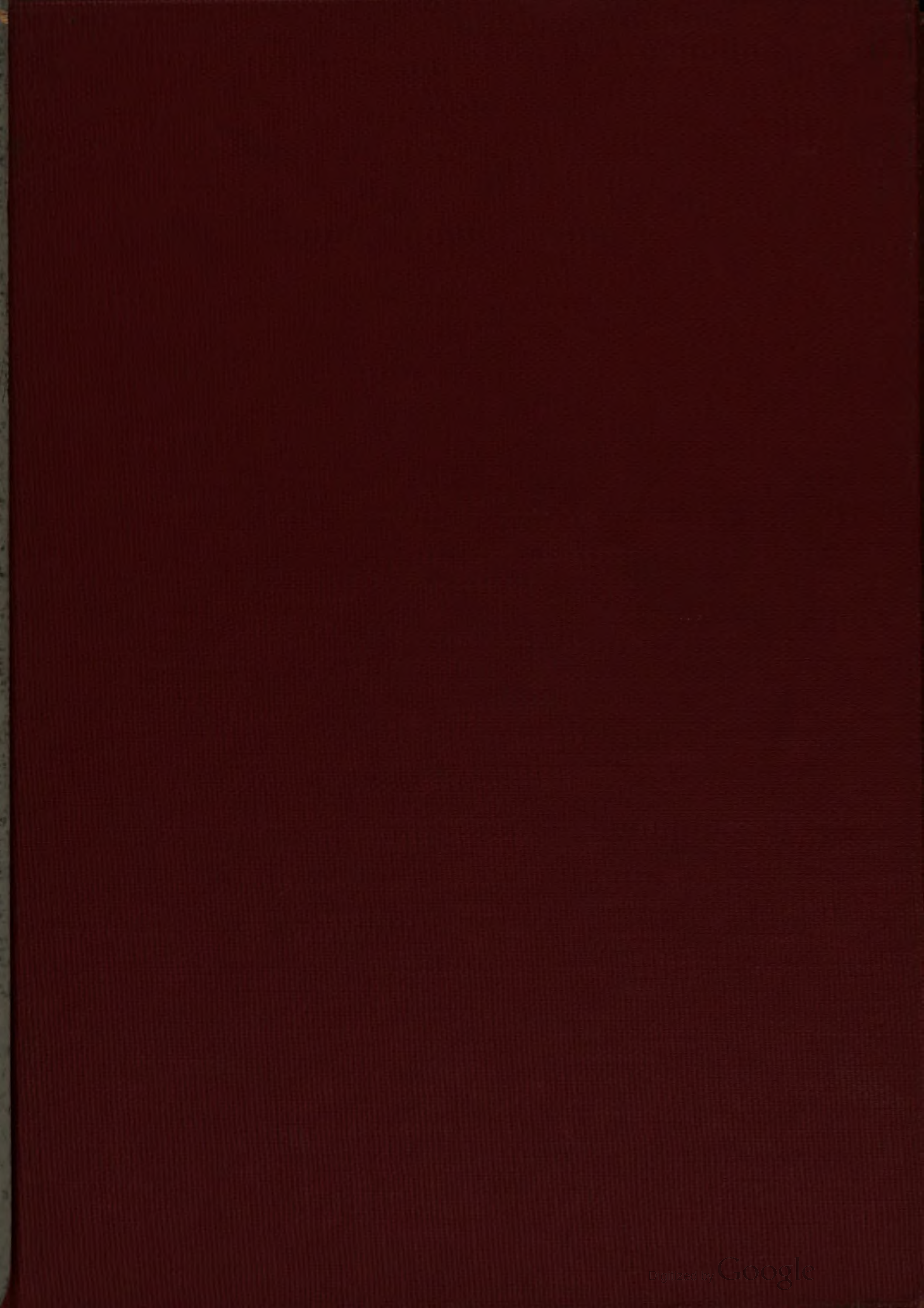
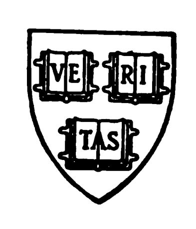
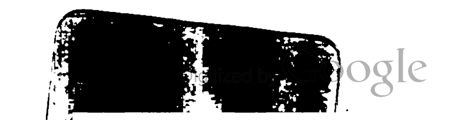






ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 7.
1900 г.

Послѣднія событія въ Китаѣ обратили на себя вниманіе всѣхъ.

Въ отвѣтъ на запросъ дня издана брошюра „Прошлое Китая“, дающая краткій очеркъ его исторіи.

Эту брошюру ***подписчики журнала*** могутъ получить за **35 коп.** почтовыми марками съ пересылкою, въ розничной же продажѣ брошюра можетъ быть пріобрѣтена повсюду за **50 коп.**

Книгопродавцамъ обычная уступка.

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

ІЮНЬ

№ 7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12.
1900.

Приложенія:

Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ Европы.

1) Исторія польскаго народа. *В. Смоленскаго.*

Сборникъ иностранныхъ историч. романовъ.

2) Торжество силы. Истор. романъ *Поля Адамъ.*

Дозволено цензурою. Спб. 5 Іюня 1900 г.

Языческій Римъ и христіанская совѣсть [1].

Всемогущее государство античнаго міра не могло потерпѣть возлѣ себя ни свободной нравственной личности, ни свободной вѣры.

«Языческая древность не знаетъ какого либо юридическаго предѣла, предъ которымъ должна бы остановиться власть государства», индививдъ самъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, никакого значенія; не ради самого себя, а ради государства существуетъ онъ. Онъ есть средство, и только средство для цѣли. Совершенно немыслимо поэтому, чтобы даже одна какая либо область жизни могла въ принципѣ претендовать на самостоятельность въ отношеніи къ государству [2]). Личность, индививдъ для античнаго государства былъ ничто. Только въ государствѣ, по ученію древнихъ, человѣкъ становился человѣкомъ, только благодаря своему причастію къ этой совершенной формѣ общежитія онъ и самъ, упражняясь въ гражданскихъ добродѣтеляхъ, могъ достичь совершенства; только въ государствѣ онъ находилъ свое экономическое благополучіе, нравственное воспитаніе, свою этику, религію и эстетику; государство давало гражданину все и въ свою очередь и поглощало его цѣликомъ: его семья, имущество, личность, доблести—все это было созданіемъ государства, а слѣдовательно и принадлежало ему. Внѣ государства могли жить, по выраженію Аристотеля, только звѣри или боги; человѣкъ же существовалъ только въ государствѣ и для него. Очевидно, что въ античномъ государствѣ не могло быть и рѣчи о ка-

---

[1]) Взаимо-отношенія государства, церкви и вѣрующей личности одинъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ исторіи. Помѣщаемый нами очеркъ—первый изъ ряда очерковъ по исторіи развитія права свободнаго исповѣданія, обѣщанныхъ нашему журналу уважаемымъ авторомъ и долженствующихъ, впослѣдствіи, получить общее заглавіе «Государство, церковь и вѣрующая личность».

[2]) Maassen Neun Capitel über freie Kirche und gewissenfreiheit, Gratz, 1876, цитирую по переводу профессора Суворова, Ярославль, 1883. стр. 2.

кихъ либо правахъ личности, правахъ человѣка и гражданина: основаніе этому было очень простое: самой личности еще не существовало, а слѣдовательно не могло быть рѣчи и о правахъ ея.

Но и боги далеко не стояли внѣ государства: напротивъ того, они были въ высшей степени заинтересованы въ земной жизни людей и были пріурочены, какъ-бы прикрѣплены къ отдѣльнымъ частямъ общественнаго организма. Одни изъ нихъ были приставлены къ общественной экономикѣ, вѣдали земледѣліе и скотоводство, другіе блюли домъ, чистоту домашняго очага и семейной жизни, третьи хранили гражданскія добродѣтели и законы, четвертые защищали государство отъ внѣшнихъ враговъ; это была цѣлая стража могущественныхъ небожителей, неземныхъ участниковъ земной жизни государства, отъ которой зависѣло благоденствіе и его самого, и благосостояніе гражданъ, и общественный порядокъ, и нравственность; отъ нихъ зависѣло породить въ странѣ различныя общественныя бѣдствія, они изъ мести могли предать на войнѣ свой народъ въ руки непріятелей, породить гражданскія смуты, ослабить узы законовъ и спасительнаго страха передъ властью, наконецъ—нарушить супружескую вѣрность, навести воровъ и грабителей на путника. Боги древнихъ были боги мстительные, хоть и легкомысленные, корыстные и подчасъ злобные — при томъ надо замѣтить, что и іерархіи настоящей среди нихъ не было; а поэтому и нельзя было почитаніемъ старшихъ боговъ обезопасить себя отъ алчности и мести младшихъ: приходилось возносить почитаніе и жертвы каждому, такъ сказать, по предмету его вѣдомства. Понятно отсюда, что во первыхъ, такая религія менѣе всего могла претендовать на свободу вѣры или исповѣданія, такъ какъ сами боги составляли высшій надземный элементъ государственнаго устройства, а во вторыхъ, дѣло богопочитанія должно было стать предметомъ государственной повинности, такъ какъ существенные интересы государства, зависящіе отъ расположенія боговъ, нельзя было отдать на произволъ отдѣльной личности.

Съ другой же стороны для гражданина древняго государства было вполнѣ естественно почитать государственныхъ боговъ безъ всякаго особеннаго принужденія со стороны государства. Съ древними богами были связаны нѣкоторые миѳы и обряды, говорившіе его чувству; въ политеизмѣ если и не было истинной религіи, то былъ во всякомъ случаѣ намекъ на нее—она заключала въ себѣ нѣчто чудесное, даже мисти-

ческое. Нѣкоторые культы были обставлены долгимъ срокомъ испытанія для неофитовъ, были сопряжены съ особыми таинственными церемоніями: въ Греціи къ религіи присоединился культъ красоты, служеніе искусству, въ Римѣ съ политеизмомъ былъ соединенъ въ особенности крѣпко домашній, семейный строй. Цѣлый рядъ боговъ былъ какъ-бы воплощеніемъ различныхъ доблестей и этическихъ понятій; всякій нравственный, въ смыслѣ древнихъ, человѣкъ не могъ отнестись отрицательно къ почитанію тѣхъ боговъ, которые, несмотря на всѣ свои слабости и недостатки, все-таки были хранителями гражданской доблести и порядка. Государство-же, этотъ самоцѣльный и самодовлѣющій организмъ, было связано такими крѣпкими узами чувства патріотизма съ отдѣльнымъ гражданиномъ, что только прямо изъ этого чувства—гражданинъ могъ охотно исполнять обряды государственной религіи, и тѣмъ отвращать отъ отечества гнѣвъ боговъ и проистекающія отсюда бѣдствія. Почитаніе боговъ было у древнихъ не только юридической обязанностью, но и нравственнымъ долгомъ хорошаго семьянина, доблестнаго гражданина, добраго патріота своего отечества,—«человѣка» по понятію древнихъ. Только чудовище, желающее ниспровергнуть всѣ божескіе и человѣческіе законы, только атеистъ, отвергающій семью, религію и государство, могъ отказать въ исполненіи этой высшей гражданской обязанности, могъ поднять руку на алтари небожителей и тѣмъ навлечь неисчислимыя бѣды на свое отечество[1]).

За всѣмъ тѣмъ, надо замѣтить, что и самое дѣло богопочитанія не представляло изъ себя чего нибудь внутренняго, духовнаго, требующаго свободнаго подъема религіознаго чувства - все дѣло сводилось къ церемоніямъ, обрядамъ, процессіямъ и жертвоприношеніямъ; только въ очень не многихъ случаяхъ почитаніе боговъ налагало какую-нибудь нравственную обязанность на человѣка, какъ напр., долгъ исполнить клятву, данную передъ статуей божества. Вообще-же богопочитаніе было дѣломъ совершенно наружнымъ, внѣшнимъ, не связаннымъ съ совѣстью или настроеніемъ лица; совѣсть и убѣжденіе были здѣсь не при чемъ. Этимъ, само собою разумѣется, облегчалась въ значительной степени религіозная повинность гражданъ; отъ нихъ требовали не исповѣданія вѣры, а ис-

[1]) Maassen, в. н. с. стр. 16—17; Niehues: Geschichte des Verhältnisses zwischen Kaiserthum und Papstthum, Münster 1877, стр. 23—24. Geffcken: Staat und Kirche, Berlin 1875, стр. 27—29.

полненія обрядовъ государственной религіи, и для нихъ впослѣдствіи при знакомствѣ съ еврейской религіей и христіанствомъ было рѣшительно непонятно, почему нельзя молиться одному Богу и въ то-же время исполнить свой долгъ по отношенію къ государственной религіи: вѣдь эта послѣдняя въ исповѣданіи вѣры не нуждается.

Вопросъ о совмѣстной терпимости нѣсколькихъ языческихъ культовъ, или вѣрнѣе о «нагроможденіи» ихъ въ составъ одной государственной религіи не представлялъ никакихъ принципіальныхъ затрудненій. «Политеистъ можетъ почитать чужихъ боговъ, не отрекаясь тѣмъ самымъ отъ почитанія своихъ собственныхъ»: напротивъ того, «при такихъ обстоятельствахъ не далека мысль, что чѣмъ большему числу божествъ служить, тѣмъ увѣреннѣе себя чувствуешь, тѣмъ меньшая опасность предстоитъ вызвать противъ себя гнѣвъ оставленнаго безъ вниманія бога»,... «языческія религіи имѣютъ, слѣдовательно, не только способность, но и склонность къ взаимному притяженію»[1]) Съ практической стороны дѣло соединенія различныхъ культовъ подъ единой кровлей государственной религіи также не представляло особенныхъ затрудненій: какъ это блестяще доказала религіозная политика Рима, особенно въ императорскій періодъ его существованія.

Съ пріобрѣтеніемъ новой области Римъ никогда не позволялъ себѣ запрещенія или уничтоженія мѣстнаго культа: чѣмъ навлекать на себя гнѣвъ покоренныхъ боговъ, было гораздо выгоднѣе сдѣлать ихъ своими союзниками,—если ихъ культъ не былъ враждебенъ и не ограничивалъ культа римскихъ боговъ,—и при помощи туземныхъ боговъ удержать въ покорности ихъ почитателей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ новое божество получало со стороны сената оффиціальное признаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только сохраняло свой мѣстный культъ, но и въ самомъ Римѣ получало храмъ и становилось на опредѣленное мѣсто среди римскихъ казенныхъ боговъ въ подчиненіи главнымъ изъ нихъ. Сначала культъ новыхъ божествъ былъ доступенъ только ихъ первоначальнымъ поклонникамъ, но впослѣдствіи было разрѣшено принимать въ немъ участіе и римскимъ гражданамъ. Такъ съ каждой новой побѣдой, новымъ расширеніемъ территоріи увеличивалось и число государственныхъ боговъ. Эти боги обыкновенно признавались состоящими въ родственныхъ отношеніяхъ съ преж-

[1]) Maassen, в. и. с. стр. 16—18.

ними, и составляли съ ними одну семью. Это, въ сущности, былъ необходимый и естественный процессъ: разъ боги существовали не сами по себѣ, а были прикрѣплены въ качествѣ небесныхъ покровителей къ той или другой территоріи, они неизбѣжно раздѣляли общую судьбу своей страны и своего народа: покорить народъ значило покорить и его боговъ, принять этихъ боговъ въ число своихъ значило и закрѣпить завоеванную территорію болѣе тѣсными узами за народомъ побѣдителей. Только тамъ, гдѣ возникала опасность ущерба для главнаго государственнаго культа, эдилы должны были оказать противодѣйствіе «иностранному суевѣрію». Вообще-же, какъ сказано выше, боги покоренныхъ народовъ становились въ подчиненное положеніе главнымъ римскимъ богамъ, продолжали свое дальнѣйшее существованіе въ провинціяхъ и получали доступъ въ метрополію. Такъ, уже Сервій Туллій построилъ въ Римѣ храмъ Діанѣ,—союзному божеству латинскаго союза,—въ 291 г. до Р. Хр. былъ построенъ храмъ епидаврскому Эскулапу, въ 204 г. до Р. Хр. былъ перенесенъ въ Римъ культъ фригійской Цибелы. Когда-же съ покореніемъ Эллады для римлянъ цѣликомъ раскрылся міръ греческаго просвѣщенія и искусства, то въ Римъ нахлынула масса греческихъ божествъ, которыя слились впослѣдствіи съ римскими до полнаго тождества. «Но сборнымъ пунктомъ разнообразнѣйшихъ и чудовищнѣйшихъ культовъ сдѣлался Римъ въ императорское время», говоритъ Маассенъ. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ росли и ширились предѣлы римскаго государства, пока не охватили своимъ кольцомъ почти всего тогда извѣстнаго міра, все новыя и новыя полчища боговъ получали признаніе и поступали на службу Рима подъ главенствомъ Юпитера Капитолійскаго, Марса и Квирина. Со времени митридатовыхъ войнъ былъ признанъ и введенъ культъ каппадокійской богини Ма: подобнымъ же образомъ были введены культы египетскихъ божествъ Изиды, Озириса, Сераписа, была принята въ число оффиціальныхъ боговъ Астарта, затѣмъ Митра, Солнце и др. Всѣ эти боги отлично уживались между собою на Капитолійскомъ Олимпѣ, а римскіе боги въ свою очередь получили распространеніе и признаніе въ провинціяхъ. Врядъ-ли, однако, можно было считать вѣротерпимостью и свободой исповѣданія подобный переводъ туземныхъ боговъ на службу Рима, это былъ скорѣе актъ признанія извѣстныхъ политическихъ правъ покоренной провинціи, а культъ божества, оффиціально не признаннаго государствомъ

по безнравственности обрядовъ или враждебности Юпитеру (religio peregtina et illicita) все-же оставался преступленіемъ противъ государственныхъ законовъ [1]).

Гораздо болѣе подъ понятіе вѣротерпимости подходитъ отношеніе Рима къ евреямъ и ихъ монотеистическому исповѣданію. Іегова евреевъ не могъ ни допустить идолопоклонства, ни покинуть свой избранный народъ; родства между нимъ и сонмищемъ языческихъ боговъ не могла установить никакая миѳологія, а перенести его въ Римъ нельзя было, ибо это былъ Духъ, Богъ невидимый. Съ другой-же стороны и какого-либо подчиненія своей религіи культу Юпитера евреи допустить не могли, они знали единаго истиннаго Бога, а всѣхъ иныхъ рѣшительно отвергали. Между тѣмъ римское правительство прекрасно знало и испытало на себѣ, что значили еврейскія возстанія во имя истиннаго Бога въ защиту храма и святого града: этому народу и этому Богу пришлось сдѣлать уступки, которыя не были сдѣланы ни одному другому народу. Евреи еще со временъ Августа были освобождены отъ исполненія языческихъ обрядовъ, получили свободу вѣроисповѣданія не только въ Палестинѣ, но и вообще въ предѣлахъ Имперіи. Эта свобода культа сохранилась за ними и въ послѣдующее время, пока вопросъ объ уплатѣ подати и объ обязательномъ культѣ императоровъ въ связи съ появленіемъ лжемессій не привелъ къ великой еврейской войнѣ и гибели Іерусалима. Основаніями-же вообще необычной терпимости Рима относительно еврейской религіи можно считать слѣдующія: во первыхъ, религія Іеговы носила на себѣ печать глубокой древности, что въ глазахъ римской власти было признакомъ значенія и силы ея; во вторыхъ, она была подобно другимъ религіямъ древняго міра исповѣданіемъ въ значительной степени національнымъ, которое не шло за предѣлы Израиля и немногочисленныхъ прозелитовъ его; въ третьихъ, наконецъ, фанатизмъ евреевъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы можно было его безнаказанно раздражать. Въ общемъ монотеизмъ евреевъ не внушалъ серьезныхъ опасеній цезарямъ, такъ какъ сами евреи послѣ своего разселенія въ Римѣ и провинціяхъ были во всеобщемъ презрѣніи, и духъ пропаганды былъ у нихъ слишкомъ слабо развитъ [2]).

---

[1]) Maasson, в. н. соч., стр. 17—22; Niehues, в. н. с. стр. 24—26; Geffcken, в. н. с. стр. 27; Risch—«Bekenntnissfreiheit» —Deutsches Staatswörterbuch von Bluntschli, Stuttg. 1857 стр. 767. Blüntschli, Geschichte des Rechts der religiosen Bekenntnissfreiheit—Elberfeld. 1867. стр. 10.

[2]) Maasen, в. н. с. стр. 24, 25.

Ко времени появленія христіанства римская религіозная политика, казалось, уже закончила свою объединяющую, универсальную задачу; весь міръ, извѣстный древнимъ, лежалъ у ногъ Рима. Мощная сила императоровъ завязала крѣпкимъ узломъ власть надъ покоренными народами, а боги чуждыхъ странъ, собранные въ Пантеонѣ, и подкупленные богатымъ идолослуженіемъ, казалось, сплотились въ священную стражу небожителей для охраны силы и счастія имперіи; но національный характеръ языческихъ религій не могъ перенести безъ потрясенія такого расширенія ихъ задачъ и значенія. Боги, хотя собранные въ Римѣ, все же не давали впечатлѣнія единства, а были только собраніемъ мѣстныхъ божествъ; народъ, видя передъ собой множество разнообразныхъ и равноправныхъ боговъ, терялъ вѣру, а съ ней и гражданскую доблесть: смѣшеніе боговъ во время императоровъ принесло, правда, связи цѣлаго, но разбило опору въ гражданскомъ долгѣ отдѣльныхъ лицъ, ослабило патріотизмъ, увеличило его объемъ, но не наполнило его новымъ содержаніемъ. Въ это время мы встрѣчаемся съ попытками дать первенствующее значеніе древнеиталійской религіи и поставить ее на особое привилегированное мѣсто; въ этихъ видахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было силою введено служеніе старымъ римскимъ богамъ, новые культы были запрещены или преобразованы до неузнаваемости, на мѣсто туземныхъ боговъ въ провинціяхъ были поставлены чисто римскіе боги; но эта мѣра по самому своему характеру не могла служить мѣрой гражданскаго обновленія и духовнаго объединенія, такъ какъ и римскіе боги были только мѣстными, узко-національными богами, а культъ ихъ былъ такимъ-же внѣшнимъ, холоднымъ культомъ, какъ и служеніе Изидѣ, Солнцу, Аполлону [1]). Другая мѣра болѣе достигла цѣли: мы говоримъ здѣсь о поклоненіи императорамъ. Какъ извѣстно, сначала причислялись къ богамъ только мертвые императоры, что можно было еще объяснить культомъ почитанія умершихъ; но впослѣдствіи и живые повелители вселенной получали божеское достоинство, чѣмъ и закончилось развитіе римской религіозной идеи, императоръ—богъ сдѣлался не только политическимъ центромъ, который соединялъ въ своихъ рукахъ неограниченную власть имперіи, но и божествомъ, которому всѣ отдѣльные мѣстные и національные боги должны

[1]) Maassen, в. н. с., стр. 21—22; Niehues, в. н. с., стр. 26—28. Geffcken в. н. с. стр. 28—29.

были уступить мѣсто, геній царствующаго императора сталъ первенствующимъ владыкой на небѣ подобно тому, какъ самъ императоръ сталъ повелителемъ вселенной (orbis terrarum). Въ одномъ лицѣ кесаря соединилось земное и небесное могущество, патріотизмъ императорскаго Рима нашелъ себѣ воплощеніе въ фантастическомъ образѣ человѣка-бога, построилъ ему новые храмы, возносилъ ему свои холодныя мольбы [1]).

Но если культомъ императоровъ была дана новая религіозная форма политическому самосознанію имперіи, то религіозная потребность человѣка этимъ культомъ была совершенно заброшена; въ прежнихъ національныхъ богахъ было нѣчто родное, близкое, таинственное—они были наслѣдіемъ темной старины, хотя въ простомъ народѣ, но ихъ любили и ими дорожили, они были по крайней мѣрѣ понятны, за ними скрывалась подчасъ поэзія и мечта о прошедшемъ золотомъ вѣкѣ. Въ культѣ императора ничего подобнаго не было-это было голое почитаніе отвлеченной идеи силы и могущества Рима съ его плебсомъ и легіонами, грабительствомъ покоренныхъ и высокомѣріемъ побѣдителей. Культъ императоровъ былъ обожествленное «vae victis» всѣмъ подвластнымъ народамъ и съ этимъ-то культомъ апокалипсическаго звѣря должна была столкнуться христіанская совѣсть, не признающая компромисса, христіанская вѣра не отъ міра сего и любовь, не знающая границъ своему подвигу и самоотверженію.

Христіанство по самому существу было глубоко отлично отъ предшествовавшихъ ему языческихъ религій. Христіанство, какъ говоритъ Римъ, не могло допустить господства государства въ дѣлѣ религіи, такъ какъ опиралось на непосредственное божественное откровеніе: съ другой стороны оно признавало сущность религіи въ непосредственномъ соединеніи души съ Богомъ, въ духовной, невидимой связи, которая по своей внутренней природѣ необходимо должна была быть свободнымъ, недопускающимъ внѣшняго насилія, отношеніемъ. Свобода, по утвержденію Вине, есть то слово, которое написано на хоругви христіанства; этотъ характеръ новаго закона не раскрывается изъ нѣсколькихъ формальныхъ текстовъ Евангелія, даже нѣтъ ни одного выраженія, которое провозглашало-бы вполнѣ опредѣленно свободу совѣсти: но она начертана повсюду въ этой божественной книгѣ, такъ какъ вездѣ добровольное благоговѣніе сердца, поклоненіе въ духѣ и истинѣ поставлено

---

[1]) Maassen, в. и. соч. стр. 22; Geffcken, в. и. с. стр. 63—64.

условіемъ новаго союза человѣка съ Богомъ. И дѣйствительно, если мы разсмотримъ христіанское вѣроученіе въ его основахъ, мы не можемъ не согласиться съ Вине и Ришемъ. Христіанство основано на божественномъ откровеніи, оно установлено независимо отъ какой-бы то ни было земной власти; оно опирается на авторитетъ, стоящій внѣ чувственнаго міра, внѣ какихъ-бы то ни было условій времени и мѣста; его законъ абсолютенъ, но этотъ законъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть чисто духовная заповѣдь, онъ обращенъ непосредственно къ совѣсти отдѣльнаго человѣка и только въ ней ищетъ своей опоры и оправданія — это законъ любви, а не насилія, только добровольная вѣра способна воплотить его въ жизни; только искренность и справедливость являются его первыми основами. Мало этого, христіанство, перерождая человѣка при помощи божественной благодати, требуетъ отъ него не внѣшняго почитанія, не жертвоприношеній, не гекатомбъ и возліяній, а нравственнаго подвига, внутренняго совершенства, дѣятельности, направленной любовью къ Богу и ближнему. Таковы общія основы христіанства, и немудрено, что несмотря на всю любовь христіанъ къ врагамъ ихъ, несмотря на всю ихъ покорность и почитаніе «за совѣсть» предержащей власти, конфликтъ между христіанствомъ и язычествомъ былъ неизбѣженъ.

Языческій Римъ былъ весь спаянъ идеей смѣшенія человѣческаго и божескаго, — христіанство разбивало эту идею и рѣзко противоставило чувственному міру — міръ сверхъ-естественный, царству земному — царство не отъ міра сего. Весь порядокъ, весь строй громадной имперіи покоился на признаніи всемогущества государства и ничтожества личности, христіанство провозглашало личную вѣру, личную совѣсть, личный подвигъ величайшей нравственной цѣнностью, и отъ личности требовало непосредственнаго исполненія закона; личности обѣщано участіе въ царствѣ небесномъ; наконецъ религіозный культъ язычества состоялъ въ обрядахъ и дѣйствіяхъ, не связанныхъ ни съ какимъ внутреннимъ долгомъ и убѣжденіемъ; христіане же, наоборотъ, считали возможнымъ допустить религіозный актъ только при наличности религіозной вѣры, и поэтому должны были отказаться отъ всѣхъ тѣхъ гражданскихъ обязанностей и дѣйствій, которыя были связаны съ какимъ-бы то ни было языческимъ культомъ. Очевидно отсюда, что, какъ говоритъ Маассенъ, въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ дѣло шло не болѣе и не менѣе, какъ о самомъ существованіи перваго, такъ какъ христіанство отрицало его въ принципѣ.

Но эта мысль пришла въ сознаніе борющихся сторонъ значительно позже, нежели начались фактически гоненія на христіанъ [1].

Что-же касается ближайшихъ основаній, въ силу которыхъ были предприняты гоненія противъ христіанъ, то они сводятся къ слѣдующимъ.

Во первыхъ, христіане выступили прямо враждебно противъ всѣхъ языческихъ религій; они не только отрицали ихъ истинность и нравственную цѣнность, но ставили своей задачей именно прозелитизмъ, т. е. возможно широкое обращеніе язычниковъ въ христіанство, отторженіе ихъ отъ всѣхъ другихъ, принятыхъ государствомъ, религіи. Христіане съ точки зрѣнія римлянъ были и атеистами, и ярыми проповѣдниками атеизма: основатель христіанской религіи былъ казненъ прокуратомъ Понтіемъ Пилатомъ въ царствованіе Тиберія,—это было извѣстно римлянамъ; и признавать Богомъ «единаго, одинокаго, оставленнаго Бога, котораго не зналъ ни одинъ народъ, ни одно государство», взамѣнъ всего пантеона государственныхъ божествъ—это представлялось уму язычника рѣшительно не понятнымъ. Внѣшнимъ-же нагляднымъ доказательствомъ полнаго атеизма христіанъ было хотя бы то обстоятельство, что у нихъ не было даже необходимыхъ принадлежностей культа: ни жертвенниковъ, ни храмовъ, ни священныхъ статуй и изображеній. Итакъ, христіане были съ точки зрѣнія языческихъ религій атеистами, врагами боговъ и богопочитанія. Во вторыхъ, они подпадали не менѣе тяжкому обвиненію въ отрицаніи самыхъ основъ государства и существующаго государственнаго порядка. Они отрицали божественное достоинство императора и отказывались воздавать надлежащее почитаніе его статуямъ; они отвергали полновластіе государства въ дѣлахъ вѣры и религіи и желали воздать Кесарю только Кесарево, а не Божіе: они ставили заповѣдь религіи и право совѣсти выше законовъ государства, такъ какъ „должно Богу повиноваться болѣе, чѣмъ людямъ“, и самъ Христосъ былъ казненъ за то, что „повиновался волѣ Своего Отца, а не закону іудеевъ“; мало того , несмотря на то, что христіане должны были «за совѣсть» почитать уста-

[1]) Maassen, в: н. соч. стр. 1—16. 28; Niehues, в. н. с. стр. 69—71; Geffcken, в. н. с. стр. 47—60. von Dollinger, Akademishe Vorträge. III B. (Die Geshichte der religiosen Freiheit) Munchen. 1891, стр. 274—275; Wilda, Erörterung und Betrachtungen über Gewissensfreiheit, Zeitshrift fur deutsches Recht. B. XI, 1847, стр. 160, Vnet. La liberté des cultes, Paris 1852, стр. 143—154.

новленныя власти, они отказывались отъ несенія всѣхъ тѣхъ государственныхъ повинностей, исполненіе коихъ было сопряжено съ оскорбленіемъ ихъ религіозныхъ вѣрованій, т. е. другими словами—съ исполненіемъ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ. Но ставить въ зависимость отъ исполненія христіанскихъ требованій основанія своего государственнаго порядка римское государство не могло и преслѣдовало христіанъ какъ политическихъ преступниковъ. Къ этому присоединялось еще другое обстоятельство: христіане, не имѣя возможности образовать открыто религіозное общество, создали цѣлый рядъ тайныхъ христіанскихъ общинъ для надобностей богослуженія и братскаго общенія, и такимъ образомъ подпадали неминуемо подъ дѣйствіе закона, которымъ подъ угрозой уголовныхъ наказаній запрещалось образовывать недозволенныя сообщества (collegia illicita).

Въ третьихъ, римскому обществу и народу христіане представлялись не только атеистами и бунтовщиками, но и „нигилистами» въ смыслѣ отрицателей всякой культуры и цивилизаціи; борьба между язычествомъ и христіанствомъ была еще потому борьбой «противоположныхъ принциповъ», что, какъ справедливо замѣчаетъ Нигусъ (Niehues), «тогдашній міръ былъ обязанъ языческимъ богамъ и языческому міровоззрѣнію всѣмъ великимъ и прекраснымъ, что онъ пріобрѣлъ въ теченіе вѣковъ. Языческаго происхожденія были искусство и наука, языческимъ было все жизнепониманіе»; вся же частная и общественная жизнь древнихъ была до такой степени проникнута язычествомъ и окружена всевозможными религіозными обрядами и церемоніями, что христіане должны были отказаться отъ всякой общественной жизни, отъ всякаго общенія съ язычниками на пирахъ и собраніяхъ, въ театрахъ и публичныхъ академіяхъ и школахъ. Само собою разумѣется, что подобное уклоненіе христіанъ отъ общенія съ язычниками и ихъ нескрываемое пренебреженіе ко всему языческому, начиная съ философіи и кончая гладіаторскими играми, могло только вызвать злобу и ненависть со стороны тупой массы, которая видѣла въ этомъ личное оскорбленіе себѣ, своимъ понятіямъ и вкусамъ. Подобное же чувство, несомнѣнно, вызывали христіане и среди всѣхъ тѣхъ, кто понималъ все превосходство христіанскихъ идеаловъ, но вслѣдствіе душевной дряблости не былъ въ состояніи имъ послѣдовать: люди гораздо болѣе расположены по природѣ простить отдѣльному человѣку его личное превосходство, чѣмъ равному себѣ—боль-

шую нравственную высоту его принциповъ, большее совершенство его жизненнаго идеала. Съ другой же стороны уединенное положеніе христіанъ, таинственность ихъ собраній — все это давало поводъ думать, что они занимаются какими-то особенно безобразными и противоестественными дѣлами, похищаютъ дѣтей и пользуются ихъ кровью, что они за братской трапезой занимаются развратомъ и т. п. Нѣтъ надобности здѣсь перечислять всѣхъ гнусностей, которыя приписывались христіанамъ, какъ впослѣдствіи евреямъ, изъ злобы или невѣжества. Не избѣжали христіане и обвиненія въ потрясеніи основъ въ соціальномъ отношеніи; большинство ихъ прозелитовъ принадлежало къ низшимъ классамъ общества и даже, horribile dictu, къ рабамъ, этимъ одушевленнымъ орудіямъ тогдашней производительной машины; мало этого, этихъ парій древняго міра христіане сажали за одинъ столъ съ господами, и тѣхъ и другихъ одинаково называли братьями, тогда какъ извѣстно было со времени Аристотеля, несмотря на всю проповѣдь стоиковъ, что рабство установлено самой природой и никакого равенства не можетъ существовать между рабомъ и господиномъ, рукой и головой, между орудіемъ, которое создано съ цѣлью работы, и тѣмъ, кто предназначенъ сознательно и властно пользоваться этимъ орудіемъ. Понятія древнихъ, воспитанныя на постоянномъ зрѣлищѣ дикаго гнета и произвола одного класса общества надъ другимъ, свободныхъ надъ рабами, не могли примириться съ мыслью, что у несчастнаго раба есть тоже умъ и сердце, какъ у всякого другого, что это «животное» смѣетъ свободно и самоотверженно любить Того, Кто пришелъ именно «ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ»! «Рабъ и господинъ — братья» — такова была возмутительнѣйшая соціальная ересь христіанства съ точки зрѣнія античнаго гражданства; и много вѣковъ еще нужно было прожить человѣчеству, прежде, чѣмъ эта ересь стала всѣми признанной, осуществленной на практикѣ истиной [1]).

Историческій ходъ борьбы римскаго государства съ христіанствомъ, этой „наиболѣе опасной для тогдашняго общества «сектой», сложился слѣдующимъ образомъ. Вначалѣ христіанъ смѣшивали съ евреями: христіане представлялись римлянамъ только одной изъ безчисленныхъ еврейскихъ сектъ, и когда христіане подвергались преслѣдованію еврейскихъ вла-

[1]) Riffel. Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses Zwischen Kirche und Staat. Mainz 1836 стр. 19—23. Maassen в. н. с. стр. 25—26, 30; Niehues в н. с. стр. 58, 59, 69. Geffecken в. н. с. стр. 63—69.

стей, то римское правительство оказывало имъ защиту и покровительство; но составу своему первоначальная христіанская церковь состояла въ значительномъ большинствѣ изъ евреевъ. Первое гоненіе на христіанъ, возникшее при Неронѣ, въ большой степени отразилось и на правовѣрныхъ евреяхъ; это гоненіе, несмотря на свою жестокость, было вызвано случайными причинами и направлено вообще на «атеистовъ и колдуновъ, поджигателей Рима», ненавистныхъ богамъ и людямъ. Всего общественнаго значенія христіанства еще тогда не понимали. Точно также и преслѣдованія при Домиціанѣ были вызваны скорѣе алчностью и жестокостью правителя, нежели яснымъ пониманіемъ христіанства, которое все еще считали еврейской сектой. Только послѣ паденія Іерусалима христіанство рѣзко отдѣлилось отъ еврейства въ глазахъ языческаго міра. Къ этому времени относятся и вполнѣ планообразныя, послѣдовательныя гоненія на христіанъ. Императору Траяну писалъ Плиній, какъ намѣстникъ Виѳиніи: «суевѣріе проникло во всѣ сословія и всѣ возрасты; имъ заражены не только города, но и деревни. Храмы почти покинуты, святые обряды прекращены, жертвенныхъ животныхъ болѣе не покупаютъ». Цезарь въ отвѣтъ на это письмо совѣтуетъ Плинію стараться побѣдить суевѣріе соединеніемъ мягкости и строгости; онъ признаетъ всю нелѣпость прежнихъ обвиненій христіанъ въ противуестественныхъ обрядахъ, жестокостяхъ и преступленіяхъ, но настаиваетъ на одномъ принципѣ: кто отказывается принести жертву богамъ, тотъ повиненъ смерти. И съ точки зрѣнія императора-философа это было вполнѣ логично: тутъ дѣло шло не о философскомъ убѣжденіи, не о внутренней религіи, а о гражданской обязанности; и бунтовщики, непризнающіе боговъ, не признавали этимъ самымъ ни власти, ни императора, а слѣдовательно подлежали казни. Какое ужасное трагическое противорѣчіе между воззрѣніями языческаго философа и христіанской совѣсти, какое различное пониманіе государсва и его призванія, какими тяжелыми жертвами должны были купить христіане право своей только свѣтской покорности Кесарю! «Да», говоритъ Юстинъ—мученикъ въ своей защитѣ: «мы признаемъ васъ какъ нашихъ князей и императора и просимъ, чтобы къ неограниченной власти, которою вы облечены, присоединилась и мудрость въ ея примѣненіи, но молимся мы одному Богу и убѣждены, что ваше отношеніе къ намъ внушено нечистыми демонами, которые требуютъ жертвъ и почитанія отъ тѣхъ, кто отказался отъ разума».

Не менѣе опасной представлялась римской власти корпоративная организація церкви; кромѣ погребальныхъ обществъ уже при Траянѣ не допускалось никакихъ другихъ, такъ какъ вообще императоры относились весьма подозрительно ко всякимъ общественнымъ союзамъ и сношеніямъ въ особенности же внушала опасенія тайная организація христіанской церкви: она несомнѣнно послужила поводомъ къ изданію строгаго декрета Траяна противъ тайныхъ недозволенныхъ обществъ (collegia illicita). Адріанъ, почитатель иностранныхъ культовъ, участвовавшій въ философскихъ диспутахъ Александріи, подтвердилъ всѣ декреты Траяна, которые устанавливали уголовное преслѣдованіе всѣхъ лицъ, объявившихъ себя христіанами. Маркъ Аврелій, царствованіе котораго Гиббонъ привѣтствуетъ какъ одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ человѣчества, смотрѣлъ на христіанъ, какъ на преступную секту, которая противится государственнымъ законамъ, такъ мудро установленнымъ для блага цѣлаго. Во все это время преслѣдованія не прекращались, хотя, и наступали переходы затишья, какъ напримѣръ при Антонинѣ Піѣ; но христіанство не было терпимой религіей, и достаточно было исповѣданія: „я христіанинъ“, чтобы обречь себя на смерть, ссылку, каторгу.

Во время различныхъ общественныхъ бѣдствій особенно вспыхивало народное раздраженіе противъ христіанъ, такъ какъ ихъ безвѣріе почиталось причиной всѣхъ несчастій. Характерной чертой гоненія на христіанъ во II и первой половинѣ III-го вѣка является то обстоятельство, что оно было направлено на отдѣльныхъ лицъ, какъ на государственныхъ преступниковъ, при чемъ къ нимъ примѣнялся по большей части обычный, иногда суммарный порядокъ процесса: правительство христіанъ не искало, но въ случаѣ обнаруженія лицъ христіанскаго исповѣданія предлагало имъ исполнить ихъ государственно-религіозныя обязанности, въ случаѣ отказа оно ихъ наказывало смертію или высылкой. Этотъ типъ преслѣдованія несомнѣнно отличается своимъ послѣдовательнымъ и юридическимъ складомъ и отъ предшествовавшихъ неистовствъ Нерона и отъ послѣдующей политики Декія. Этотъ послѣдній стоялъ на иной точкѣ зрѣнія; онъ былъ искренній и ревностный приверженецъ древне-римской религіи и въ своемъ гоненіи христіанъ преслѣдовалъ не только цѣли ихъ уголовнаго наказанія, но и болѣе широкіе планы совершеннаго искорененія и уничтоженія христіанства; это была не только защита существующаго государственнаго порядка, но и положительное напа-

деніе на церковь; Декій преслѣдовалъ не отдѣльныхъ лицъ, а всю христіанскую общину; его главныя мѣры были направлены именно къ тому, чтобы обезглавить церковь, лишить ее руководителей и пастырей, а остальное стадо насиліемъ, угрозами и пытками возвратить вѣрѣ ихъ предковъ: епископы были схвачены и казнены; имущество выселившихся христіанъ было конфисковано, впервые была примѣнена система изысканныхъ мученій и наградъ для совращенія христіанъ въ язычество, отпавшихъ награждали, а тѣхъ, кто послѣ временнаго отреченія опять исповѣдалъ Христа, казнили смертью. Какъ можно видѣть изъ вышесказаннаго, стихійное звѣрство Нерона, смѣнившіеся было формальнымъ уголовнымъ преслѣдованіемъ Траяна, Адріана, Марка Аврелія, воскресло опять въ утонченной и послѣдовательной системѣ Декія; если первый употреблялъ христіанъ вмѣсто факеловъ, а вторые казнили ихъ по закону, то Декій хотѣлъ обратить ихъ къ государственной истинѣ послѣдовательнымъ и холоднымъ истязаніемъ. Валеріанъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, но съ нѣкоторымъ различіемъ: онъ обратилъ все вниманіе на духовныхъ представителей общинъ и на лицъ вообще съ выдающимся положеніемъ, оружіемъ его была попрежнему смертная казнь, изгнаніе, конфискація имущества; собранія христіанъ были запрещены, равно какъ и посѣщеніе святыхъ гробницъ. Послѣ смерти этого цезаря наступилъ опять періодъ затишья. Церковь отдохнула, пополнила свои ряды и приготовилась къ новымъ мученіямъ. При Діоклетіанѣ она приняла послѣдній ударъ и, кажется, самый жестокій и безпощадный изъ всѣхъ уже перенесенныхъ ею; всѣмъ христіанамъ была объявлена смертная казнь, начались массовыя убійства; но истребить всѣхъ христіанъ оказалось невозможнымъ, смерть была замѣнена ихъ изувѣченіемъ. Когда Діоклетіанъ и его соправитель сложили свое достоинство, они думали, что христіанство уничтожено. Но побѣда церкви была близка, и уже въ 311 году былъ изданъ эдиктъ о терпимости Галерія, а въ 318 году знаменитый Миланскій эдиктъ Константина и Лицинія. Христіанство побѣдило язычество. Два вѣка длилась неслыханная, невѣроятная борьба смиренія съ насиліемъ, любви съ ненавистью. Цезари, обладающіе божескимъ и человѣческимъ могуществомъ, должны были уступить. Вся ихъ власть разбилась передъ требованіемъ свободы совѣсти христіанъ, потонуло въ крови мучениковъ [1]).

---

[1]) Maassen, в. н. с. стр. 35—40; Riffel. в. н. с. стр. 24—33, 38—64; Niehues, в. н. с. стр. 74, 84—86, 111—112, 121—126, 137—157.

Чего-же добивались христіане путемъ гигантской борьбы, цѣною двухсотлѣтнихъ мукъ и истязаній; за какое право отдали они столько жизней, слезъ и страданій?—Это право гарантировалъ имъ Миланскій эдиктъ; право это называется правомъ свободы совѣсти или религіознаго исповѣданія.

Когда святую мученицу Перепетую привели вмѣстѣ съ другими мученицами въ амфитеатръ и хотѣли одѣть ее для большей пышности кроваваго зрѣлища въ языческія жреческія одежды, она воскликнула съ негодованіемъ: «мы добровольно пришли сюда, чтобы сохранить нашу свободу; мы заключили съ вами договоръ: мы отказались отъ жизни, чтобы быть защищенными отъ тѣхъ посягательствъ на нашу свободу, которыя вы теперь на нее дѣлаете [1]).

Тертулліанъ, одинъ изъ первыхъ апологетовъ христіанства, пишетъ: «дѣло человѣческаго права естественной власти, чтобы каждый почиталъ то, что онъ полагаетъ должнымъ; никому не вредитъ и не полезна религія другого—но не дѣло религіи вынуждать религію, которая должна быть принята добровольно, а не по принужденію» «безбожно отнимать свободу религіи и ограничивать свободу избранія божества». Лактанцій, писатель періода гоненій, говоритъ: «въ одной религіи свобода избрала свое обиталище, ибо религія по преимуществу есть дѣло добровольное, и никого необходимость не можетъ заставить почитать то, чего онъ не хочетъ. Пожалуй, можетъ ктонибудь притворяться, но хотѣть онъ не можетъ». «Ни строгостью, ни лаской, ни насиліемъ, но только вѣрой защищать религію [2]).

Какъ можно заключить изъ приведенныхъ мѣстъ твореній Тертулліана и Лактанція, внутренняя свобода христіанства оказалась нераздѣльной съ внѣшней свободой его исповѣданія. Пока религіозный процессъ совершается въ душѣ человѣка, никто и ничто не можетъ помѣшать ему, пока вѣра есть внутреннее движеніе души, она есть вопросъ нравственности, а не

[1]) Maassen, в. н. с. стр. 41.

[2]) Переводъ текстовъ, сдѣланный Маассеномъ, а за нимъ и г. Суворовымъ не совсѣмъ точенъ (стр. 41—42). Мы слѣдуемъ латинскому тексту у Вильда в. н. с. стр. 167. «Putatis deos esse quos nos Daemonos scimus, tamen humani juris et naturalis potestalis est, unicuique quod putaverit colere: nec alii obest aut prodest alterius religio; sed nec religionis cogere religionem, quae sponte suscipi debet, nec vi; cum et hostiae ab animo libenci expostuletur» (Тертулліанъ); «Religio sola est in qua libertas domicilium collocavit. Res est enim praeter caeteras voluntaria, nec imponi cuiquam necessitas potest, ut colat, quod non vult. Potest aliquid fortitan simulare, non potest velle» (Лактанція).

права; но какъ только необходимымъ результатомъ ея становятся тѣ или другія внѣшнія наружныя дѣйствія, она встрѣчается съ областью права находитъ въ немъ свое признаніе, или отрицаніе. Поскольку христіанство было закономъ жизни, поскольку въ немъ заключались нормы внѣшняго поведенія, оно должно было провозгласить право свободы религіи, если оно хотѣло остаться вѣрнымъ своей высшей заповѣди и своему Небесному Владыкѣ.

Миланскій эдиктъ обезпечиваетъ всѣмъ жителямъ имперіи полную свободу религіи. Какъ говоритъ Маассенъ, это была «magna charta» религіозной свободы. Христіанскимъ церквамъ возвращены конфискованныя имущества; каждому было разрѣшено свободно слѣдовать религіи, которую кто избираетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и язычникамъ было предоставлено пользованіе всѣми ихъ прежними правами. Константинъ продолжалъ носить званіе pontifex maximus, именовался по прежнему «divus» и чеканилъ монеты съ изображеніемъ бога Солнца. Послѣ Миланскаго эдикта христіане могли считать себя удовлетворенными; все, чего они добивались съ такимъ самоотверженіемъ и упорствомъ, все это было имъ дано; довершить побѣду надъ язычествомъ они теперь легко могли своей горячей и свободной проповѣдью, своимъ подвигомъ на которомъ еще не остыла кровь мучениковъ, и тою силою креста, которая помогла имъ претерпѣть «до конца» время испытаній; церковь вышла изъ этой борьбы крѣпко организованнымъ союзомъ съ широко-развитой самодѣятельностью, ей оставалось продолжать со славой тотъ путь, который она начала два вѣка назадъ. Но церковь стерегло впереди новое испытаніе, ей предстояло пройти передъ соблазномъ мірской власти и могущества; духъ вѣка несъ ей земныя почести и блага, богатство, привиллегіи, земные вѣнцы и тіары. Устоитъ ли церковь, утомленная страданіемъ, передъ соблазномъ отдыха и почета, останется-ли она вѣрна принципу свободы совѣсти, который она приняла во время гоненій и истязаній? Вотъ вопросъ, и отъ этого вопроса, можетъ быть, зависѣли дальнѣйшія судьбы христіанства.

Исторія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Государственная церковь Рима приняла протянутую ей руку свѣтской власти не только для защиты своей правовой свободы, но и для распространенія христіанства и искорененія язычества. Она допустила насиліе въ дѣлѣ религіи и тѣмъ измѣнила своему собственному началу.

М. Рейснеръ.

Даръ слезъ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(*Окончаніе*) [1].

Герміона строго и печально посмотрѣла на Матоя и серьезно, раздѣльно, проговорила: .

— Я не лгу, Матой, я говорю правду. Я не люблю тебя, и я никого и ничего не люблю. Между мною и міромъ опустилась черная завѣса и покрыла своимъ печальнымъ цвѣтомъ всѣхъ людей и всѣ предметы. Отравою и горечью вѣетъ въ воздухѣ, окружающемъ меня, страданіе ощущаю я въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ поступкѣ... И завѣса все становится гуще и темнѣе, и все печальнѣе заволакивается въ нее міръ, и все дальше отодвигаетъ она его отъ меня.

— Когда же это случилось съ тобою?

— Не знаю. Знаю только, что то, что я говорю тебѣ, не выдумано мною. Можетъ быть, страданіе мое происходитъ отъ того, что я не въ состояніи желать чего-либо. Я ко всему равнодушна.

— О, Герміона!—со стономъ вырвалось изъ груди юноши,— я предпочелъ бы твою ненависть. Потому что, если бы ты способна была ненавидѣть, то способна была бы и сильно любить. Вспомни... вѣдь ты любила Зенона.

— Я не любила его!—горячо вскрикнула Герміона.—Я никогда никого не любила. Я отдалась ему равнодушно, изъ разсчета. Если бы я любила его, развѣ съ такимъ равнодушіемъ приняла бы я смерть его? Я любила его, какъ друга, какъ брата,— повторила она слова, сказанныя ею Теонѣ,—но не какъ любовника. И если бы онъ не умеръ, я бы покинула его скоро, несмотря на то, что это было бы мнѣ не выгодно. Но онъ любилъ меня, какъ безумный, и, живя съ нимъ, я чувствовала, что сама начинаю мѣшаться въ разсудкѣ... Вотъ тогда-то черная завѣса впервые опустилась между міромъ и мною.

— Герміона!—печально проговорилъ юноша.—Ты больна. Я чувствую, что ты очень больна. Больна душа твоя, потому что ты ненавидишь жизнь и ненавидишь свое недалекое, и, казалось, счастливое прошлое. Но... умоляю тебя... употреби усиліе воли! Полюби меня. Я буду любить тебя, какъ никто не могъ любить тебя до сихъ поръ. Я отдамъ тебѣ душу мою, жизнь мою! Я вылѣчу тебя отъ твоей болѣзни, о, вѣрь мнѣ, я вылѣчу тебя!

— Ни ты, ни всякій другой, никто не можетъ вылѣчить меня,—серьезно отвѣтила Герміона,—потому что болѣзнь моя— ненависть къ жизни.

---

[1] См. № 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

— Но ты любила жизнь,—возразилъ Матой.

— Что знаешь ты!—отвѣтила ему Герміона.—Я любила жизнь! Ахъ, какъ ошибаешься ты и всѣ, кто такъ думаютъ! Я влачила ее... я опьянялась, чтобы забыться въ бурномъ весельѣ, да! Но я никогда не любила жизни. Я дышала этой жизнью и несла въ душѣ своей отвращеніе къ ней. Это началось давно, говорю, тебѣ, но только недавно, возвратившись изъ пустыни и увидѣвъ жестокую казнь, которой подвергъ себя старецъ Евагрій, чтобы спастись отъ искушенія, я почувствовала, какъ сердце дрогнуло и оборвалось во мнѣ, какъ что-то мрачное и темное вторглось въ мою душу, какъ я заболѣла неизлѣчимой болѣзнью. Увы, юноша! Не тебѣ излѣчить ее...

Она разсказала Матою, по его просьбѣ все, что произошло съ нею въ пустынѣ.

Онъ содрогнулся въ томъ мѣстѣ разсказа, гдѣ она повѣдала ему о сожженныхъ пальцахъ старца Евагрія.

Но въ общемъ онъ остался равнодушенъ къ ея разсказу и только въ концѣ его пришелъ вдругъ въ ярость.

— Старый колдунъ,—гнѣвно прервалъ онъ ее,—заворожилъ тебя своими чарами! И всѣ ихъ подвиги, этихъ святыхъ—сѣять между людьми страданіе и любоваться, какъ оно дастъ ростки. Жестокіе люди, жестокія сердца!

— Не богохульствуй,—остановила его Герміона.

— А!—закричалъ онъ,—теперь я все понимаю.

— Что понимаешь ты?

— Ты хочешь отречься отъ жизни и поступить въ монастырь.

Онъ горько засмѣялся.

— Вотъ,—проговорилъ онъ,—я бѣжалъ оттуда ради тебя, а ты хочешь заполнить собою ту пустоту въ пустынѣ, которая образовалась съ моимъ уходомъ изъ нея.

Она усмѣхнулась.

— Говорю тебѣ, ты не знаешь меня. Меня такъ же мало тянетъ въ пустыню или въ монастырь, какъ мало тянетъ къ жизни... Я хочу одного... только одного...

— Чего?—горячо вскрикнулъ онъ, умоляюще глядя на Герміону.—Скажи, скажи, чего ты хочешь?

— Постой!—остановила она, приподнимаясь на своемъ ложѣ и прислушиваясь къ звукамъ, доходившимъ до нея съ улицы.

Матой замолчалъ. Онъ подошелъ къ окну, отдернулъ плотный пологъ, закрывавшій его.

Съ улицы шелъ гулъ. Множество человѣческихъ голосовъ нарушало ночную тьму. Слышались звуки флейты и тамбурина.

И когда Матой отвернулъ оконную завѣсу, Герміона увидѣла множество факеловъ, освѣщавшихъ темную улицу. Огни смоляныхъ факеловъ казались блуждающими душами, ищущими отдохновенія среди непроглядной тьмы ночи.

Это былъ тріумфъ, устроенный зрителями—конечно, при участіи Стратегія—Теонѣ. Ей пѣли хвалебные гимны. Посилки, на которыхъ несли ее высоко надъ толпою, были увиты гирляндами и украшены цвѣтами.

— Теона! Теона! Теона!—кричала восторженно толпа, и Герміона видѣла при свѣтѣ факеловъ торжествующую фигуру маленькой танцовщицы съ наивными голубыми глазками, еще одѣтую въ танцовальныя одежды, взятыя у Герміоны. Толпа свергла прежняго идола, которому такъ недавно еще поклонялась, и поклонилась новому. Такъ скоро!

Герміона поблѣднѣла и безсильно опустилась на подушки.

Матой задернулъ оконную завѣсу.

Кортежъ прошелъ, и прежняя тишина возстановилась на улицѣ.

Тогда юноша подошелъ къ Герміонѣ и тихо сказалъ ей:

— Ты говорила, что у тебя осталось еще одно желаніе. Скажи мнѣ, чего ты хочешь?

— Смерти,—чуть слышно проговорила Герміона и закрыла глаза.

* * *

Съ этого дня въ Герміонѣ совершалась видимая перемѣна. Она стала худѣть и блѣднѣть. Тѣло ея стало распухать, подъ глазами легли черные круги. Она чувствовала сильное недомоганіе, ломоту во всемъ тѣлѣ, а по вечерамъ ее била лихорадка.

Употребивъ большое, почти героическое усиліе воли, она превозмогла свою усталость и отправилась однажды танцовать въ театръ.

Но измѣнчивая, избалованная публика уже не приняла ее съ прежнимъ воодушевленіемъ.

Она уже не слышала прежнихъ восторженныхъ похвалъ, ее не засыпали цвѣтами.

Даже знаменитый танецъ цвѣтовъ, ея гордость, ея созданіе, ея слава, не имѣлъ успѣха.

Когда она снимала свои шали и подъ звуки музыки говорила чувственныя слова пѣсни:

„Вотъ мои розы—бери ихъ! Вотъ мои фіалки—срывай ихъ... Ради моей любви я готова опустошить садъ мой...", кто-то крикнулъ:

— Не надо! Цвѣты увяли!...

Кое-кто засмѣялся на этотъ окрикъ, и въ театрѣ начались разговоры, шумъ, крики; никто не обращалъ вниманія на танцовщицу, бывшую не такъ давно еще славою Александріи.

И, когда она кончила, гробовое молчаніе проводило ее со сцены.

И опять кто-то крикнулъ:

— Теону! Маленькую Теону!

Герміона не помнила, какъ вернулась домой.

Болѣзнь ея съ этого вечера усилилась и приняла угрожающіе размѣры.

Между тѣмъ, правителемъ города сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣхъ заболѣвшихъ этою опасною и заразительною болѣзнью, появившеюся въ городѣ, немедленно послѣ того, какъ возможно было убѣдиться, что больному нѣтъ спасенія, отво-

зили далеко за городъ, тамъ, гдѣ были когда-то каменоломни. Тамъ они должны были умирать или выздоравливать, вдали отъ всякой помощи. Если умирали, то ихъ хоронили тутъ же, въ каменныхъ могилахъ.

Такимъ образомъ думали остановить распространеніе болѣзни.

Теперь не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что Герміона заболѣла этой именно болѣзнью.

Тѣло ея стало покрываться нарывами. Нѣкоторые изъ нихъ лопались и превращались въ струпья.

Она страдала ужасно.

Но болѣе, чѣмъ отъ физической боли, она страдала отъ попраннаго самолюбія. Городъ забылъ ее. Кредиторы, которымъ не успѣлъ заплатить Зенонъ, ее вспомнили. Они не давали ей отдыха и, увидя, что она осталась одна, безъ всякой надежды на будущее, безъ всякаго покровителя, безъ театра, они сдѣлались безпощадны и накинулись на нее, какъ шакалы пустыни.

Въ послѣднее время, незадолго передъ смертью, Зенонъ сильно запустилъ дѣла свои и Герміоны. Одинъ изъ его коммерческихъ оборотовъ не удался, и одинъ изъ самыхъ богато нагруженныхъ кораблей его былъ разбитъ бурею у береговъ Африки и пошелъ ко дну съ грузомъ.

Это произвело замѣшательство въ дѣлахъ его; ловкій и оборотливый, онъ не унывалъ и разсчитывалъ все, если не скоро, то впослѣдствіи наверстать.

Но онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Жестокая болѣзнь схватила его и быстро свела въ могилу.

Но, какъ извѣстно, одно замѣшательство въ дѣлахъ, не устраненное во-время, ведетъ за собою другое, а за этимъ другимъ уже слѣдуетъ цѣлый рядъ новыхъ; довѣріе кредиторовъ таетъ съ такою же быстротою, какъ воскъ отъ огня.

Дѣла Зенона отразились и на дѣлахъ Герміоны.

Теперь, когда она не въ состояніи уже стала вести свое хозяйство, оно быстро пришло въ упадокъ и запущеніе. Подарковъ и денегъ она больше не получала; прислуга одна за другою покидала ее. Безпорядокъ воцарился въ ея домѣ. Кредиторы осаждали ее. А болѣзнь увеличивалась и шла впередъ ужасающими шагами.

Часто лежала она въ бреду и видѣла странные образы и тѣни, приходившіе тревожить ее.

И однажды представились ей тѣ же черные всадники, которые видѣлись Зенону передъ смертью.

Она слышала объ этомъ видѣніи отъ Матоя и теперь получила увѣренность, что часъ ея близокъ.

Она лежала на своемъ ложѣ и широко раскрытыми глазами глядѣла въ окно, выходившее въ садъ. Рѣшетка сада была заперта, но страннымъ непостижимымъ образомъ черные и страшные всадники съ огненными жезлами въ рукахъ проникали, какъ безплотныя тѣни, въ ея садъ.

Достигнувъ дверей дома, они соскакивали съ коней, оставляли ихъ у входа, а сами поспѣшно входили одинъ за другимъ въ домъ.

Она видѣла, какъ они входили въ ея комнату, какъ съ неистовой злобой наваливались на нее и начинали пронзать тѣло ея огненными мечами, производя въ немъ острую, жгучую и невыносимую боль, и душили ее такъ, что у нея не хватало дыханія.

И она, что было у нея силъ, кричала:

— Господи! Помоги мнѣ.

И чей то старческій, сухой и злобный голосъ отвѣчалъ ей:

—Теперь ты вспомнила о Богѣ, когда солнце померкло для тебя? Почему же до сего дня ты не искала Его, доколѣ свѣтилъ для тебя день? Но нынѣ, въ этотъ часъ, уже нѣтъ для тебя части ни въ надеждѣ, ни въ утѣшеніи.

Она злобно отвѣчала:

— Молчи, старикъ! Я не вижу тебя, но я узнала твой голосъ. Тотъ, кто слышалъ этотъ голосъ хотя однажды въ жизни, не забудетъ его до могилы. Много злобы въ немъ, и онъ леденитъ душу. Я знаю, кто ты. Ты—Евагрій.

Она прислушивалась къ отвѣту, но все было тихо кругомъ и только страшные черные всадники шептались между собою, какъ шепчутся листья деревьевъ, когда по саду пробѣгаетъ свѣжій вѣтерокъ.

— Ты обѣщалъ мнѣ,—продолжала она—притти ко мнѣ въ мою послѣднюю минуту. Вотъ эта минута пришла. И ты явился. Но я думала, ты придешь со словами милосердія и прощенія, со словами утѣшенія и надежды. Но слова твои холодны и злобны, какъ холодна была твоя жизнь, проведенная въ заботахъ о своемъ собственномъ спасеніи, какъ злобны потухшіе глаза твои. Прости! Я сдѣлала тебѣ много зла... по легкомыслію своему... Ужели и теперь, въ послѣднія минуты жизни, ты не простишь мнѣ?... Ахъ!—восклицала она.—Если бы я могла плакать, облегчить душу слезами, я бы почувствовала себя счастливой и прощенной. Но вотъ, я всю жизнь не проронила и слезинки. И теперь, когда слезы облегчили бы мои страданія, ихъ нѣтъ и нѣтъ!

— Не всякому данъ даръ слезъ!—произнесъ тотъ же суровый голосъ.—Плачъ подобенъ возженному свѣтильнику: ты не охраняла его съ юности, онъ потускнѣлъ и угасъ. Плачъ подобенъ свѣтлому ручью, затѣненному кустарникомъ, подъ которымъ прохладная тѣнь, питающая ручей. Но вотъ кустарникъ истребленъ небрежной рукой, и ручей изсыхаетъ подъ жгучими лучами знойнаго солнца. Клевета и злорѣчіе, спутники веселой жизни, уничтожаютъ плачъ; многословіе губитъ его, всякое тѣлесное наслажденіе растлѣваетъ его. Твоя жизнь была вѣчнымъ праздникомъ, который ты проводила въ излишествахъ. И язычники празднуютъ во множествѣ брашенъ; христіанинъ долженъ праздновать во множествѣ плача, слезъ и умиленія.

— Я хочу, хочу плакать... и не могу!—стонала Герміона, прислушиваясь къ этой рѣчи, во время которой черные всадники переставали ее мучить.

— Не можешь!—соглашался голосъ.—Не всякій можетъ плакать. Если хочешь сдержать плачъ, понудь себя, чтобы всѣ вещи

твои и всѣ принадлежности дома твоего были смиренны, подобно имуществу нищихъ, просящихъ хлѣба.

— У меня нѣтъ дома! Его отбираютъ у меня завтра и меня выгоняютъ... И я бѣднѣе нищаго, потому что нищему подаютъ, а меня бросятъ на каменистое кладбище за городъ, гдѣ я умру отъ гноя и язвъ болѣзни моей.

— Смирись и терпи! Часъ твой не пришелъ. Тебя ждутъ великія горести и большія страданія. Въ послѣднюю минуту покайся, и, увидя твое смиреніе, Богъ даруетъ тебѣ плачъ.

— У меня жестокая душа—не могу плакать!

— Смирись, говорю тебѣ. Богъ милосердъ, никогда не поздно раскаяться. Если Богъ дастъ тебѣ святой даръ слезъ, хотя бы въ послѣднюю минуту твоей жизни, то и тогда сокрушенно возблагодари Его. Плача, не помышляй въ себѣ, что ты дѣлаешь что-либо великое, но тѣмъ болѣе смиряйся и укоряй себя. Когда Богъ видитъ, что человѣкъ хвалится о слезахъ въ сердцѣ своемъ, тогда взимаетъ отъ него плачъ, и бываетъ сердце его жестоко, какъ камень. Когда Богъ пошлетъ тебѣ плачъ и умиленіе душѣ твоей, тогда оставь отчаяніе, пребывай въ томъ плачѣ и умиленіи. Близокъ день твоей смерти, и по этой причинѣ Богъ пошлетъ тебѣ даръ слезъ, чтобы посредствомъ его ты обрѣла милость. Какъ діаволъ, видя приближеніе конца житія человѣческаго, особенно старается погубить человѣка, такъ и Богъ при кончинѣ посылаетъ какое-либо особенное средство къ спасенію.

Старецъ умолкъ, и Герміона злобно воскликнула:

— Замолчи, старикъ! Твои слова разжигаютъ мою душу хуже огненныхъ мечей страшныхъ черныхъ всадниковъ. Ты хочешь соблазнить меня своими словами. Но я не хочу, не хочу твоей вѣры, которая погубила многихъ женщинъ, и я не вѣрю тебѣ! Я умру—какъ жила. И если Богъ, о Которомъ ты говоришь—милосердъ, Онъ проститъ меня и безъ покаянія, потому что я грѣшила безсознательно и потому что Онъ создалъ меня съ первороднымъ грѣхомъ. Если Онъ жестокъ, я пойду въ вѣчную муку. Пусть тогда Онъ смотритъ на меня и радуется моимъ страданіямъ, которыя не могутъ быть больше тѣхъ, которыя я испытываю въ настоящую минуту. Уйди, уйди, умоляю тебя. Душа моя ожесточена, и я не могу, не могу плакать!... Всю жизнь я хотѣла слезъ, и Онъ не далъ мнѣ ихъ!...

Она прислушалась.

Голосъ умолкъ. И черные всадники отступили отъ нея.

* * *

На другой день Герміону выгнали изъ ея дома.

Домъ съ его когда-то богатымъ погребомъ, съ его роскошнымъ садомъ, съ его мебелью и тканями поступилъ во владѣніе кредиторовъ, на уплату долговъ бывшей танцовщицы.

Никто не пожалѣлъ ее, никто не вступился за нее. Сколько человѣкъ добивались ея улыбки, ея привѣтливаго слова, сколько человѣкъ готовы были распростереться ницъ у ея дома, чтобы ступни ея коснулась ихъ, сколько человѣкъ униженно пресмы-

кались передъ нею, умоляя ее о любви, сколько разорялось для нея... гдѣ они всѣ теперь? Гдѣ ея молодость, красота, слава, которымъ, казалось, конца не было? Гдѣ Амонъ и Геронтій, объѣдавшіе и опивавшіе ее? Гдѣ ея слуги и служанки, обворовывавшіе ее? Гдѣ подруга ея Теона, эта маленькая, голубоглазая дѣвушка, казавшаяся ей такой ничтожной, такой смѣшной соперницей? Гдѣ, гдѣ они всѣ? Какой-то вихрь свирѣпо пронесся по ея жизненному пути и смелъ все, что казалось ей радостнымъ, что придавало свѣтъ ея жизни! Завяли цвѣты, обнажились деревья, померкло солнце, погасли потѣшные огни жизни, оставивъ за собою копоть и смрадъ. Смялъ этотъ вѣтеръ, разорвалъ дорогія шелковыя ткани, облекавшія ея тѣло, смялъ онъ и ея сердце и захолодилъ его.

И вотъ она чувствуетъ, какъ знойная пустыня образуется вокругъ нея. Унылая, мертвая, безбрежная, безнадежная, съ ея неподвижными камнями и сыпучими песками. И пустыня надвигается на нее. И пустыня душитъ ее. Когда-то она хотѣла покорить пустыню къ ногамъ своимъ и дерзко отправилась въ ея пески, чтобы вырвать изъ ихъ зыбкой почвы цвѣтъ ея — старца Евагрія. Но безумный поступокъ не удался. Пустыня мститъ ей. Она надвинулась на нее грознымъ и безбрежнымъ могуществомъ своимъ, навалила на душу ея свои тяжелые камни и засыпала сердце ея своимъ тонкимъ, жгучимъ пескомъ.

Пустыня, пустыня! Какое страшное слово! Она — въ каждой душѣ человѣческой, она въ каждой жизни человѣческой. Горе тому нерадивому и праздному, который благочестивыми подвигами и дѣятельной жизнью не сумѣетъ оградить душу свою отъ вторженія пустыни и не сумѣетъ создать въ ней уголокъ, полный свѣжести и тѣней и прохлады, въ родѣ тѣхъ оазисовъ, которые разсыпаны по пустынѣ. Тогда она быстро распространяется, быстро засыпаетъ на своемъ пути все, что имѣло еще признаки жизни, и тогда противъ нея нѣтъ спасенія, нѣтъ надежды, и гибель человѣка неизбѣжна!

Герміону отнесли на холстѣ за городъ, туда, гдѣ были каменоломни.

Кредиторы донесли, что она больна опасной болѣзнью.

Пришли люди, крючьями сбросили ее съ ея ложа, положили на кусокъ холста, на которомъ лежалъ не одинъ больной, зараженный такою же болѣзнью, и оставили ее одну въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ оканчивали послѣднія минуты жизни бѣдные зараженные.

Около нея поставили кружку воды и половину хлѣба. Каждое утро должны были возобновлять эти припасы, пока смерть больнаго не освободитъ сторожа отъ этой обязанности.

Но сторожъ не жилъ въ каменоломнѣ, а приходилъ туда разъ въ день, съ разсвѣтомъ, и пододвигалъ кружку и хлѣбъ длиннымъ шестомъ, самъ оставаясь невидимымъ, опасаясь заразиться болѣзнью.

Герміона лежала на камняхъ. Кое-какія тряпки, съ остатками вышитыхъ на нихъ блестокъ — величія прежнихъ счастливыхъ

временъ!—положили ей подъ голову. Вокругъ высились глыбы камней, виднѣлись глубокія мѣста, изъ которыхъ были вынуты камни для построекъ... быть можетъ, и для того каменнаго театра, въ которомъ она когда-то царила!... Надъ нею разстилалось безконечное, унылое небо безъ единаго облачка.

Звѣзда появилась и зажглась блѣднымъ огонькомъ. Небо розовѣло. Наступалъ вечеръ. Вскорѣ весь западъ этого огромнаго шатра, терявшаго свой голубой цвѣтъ, окрасился въ пурпуръ. Солнце заходило. Казалось, страшныхъ размѣровъ пожаръ охватилъ грѣшную Александрію.

Все вокругъ было уныло и мрачно.. Только издали, какъ смутный прибой житейскаго моря, доносились неопредѣленные звуки города. Изрѣдка вырывалась изъ этого шума мелодія пѣсни и, быстро обрываясь, исчезала, точно испуганная, безъ слѣда..

Плохо и жутко было Герміонѣ. Она почти теряла сознаніе. Голова ея горѣла, какъ въ огнѣ, и ей казалось, что пришли каменотесы и тяжелыми молотами бьютъ ее по темени. Въ глазахъ ея плавали зеленые круги... Тѣло ея ныло ужасно.

Конецъ! Это слово прорѣзало ея начинавшій засыпать мозгъ. Вотъ еще ужасное слово. Конецъ! Конецъ чего? Страданій?—Да, страданій и вмѣстѣ съ тѣмъ жизни. Но что дальше? Что за этимъ концомъ. Люди говорятъ Смерть, Зенонъ говорилъ Небытіе, Евагрій говоритъ Новая жизнь. Смерть, Небытіе или Новая жизнь, не все-ли равно?—но не прежняя ея жизнь танцовщицы, не прежнія радости, не прежнее веселье, не прежняя слава! Но она не хочетъ новаго; пусть ей возвратятъ старое!..

И ей вспомнилось то, что говорилъ ей Матой о новой жизни ея родителей: отецъ блаженствуетъ потому что всю жизнь страдалъ, мать страдаетъ, потому что всю жизнь блаженствовала. Какой вздоръ! Почему этому суровому Божеству, которое они называютъ христіанскимъ Богомъ, нужно во чтобы то ни стало страданіе? Почему онъ сѣетъ на землѣ страданія и любуется, какъ оно даетъ ростки? Кто это сказалъ? Ахъ, это Матой...

Герміона горько усмѣхнулась.

— Вотъ еше Матой! — Гдѣ онъ теперь? Что съ нимъ? Не прошло и недѣли, какъ онъ съ наивностью впервые полюбившаго юноши объяснялся ей такъ страстно, такъ горячо въ любви.. И онъ исчезъ съ ея пути. Неумолимая пустыня и его смела съ дороги. Онъ любилъ ее, пока она была еще женщина. Теперь онъ бѣжалъ отъ нея, потому что она уже не женщина. О, мужчины! Всю жизнь, всю молодость, все тѣло она отдала имъ, и вотъ, въ послѣднюю минуту жизни, никто изъ нихъ не пришелъ утѣшить ее добрымъ словомъ. На что она имъ теперь? Она была когда-то цвѣткомъ, они—пчелами. Они высосали изъ нея всѣ соки, теперь въ ней ничего не осталось, и они покинули ее и улетѣли къ другимъ, пока еще благоухающимъ, цвѣткамъ.

На небѣ зажигались звѣзды. Пожаръ заката потухалъ. Тишина становилась глубже, ужаснѣе. Тонкій серпъ луны выглянулъ на темномъ, мрачно-синемъ небѣ и бросилъ свой больной свѣтъ на землю.

Герміонѣ захотѣлось пить.

Съ большимъ усиліемъ протянулась она къ кружкѣ съ водою. Жажда мучительно томила ее и жгла ея пересохшее горло. Но какая-то огромная хищная птица низко пролетѣла надъ землею, отыскивая добычу и взмахнувъ крыломъ, опрокинула кружку.

Герміона застонала.

Она еще сохранила настолько силы, чтобы приподняться на локтѣ и оглядѣться.

Въ глазахъ ея опять пошли зеленые круги. Но нѣтъ! Это, дѣйствительно зеленыя точки, свѣтящіяся въ полутьмѣ ночи. Это шакалы. Да, это они.

Вонъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ нея стоятъ ихъ темные силуэты, низко опустивъ морды. Она слышитъ щелканье ихъ зубовъ.

Съ ужасомъ всматривается она въ полутьму ночи. Глаза ея привыкаютъ къ сѣрому, пепельному свѣту молодого мѣсяца, и она видитъ, какъ хищные звѣри вырыли трупъ изъ могилы и устроили ночную трапезу. Зубы ихъ щелкаютъ, кости трупа хрустятъ подъ ихъ зубами.

Пока ей опасаться нечего. Пищи у нихъ довольно. Но когда не хватитъ могилъ или когда она сама станетъ трупомъ, они подойдутъ къ ней и справятъ по ней веселую тризну.

Она вздрогнула. Надъ нею что-то разсѣкало воздухъ. Она подняла голову. Хищныя птицы кружились надъ ней и опустились невдалекѣ, дерзко кинулись на ея хлѣбъ, какъ будто не замѣчая ея присутствія или издѣваясь надъ ней.

— Поскорѣе бы умереть!—простонала она въ отчаяніи.

Но ночь и небо, и звѣзды, и земля отвѣтили ей полнымъ молчаніемъ.

И ей сдѣлалось такъ страшно, такъ грустно, что сердце ея остановилось и ей показалось, что она умерла.

Она впала въ забытье.

Среди ночи ее разбудили звуки музыки.

Чей-то голосъ пѣлъ:

„Здѣсь покоится тѣло той, которую звали когда-то Лидэ; она была жизнерадостнѣе всѣхъ куртизанокъ...

„Она любила и нѣжныя ласки, и нѣжные поцѣлуи, и таинственный полумракъ комнаты... А теперь она не болѣе, какъ маленькая прозрачная тѣнь.

„Но прежде, чѣмъ положить ее въ могилу, ее причесали красиво и убрали ложе ея благоуханными розами. И самый камень, который навсегда скрылъ ее отъ лучей солнца и блеска луны, пропитали душистыми эссенціями и маслами!

„Священная земля! Мать всего сущаго! Ласково прими въ свое лоно бѣдную усопшую. И пусть вокругъ ея безвременной могилы выростетъ не колючій терновый кустъ и не жгучая крапива, а безсильныя и нѣжныя бѣлыя фіалки!"

— Что это! — прошептала Герміона, широко раскрывая глаза.—Эта пѣсня! Этотъ голосъ! Но это—„Могила молодой куртизанки"! Это—та пѣсня, которую я такъ часто пѣла, въ минуту

жизни! Или я брежу? Но нѣтъ! Вонъ я вижу огни факеловъ, вотъ я слышу звуки флейтъ!... А... я узнаю этотъ голосъ. Это поетъ Теона! И, несмотря на печальную мелодію, въ ея голосѣ звенятъ радостныя ноты... Это она меня отпѣваетъ! Но какъ она очутилась здѣсь? Ей пришла блажная мысль прогуляться по кладбищу, со своими поклонниками! Подлая! подлая! Она взяла у меня все, все... И славу, и поклонниковъ, даже до танцовальныхъ платьевъ моихъ... И пѣсни, любимыя пѣсни мои!... Она хочетъ подражать мнѣ даже въ моихъ грустныхъ напѣвахъ. И они предпочли ее мнѣ. И они забыли, забыли меня!...

Кортежъ проходилъ, звуки музыки и мелодія пѣсни замолкли.

Герміона хотѣла крикнуть, просить о помощи, но голосъ ей уже не повиновался, а изъ горла вырвался сдавленный хрипъ. Огоньки послѣднихъ факеловъ промелькнули за высокими камнями и исчезли... Шакалы бросили свою трапезу и птицы, вспорхнувъ крыльями, улетѣли. И ночь стала еще пустыннѣе, еще унылѣе, еще страшнѣе.

VII.

Жажда продолжала мучить Герміону. Ротъ ея горѣлъ. Мученія достигли высшей степени. Нѣтъ силъ больше терпѣть.

Въ смертельномъ ужасѣ она закричала, но крикъ ея вышелъ стономъ, жалобно раздавшимся по окрестности.

— Всѣ, всѣ забыли меня! Даже Матой, такъ страстно любившій меня.

Вновь собравшіеся около труповъ шакалы подняли голову, прекратили трапезу, услышавъ этотъ стонъ; потомъ съ прежнимъ ожесточеніемъ принялись за свое дѣло. Птицы тревожно взмахнули крыльями.

И вдругъ чьи-то тихіе шаги послышались по кладбищу отверженныхъ.

Герміона слышала эти шаги, но не могла уже поднять головы отъ слабости. Ей показалось, что она умираетъ. Въ глазахъ становилось темно. Чья-то длинная тѣнь встали передъ нею, заслонивъ собою ужасное зрѣлище шакаловъ, вырывшихъ теперь новый трупъ и возившихся надъ нимъ.

— Герміона!—раздался чей-то мягкій, тихій голосъ.

Она вздрогнула. Умираетъ она? Бредитъ? Кто этотъ, такъ неожиданно явившійся передъ ней? Не одинъ ли изъ тѣхъ черныхъ всадниковъ съ огненными мечами, которые приходили терзать ее?

И она взмолилась:

— Оставь меня... я и такъ много страдала. Я умираю. Пощади, не мучь, не мучь меня... Я не знаю, какъ называть тебя—Богомъ или Демономъ... Но ты жестокъ, ты безпощаденъ, ты измучилъ меня, нѣтъ силъ больше терпѣть и, кто бы ты ни былъ, —я презираю, я ненавижу, я проклинаю тебя... Если ты—Богъ, зачѣмъ съ такой безпощадной жестокостью мучаешь меня? Вѣдь Тебя называютъ милосерднымъ. Если ты Демонъ, прекрати мое

мученіе, вѣдь душа моя уже въ твоей власти!.. О, будь проклятъ моими устами за всѣхъ погибшихъ женщинъ, за все человѣчество, за всѣ муки, которыми ты въ милосердіи или жестокости своей наградилъ людей...

Она начинала бредить.

Но тѣнь прежнимъ тихимъ голосомъ отвѣтила ей на ея страстную рѣчь.

— Герміона... я другъ твой... я—Матой.

— Матой?—не повѣрила она. — Матой?.. Тотъ юноша, который говорилъ мнѣ когда-то такія хорошія, такія горячія слова.

— Это я, Герміона, бѣдная, милая Герміона! Ты не узнала меня?

— Я не вѣрю тебѣ. Ты мужчина. Много мужчинъ любило меня, пока я была женщиной, пока молодость цвѣла во мнѣ, пока красота не отошла отъ меня. Но вотъ, гдѣ всѣ они теперь?

— Я не знаю, гдѣ тѣ, которые тебя любили, но я, который до сихъ поръ люблю, я здѣсь, передъ тобою.

— Если ты, Матой, и любишь меня, дай мнѣ напиться. Умираю отъ жажды. Слышу журчаніе ручья, но не могу подползти къ нему.

— Я тебѣ принесу напиться.

Матой нагнулся, поднялъ разбитую кружку, отъ которой отбилось дно, достаточно еще глубокое, чтобы почерпнуть воды.

Онъ ушелъ и черезъ нѣкоторое время вернулся.

— Вотъ, пей...—сказалъ онъ.

Она жадно прильнула устами къ острымъ краямъ разбитой кружки. Холодная струя воды разбѣжалась по ея жиламъ и освѣжила ея ротъ. Ей стало лучше.

— Матой, Матой,—вскричала Герміона,—благодарю тебя! Ты облегчилъ мои послѣднія минуты. Всѣ покинули меня, и я лежала здѣсь, точно заживо погребенная. Если есть Богъ и если Онъ справедливъ, Онъ благословитъ тебя. Но теперь уходи...

— Ты опять гонишь меня, Герміона?

— Нѣтъ, другъ мой! Но уходи, потому что ты не можешь любить меня теперь.

— Я люблю тебя съ прежней силой,—отвѣтилъ Матой и хотѣлъ взять ея руку.

— Не прикасайся ко мнѣ! — вскрикнула она. — Ты можешь умереть.

— Зачѣмъ мнѣ жить? — горько возразилъ онъ. — Жить безъ тебя! На это у меня не хватитъ мужества. Не для того же жить, чтобы ѣсть и пить? Ничто, ничто не привязываетъ меня къ жизни. Ни небо, ни земля, ни зелень деревьевъ, ни ароматъ цвѣтовъ, ни пѣнье птицъ... Ночь, глубокая, вѣчная, безпросвѣтная ночь окружила меня. Душа моя ожесточилась, и сердце окаменѣло, и не ощущаю я страха Божія. Одну тебя я вижу передъ собою. Одной тобой живу и дышу я. Для тебя еще бьется бѣдное сердце мое, и образъ твой наполняетъ мою душу. Отъ всего, отъ всего отрекся я ради любви къ тебѣ!

— Вернись туда, откуда ты пришелъ...

— Никогда!—съ силой отвѣтилъ онъ.—Вернуться въ пустыню? Зачѣмъ? Когда тебя не будетъ, весь міръ будетъ для меня ужасной, мрачной пустыней. Что нашелъ я въ ней? Всю молодость, всю жизнь отдалъ я ей. И что она дала мнѣ въ замѣнъ? Лишенія, муки, терзанія и ни одной радости жизни. И вотъ, когда я полюбилъ тебя, когда ради этой любви я претерпѣлъ самыя жестокія наказанія, наложенныя на меня старцемъ Евагріемъ, когда я пренебрегъ обѣщанными благами, ты уходишь отъ меня туда, откуда никто не возвращается на землю. И я проклинаю пустыню, и я не вѣрю въ ея цѣлительную силу. И никогда, никогда она не увидитъ меня! И мучителя своего проклинаю, безумнаго старца, взявшаго всю мою молодость. Сердцѐ создано для того, чтобы любить... А онъ хотѣлъ умертвить мое сердце.

— Матой!—остановила она его.—Я умираю, и ты не можешь любить меня больше...

— Люблю, люблю, Герміона. Любилъ тебя, когда ты была красавицей и пѣла чудныя пѣсни и танцовала чудные танцы! Любилъ тебя, когда жестокая болѣзнь взяла тебя въ свои руки. Люблю и теперь, когда тѣло твое покрыто язвами и струпьями. Да, я имѣю право любить тебя. Я выстрадалъ эту любовь. Я много боролся и много претерпѣлъ изъ-за нея. И она — самое дорогое, что есть у меня еще въ жизни.

— Зачѣмъ же ты не пришелъ ко мнѣ, когда я предлагала тебѣ мою любовь?

— Зачѣмъ, Герміона? Я зналъ, что ты не любила меня. Въ тебѣ говорило временное опьяненіе, желаніе позабавиться. А теперь, Герміона, скажи, въ послѣдній часъ твоей жизни, заклинаю тебя, скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

— О, Матой... Твои слова, твое горячее чувство перевернули мою душу. Если бы ты только зналъ, какъ я полюбила тебя! Если бы ты только могъ заглянуть въ мою душу, въ мою умирающую и любящую душу. Никого, никогда не любила я такъ сильно, такъ свято, такъ чисто! Ты — моя единственная любовь! И эта любовь покрыла собою все то, что я когда-то называла этимъ именемъ. Чувствую, душа моя очищается, сердце сладко замираетъ, и радостное чувство наполняетъ меня... Матой, Матой, я люблю, я люблю тебя. Ахъ, какъ бы я хотѣла жить, чтобы ты могъ повѣрить мнѣ.

— Я вѣрю, вѣрю тебѣ, моя Герміона. И эти слова будутъ жить во мнѣ до могилы.

— Вѣрь мнѣ, милый. Вѣрь моей опоздавшей любви. Поздно! поздно! Ничто уже не можетъ вернуть меня къ жизни.

— Нѣтъ, не поздно, моя дорогая, моя любимая! Мы оба любили, мы оба страдали. И одна эта минута вознаграждаетъ насъ за всю жизнь.

Герміона вдругъ начала дрожать. Глаза ея широко раскрылись, въ головѣ помутилось.

— Матой, гдѣ ты?—прошептала она.

— Я здѣсь, съ тобою, моя Герміона.

— Матой, часъ мой насталъ. Я умираю. Мнѣ холодно: согрѣй меня.

Онъ нагнулся къ ней, взялъ ея руки и сталъ отогрѣвать ихъ своимъ дыханіемъ. Она улыбнулась, къ ней вернулось сознаніе. Она взглянула ему въ глаза.

— Лягъ со мною, чтобы я чувствовала теплоту твоего тѣла, біеніе твоего сердца рядомъ съ моимъ.

Матой смутился. Она угадала его мысль.

— Я никогда не касался тѣла женщины,—смущенно прошепталъ онъ.

— Женщины!— горько усмѣхнулась Герміона. — Я была ею. Но теперь я не женщина. Я теперь блѣдная, маленькая тѣнь,— припомнились ей слова ея пѣсни.

Матой легъ рядомъ съ нею, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ И Герміонѣ показалось, что шатеръ неба раздвигается, что звѣзды становятся ярче, что вверху свѣтитъ ей солнце, радостное, золотое, яркое солнце, и она слышитъ хоръ голосовъ, поющихъ нѣжную, дивную пѣсню. Ей стало страшно и отрадно.

— Герміона! — стономъ вырвалось изъ груди Матоя. — Ты умерла?

— Нѣтъ, милый. Я вижу сонъ. Я слышу чьи-то шаги по кладбищу.

Матой привсталъ въ испугѣ. Онъ оглянулся. Пробираясь черезъ камни, обходя рытвины и ямы, къ нимъ приближался старикъ, одѣтый въ рубище; въ рукахъ его былъ посохъ, ноги его были босы и голова обнажена.

— Что это?—прошепталъ Матой.—Кто ты?—громко сказалъ онъ.

— Я — Евагрій, — тихо отвѣтилъ старикъ. — Это ты, Матой? Возлюбленный, наконецъ-то я нашелъ тебя. Я обошелъ весь городъ. Былъ въ домѣ Зенона, и мнѣ сказали, что онъ умеръ и погребенъ, былъ въ домѣ Герміоны, и мнѣ сказали, что домъ проданъ, а ея владѣлица въ убѣжищѣ отверженныхъ. Вотъ я и пришелъ сюда, увѣренный, что найду тебя здѣсь.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда, старикъ?—отвѣтилъ ему Матой, все еще не выпуская изъ рукъ тѣла Герміоны.—Что тебѣ нужно здѣсь? Тебѣ здѣсь не мѣсто.

— Матой, Матой! Прости меня, возлюбленный мой ученикъ. Я былъ жестокъ, сурово поступилъ съ тобою. Душа моя свободна отъ ожесточенія и гнѣва! Я давно полюбилъ тебя и давно пошелъ бы отыскивать тебя, если бы немощи не приковали меня къ моему ложу.

— Тише!—сказалъ Матой.—Ты видишь, здѣсь умираетъ женщина. Ступай отсюда. Если ты пришелъ за мною, ты напрасно трудился. Я не пойду за тобою. Ибо рѣчи твои фальшивы и ученіе твое—ложь. Вы ненавидите міръ—твореніе Бога: вы презираете женщину—Его созданіе. И Богъ вашъ—не истинный Богъ, и вѣра ваша—не истинная вѣра.

— Не богохульствуй, Матой,—остановилъ его старикъ.—Мы поговоримъ послѣ. Умерла ли эта женщина? Герміона, позвалъ онъ ее, подойдя къ ней.—Ты спишь?

— Да, я спала,—отвѣтила Герміона, съ трудомъ отрываясь отъ золотыхъ грезъ, окружившихъ ее.—Кто зоветъ меня? Зачѣмъ ты тревожишь мой послѣдній сонъ?

— Какое счастье, что душа твоя не успѣла отойти отсюда безъ покаянія! Герміона, дочь возлюбленная моя! Я сказалъ тебѣ когда то, что приду къ тебѣ, когда буду нуженъ тебѣ, вотъ я здѣсь. Я пришелъ спасти твою душу.

— Для меня нѣтъ надежды на спасенье!—тихо проговорила умирающая, все болѣе и болѣе приходя въ себя.

— Есть!—торжественно сказалъ Евагрій.

— Я не знала страха Божія,—возразила Герміона.

— Ты познала его. Не свѣтъ ли открытаго неба видѣла ты во снѣ, когда дремала.

— Я никого не любила,—сказала опять Герміона.

— Ты полюбила ученика моего, ибо вотъ онъ съ тобою, и ты въ его объятіяхъ. И любовь твоя чиста, ибо къ духовному чувству не примѣшалось плотское вожделѣніе.

— Я торговала тѣломъ своимъ...

— Но оно за то истерзано.

— Я никогда не каялась.

— Покайся, еще не поздно! Всякое покаяніе принимается Господомъ даже въ послѣднюю минуту жизни. И покаяніе блудницы одинаково пріятно ему, какъ и жизнь многихъ праведниковъ. Отвергла ли ты всякое попеченіе о земномъ, Герміона?

— Отвергла, авва.

— Пренебрегла ли всѣмъ для исцѣленія язвъ своихъ?

— Пренебрегла.

— Вздыхаешь ли только о грѣхахъ своихъ?

— Вздыхаю, авва.

— Оплакала ли ты грѣхи свои?

— Нѣтъ, авва. Вся жизнь моя прошла безъ слезъ, и это тяготило меня. И теперь плакать не могу. Ахъ, если бы дано мнѣ было плакать, какъ облегчилась бы тяжесть души моей, какъ легче мнѣ было бы переносить мое горе и эти тяжкія минуты моей жизни!

И вдругъ ей стало такъ жалко, такъ жалко себя! И вдругъ, въ одно мгновеніе она увидѣла, точно въ яркой картинѣ всю свою жизнь, въ которой было столько веселья, столько смѣха, столько блеска и не было одного—радости. И вотъ она, когда-то блестящая танцовщица, теперь лежитъ здѣсь, на кладбищѣ отверженныхъ, забытая тѣмъ міромъ, въ которомъ не такъ давно блистала. Ее выбросили загородъ какъ зараженнаго опасною болѣзнью пса... И вотъ нашлись два человѣка, которымъ она недоставила въ жизни ни одной радости, которымъ дала одни мученія, которыхъ чуть не погубила, и эти люди пришли къ ней въ самую ужасную минуту ея жизни и принесли ей—одинъ—слова любви, другой—слова утѣшенія.

И сердце ея мучительно и сладко сжалось отъ умиленія. И новое, неизвѣданное, великое чувство охватило ея умирающую душу. И вдругъ тѣло ея вздрогнуло, и она почувствовала, какъ глаза ея становятся влажными.

Боже великій! Неужели она плачетъ? Она, Герміона, которая всю жизнь смѣялась и шутила?

И медленно сжималось горло ея и слезы подступали къ глазамъ ея. Вся радостная, вся облегченная, она не удерживала своихъ рыданій, которыя теперь потрясали тѣло ея.

И такъ сладко, и такъ хорошо ей было на душѣ! И такъ легка ей показалась смерть! И она чувствовала, какъ душа ея омывается и очищается отъ насѣвшей на нее грязи потокомъ этихъ слезъ, первыхъ и послѣднихъ въ ея земной жизни; и эти слезы не были горькими слезами, не были жалобой на разставанье жизни... Это былъ великій, святой даръ, наконецъ дарованный ей, въ эту великую минуту жизни.

— Люблю... люблю...—шептала она, обливаясь потокомъ хлынувшихъ изъ глазъ слезъ.—Люблю тебя, Матой... люблю тебя, Евагрій... всѣхъ, всѣхъ люблю... И всѣмъ простила! Ни на кого не имѣю злобы... И чувствую, чувствую, что прощена и я. Ахъ, какое счастье плакать! Какое счастье, какое счастье! И вотъ вижу, какъ страшные, черные всадники далеко скачутъ впереди, убѣгая отъ потока моихъ слезъ... Да будетъ благословенъ этотъ даръ слезъ... Прощай, Матой! Прощай, Евагрій... Прощайте; всѣ...

Она закрыла глаза и замолчала.

— Душа ея спасена, — тихо проговорилъ старецъ Евагрій опускаясь на колѣни у трупа Герміоны.—Благодарю тебя, великій, милосердный Боже! Благодарю, что Ты далъ, въ послѣднюю минуту жизни, познать ей чистую любовь и святыя, радостныя слезы...

Матой страстно обнималъ холодѣвшее тѣло Герміоны. Но глаза его были сухи, и онъ не плакалъ.

— Умерла!—тихо вскрикивалъ онъ. — Умерла моя Герміона, умерла моя жизнь. Что дѣлать мнѣ теперь, куда дѣваться, куда бѣжать отъ міра?

— Пойдемъ со мною,—сказалъ ему Евагрій.—Пойдемъ, возлюбленный, ко мнѣ, въ пустыню, которая вскормила и выростила тебя, бѣдный юноша. Тамъ будемъ оплакивать вмѣстѣ душу той, которая теперь предстала передъ лицомъ Всевышняго, и горячія слезы которой омыли ея грѣшную душу.

— Оставь меня! — гнѣвно сказалъ Матой, подымаясь съ колѣнъ. — Оставь меня! Ты самъ произнесъ свой приговоръ. Одна горячая слеза ея стоитъ цѣлой долгой жизни, стоитъ многихъ долгихъ лѣтъ холодныхъ и безстрастныхъ подвиговъ и безсмысленнаго самобичеванія. Ступай одинъ. Я не пойду съ тобою— власть твоя надо мною кончена. Я не пойду туда, откуда бѣжалъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, я не пойду въ твою безплодную, унылую пустыню. Пустыня вселилась въ сердце мое, въ разумъ мой! Негодованіемъ полна душа моя. Не вѣрю тебѣ, ни твоему ученію. Весь міръ закрылся для меня. Нѣтъ на землѣ ни счастья, ни справедливости! Ибо, если бы была она, то Герміона не умерла бы въ такихъ юныхъ лѣтахъ. И то, чему училъ ты меня,—ложь! И напрасно вѣрилъ я тебѣ, тебѣ, который заботился только о своемъ спасеніи и всю жизнь презиралъ и ненавидѣлъ

Божій свѣтъ! Между мною и тобою пропасть, которую ни ты, ни я уже не перейдемъ. Ты хотѣлъ отдать меня въ жертву пустынѣ. Радуйся: вся жизнь, весь міръ — теперь для меня пустыня.

— Матой, Матой!—горестно воскликнулъ старецъ Евагрій.— Ты произносишь хулу на Духа Святаго! Вспомни, возлюбленный, что она теперь на небѣ, а ты снизойдешь въ адъ, и въ вѣчной будущей жизни, никогда, никогда не встрѣтишь ее.

Матой вздрогнулъ.

Потомъ онъ стряхнулъ съ себя сомнѣніе и съ еще большимъ гнѣвомъ воскликнулъ:

— Пугай кого-нибудь другаго, жестокій старикъ. А я не вѣрю тебѣ больше. Будущей жизни нѣтъ, это ваши бредни. Есть одно Небытіе, изъ котораго мы являемся въ міръ, какъ падучія звѣзды, и въ которое возвращаемся послѣ смерти. Но если она дѣйствительно существуетъ, какъ ты говоришь, и если Герміона въ лонѣ Бога, того Бога, въ Котораго ты вѣришь, и въ Котораго я теперь не вѣрю..., то почему я не буду тамъ вмѣстѣ съ нею? Вѣдь твой Богъ требуетъ страданія въ видѣ выкупа за будущую счастливую жизнь? Ему нужно страданіе во что бы то ни стало. Такъ развѣ я мало страдалъ? Развѣ я проводилъ жизнь въ радости и счастьи? Я дорого заплатилъ за право быть вмѣстѣ съ Герміоной... А теперь оставь, оставь меня съ нею. Я похороню ее... а потомъ...

— А потомъ?—удрученно спросилъ Евагрій, въ ужасѣ глядя на юношу.

— А потомъ лягу съ нею въ могилу... И я посмотрю, какая сила, какая мощь посмѣетъ меня разлучить съ нею!...

В. Свѣтловъ.

На рубежѣ XIX вѣка.

Послѣ сентябрьскихъ дней законодательное собраніе потеряло всякое значеніе и влачило уже лишь призрачное существованіе до того дня, когда оно должно было уступить мѣсто конвенту, созваніе котораго оно рѣшило 10 августа. Конвенту предстояло осуществить державность народа и установить новый демократическій строй. Собраніе прежде всего рѣшило установить для выборовъ всеобщее избирательное право. До сихъ поръ существовалъ избирательный цензъ: избирателями были лишь тѣ французы, которые платили прямые налоги въ суммѣ заработной платѣ равной трехъ рабочихъ дней. Средняя заработная плата равнялась тогда 50 сантимамъ, такъ что избирательное право было пріурочено къ налогу въ 150 сантимовъ (около 56 коп.). Законодательное собраніе отмѣнило это постановленіе, лишавшее избирательнаго права большинство рабочихъ; оно постановило, что избирательное право принадлежитъ каждому французу, достигшему 25-лѣтняго возраста и живущему своимъ трудомъ. Но жирондисты, господствовавшіе въ собраніи, не могли рѣшиться дать полное *непосредственное* избирательное право. Выборы остались косвенными. Маратъ, отстаивавшій въ своемъ журналѣ интересы рабочихъ, энергично боролся противъ этого недемократическаго ограниченія избирательнаго права. Онъ приглашалъ секціи принудить собраніе ввести всеобщее и непосредственное избирательное право. «Вашему просвѣщенному и непоколебимому чувству права,—обращался онъ въ своемъ журналѣ къ секціямъ:—обязана столица успѣхомъ своихъ жителей; ему и отечество будетъ обязано своимъ торжествомъ. Стойте твердо за наше спокойствіе, за нашу славу и благосостояніе государства! Не выпускайте изъ своихъ рукъ перешедшаго къ вамъ кормила общественной власти, пока конвентъ не освободитъ васъ отъ деспота и его породы, пока онъ не исправитъ страш-

ныхъ ошибокъ конституціи, этого источника вѣчной анархіи и несчастій, пока онъ не утвердитъ общественной свободы на незыблемыхъ основахъ. Но для этого настойте на уничтоженіи пагубнаго декрета объ избраніи депутатовъ, изъ которыхъ долженъ состоять конвентъ. Разъясните дѣло, созовите секціи!» Однако этотъ призывъ не имѣлъ желанныхъ послѣдствій: косвенные выборы остались.

Парижъ былъ въ страшномъ броженіи; въ такомъ же броженіи были и провинція. Положеніе дѣлъ на границахъ было критическое; еще никто не зналъ, удастся ли отразить нападеніе соединенныхъ войскъ Пруссіи и Австріи. Въ Парижѣ народная масса начала уже чувствовать недостатокъ въ самихъ необходимыхъ припасахъ и задача продовольствованія столицы становилась для коммуны все труднѣе и труднѣе. Почувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, мукѣ, мясѣ и многихъ другихъ предметахъ первой необходимости. Но рабочіе настолько прониклись идеей преобразованія Франціи, что они готовы были выносить свои лишенія, хотя ихъ жены, сотнями толпившіяся передъ хлѣбными и мясными лавками, должны были подходить длинной цѣпью до глубокой ночи, чтобы получить кусокъ хлѣба или мяса. Все это предстояло устранить конвенту: голодъ въ столицѣ, безпорядки въ странѣ и угнетенія, которыя позволяли себѣ богатые собственники; онъ же долженъ былъ упрочить республику и побѣдить внѣшнихъ враговъ. При такихъ обстоятельствахъ происходили выборы въ конвентъ.

Парижъ взялъ своихъ депутатовъ почти исключительно изъ крайней демократіи и избралъ тѣхъ лицъ, на которыхъ съ большимъ или меньшимъ основаніемъ старались взвалить вину за переворотъ 2 сентября. Этими выборами Парижъ еще разъ далъ свое одобреніе энергичнымъ мѣрамъ переворота.

Большинство голосовъ въ Парижѣ получилъ Робеспьеръ; теперь началась его политическая роль. Послѣ него по большинству полученныхъ голосовъ слѣдовалъ Дантонъ, оставившій постъ министра, чтобы баллотироваться въ конвентъ, такъ какъ онъ понялъ, что правительство будетъ теперь въ самомъ конвентѣ. Въ Парижѣ былъ избранъ также Маратъ. Такимъ образомъ, Парижъ послалъ въ конвентъ трехъ вождей демократіи. Кромѣ того, въ Парижѣ были избраны: Дюссо, котораго Маратъ называлъ «неопаснымъ, старымъ болтуномъ»; затѣмъ, другъ Дантона Фабръ д'Эглантинъ, Билло-Вареннъ, который благодаря своимъ талантамъ и энергіи вскорѣ въ составъ правительства, Колло д'Эрбуа, имѣвшій раздѣлить судьбу Билло, Камиллъ Демуленъ,

Осселенъ; затѣмъ, Сержанъ и Пани изъ комитета надзора коммуны, Буше и знаменитый живописецъ Давидъ, бывшій въ то время ярымъ якобинцемъ. Среди парижскихъ депутатовъ меньше всего голосовъ получилъ герцогъ Орлеанскій. Этотъ замѣчательный принцъ старался преодолѣть недовѣріе народа своимъ экзальтированнымъ поведеніемъ и поэтому назвалъ себя—«Равенствомъ», Egalité. Что преслѣдовалъ, чего хотѣлъ этотъ человѣкъ—никому неизвѣстно; его друзья считали его искреннимъ республиканцемъ; враги же говорили, будто онъ ждетъ только благопріятнаго момента, чтобы самому взобраться на престолъ. Можетъ быть, послѣдніе и не ошибались. Egalité, казалось, нарочно опьяняетъ себя крайностями, чтобы легче перенести бурю революціи. Онъ никогда не упускалъ случая льстить народу самымъ отвратительнымъ образомъ. Революція поглотила его, а спустя 37 лѣтъ сына его Людовика-Филиппа, находившагося теперь въ штабѣ генерала Дюмурье, революція взнесла на престолъ Франціи, чтобы потомъ снова низвергнуть.

Распредѣленіе партій въ конвентѣ соотвѣтствовало тогдашнему состоянію Франціи. Онъ состоялъ изъ республиканцевъ, хотя между этими республиканцами были и такіе, которые въ глубинѣ души питали отвращеніе къ республикѣ; но въ эпоху революціи они также исповѣдывали республику.

Правую въ этомъ знаменитомъ собраніи, самомъ интересномъ и грандіозномъ изъ всѣхъ парламентовъ, какіе только видѣлъ свѣтъ, составляли жирондисты. Здѣсь снова оказались всѣ знаменитые вожди этой партіи. Тутъ былъ Бриссо, глава партіи, Верніо знаменитый ораторъ, Гадэ и Жансонэ, люди ѣдкаго краснорѣчія, Бюзо, человѣкъ сильнаго ума и большой энергіи, относительно котораго теперь извѣстно, что онъ состоялъ въ столь же чистыхъ, какъ и невинныхъ любовныхъ отношеніяхъ съ г-жею Ролланъ, Кондорсэ глубокій мыслитель, бурный Иснаръ и сатирическій Лувэ, Петіонъ, отказавшійся отъ должности мэра, чтобы попасть въ конвентъ, Манюэль, Гранженевъ и Барбару. Многіе изъ этихъ блестящихъ талантовъ были республиканцами еще до 10 августа; другіе же стали республиканцами подъ давленіемъ обстоятельствъ. Эти люди составили себѣ о народѣ какое-то идеальное понятіе, которымъ они и украшали свои изящныя рѣчи. Но когда они увидѣли народъ ближе во всей его ярости, въ его грязи и нищетѣ, то въ ихъ груди проснулось высокомѣріе буржуазіи. Они хотѣли любить этотъ народъ,—но любить издали, par distance. Равенство было

у нихъ лишь пустой фразой. Они хотѣли устроить республику по своему буржуазно-аристократическому вкусу и подчинить ее господству умственной и имущественной аристократіи. Конституція 1791 г. безъ короля казалась имъ совершенно достаточной для удовлетворенія всѣхъ потребностей этого времени. Въ Парижѣ у нихъ были сторонники только между высшей буржуазіей; но на западѣ и югѣ страны сторонники ихъ были очень многочисленны. Народъ, какъ борющаяся масса и какъ «пушечное мясо монархіи», сослужилъ хорошую службу этимъ буржуа—уже 10 августа. Они забыли, что движеніе, разъ ему данъ толчокъ, нельзя остановить, когда угодно. Они предприняли безразсудную попытку сдѣлать невозможное и думали, что французы, завоевавъ свободу для всѣхъ, удовольствуются лишь той частью верховныхъ правъ, какую они соблаговолятъ дать ему. Этимъ они разъединяли Францію и парализовали ея силу сопротивленія внѣшнему врагу. Они, дѣйствительно, какъ сильно и картинно выразился Дантонъ, терзали грудь націи. Низверженіе ихъ стало неизбѣжнымъ и оно было совершенно тѣми-же самыми парижанами, которые вмѣстѣ съ жирондистами, низвергли престолъ.

Лѣвую заняли якобинцы; она называлась также Горою (montagne) оттого, что ея члены или партія Горы (montagnards) сидѣли на высокихъ мѣстахъ; подъ этимъ именемъ она и извѣстна во всемірной исторіи. Партія эта стремилась къ демократической республикѣ со свободой и равенствомъ для всего народа. Она никогда не была разборчивой въ своихъ средствахъ, что неизбѣжно вытекало изъ положенія Франціи въ данную минуту. Она обладала жаромъ воодушевленія и другими—качествами, необходимыми для того, чтобы вывести Францію изъ ея критическаго положенія. Эта демократія прокладывала путь своимъ принципамъ мечомъ, потому что и ей со всѣхъ сторонъ грозилъ мечъ ея враговъ. Въ страшной борьбѣ, которую она должна была выдержать, она поражала своимъ мечомъ все, что стояло на пути свободы, призывая французскій народъ къ оружію противъ коалиціи иностранныхъ державъ; она низвергла партію реакціи и казнила трусливыхъ и измѣнившихъ ей генераловъ. Сверхъ того она еще нашла достаточно времени для того, чтобы заняться соціально-экономическимъ строемъ Франціи и выработать чисто демократическую конституцію. Своими распоряженіями эта партія старалась оттѣнить преимущества демократическаго общества. Въ достижимой дали она показала новыя общественныя формы,

точно мирно зеленѣющій островъ, пробираться къ которому нужно было черезъ пепелища возстаній и битвъ. Она и себя принесла въ жертву революціи: и ее, наконецъ, поглотили революціонныя бури, которымъ она дала просторъ. Но дѣла ея, ея созданія остались въ своихъ историческихъ послѣдствіяхъ.

Въ первый періодъ конвента, такъ какъ въ немъ еще преобладали жирондисты, партія Горы была совершенно сплоченной и три ея вождя: Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ употребляли всѣ свои силы на борьбу съ жирондистами. Гора заключала въ себѣ цѣлый рядъ людей, полныхъ силы и энергіи. Тутъ были: Камиллъ Демуленъ, Шабо, Колло д'Эбруа, Билло Вареннъ, Кутонъ—человѣкъ хотя и разбитый физически, но тѣмъ болѣе сильный духомъ, — все еще экзальтированный Талльенъ, епископъ Грегуаръ, стоическій республиканецъ Карно, военный геній котораго теперь расправилъ свои мощныя крылья, Геро де Сешелль, блиставшій именемъ, талантомъ и красотою, Лежандръ, необузданный мясникъ изъ предмѣстья Фабръ д'Эглантинъ, авторъ республиканскаго календаря, Сенъ-Жюстъ, порой вдохновлявшій Робеспьера, Анахарсисъ Клоотъ мечтавшій о всемірной республикѣ, и герцогъ Орлеанскій называвшійся Эгалитэ. «Гора» имѣла сторонниковъ въ среднихъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ департаментахъ, но больше всего въ Парижѣ. Внѣ конвента она имѣла опору въ общинномъ совѣтѣ, клубѣ якобинцевъ и клубѣ кордельеровъ; національная гвардія, находившаяся теперь подъ начальствомъ Сантерра, была, за немногими исключеніями, совершенно предана ей, и рабочіе предмѣстій готовы были подниматься по каждому зову Горы.

Въ центрѣ конвента сидѣли нерѣшительные, державшіеся то правой, то лѣвой, смотря по обстоятельствамъ, и опредѣлявшіе своими голосами исходъ преній. Здѣсь сгруппировались люди боязливые и осторожные, но среди нихъ также были и сильные характеры. Центръ иронически называли долиной, или болотомъ, или еще чревомъ конвента. Главой его былъ Барреръ, ловкій и сладкорѣчивый адвокатъ изъ Пиринеевъ, о которомъ говорили, будто у него въ карманѣ всегда имѣются наготовѣ двѣ рѣчи: одна-за, а другая—противъ даннаго рѣшенія. Здѣсь сидѣлъ Сійэсъ и молчалъ въ теченіе двухъ лѣтъ; здѣсь былъ Барра, прежній дворянинъ, и поджидалъ случая забрать власть въ свои руки; затѣмъ—Камбасересъ и Томасъ Пенъ: послѣдній прославился во время возстанія Сѣверной Америки и за его услуги дѣлу американской сво-

боды французы дали ему право гражданства. Люди центра, прозванные въ насмѣшку «болотными жабами», притаились на время бурь, которыя пришлось вынести этому собранію: они не хотѣли погибать ни съ правой, ни съ лѣвой. Ураганъ терроризма пронесся надъ ихъ головами. Послѣ паденія системы ужаса (террора), они стали зачинщиками и приспѣшниками реакціи.

Таковъ былъ составъ конвента, собравшагося въ Тюльери 20 сентября 1792 г., въ день вальмійской канонады и принявшаго къ свои руки бразды правленія республикой.

Жирондисты господствали въ конвентѣ, такъ какъ онъ избралъ своимъ первымъ президентомъ Петіона, а секретарями— все жирондистовъ. Прежде всего рѣшено было выработать конституцію и предложить ее на утвержденіе народа въ его первичныхъ собраніяхъ; дѣйствующіе органическіе законы должны были сохранять свою силу и впредь до ихъ отмѣны; налоги тоже должны были взиматься до ихъ уничтоженія. Эти постановленія были совершенно во вкусѣ жирондистовъ. Но тутъ поднялся Колло д'Эбруа и предложилъ уничтожить королевскую власть. Послѣ того какъ епископъ Грегуаръ прекратилъ всѣ дебаты своими знаменитыми словами, о «книгѣ страданій народовъ», конвентъ единогласно принялъ предложеніе д'Эрбуа. Это постановленіе было введеніемъ къ новой эрѣ во Франціи, хотя оно лишь подтверждало то, что фактически было сдѣлано 10-го августа.

На слѣдующій день, по предложенію Билло-Варенна, было введено новое лѣтосчисленіе. Началомъ этого лѣтосчисленія былъ принятъ 1792 годъ съ 22-го сентября, какъ первый годъ республики, а 14-го іюля и 10-го августа объявлены національными праздниками. Далѣе, было постановлено, что ни одинъ изъ членовъ конвента не можетъ занимать общественной должности, и поэтому Дантонъ оставилъ постъ министра. Мѣсто его въ исполнительномъ совѣтѣ занялъ Гара, человѣкъ слабый, желавшій угождать всѣмъ, въ чьихъ рукахъ была власть. Серванъ, военный министръ, скоро также оставилъ постъ, и его мѣсто занялъ Пашъ, бывшій раньше чиновникомъ морскаго вѣдомства, рѣшительный революціонеръ.Ролланъ, Клавьеръ, Лебрэнъ и Монжъ остались въ исполнительномъ совѣтѣ, но власть его была уже такъ ограничена комитетами конвента, что онъ сталъ совершенно излишнимъ, вслѣдствіе чего онъ позже былъ вовсе уничтоженъ, и вся правительственная власть была передана комитетамъ. Петіонъ

тоже оставилъ мѣсто мэра, и хотя его было снова избрали но онъ отказался отъ выбора, чтобы остаться въ конвентѣ. Лишь съ трудомъ можно было найти кандидата на постъ мэра и, наконецъ, въ мэры былъ избранъ якобинецъ, человѣкъ незначительный, врачъ Шамбонъ.

До сихъ поръ конвентъ принималъ свои постановленія единогласно. И 23-го сентября, когда было рѣшено произвести новый выпускъ ассигнатовъ, единогласіе все еще существовало. Но 24-го сентября разразилась буря. Дѣло началъ своею неосторожностьюРолланъ. Онъ не могъ забыть, что комитетъ надзора коммуны въ сентябрскіе дни издалъ предписаніе объ его арестѣ, хотя оно и не было приведено въ исполненіе. Возможно, что этого мрачнаго стараго филистера раздражили тѣ насмѣшки, которыя ему безпрестанно приходилось выносить вслѣдствіе умственнаго превосходства надъ нимъ его жены. Недавно Маратъ называлъ его въ своемъ журналѣ «кухоннымъ драгуномъ», и говорилъ, что его водитъ за ухо жена. Ролланъ жаловался въ письмѣ къ конвенту, что ему вездѣ ставятъ препятствія, что совершились новыя убійства, подобныя сентябрьскимъ и т. п. Поднялся жирондистъ Керсенъ и воскликнулъ, что необходимо воздвигнуть эшафоты для убійцъ, а также для зачинщиковъ и подстрекателей къ убійствамъ. Намекъ на лѣвую конвента былъ очевиденъ, и этимъ началась борьба, которая должна была привести къ паденію жирондистовъ. Гора оспаривала предложеніе Керсена, но Верніо защищалъ его и оно прошло. Произошло сильное волненіе, во время котораго конвентъ разошелся.

Жирондисты держали себя все болѣе и болѣе вызывающе. На слѣдующій же день жирондистъ Ласурсъ открыто напалъ на Гору: его намеки мѣтили въ Марата и Робеспьера. Обоихъ ихъ жирондисты страшно ненавидѣли. Ласурсъ говорилъ о честолюбцахъ, которые льстятъ народу, клевещутъ на лучшихъ патріотовъ, оттачиваютъ кинжалы противъ депутатовъ и стремятся къ тираніи, къ диктатурѣ.

— «Кто, — воскликнулъ Осселенъ: — кто этотъ наглый гражданинъ, котораго призвалъ сюда голосъ народа, а онъ осмѣливается попирать ногами народныя права, стремясь къ диктатурѣ?».

— «Это Ребоспьеръ!» — крикнулъ жирондистъ Ребеки.

Робеспьеръ еще молчалъ; заговорилъ Дантонъ о томъ, что теперь истина должна всплыть наружу. Онъ требовалъ доказательствъ. Робеспьеръ сталъ опровергать заявленіе Ребеки,

но такъ какъ онъ говорилъ нѣсколько длинно, то жирондисты его прервали. Барбару сказалъ, что передъ 10 августа онъ былъ у Пани, и тамъ ему расписывали Робеспьера, какъ добродѣтельнаго человѣка, который долженъ стать диктаторомъ Франціи. Пани отрицалъ это, а Ребеки поддерживалъ.

Тутъ взошелъ на трибуну Маратъ. Жирондисты и «болотныя жабы» встрѣтили его страшнымъ шумомъ. Но Маратъ стойко выдержалъ поднявшуюся противъ него бурю.—«Повидимому, у меня здѣсь есть много личныхъ враговъ», сказалъ онъ холодно.—«Всѣ! Всѣ!» закричали жирондисты.— «Въ такомъ случаѣ,—да будетъ вамъ стыдно!—отвѣтилъ Маратъ:—за что вы оскорбляете человѣка, который оказалъ такъ много услугъ свободѣ?» Онъ говорилъ о преслѣдованіяхъ, вынесенныхъ имъ, и открыто заявилъ, что мысль о диктатурѣ принадлежитъ ему одному, что онъ желалъ диктатора, который бы уничтожалъ враговъ свободы, но диктатора съ ядромъ, прикованнымъ къ ногѣ. Если же иные не въ состояніи возвыситься до его взглядовъ, то это не его вина.

Тогда заговорилъ Верніо. Онъ произнесъ фразистую рѣчь и прочелъ циркуляръ комитета надзора; Марата онъ осыпалъ бранью. Жирондистъ Буало прочелъ одну статью о журналѣ Марата и потребовалъ обвиненія его. Маратъ защищался и конвентъ отклонилъ обвиненіе. Маратъ вынулъ изъ кармана пистолетъ и сказалъ, что онъ раздробилъ бы себѣ голову, еслибы прошелъ декретъ о его обвиненіи. Во время рѣчи Марата, жирондисты толкали его и кричали: «въ аббатство!» «на гильотину!» Своимъ поведеніемъ они нанесли себѣ большой ущербъ во мнѣніи парижскаго населенія; любовь парижанъ къ Марату вслѣдствіе этой исторіи еще больше возросла. Онъ проявилъ мужество и хладнокровіе, а эти качества всегда нравятся.

У Марата было мало друзей, и Робеспьеръ говорилъ, что Маратъ не внушаетъ ему увѣренности въ томъ, что онъ обладаетъ умомъ и смѣлостью государственнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, уживчивымъ Маратъ не былъ; его внѣшность тоже не была ни красивой, ни элегантной. Но высшая буржуазія ненавидѣла его какъ защитника бѣдныхъ, и это объясняетъ все.

Съ этого дня партійная борьба въ конвентѣ не прекращалась. Она перешла изъ него и на улицы. «Союзники» и рабочіе предмѣстій, соединенными силами взявшіе 10-го августа Тюльери, стали теперь во враждебныя отношенія другъ

къ другу. «Союзники» съ юга Франціи, державшіеся жирондистовъ, требовали головы Робеспьера; рабочіе предмѣстій грозили возстаніемъ. Парижская коммуна тоже подверглась нападеніямъ со стороны жирондистовъ: они упрекали ее въ сентябрьскихъ убійствахъ и всевозможныхъ грабительствахъ. Г-жа Ролланъ разжигала борьбу. Въ одномъ докладѣ, составленномъ ею и представленномъ ея мужемъ конвенту въ качествѣ своего собственнаго, она снова нападала на Гору и коммуну за сентябрьскія убійства. Противъ Робеспьера снова поднялись обвиненія въ стремленіи къ диктатурѣ. Онъ воскликнулъ: „кто осмѣлился открыто обвинять меня?» Тутъ поднялся жирондистъ Лувэ и началъ свою длинную, переполненную бранью, рѣчь противъ Горы и спеціально противъ Робеспьера. Онъ сгруппировалъ всѣ обвиненія и утверждалъ, что сентябрьскія убійства не были народнымъ самосудомъ, что они совершены толпой наемныхъ убійцъ. Шабо возразилъ, что онъ, пробираясь въ аббатство, долженъ былъ пройти *подъ цѣлымъ сводомъ изъ десятковъ тысячъ скрещенныхъ сабель.* Робеспьеръ потребовалъ восьмидневнаго срока, чтобы представить свое оправданіе. Онъ сдѣлалъ это очень умѣло, и слабое съ фактической стороны обвиненіе Лувэ совершенно пало.

Отношенія между обѣими этими партіями стали столь враждебными, что уничтоженіе одной изъ нихъ было неизбѣжнымъ. Если жирондисты упрекали людей Горы въ сентябрьскихъ убійствахъ, то Гора не безъ основанія возбудила противъ нихъ обвиненіе въ томъ, что они хотятъ раздробить Францію. Жирондистовъ обвиняли въ федерализмѣ, потому что они постоянно обращались къ департаментамъ. Гора очень кстати заставила конвентъ объявить единство и нераздѣльность республики и смертную казнь каждому, кто пожелалъ бы раздробить Францію.

Но личная борьба между членами Горы и Жиронды была лишь внѣшнимъ выраженіемъ непримиримой принципіальной противоположности между этими партіями. Жирондисты хотѣли свободы индивида, безъ всякаго ущерба для привилегій имущихъ; они были представителями того принципа, который называютъ индивидуализмомъ. Партія же Горы требовала преобразованія общества во имя свободы, равенства и братства. Эта противоположность дѣлала борьбу неизбѣжной—въ какой бы области ни встрѣтились.

Во время этой борьбы конвентъ не оставлялъ и другихъ

дѣлъ. Онъ подготовлялся къ своимъ трудамъ и избиралъ свои комитеты и коммиссіи. Пока были только комитеты для охраны общественной безопасности, для военныхъ дѣлъ, для бюджета и законодательства, для финансовъ и для конституціи. Въ этихъ комитетахъ господствовали жирондисты.

Послѣ отступленія пруссаковъ, Дюмурье направился на сѣверъ, чтобы выполнить давно лелѣянный имъ планъ вторженія въ Бельгію. Онъ стянулъ войска, стоявшія на сѣверной границѣ, и двинулся къ Бельгіи. Близъ Монса его ждалъ принцъ Саксенъ-Тешенскій занявшій очень сильную позицію. Этотъ принцъ, командовавшій австрійцами, стоялъ до сихъ поръ подъ городомъ Лиллемъ. Его жена, Марія-Христина Австрійская, нарочно пріѣхала, чтобы посмотрѣть, какому наказанію подвергнется этотъ «городъ бунтовщиковъ», и принцъ велѣлъ въ теченіе шести дней обстрѣливать городъ изъ мортиръ. Уже около двухъ-сотъ домовъ было разрушено. Но «городъ бунтовщиковъ» не сдавался, а оказывалъ самое геройское сопротивленіе. Конвентъ послалъ въ городъ комиссаровъ, чтобы они вмѣстѣ съ жителями его выдерживали осаду. И они держались, когда тяжелыя австрійскія осадныя орудія метали въ городъ бомбу за бомбой. Получивъ извѣстіе о приближеніи генерала Дюмурье, принцъ прекратилъ свою безполезную, но безжалостную, бомбардировку, и отступилъ къ своимъ укрѣпленнымъ позиціямъ. Дюмурье напалъ на него и, такимъ образомъ, 6 ноября 1792 года произошла кровавая битва при Жемаппѣ, въ которой австрійцы были совершенно разбиты.

Нападеніе французовъ на укрѣпленыя позиціи австрійцевъ было произведено съ большой отвагой. Исходъ битвы колебался то въ ту, то въ другую сторону; два раза французы безуспѣшно предпринимали штурмъ австрійскихъ позицій. Но храбрость республиканскихъ батальоновъ была необычайна; молодые республиканцы безстрашно, массами жертвовали собою за свободу. Герцогъ Шартскій, сынъ герцога Орлеанскаго,— впослѣдствіи Людовикъ-Филиппъ, король Франціи — собралъ разстроившееся лѣвое крыло французовъ, образовалъ отрядъ самыхъ отважныхъ воиновъ, который онъ назвалъ жемаппскимъ баталіономъ, и съ неотразимой силой ударилъ въ штыки на австрійцевъ. Генералъ Дампьерръ напалъ на австрійскій центръ, гдѣ былъ большой редутъ, разстроившій своими орудіями колонны аттакующихъ. Пылкій и отважный генералъ схватываетъ знамя и ведетъ свои колонны противъ изрыгающихъ огонь шанцевъ. Онъ первый всходитъ на нихъ, утверждаетъ трех-

цвѣтное знамя, а австрійскіе канониры въ это время избиваются при своихъ орудіяхъ. Между тѣмъ самъ Дюмурье выстроилъ для новаго приступа отбитое и разстроенное правое крыло французовъ. Охваченный воодушевленіемъ генералъ запѣваетъ марсельезу, войско подхватываетъ; пламенный гимнъ прерываемый лишь громомъ орудій, далеко-далеко разносится въ воздухѣ, и республиканскія колонны съ непреоборимою силою идутъ все дальше и дальше впередъ. Нужно взять деревню Кюэсмъ (Cuesmes): это рѣшитъ битву. Подъ страшнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій французы удачно бросаются въ штыки- —и австрійцы прогнаны: побѣда осталась за французами.

Австрійскіе ветераны съ ужасомъ говорили, что они еще никогда не видали столь яраго врага.

Принцъ Альбертъ, бомбардировавшій Лиллъ, былъ внѣ себя. Онъ не могъ понять, какъ это его, зятя императрицы, могъ побѣдить какой-то республиканскій генералъ; въ гнѣвѣ онъ отказался отъ командованія войскомъ.

Дюмурье, не встрѣчая никакого противодѣйствія, двинулся на Брюссель. Слѣдствія его побѣды были грандіозны; вся Бельгія была завоевана. Скоро сдались крѣпости.

Конвентъ съ живою радостью привѣтствовалъ успѣхи Дюмурье и рѣшилъ соединить Бельгію съ Франціею. — Онъ хотѣлъ демократизировать Бельгію: онъ хотѣлъ дать этой странѣ свободу, за которую она, какъ думали тогда, поднялась противъ Австріи еще до французской революціи. Конвентъ уничтожилъ феодализмъ въ Бельгіи, призналъ всѣ земли аристократовъ и духовенства національною собственностью и объявилъ свободу и равенство. Бельгійскій народъ посмотрѣлъ на это, какъ на вторженіе въ его права; онъ смѣшивалъ «историческія права» своего духовенства и аристократіи, руководившихъ нѣкогда движеніемъ противъ Австріи, со своими собственными правами. А тутъ еще поднялись обвиненія, что комиссары, посланные конвентомъ для выполненія его рѣшеній,—комиссары, между которыми былъ и Дантонъ, вели себя, какъ грабители. Въ этомъ отношеніи доказано немного, но шумъ былъ большой, и бельгійцы пришли въ сильное возбужденіе.

Дюмурье, который долженъ былъ организовать эту новую провинцію, придумывалъ всевозможные планы. Онъ сталъ посредникомъ между партіями и до нѣкоторой степени ему удалось пріобрѣсти расположеніе бельгійцевъ. Этотъ побѣдоносный генералъ уже теперь подумывалъ объ уничтоженіи республики и возстановленіи королевской власти. Онъ предста-

вляль себя въ роли генерала Монка, возстановившаго въ 1660 году англійскую монархію.

А пока что, этотъ талантливый генералъ и государственный человѣкъ обманывалъ демократію. Съ роялистами онъ былъ роялистъ, съ жирондистами—жирондистъ и якобинецъ—съ якобинцами. Всѣ съ одинаковою увѣренностью разсчитывали на него. Лишь Маратъ угадывалъ мысль, зарождавшуюся въ душѣ генерала, и открыто говорилъ это въ своемъ журналѣ. Марата называли клеветникомъ, но оказалось, что онъ былъ правъ.

На Рейнѣ, послѣ отозванія неспособнаго Люкнера, начальствованіе надъ войскомъ принялъ генералъ Кюстинъ. Хотя этотъ человѣкъ, сражавшійся въ Сѣверной Америкѣ подъ знаменами Вашингтона, и происходилъ изъ стариннаго дворянства но былъ, повидимому, искренно преданъ республикѣ. Кюстинъ еще ни разу не былъ въ битвѣ. Но онъ зналъ, что прирейнское населеніе въ значительной степени расположено къ нововведеніямъ во Франціи, и поэтому рѣшилъ двинуться на Майнцъ. При Шпейерѣ онъ разбилъ часть майнцскихъ и австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ полковника Винкельмана: французофобскія родомонтады Винкельмана были очень любимы при курфюршескомъ дворѣ въ Майнцѣ, но передъ пушками Кюстина они оказались несостоятельными.

Населеніе лѣваго берега Рейна жило подъ гнетомъ тяжелаго феодальнаго бремени. Тутъ было множество свѣтскихъ и духовныхъ, князей и господъ. Обыкновенно, чѣмъ мельче были эти господа, тѣмъ большими тиранами являлись они; въ особенности же сельское населеніе изнывало подъ тяжестью барщины и налоговъ. И лишь только подошли первые французскіе отряды, весь этотъ пестрый феодальный строй моментально исчезъ, точно по манію волшебнаго жезла: горожане и крестьяне стали свободными. Майнцъ былъ тогда курфюшествомъ, къ которому принадлежали также Ашаффенбургъ и Эрфуртъ. Княжилъ здѣсь послѣдній курфюрстъ, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ фонъ-Эрталь, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и княземъ-епископомъ вормскимъ; государство находилось въ крайне жалкомъ состояніи. Майнцская армія вслѣдствіе своей трусости и деморализаціи стала притчей во языцѣхъ. Государственные финансы разбрасывались фаворитамъ; пагубное хозяйничанье метрессъ руководило политикой правительства. Эрталь привлекъ въ Майнцскій университетъ, дававшій хорошіе оклады, множество

знаменитыхъ ученыхъ и разыгрывалъ роль покровителя наукъ и искусствъ, чтобы отклонить вниманіе отъ своей распутной жизни. Большинство ученыхъ, живнихъ въ Майнцѣ принадлежали къ ордену иллюминатовъ и были расположены къ принципамъ французской революціи, какъ знаменитый Георгъ Форстеръ, профессоръ Гоффманъ изъ Вюрцбурга, богословъ Бляу и профессоръ Меттернихъ.

Разслабленная майнцская буржуазія жила расточительностью двора и держала его сторону, но низшіе классы встрѣтили французскую революцію съ полнымъ сочувствіемъ.

Когда Кюстинъ послѣ стычки при Шпейерѣ пошелъ на Майнцъ, этой старой имперской крѣпостью овладѣлъ паническій страхъ. Курфюрстъ со всѣмъ своимъ дворомъ моментально исчезъ, сахвативъ при этомъ и денежныя суммы, вовсе не принадлежавшія ему; экипажи, переполненные бѣглецами, запрудили улицы; суда съ бѣглецами покрыли весь Рейнъ. Курфюршескій министръ Альбини держалъ рѣчь къ гражданамъ; онъ говорилъ о защитѣ до послѣдней капли крови, а между тѣмъ, во время этой рѣчи, телѣги съ его драгоцѣнностями уже переѣзжали рейнскій мостъ.

Крѣпость была хорошо снабжена гарнизономъ, орудіями, аммуниціей и провіантомъ и могла бы выдержать продолжительную осаду. Но комендантъ, австрійскій генералъ фонъ-Гимнихъ, былъ такъ труслівъ, что 21 октября сдалъ Майнцъ, послѣ одной лишь угрозы Кюстина бомбардировать городъ.

Говорятъ, будто Майнцъ палъ вслѣдствіе измѣны, но это не доказано, хотя возможно, что французы имѣли единомышленниковъ въ крѣпости. Курфюршескій офицеръ, обвиняемый въ измѣнѣ, потому что онъ впослѣдствіи поступилъ на французскую службу и сталъ французскимъ генераломъ, — Эйккемайеръ былъ единственнымъ въ то время человѣкомъ высказавшимся за упорную защиту Майнца и дѣлавшимъ соотвѣтствующія распоряженія.

Въ Майнцѣ сейчасъ же послѣ вступленія въ него французовъ, образовался знаменитый клубъ, принявшій имя: «Друзья свободы и равенства»; здѣсь собиралась демократія. Кюстинъ взялъ въ свои руки правленіе и управленіе страной и замѣстилъ всѣ общественныя должности сторонниками новыхъ идей. Но скоро онъ показалъ, что ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніи онъ не стоитъ на высотѣ своего положенія.

23 октября французы, подъ предводительствомъ генерала

Нейвингера, подошли къ старинному городу, Франкфурту на Майнѣ. Мѣщанство, господствовавшее во Франкфуртѣ, не мало испугалось и стало увѣрять французовъ, что оно всегда питало къ нимъ дружескія чувства. Кюстинъ потребовалъ съ франкфуртцевъ милліонъ военной контрибуціи—это было слишкомъ много: они предлагали только полмилліона. Но Кюстинъ настаивалъ на милліонѣ и этимъ навсегда испортилъ отношенія съ франкфуртцами. По поводу такого грабительства въ Германіи поднялся страшный шумъ; журналы еще очень преувеличили это дѣло. Кюстинъ, дѣйствительно, не съумѣлъ завоевать въ Германіи сочувствіе къ Франціи и ея нововведеніямъ. Но между тѣмъ онъ занималъ Майнцъ только до 12 декабря; въ этотъ день пруссаки, подошедшіе изъ Кобленца, оправившіеся послѣ своего неудачнаго отступленія изъ Шампани, напали вмѣстѣ съ однимъ гессенскимъ корпусомъ на Франкфуртъ. Кюстинъ оставилъ во Франкфуртѣ лишь слабый отрядъ войска; пруссаки и гессенцы одолѣли его, причемъ Кюстинъ, стоявшій очень близко, даже не явился на помощь. Пруссаки и гессенцы взяли Франкфуртъ, а Кюстинъ, своими высокопарными прокламаціями взволновавшій всю Германію, теперь совершенно потерялъ голову и отступилъ къ стѣнамъ Майнца. Такое поведеніе его способствовало тому, что его взвели на эшафотъ.

Къ этому времени французскій генералъ Монтескіу отнялъ у сардинскаго короля Ниццу и Савойю и присоединилъ ихъ къ республикѣ.

Надзоръ за королевскимъ семействомъ былъ порученъ парижской коммунѣ или, вѣрнѣе—коммуна изъ недовѣрія къ жирондистамъ не выпускала этого надзора изъ своихъ рукъ. Обращеніе, которому подвергался Людовикъ XVI и его семейство въ Тамплѣ, роялисты называютъ безчеловѣчнымъ и грубымъ. Но если не упускать изъ виду того, что дворъ и демократія вели другъ съ другомъ войну на жизнь и смерть, то въ достовѣрныхъ фактахъ, извѣстныхъ намъ относительно обращенія съ плѣннымъ королевскимъ семействомъ, нельзя усмотрѣть безчеловѣчности. Присмотръ за узниками сталъ нѣсколько строже, когда было замѣчено, что роялисты завязываютъ съ ними сношенія съ цѣлью ихъ освобожденія. Башня Тампля имѣла четыре этажа; въ каждомъ изъ нихъ было по двѣ комнаты и одному кабинету. Окна были снабжены рѣшетками; входъ запирался тяжелыми дверями. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась стража, взятая изъ революціонныхъ секцій,

главный надзоръ за нею принадлежалъ Сантерру. Въ первомъ (послѣ нижняго) этажѣ жилъ король съ сыномъ, во второмъ —королева съ дочерью, а въ третьемъ—принцесса Елизавета. Узники могли, подъ присмотромъ, гулять въ саду Тампля; днемъ сношенія между этажами были свободны, но на ночь лѣстница запиралась. Узникамъ доставляли книги, письменныя принадлежности и т. п. въ этомъ родѣ, чего они требовали; лишь позже были сдѣланы нѣкоторыя ограниченія. Людовикъ могъ до самаго послѣдняго времени держать при себѣ своего камердинера, Клери. Содержаніе было хорошо; въ кухнѣ около башни работало 13 поваровъ. Коммуна за два мѣсяца выдала болѣе 28.000 франковъ на содержаніе королевскаго семейства. Королю было передано 2.000 франковъ на мелкіе расходы; позже, изъ опасенія подкуповъ, ему не давали денегъ.

За королемъ хотѣли имѣть наблюденіе, поэтому его держали подъ строгимъ надзоромъ, но мучить его не хотѣли. Король Людовикъ больше всего возмущался тѣмъ, что его, какъ фактически уже переставшаго быть королемъ, называютъ по имени основателя его династіи Людовикомъ Капетомъ, и тѣмъ, что его караульные курятъ; онъ жаловался также, что привратникъ башни, Роше, относился къ нему не съ тѣмъ почтеніемъ, какое онъ считаетъ нужнымъ.

Уже съ различныхъ сторонъ раздавались требованія, чтобы былъ возбужденъ процессъ противъ короля. Конвентъ долженъ былъ рѣшить, что дѣлать съ Людовикомъ XVI. Его можно было освободить, или держать въ заключеніи, или казнить. Въ конвентѣ никто не былъ за освобожденіе; жирондисты стояли за заключеніе: Гора—за казнь. Дѣло Людовика XVI скоро поглотило вниманіе всей Европы. Между тѣмъ 19-го ноября конвентъ издалъ декретъ, въ которомъ говорилось: «Національный Конвентъ симъ объявляетъ, что онъ предлагаетъ помощь и братство всѣмъ народамъ, желающимъ вернуть свою свободу, и поручаетъ исполнительной власти дать приказъ генераламъ французскихъ армій, чтобы они оказывали помощь тѣмъ гражданамъ, которые подвергаются или впослѣдствіи будутъ подвергаться угнетеніямъ за дѣло свободы».

Что король состоялъ въ сношеніяхъ съ иностранцами, съ духовенствомъ, отвергавшимъ присягу, и эмигрантами въ этомъ было уже больше доказательствъ, чѣмъ бѣгство Людовика въ Вареннъ въ связи съ обстоятельствами этого бѣгства. Въ бюро цивильнаго листа были найдены доказательства, что

онъ писалъ епископу клермонскому въ 1791 году, что онъ снова возстановитъ свою власть и возвратитъ духовенству его прежнее значеніе. Коммуна представила конвенту документы, изъ которыхъ видно, что во время законодательнаго собранія дворъ израсходовалъ полтора милліона франковъ на подкупъ депутатовъ. Маратъ потребовалъ, чтобы былъ приложенъ инвентарь этихъ документовъ, и предложеніе его было принято. Но когда онъ потребовалъ, чтобы документы были немедленно же напечатаны и опубликованы, то жирондисты обнаружили, что совѣсть ихъ нечиста. Они обвиняли Марата, будто онъ хочетъ натравить на нихъ народъ. Это предложеніе его было отклонено.

Жирондисты, дѣйствительно, вели переговоры съ дворомъ. Но результатовъ этихъ переговоровъ теперь невозможно возстановить.

Въ это время въ Тюльери былъ открытъ «желѣзный шкафъ», собственно, потайной ящикъ, въ которомъ король пряталъ свою секретную корреспонденцію. Людовикъ, какъ извѣстно, любилъ слесарную работу; онъ часто работалъ вмѣстѣ съ однимъ слесаремъ, по имени Гаменомъ. Гаменъ зналъ этотъ секретный ящикъ и еще раньше говорилъ о немъ другимъ. Онъ утверждалъ также, что королева хотѣла избавиться отъ него посредствомъ отравленнаго печенія, которое будто бы она собственноручно предложила ему. Гаменъ былъ долго боленъ, а тѣмъ временемъ король посредствомъ одной придворной дамы удалилъ часть бумагъ, находившихся въ желѣзномъ шкафу. Вскорѣ послѣ этого Гаменъ явился къ министру Роллану и указалъ ему на этотъ желѣзный шкафъ. Ролланъ былъ настолько безтактенъ, что безъ свидѣтелей, даже безъ составленія протокола взялъ бумаги къ себѣ и предварительно просмотрѣлъ ихъ. Вслѣдствіе этого его обвиняли—правда ли это или нѣтъ, рѣшить невозможно,—что онъ скрылъ и уничтожилъ тѣ бумаги, которыя могли бы компромитировать его друзей, жирондистовъ. Но и то, что Ролланъ передалъ конвенту, служило достаточнымъ обвиненіемъ противъ двора: въ этихъ бумагахъ найдены письменныя доказательства комплотовъ, подкуповъ и заговорщическихъ связей двора. Измѣна Мирабо, его договоръ съ дворомъ всплыли наружу. Происки Булье и Лафайета были разоблачены, и доказаны связи двора съ иностранными правительствами, эмигрантами и отдѣльными членами обоихъ первыхъ національныхъ собраній. Это открытіе произвело громадное

впечатлѣніе, потрясшее всю Францію. Французы пришли въ ярость, увидѣвъ, какъ ихъ обманывали торжественными обѣщаніями и клятвами. Въ клубѣ якобинцевъ разбили бюстъ Мирабо, въ конвентѣ его завѣсили.

Теперь со всѣхъ сторонъ стали поступать петиціи, являться депутаціи съ требованіями энергичныхъ мѣръ относительно короля. Коммуна пустила въ дѣло все свое вліяніе. Раненые 10-го августа дефилировали передъ конвентомъ и требовали мести. Что король стремился къ уничтоженію французской конституціи—это было ясно. Но какъ же обвинять его? Конституція гарантировала ему неприкосновенность: отвѣтственными были только его министры. Въ конституціи говорилось: «Послѣ отчетливаго и согласнаго съ предписаніями закона (legal) отреченіе короля отъ престола, король принадлежитъ къ классу гражданъ и, также какъ и они, можетъ за свои поступки, совершенные послѣ отреченія отъ престола, подвергаться судебнымъ преслѣдованіямъ». Понятіе неприкосновенности одна изъ многихъ неопредѣленностей, вытекающихъ изъ конституціонализма. Поэтому вопросъ о неприкосновенности сейчасъ же выступилъ на первый планъ. Комитетъ законодательства долженъ былъ представить докладъ по дѣлу Людовика, и его докладчикъ Мэль (Maêlhe) реферировалъ дѣло 7-го ноября. Мэль говорилъ, что конвентъ въ правѣ судить короля. Онъ доказывалъ, что неприкосновенность не распространяется на частную дѣятельность короля, а такой дѣятельностью и были его тайные комплоты съ иностранными правительствами и эмигрантами. Конвентъ,—говорилъ онъ,—представляетъ собою французскій народъ; онъ долженъ превратиться въ судебную палату, чтобы судить Людовика согласно съ опредѣленіями закона относительно измѣнниковъ и заговорщиковъ. Пренія объ этомъ предложеніи комитета законодательства начались 13-го ноября. Крайняя правая утверждала, что короля нельзя ни судить, ни наказывать, потому что его неприкосновенность распространяется на всѣ его поступки. Если же король и наказуемъ, то Людовикъ XVI уже наказанъ лишеніемъ престола. Это именно доказывалъ Моряссонъ; онъ говорилъ, что потеря такого престола столь же тяжела, какъ и смертная казнь. Затѣмъ онъ обрисовалъ короля какъ жертву окружавшихъ его, и всю вину возлагалъ на нихъ. Противъ этого взгляда выступили Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ. Они выступили въ этомъ дѣлѣ, какъ безусловные послѣдователи Руссо и въ своихъ рѣчахъ ссылались на

его общественный договоръ. Маратъ раздѣлялъ ихъ взгляды. Раньше онъ составилъ проектъ уложенія о наказаніяхъ и допускалъ смертную казнь лишь съ большими оговорками и также какъ Робеспьеръ однажды въ учредительномъ собраніи высказался безусловно противъ смертной казни. Но Руссо въ своемъ «Общественномъ Договорѣ» отчетливо говоритъ: «Если для государства полезно, чтобы ты умеръ, то ты долженъ умереть,—потому что лишь подъ этимъ условіемъ ты до сихъ поръ жилъ въ безопасности, и потому, что твоя жизнь—уже не только благодѣяніе природы, но и условный даръ государства». Догматики государственной и соціальной философіи Руссо думали, что къ дѣлу Людовика XVI необходимо примѣнить это положеніе въ его буквальномъ смыслѣ,—такъ же какъ и впослѣдствіи во времена ужаса «Общественный договоръ» всегда лежалъ на столѣ комитета благосостоянія.

Теперь выступилъ Сенъ-Жюстъ, молодой человѣкъ 24 лѣтъ, бывшій маркизъ, избранный въ конвентъ, благодаря вліянію Робеспьера. Это былъ нѣжный юноша, прекрасный, какъ дѣвушка, одаренный большими способностями, мыслитель, которому, суждено было въ бурное время революціи пройти свой короткій, но блестящій жизненный путь. Онъ возражалъ Мориссону, что короля нельзя судить по гражданскимъ законамъ, такъ какъ онъ, въ качествѣ короля, исключенъ изъ общественнаго договора, что съ нимъ нужно поступить на основаніи международнаго права. «Граждане,—говорилъ этотъ юный фанатикъ:—если римскій народъ послѣ 600 лѣтъ добродѣтели, если Англія послѣ смерти Кромвеля, вопреки всей энергіи этого человѣка, увидѣли, что королевская власть снова воскресла, то чего же должны бояться добрые граждане, друзья свободы, если они видятъ, какъ сѣкира уже теперь дрожитъ...» Большинство конвента не хотѣло такихъ мѣръ. Сенъ-Жюста съ жаромъ оспаривали. Но тутъ выступаетъ Робеспьеръ, такъ часто подхватывавшій мысли Сенъ-Жюста и развивавшій ихъ дальше. Онъ тоже не хотѣлъ процесса. «Собраніе,—сказалъ онъ,—слишкомъ далеко уклонилось отъ сущности дѣла. Дѣло идетъ здѣсь вовсе не о процессѣ. Людовикъ Капетъ—не обвиняемый, а вы—не судьи его. Вы политическіе дѣятели и не можете быть ничѣмъ инымъ. Вамъ предстоитъ не произнести приговоръ надъ человѣкомъ, а принять мѣру общественнаго блага, совершить актъ политической предусмотрительности. Вотъ въ чемъ разрѣшеніе занимающаго насъ вопроса. Людовикъ уже осужденъ,—или самой республикѣ нѣтъ оправданія!»

Конвентъ не принялъ этой страшной альтернативы, но она проникла дальше, туда, гдѣ голосъ Робеспьера значилъ чрезвычайно много,—даже почти все. Предмѣстья привыкли радостными криками поддерживать «Неподкупнаго». Такимъ образомъ, многіе стояли за его взгляды, и хотя конвентъ не соглашался съ нимъ, но все-таки увидѣлъ себя вынужденнымъ начать процессъ противъ короля. Впрочемъ и Маратъ не раздѣлялъ взглядовъ Робеспьера по этому дѣлу. Онъ тутъ же сказалъ одному своему другу, что поведеніе Робеспьера заставляетъ предчувствовать въ немъ будущаго диктатора. И предчувствіе Марата не обмануло его.

Пренія тянулись еще долго, но 3 декабря конвентъ, по предложенію Петіона, объявилъ, что противъ короля будетъ начатъ процессъ съ соблюденіемъ судебныхъ формальностей. Былъ избранъ особый комитетъ, который долженъ былъ сгруппировать всѣ обвиненія, возбужденныя противъ бывшаго короля Франціи, и составить обвинительный актъ. Обвиненіе говорило о государственной измѣнѣ и распадалось на двѣ части. Первая часть представляла собою до нѣкоторой степени введеніе, снабженное историческими фактами; здѣсь перечислялись всѣ дѣйствія короля, направленныя противъ конституціи, попытки государственныхъ переворотовъ, бѣгство въ Вареннъ, и т. д. Во второй части обвиненія приводились факты, свидѣтельствовавшіе о враждебной конституціи дѣятельности короля вплоть до 10 августа. Но все это собственно не было обвинительнымъ матеріаломъ, а должно было лишь доказывать, что изъ прошлаго Людовика нужно заключать, что онъ дѣйствительно способенъ на тѣ преступленія, въ которыхъ его обвиняли. Конвентъ рѣшилъ пригласить короля на свое засѣданіе и допросить его. 11 сентября Сантерръ и мэръ Шамбонъ явились въ Тампль и прочли королю декретъ конвента. Король протестовалъ противъ имени Людовикъ Капетъ и сказалъ: «Это —лишь продолженіе того, что я выстрадалъ за эти четыре мѣсяца. Я пойду съ вами, но не потому, чтобы я признавалъ надъ собою власть конвента, а потому, что въ рукахъ моихъ враговъ—сила!»

Къ королю при этомъ отнеслись съ большимъ почтеніемъ. Его посадили въ элегантную карету, дали эскортъ изъ 600 человѣкъ національной гвардіи и повезли въ конвентъ. Народъ большими массами толпился на улицахъ и молча пропускалъ этотъ замѣчательный поѣздъ.

Въ конвентѣ предсѣдательствовалъ ловкій Барреръ, всегда

умѣвшій найти вѣрный лозунгъ дня. Когда было доложено о прибытіи короля, президентъ обратился къ собранію съ такими словами: «Граждане! Вся Европа смотритъ на васъ. Потомство васъ будетъ судить съ неумолимой строгостью. Поэтому соблюдайте то достоинство, ту безпристрастность, которыя приличествуютъ судьямъ. Вспомните о томъ страшномъ молчаніи, которымъ былъ встрѣченъ Людовикъ XVI, когда его везли изъ Варенна въ Парижъ!»

Король вошелъ. «Людовикъ!—сказалъ Барреръ:—«французская нація обвиняетъ васъ. Вамъ будетъ прочитанъ актъ, содержащій фактическое обвиненіе. Людовикъ, садитесь!»— Барреръ впослѣдствіи придавалъ очень большое значеніе тому, что онъ въ этомъ случаѣ не употребилъ имени Капетъ.

Обвиненіе было прочитано и допросъ начался. Людовикъ не только отрицалъ все, относительно своей правительственной дѣятельности, отвѣтственность за которую онъ возлагалъ на своихъ министровъ, но даже утверждалъ, будто ничего не знаетъ о желѣзномъ шкафѣ, и не признавалъ писемъ, имъ же подписанныхъ. Поведеніе короля озлобило конвентъ и коммуну и вызвало прежде всего то, что его разлучили съ его семьей. Во время обратнаго пути короля въ Тампль, толпа была въ волненіи. Вблизи кареты короля неоднократно раздавались крики: «да здравствуетъ республика!» Однако были и рѣдкія проявленія участія къ королю.

Конвентъ постановилъ, что король можетъ выбрать себѣ защитниковъ. Король указалъ на Троншe и Тарже; Тарже отказался защищать его, яко бы по болѣзни, но на самомъ дѣлѣ изъ трусости. Мальзэрбъ добровольно предложилъ свои услуги и онѣ были приняты; кромѣ того, былъ приглашенъ еще одинъ молодой, довольно незначительный юристъ, по имени Десезъ, имя котораго благодаря только этому процессу и сохранилось для потомства.

23 декабря Людовикъ снова предсталъ передъ конвентомъ въ сопровожденіи своихъ защитниковъ. Десезъ держалъ защитительную рѣчь. Этотъ адвокатъ, котораго впослѣдствіи Бурбоны не забыли своими милостями, не оказалъ хорошихъ услугъ своему кліенту; онъ былъ даже такъ недальновиденъ, что сталъ на точку зрѣнія крайней правой. Онъ говорилъ, что конвентъ не можетъ быть въ одно и то же время и обвинителемъ, и судьей, и взывалъ къ суду исторіи:—все это такія вещи, которыя, понятно, не могли произвести никакого впечатлѣнія на конвентъ. Къ рѣчи своего защитника король при-

бавилъ еще нѣсколько словъ, и послѣ этого его снова препроводили въ Тампль.

Затѣмъ, начались длинныя пренія по вопросу о виновности. Вслѣдствіе колебанія жирондистовъ все дѣло приняло новый оборотъ. Они не знали, что имъ дѣлать. Они находились въ томъ положеніи, въ какое попадають всѣ нерѣшительные люди. Они боялись признать виновность короля; но, съ другой стороны, они боялись парижанъ если не произнесутъ обвинительнаго приговора. Изъ этого затрудненія они придумали себѣ чрезвычайно хитроумный выходъ. Они заявили, будто произнесеніе конвентомъ окончательнаго приговора надъ королемъ оскорбляетъ ихъ демократическую совѣсть, и требовали, чтобы на предстоящій приговоръ была допущена апелляція къ націи, чтобы окончательное рѣшеніе дѣло получило въ первичныхъ собраніяхъ.

Мысль объ апелляціи къ націи вызвала оживленную борьбу между Горой и Жирондой. Гора видѣла, что жирондисты желають спасти короля: она знала, что при всеобщемъ голосованіи, смертнаго приговора, котораго она добивалась невозможно ожидать. Поэтому, когда жирондисты во имя державныхъ правъ народа требовали апелляціи къ націи, Гора утверждала, что Жиронда желаетъ этимъ голосованіемъ вызвать гражданскую войну. Робеспьеръ говорилъ что нужно отличать націю отъ народа. «Нація,—сказалъ онъ: — это порядочные, нѣкогда привиллегированные классы, а народъ — это бѣдные, трудящіеся классы». Онъ говорилъ, что въ первичныхъ собраніяхъ «порядочные люди» господствуютъ надъ народомъ. Въ этомъ процессѣ Робеспьеръ проявилъ всю свою настойчивость, и въ борьбѣ съ жирондистами онъ, также какъ Маратъ, былъ ихъ смертельнымъ врагомъ.

Парижъ пришелъ въ волненіе; на улицахъ и въ театрахъ происходили шумныя демонстраціи. Сторонники короля демонстрировали преимущественно въ театрахъ. Коммуна употребляла всѣ усилія, чтобы предупредить волненія. Среди этихъ обстоятельствъ всплыло наружу все отвращеніе большинства конвента къ коммунѣ. Въ особенности же жирондисты ненавидѣли этотъ сильный муниципалитетъ, имѣвшій возможность опираться на многія тысячи вооруженныхъ рабочихъ. Но все же мэра Шанбона они пригласили дать отчетъ о состояніи Парижа. Мэръ изобразилъ бѣдствія рабочихъ въ предмѣстьяхъ, положеніе которыхъ къ этому времени снова стало ухудшаться. Онъ также далъ свѣдѣнія относительно національной гвардіи.

Она состояла изъ 110,000 чел.; сверхъ того было 5.000 союзниковъ, жандармеріи и т. п. 2500 и 2600 конницы: въ общемъ 130,000 человѣкъ. Копейщики требовали ружей. Къ этому времени секціямъ были также даны пушки.

Между тѣмъ какъ коммуна предупреждала всякіе безпорядки,—конвентъ рѣшилъ судьбу короля. Трибуны конвента были заняты густыми массами народа, что производило значительное вліяніе на голосованіе многихъ депутатовъ. Голосованіе продолжалось съ 14 по 17 января. Первымъ подлежалъ рѣшенію вопросъ о виновности. Формула его была такова: „Виновенъ ли Людовикъ Капетъ въ заговорѣ противъ свободы націи и въ покушеніи на общую безопасность государства?"

На засѣданіи присутствовало 720 членовъ, полное число всѣхъ членовъ конвента равнялось 749; 683 члена на вопросъ о виновности отвѣтили безусловно утвердительно, 37 же членовъ отвѣтили тоже утвердительно, но объявили себя некомпетентными въ рѣшеніи вопроса о наказаніи. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о виновности короля весь конвентъ былъ единодушенъ.

Затѣмъ, голосовался вопросъ объ апелляціи къ націи. Формула его гласила: «Каково бы ни было рѣшеніе конвента относительно Людовика Капета,—должно ли оно быть предложено на утвержденіе народа»?

Изъ 720 членовъ конвента, присутствовавшихъ на засѣданіи, 423 отвѣтили: «нѣтъ», 281—„да", 11 прибавили разныя оговорки и 5 воздержались отъ голосованія.

Такимъ образомъ, планъ жирондистовъ не удался. Теперь приступили къ голосованію третьяго вопроса: «Какому наказанію долженъ подвергнуться Людовикъ Капетъ?»

Голосованіе относительно рода наказанія продолжалось 24 часа, потому что конвентъ постановилъ, чтобы каждый депутатъ высказалъ свое мнѣніе громко съ мотивировкой его съ трибуны. Масса народа, толпившаяся на трибунахъ, сопровождала каждое мнѣніе, смотря по характеру его, шиканьемъ или аплодисментами. Эгалите подалъ голосъ за смертную казнь своего двоюроднаго брата, и въ длинныхъ словахъ хотѣлъ оправдать свой поступокъ, послѣ чего Сійэсъ, слѣдовавшій за нимъ, раздражительно воскликнулъ: «смерть—безъ разговоровъ!»—La mort sans phrase! Слова эти роялисты впослѣдствіи припоминали аббату, и онъ отрекался отъ нихъ. Жирондисты проявили тутъ свою настоящую натуру: двусмысленность и лице-

мѣріе. Они хотѣли голосовать противъ смертной казни. Но когда Верніо увидѣлъ на галлереяхъ грозныя массы народа, онъ подалъ свой голосъ за смертную казнь; то же самое сдѣлали и остальные члены его партіи, кромѣ Кондорсе, высказавшагося за пожизненное тюремное заключеніе. Когда потомъ Верніо, въ качествѣ президента, объявилъ приговоръ, онъ выразилъ свое глубокое сожалѣніе, что приговоръ изрекалъ смертную казнь,—а самъ онъ все таки подалъ голосъ за смертную казнь.

На засѣданіи присутствовали 726 членовъ конвента, изъ которыхъ 5 удержались отъ голосованія, такъ что абсолютное большинство составляло 361. За смертную казнь безъ всякихъ ограниченій вотировали какъ разъ 361 депутатъ; 46 вотировали за смерть съ отсрочкою казни; 26—за смерть съ тѣмъ, чтобы еще обсуждался вопросъ объ отсрочкѣ; 266 — за тюремное заключеніе или ссылку; 2—за работы на галерахъ. Такимъ образомъ, надъ Людовикомъ XVI въ конвентѣ былъ произнесенъ смертный приговоръ.

Передъ барьеромъ явились защитники короля, и Трэнше представилъ то возраженіе, что по уголовнымъ законамъ для осужденія необходимо большинство двухъ третей. Но Мерленъ юристъ изъ Дуэ, опровергъ это возраженіе, доказавъ что законъ требуетъ большинства двухъ третей только по вопросу о самомъ фактѣ, виновенъ ли обвиняемый или нѣтъ, а вопросъ о виновности уже рѣшенъ. „Кромѣ того,— воскликнулъ Сенъ-Жюстъ:—сами законы создаются лишь простымъ большинствомъ голосовъ!" на что одинъ голосъ изъ правой отвѣтилъ: «законы можно отмѣнить,—а человѣческой жизни ужъ не вернете!» Конвентъ согласился съ доводами Мерлена.

Смертный приговоръ былъ объявленъ королю въ Тамплѣ министромъ юстиціи Гара и мэромъ Шанбономъ.

Людовикъ потребовалъ черезъ своихъ защитниковъ отсрочки на три дня; жирондисты поддерживали это требованіе. Но конвентъ отказалъ Людовику и 20 января 1793 года постановилъ, чтобы приговоръ былъ исполненъ въ 24 часа.

Прошелъ слухъ, что группа молодыхъ людей составила разговоръ съ цѣлью освобожденія короля, вслѣдствіе чего коммуна приняла энергичныя мѣры.

Людовикъ простился со своею семьею и затѣмъ попросилъ разрѣшенія быть при немъ одному священнику, по имени Эджеворту: Людовикъ зналъ, что Эджевортъ скрывается въ Парижѣ, такъ какъ онъ отказался дать присягу. Этотъ священникъ былъ

ему доставленъ. Мальзэрбу, явившемуся въ Тампль, король сказалъ, что онъ постоянно желалъ лишь блага своего народа.

Въ день казни Сантерръ хотѣлъ отказаться отъ начальствованія надъ національною гвардіею. Но его не отпустили, а пригрозили ему строгимъ наказаніемъ и поставили надъ нимъ генерала Берюйе, командовавшаго линейными войсками въ Парижѣ.

21 января 1793 года, въ 9 часовъ утра Сантерръ взялъ Людовика изъ Тампля. Людовикъ сѣлъ въ карету мэра; рядомъ съ нимъ сѣлъ Эджезортъ. На переднемъ сидѣніи помѣстились два жандарма, а за каретой везли заряженныя пушки. Карета ѣхала среди длинныхъ шпалеръ національной гвардіи, молча стоявшей подъ ружьемъ. Людовикъ читалъ молитвы на исходъ души. Эшафотъ былъ устроенъ на площади революціи, называвшейся раньше площадью Людовика XVI, противъ Тюльери. Вокругъ Эшафора были разставлены пушки, а кругомъ обширное пространство, какое только можно было охватить глазомъ, было покрыто вооруженными людьми. Тутъ стояло, вѣроятно, 40,000 чел., и хотя Парижъ находился въ волненіи, въ этотъ день въ немъ господствовала тишина. На мѣстѣ казни король былъ встрѣченъ глубокимъ молчаніемъ. Во время этой послѣдней поѣздки короля нѣкоторые роялисты бѣгали по дорогѣ и кричали: «сюда, къ намъ, — кто хочетъ спасти короля!» Но кавалерія разсѣяла ихъ.

Ровно въ 10 часовъ Людовикъ прибылъ на мѣсто казни. Помощники палача Самсона окружили его, чтобы связать ему руки. Онъ сперва защищался и не позволялъ снять съ себя сюртукъ. Тогда подошелъ къ нему Эджеворть и сталъ уговаривать его покориться неизбѣжному. Король послушался его, но онъ все еще былъ очень возбужденъ; лицо его было красно. Палачи привели его въ раздраженіе.

Людовикъ взошелъ на эшафотъ, и когда въ этотъ моментъ барабанщики національной гвардіи умолкли, онъ подошелъ къ краю эшафота и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

«Французы! Я умираю—неповиннымъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя взводятъ на меня; я прощаю виновникамъ моей смерти и желаю, чтобы моя кровь спасла счастье Франціи!»...

Въ этотъ мигъ генералъ Берюйе велѣлъ ударить въ барабаны; палачи схватили короля и въ 10 часовъ 20 минутъ голова его упала на землю. Говорятъ, что Эджевортъ сказалъ ему: «взыди на небо,—сынъ Людовика Святого!» Но это оспаривается.

Такъ кончилъ жизнь этотъ король, котораго одни преувеличенно восхваляли, а другіе преувеличенно порицали. Въ другое время, можетъ быть, о немъ можно было бы сказать не много хорошаго, но также—и не много дурного.

Послѣ казни короля партійная борьба въ конвентѣ затихла было лишь на одинъ мигъ, именно до тѣхъ поръ, пока не похоронили депутата Мишеля Лепеллетье де Сенъ-Фарго, убитаго однимъ бывшимъ королевскимъ лейбъ-гвардейцемъ, по имени Пари, за то, что онъ подалъ свой голосъ за казнь короля. Вслѣдъ за этимъ борьба между Горою и Жирондою возгорѣлась снова. Жиронда, потерпѣвшая пораженіе въ процессѣ короля, почувствовала страхъ передъ населеніемъ предмѣстій и потребовала особой стражи для конвента. Эту стражу нужно было взять изъ департаментовъ, и для каждаго депутата нужно было дать по шести человѣкъ пѣшихъ и по два конныхъ. Но это предложеніе, вызвавшее противъ себя массу адресовъ, не прошло.

Рабочее населеніе Парижа терпѣло все большія и большія лишенія. Курсъ бумажныхъ денегъ падалъ все ниже и ниже, а цѣны товаровъ поднимались все выше и выше. Безработица, эта неразлучная спутница всѣхъ политическихъ кризисовъ, достигла высшей степени. Запутанность всѣхъ дѣлъ приняла въ это время уже очень широкіе размѣры; торговыя дѣла пришли въ большое разстройство. Продовольствованіе Парижа стало однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ. Частныя предпріятія не могли уже удовлетворять ежедневныхъ потребностей населенія этого большого города, потому что большая часть товаровъ и запасовъ исчезла съ рынка. Скупщики и спекулянты, вопреки всѣмъ энергичнымъ мѣрамъ, совершали свои безчинства. Мелкіе торговцы и землевладѣльцы не хотѣли принимать сомнительныхъ бумажныхъ денегъ и придерживались съ продажею своихъ товаровъ. Эти обстоятельства должны были вызвать впослѣдствіи цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ, но пока что—конвентъ дѣлалъ мало. Всѣ слои народа терпѣли отъ этихъ бѣдствій, даже рантье, получавшіе свою ренту отъ государства въ ассигнатахъ. Рабочіе подъ гнетомъ нужды часто обращались къ конвенту, но онъ мало что дѣлалъ въ ихъ пользу. Якобинцы взваливали вину за все на аристократовъ и обѣщали принять сильныя мѣры противъ измѣнниковъ. Этимъ они надѣялись или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что надѣются помочь горю. Коммуна при-

няла дѣятельное участіе въ судьбѣ рабочихъ, и на будущее время продовольствованіе Парижа стало ея главною задачею.

Маратъ заговорилъ о лишеніяхъ рабочихъ въ своемъ журналѣ. Онъ открылъ имъ страницы своего изданія и они публиковали въ немъ свои жалобы. Они прекрасно понимали свое положеніе. Это проявилось уже въ заявленіи 18.000 бѣдняковъ, поданномъ въ учредительное національное собраніе и напечатанномъ въ журналѣ Марата: «Отчего,—говорили рабочіе депутатамъ:—отчего вы забываете ваши хорошіе принципы, лишь только дѣло зайдетъ объ активныхъ и пассивныхъ гражданахъ? Бастилія пала, потому что ее взяли десятки тысячъ рабочихъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Отказывались ли мы когда-нибудь отъ дѣла? Дрожали ли когда-нибудь въ такихъ случаяхъ наши руки, не мы ли побили гвардію? Низвергнуть родовую аристократію, чтобы подпасть господству аристократіи денежной—это была бы слишкомъ плохая мѣна. Когда плотины прорваны, морская вода съ шумомъ низвергается внизъ: она не остановится до тѣхъ поръ, пока вверху и внизу она не станетъ на одномъ уровнѣ. Напрасно вы хотите положить предѣлъ реформамъ тамъ, гдѣ это вамъ желательно. Поистинѣ,—равенство правъ ведетъ къ равенству въ наслажденіи жизнью, и лишь на этомъ можетъ успокоиться мысль».

Многіе жирондисты сами до революціи проповѣдывали подобныя же теоріи, но теперь онѣ стали слишкомъ крайними для нихъ. Сантерръ же потребовалъ, чтобы отпустили полъ-милліона франковъ на пріобрѣтеніе продовольствія народу. Милостыни этого рода не нравились рабочимъ. Многихъ изъ нихъ можно было занять работами въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Парижа. Коммуна нарядила для этого массу рабочихъ. Но конвентъ увидѣлъ политическую опасность въ этомъ массовомъ скопленіи рабочихъ; дѣло разслѣдовала коммиссія изъ муниципальныхъ чиновниковъ и членовъ конвента. Она нашла, что полъ-милліона франковъ были затрачены безполезно, и выработала регламентъ, который и былъ принятъ конвентомъ. Послѣ этого рабочихъ раздѣлили на бригады и ввели для нихъ поштучную заработную плату. Рабочіе сильно возставали противъ такой мѣры, они говорили въ одномъ заявленіи конвенту: «Вознагражденіе всѣхъ лицъ, состоящихъ на службѣ націи, должно распредѣляться въ справедливомъ отношеніи. Рабочіе—основа націи, потому что—они именно поднялись 10 августа». Конвентъ не принялъ во вниманіе этого требованія, и

дѣло дошло до забастовки послѣ чего конвентъ прекратилъ общественныя работы. 23 октября 1792 года въ конвентъ явилась депутація изъ двадцати рабочихъ. Она снова требовала уничтоженія поштучной платы, но безуспѣшно.

Коммуна, поддерживавшая эти требованія рабочихъ, выдала квитанціи на хлѣбъ и теперь потребовала у конвента денегъ для погашенія этихъ квитанцій. Жирондисты упрекали коммуну въ томъ, что она не представила отчета. Цѣны повышались, а товаровъ становилось все меньше и меньше. Между тѣмъ какъ коммуна дѣлала все, что было въ ея силахъ, для уменьшенія народныхъ бѣдствій, жирондисты упрекали ее, что она вызываетъ безпорядки. Ролланъ говорилъ, что если только возстановить свободу сношеній, то окажется избытокъ во всемъ что арендаторы и поселяне перестали являться на рынокъ изъ страха передъ парижскимъ населеніемъ; что коммуна отдаетъ муку по покупной цѣнѣ и этимъ причиняетъ ежедневный расходъ въ 12,000 франковъ; что коммуна — это очагъ всѣхъ интригъ. Коммуна въ своемъ отвѣтѣ на эти обвиненія говорила, что она не хочетъ новой революціи: революція, молъ, уже сдѣлана; что народъ обреченъ на лишенія, потому что коалиція капиталистовъ, крупныхъ торговцевъ и скупщиковъ желаетъ завладѣть сельско-хозяйственными и промышленными продуктами; что властямъ необходимо дать право назначать таксу на предметы первой необходимости. Нужда вызвала самыя разнообразныя предложенія. Такъ, одна петиція требовала чтобы у арендаторовъ были произведены обыски и чтобы было опредѣло, сколько земли можетъ каждый обрабатывать. Въ конвентѣ около этого времени одинъ изъ жирондистовъ предложилъ, чтобы государство взяло хлѣбную торговлю въ свои руки, но безуспѣшно. Въ мотивировкѣ этого предложенія говорилось: „Если бы въ какой нибудь завоеванной странѣ богатые люди скрывали свой хлѣбъ отъ нашихъ солдатъ, а наши солдаты терпѣли бы голодъ,—должны ли были бы они уважать эту мнимую свободу собственности?“ Нельзя не замѣтить, что изъ этихъ предложеній возникли позднѣйшія мѣропріятія: максимумъ цѣнъ и реквизиціи.

Коммуна продолжала выдавать хлѣбъ по покупной цѣнѣ, и конвентъ увидѣлъ, что нельзя возвышать цѣнъ на хлѣбъ, а нужно доставить коммунѣ средства для покрытія убытковъ. Коммунѣ было предоставлено взимать подати на сумму четырехъ милліоновъ, что она осуществила въ формѣ прогрессивнаго подоходнаго налога. Доходы ниже 900 франковъ были

освобождены отъ налога. Лица, подвергавшіяся податному обложенію, были раздѣлены на пятнадцать классовъ: первый классъ платилъ 3, а пятнадцатый — 20 процентовъ своего дохода. Подобныя же мѣры были приняты и въ другихъ городахъ: Ліонѣ, Марсели и Тулонѣ.

Въ Парижѣ было не мало роялистическихъ агентовъ, которые воспользовались народной нуждой, чтобы возбудить народъ противъ конвента. Слѣдствіемъ этого было не мало волненій, и оказалось нужнымъ прибѣгнуть къ рѣзкимъ мѣрамъ. Конвентъ уполномочилъ коммуну немедленно дать тревогу, лишь только она найдетъ это нужнымъ. Но коммуна этимъ не удовлетворилась: она хотѣла имѣть средства для продовольствованія города. Своихъ налоговъ она еще не могла собрать; вопреки возраженіямъ жирондистовъ, она добилась того, что ей дали ссуду на сумму, равную общей суммѣ налоговъ имѣвшихъ поступить за два года. Она получила 7 милліоновъ. Понятно, что жирондисты, противодѣйствуя всѣмъ мѣрамъ, направленнымъ къ уменьшенію всеобщихъ бѣдствій, должны были становиться все болѣе ненавистными народу.

Тѣмъ временемъ роялистическіе агенты продолжали свои козни. Однажды они распространили слухъ, будто у булочниковъ уже нѣтъ муки, и парижанамъ предстоитъ умирать съ голоду. Коммуна велѣла осмотрѣть запасы булочниковъ и нашла что мука, хотя и не въ большомъ количествѣ, у нихъ имѣется. Роялисты подстрекали также къ безпорядкамъ прачекъ. 23 февраля 1793 года прачки обратились въ конвентъ съ жалобой на дороговизну съѣстныхъ припасовъ и мыла. Онѣ въ сильныхъ выраженіяхъ нападали на ростовщиковъ и скупщиковъ и требовали ихъ смерти. Конвентъ выразилъ порицаніе этому, но допустилъ прачекъ въ свое засѣданіе. На слѣдующій день женщины предприняли нашествіе на мелочныя лавки и забирали въ нихъ кофе, сахаръ, мыло, свѣчи по такимъ цѣнамъ, какія онѣ сами установили. Зачинщиками этихъ безпорядковъ, принимавшихъ все большіе и большіе размѣры, называли аристократовъ; но говорили также, что Жакъ Ру, прежній священникъ, бывшій теперь коммиссаромъ коммуны, всегда рѣзко выступавшій противъ крупныхъ собственниковъ, тоже участвовалъ въ безпорядкахъ. Коммуна подавила эти безпорядки, при посредствѣ Сантерра, который арестовалъ около сорока лицъ, подстрекавшихъ народъ. Среди арестованныхъ были аббаты, прежніе аристократы и ихъ слуги и одна графиня. Они подстрекали прачекъ съ цѣлью дискредитировать

республику. Впрочемъ, Жакъ Ру былъ тоже исключенъ изъ коммуны. Онъ навлекъ на себя ненависть Робеспьера, что и привело его къ гибели.

Маратъ рѣзко писалъ въ своемъ журналѣ противъ ростовщиковъ и ажіотеровъ. Онъ показалъ, что онъ гораздо глубже понималъ экономическое положеніе, чѣмъ большинство революціонеровъ. «Причина бѣдствій—писалъ онъ въ своемъ журналѣ,—заключается въ массѣ ассигнатовъ, цѣнность которыхъ постоянно уменьшается какъ вслѣдствіе ихъ умноженія, такъ и вслѣдствіе фальсификаціи; но уменьшеніе ихъ цѣнности ведетъ къ повышенію цѣнъ припасовъ. Припасы вздорожали уже до такой степени, что бѣднымъ классамъ невозможно ихъ пріобрѣтать. Готовьтесь поэтому къ самымъ страшнымъ волненіямъ, потому что голодный народъ не знаетъ никакихъ законовъ: самый первый изъ всѣхъ законовъ состоитъ въ томъ, что люди хотятъ жить. Три года тому назадъ предвидѣлъ я эти волненія—и чего только я ни дѣлалъ, чтобы устранить систему ассигнатовъ, въ особенности же мелкихъ ассигнатовъ! Частичными мѣропріятіями невозможно уничтожить гибельныхъ слѣдствій этой системы, а лишь широкою, единственно-дѣйствительною мѣрою, которую я постоянно предлагалъ, а именно: погашеніемъ общественнаго долга посредствомъ немедленной уплаты всѣмъ и каждому изъ государственныхъ кредиторовъ національнымъ имуществомъ, въ размѣрѣ ихъ долговыхъ требованій,—словомъ, посредствомъ выкупа національныхъ бумажныхъ денегъ».

Секціи обратились въ конвентъ съ требованіемъ высшаго податнаго обложенія крупныхъ имуществъ, реквизиціи для арміи и строгихъ мѣръ противъ ростовщиковъ. Тутъ уже замѣтны тѣневыя стороны позднѣйшей политики комитета благосостоянія. Однако конвентъ, находившійся подъ господствомъ жирондистовъ, не сдѣлалъ пока ничего, кромѣ того, что отмѣнилъ по предложенію Дантона задержаніе за долги. Рабочіе терпѣли большую нужду. Но многіе изъ нихъ могли служить за два франка въ день въ вооруженныхъ секціяхъ. Эти рабочіе, вынося свои лишенія, терпѣли за республику. Они бросали полные ненависти взоры на тѣ партіи, которыя противились принятію мѣръ къ уменьшенію бѣдствій. Жирондисты, ставшіе представителями буржуазіи, повидимому, думали, что своими фразами о римской добродѣтели и свободѣ онѣ облегчатъ населенію предмѣстій его бѣдствія. Такъ какъ масса не видѣла никакой или, по крайности, очень мало помощи со стороны

вдохновляемаго жирондистами конвента, то она тѣмъ легче поддавалась всякимъ подстрекательствамъ.

Коммуна и партія Горы соединились съ парижанами для низверженія Жиронды; поэтому дѣло ихъ не представляло имъ никакихъ трудностей въ Парижѣ. Парижане съ готовностью шли имъ навстрѣчу.

Такимъ образомъ, низверженіе Жиронды является актомъ классовой борьбы.

Казнь Людовика XVI привела въ движеніе всѣ державы Европы противъ Франціи. Онѣ соединились для подавленія французской революціи, и душой этихъ стремленій сталъ англійскій министръ Питтъ, смертельный врагъ новой Франціи.

Уилльямъ Питтъ, 23 лѣтъ ставшій уже министромъ, рѣшилъ вести борьбу съ французской революціей самыми широкими средствами. Къ этому побудили его ненависть къ демократіи и торговые интересы старой Англіи. Въ своихъ средствахъ этотъ государственный человѣкъ былъ неразборчивъ. Образовавъ союзъ всѣхъ болѣе крупныхъ европейскихъ державъ онъ блокировалъ всѣ гавани Франціи и заперъ своими судами всѣ моря. Онъ прибѣгалъ даже къ безчестнымъ средствамъ, выпуская милліарды поддѣльныхъ ассигнатовъ, чтобы уничтожить кредитъ республики. Враждебность Питта проявлялась въ совершено ясныхъ фактахъ. Послѣ 10 августа онъ отказался признать французскаго посла Шовелена, а послѣ казни Людовика XVI принудилъ его уѣхать изъ Англіи. Конвентъ, зная, что Питтъ давно подготовляетъ на англійскія деньги большую коалицію противъ Франціи, отказался отъ всякихъ дипломатическихъ интригъ и хотѣлъ имѣть передъ собою открытаго врага. 1 февраля онъ объявилъ войну Англіи и Голландіи, генералъ-штатгалтеръ которой Вильгельмъ V былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Англіей.

Теперь явилась первая великая коалиція Питта. Англія заключила цѣлый рядъ субсидіонныхъ договоровъ—съ Австріей, Пруссіей, Россіей, Германской имперіей, Сардиніей, Испаніей, Португаліей, Неаполемъ, Тосканой, Пармой, Моденой и папой. Англійское золото рѣками потекло въ карманы этихъ союзниковъ Англіи.

Республика увидѣла, что ей грозятъ враги со всѣхъ сторонъ. Испанцы явились въ Пиренеяхъ, австрійцы и сардинцы въ Приморскихъ альпахъ, пруссаки и имперскія войска стояли

на Среднемъ Рейнѣ, англичане, голландцы и австрійцы собрались на Нижнемъ Рейнѣ и въ Бельгіи, и англійскій флотъ вышелъ изъ гаваней.

Внутренніе враги республики были также энергичны и многочисленны. Мы видѣли, какія усилія употребляли роялисты въ Парижѣ противъ конвента и коммуны. Въ провинціяхъ козни духовенства, не принявшаго присяги, и бывшихъ феодальныхъ господъ никогда не прекращались. Угрозы коалиціи и своеволія реакціонеровъ всегда находились въ пропорціональномъ отношеніи другъ къ другу; по мѣрѣ того, какъ увеличивались вооруженія коалиціи, реакціонеры поднимали свои головы все выше и выше.

Явились уже и первые признаки предстоящаго возстанія въ Вандеѣ, вызвавшаго республику на такую страшную борьбу. Вандейскій народъ, простодушный и ограниченный упорно держался за свои традиціи, свое дворянство и духовенство. Крестьяне здѣсь были большею частью наслѣдственными арендаторами и дѣлились доходами со своихъ фермъ съ дворянами, которымъ принадлежала земля. Отношенія здѣсь оставались патріархальными, и для простодушныхъ вандейскихъ крестьянъ феодальный гнетъ былъ не такъ чувствителенъ, какъ для остальныхъ французовъ. Вандейцы очень дорожили религіей и монархіей. Смерть короля должна была вызвать, какъ реакцію, возстаніе въ Вандеѣ.

А на сѣверной границѣ съ Дюмурье было не ладно. Онъ скоро попалъ въ конфликтъ съ якобинцами. Во время процесса короля онъ безуспѣшно пытался вмѣшаться въ дѣло въ пользу короля. Исполненный честолюбивыхъ плановъ, онъ считалъ себя призваннымъ положить конецъ революціи и возстановить монархію. Въ своей арміи онъ былъ увѣренъ; вѣдь онъ велъ ее къ побѣдѣ при Жемаппѣ. Замыслы его еще не были открыты; ихъ еще только предчувствовали. У него были сообщники въ Парижѣ, и нельзя было съ увѣренностью сказать, не принадлежалъ ли къ нимъ и Дантонъ. Генералъ имѣлъ намѣреніе возстановить конституцію 1791 года и находившагося при его арміи, молодого герцога Орлеанскаго, провозгласить королемъ, но онъ ошибся относительно времени этого провозглашенія.

Жирондисты стали друзьями честолюбиваго генерала. Они были съ нимъ въ открытомъ соглашеніи. Для спасенія Франціи отъ грозившихъ ей опасностей нужна была чрезвычайная энергія. Жирондисты же были людьми половинчатыми. Они не рѣша-

лись согласиться на энергическія мѣры противъ происковъ реакціонеровъ. Мы видѣли, какъ они отказывались дать въ распоряженіе коммуны средства для обезпеченія голодающаго парижскаго населенія. Они грозили Горѣ возстаніемъ департаментовъ: они раздробляли силы и связывали руки республики. Низверженіе этой партіи стало неизбѣжнымъ.

Чтобы справиться со всѣми внѣшними и внутренними врагами,—для этого нужна была чрезвычайная энергія. Партія Горы, вознесенная волнами революціи на высоту времени, обладала этой энергіей.

Энергія партіи Горы увлекла конвентъ, хотя въ немъ еще господствовали жирондисты. Кромѣ того, произошли значительныя перемѣны среди лицъ, игравшихъ руководящую роль. Роланъ, бывшій не въ силахъ уже выносить нападки якобинцевъ, рѣшился оставить свой постъ. Конвентъ ассигновалъ 100,000 франковъ для распространенія свѣдѣній о переворотѣ 10 августа и о сущности республики; Роланъ израсходовалъ эти деньги почти исключительно на пропаганду въ духѣ жирондистовъ. Поэтому нападенія якобинцевъ оказались основательными, и Роланъ послѣ казни короля вышелъ въ отставку. Постъ его занялъ бывшій министръ юстиціи Гара, человѣкъ слабый, искавшій расположенія всѣхъ партій, а на мѣсто Гара былъ назначенъ столь же слабый Гойе. Правда, сторонникъ якобинцевъ, военный министръ Пашъ тоже вышелъ въ отставку, потому что никакъ не могъ поладить съ жирондистами, и его мѣсто занялъ Бернонвилль, солдатъ безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, но другъ Дюмурье. Шанбонъ, жирондистскій мэръ Парижа, также оставилъ должность, и на его мѣсто теперь былъ избранъ Пашъ, пріобрѣтшій довѣріе массъ своей безкорыстною преданностью народному дѣлу. Пашъ былъ идеалистъ, человѣкъ честный и рѣшительный, чуждый всякаго фанатизма. Его военныя заслуги пытались поставить выше заслугъ Карно, но это неосновательно.

Такимъ образомъ, напряженное положеніе дѣлъ усилило вліяніе якобинцевъ, какъ самой энергичной партіи. На великую европейскую коалицію они отвѣтили постановленіемъ конвента, призывавшимъ къ оружію 300,000 человѣкъ.

Воодушевленіе французовъ помогло выполнить это постановленіе безъ всякихъ затрудненій. Со всѣхъ сторонъ стекались молодые люди и записывались въ списки арміи. Французская молодежь вся бросилась къ оружію, чтобы прогнать

наемныя войска Питта. Выше всего поднялись волны воодушевленія въ Парижѣ. Театры были закрыты; люди забыли объ удовольствіяхъ и думали только объ отечествѣ и объ окруженной опасностями республикѣ. Секціи всегда были въ сборѣ. Коммуна еще больше воодушевляла парижанъ. Она выставила на городской ратушѣ черное знамя и въ пламенной прокламаціи призывала народъ къ оружію.

Молодежь стала опорою республики, потому что молодые люди пылали страстной любовью къ новой государственной формѣ. Но между тѣмъ, какъ эта молодежь массами стекалась въ войско, признаки роялистическихъ заговоровъ становились все отчетливѣе и отчетливѣе. Рука роялистовъ снова сѣяла смуты въ предмѣстьяхъ. Люди припоминали убійство Лепеллетье, двусмысленность поведенія генерала Дюмурье, видѣли, что въ Вандеѣ подготовляется возстаніе и питали недовѣріе къ жирондистамъ. Поэтому партія Горы придумывала мѣры для обезпеченія республики отъ опасности со стороны роялистовъ, агитирующихъ въ тылу войска и конспирирующихъ съ иностранцами: прежде всего она предложила учредить чрезвычайный судъ. Жирондисты всѣми силами противились этому предложенію, но Гора настояла на своемъ, и рѣшено было ввести то судебное учрежденіе, которое играло столь страшную роль подъ именемъ революціоннаго трибунала.

Коммуна черезъ Шометта потребовала учрежденія чрезвычайнаго суда для того, „чтобы судить дурныхъ гражданъ". Дантонъ поддержалъ петицію коммуны и такимъ образомъ возникъ этотъ судъ. Онъ имѣлъ безапелляціонно рѣшать всѣ дѣла о противо-революціонныхъ предпріятіяхъ, о всѣхъ посягательствахъ на свободу, равенство, единство и нераздѣльность республики, на внѣшнюю и внутреннюю безопасность государства, дѣла о всѣхъ комплотахъ съ цѣлью возстановленія королевской власти. Этотъ трибуналъ состоялъ изъ одного обвинителя, двухъ его помощниковъ, пяти судей и двѣнадцати присяжныхъ. Онъ могъ только или приговаривать къ смертной казни, или оправдывать; для оправдываемыхъ было назначено вознагражденіе. Приговоры его должны были исполняться въ 24 часа и имущество осужденныхъ переходило къ государству. Съ учрежденіемъ этого суда карающій мечъ республики повисъ надъ головами всѣхъ заговорщиковъ. Гора лишь съ большими усиліями принудила конвентъ ввести этотъ трибуналъ. Дѣятельностью и ошибками его въ рукахъ фанатиковъ мы займемся впослѣдствіи.

Затѣмъ конвентъ ввелъ чрезвычайный военный налогъ. Главная часть этого налога падала на богатыхъ людей, отъ которыхъ считали умѣстнымъ требовать денежныхъ жертвъ, когда бѣдное населеніе терпѣливо выносило всѣ лишенія, вызванныя политическими потрясеніями. Военный налогъ взимался съ годовыхъ доходовъ отъ 1,000 до 50,000 франковъ въ суммѣ отъ 30 до 20,000 франковъ; лица, получавшія болѣе 30,000 дохода могли удержать у себя 30,000, а остальное должны были отдавать государству. Кромѣ того, была учреждена чрезвычайная комиссія набора, которая посылала въ каждый департаментъ по два представителя съ широкими полномочіями. Эти коммисары конвента имѣли право повсюду вводить демократитескія учрежденія и назначать соотвѣтствующихъ чиновниковъ; они должны были завѣдывать наборомъ рекрутъ и арестами враговъ республики.

Этимъ энергическимъ мѣрамъ жирондисты противились до послѣдней степени. Когда же они увидѣли, что не могутъ воспрепятствовать введенію чрезвычайнаго суда, то постарались устроить это учрежденіе такъ, чтобы впослѣдствіи они могли воспользоваться имъ противъ своихъ противниковъ въ конвентѣ. По предложенію жирондистовъ было постановлено, что конвентъ можетъ и своихъ членовъ предавать суду революціоннаго трибунала. Такимъ образомъ, жирондисты сдѣлали вступленіе къ господству ужаса.

Борьба между Горою и Жирондою снова возгорѣлась съ страшною силою—и стало яснымъ, что концомъ ея могла быть только гибель одной изъ этихъ партій. Маратъ въ насмѣшку назвалъ жирондистовъ „государственными людьми“ или интриганами; онъ громилъ ихъ въ секціяхъ и въ клубахъ и доказывалъ, что ихъ слабость и двумысленность ихъ поведенія готовятъ республикѣ неизбѣжную гибель. Робеспьеръ нападалъ на вождей жирондистовъ въ конвентѣ. Возбужденіе якобинцевъ было такъ велико, что они рѣшили вынудить посредствомъ возстанія исключеніе жирондистовъ изъ конвента и этимъ устранить главное препятствіе къ энергичной политикѣ. Выполненіе этого плана назначено было на 10 марта. Но дѣло не удалось, потому что жирондистовъ предупредили; кромѣ того, сильный и продолжительный дождь разсѣялъ собравшіяся было массы. Преувеличенные слухи, исходившіе отъ г-жи Луво, разносили, будто затѣвалось избіеніе жирондистовъ, но въ дѣйствительности имѣлось въ виду только исключеніе ихъ изъ конвента. На слѣдующій день Верніо въ

сильной рѣчи жаловался на затѣвавшееся насиліе. Онъ предсказывалъ что революція, какъ Сатурнъ, пожретъ своихъ собственныхъ дѣтей и приведетъ къ деспотизму. Это пророчество пріобрѣло большую извѣстность. Колесо революціи, разъ оно приведено въ движеніе, дѣйствуетъ безъ разбора, во всѣ стороны. Революція пожрала много своихъ дѣтей, но — еще больше своихъ враговъ.

Для жирондистовъ не было никакой необходимости погибать отъ революціи. Имъ надо было лишь поменьше разсматривать французовъ какъ отвлеченное понятіе, и побольше видѣть въ нихъ общество живыхъ и мыслящихъ, хотя и бѣдныхъ людей, глубоко проникнутыхъ идеями свободы, братства и равноправности. Населеніе требовало правъ человѣка въ видѣ энергическихъ мѣропріятій и средствъ къ жизни; жирондисты же ограничивались лишь красивыми фразами. Это и было причиною ихъ гибели.

ЗА ВСЕМІРНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе*).

XVIII [1]).

Клеопатра, дѣйствительно, находилась съ отцомъ въ предѣлахъ Босфора Киммерійскаго—въ сѣверной столицѣ Понтійскаго царства, въ Пантикапеѣ, что нынѣ Керчь.

Митридатъ, узнавъ о прибытіи Помпея съ флотомъ къ устьямъ Фазиса и о томъ, что вся Малая Арменія съ столицею Артаксатою, вслѣдствіе неудовольствія царевича Тиграна Артаксы на отца, Тиграна, безъ сопротивленія отдался во власть римлянъ, понялъ, что ему одному трудно будетъ бороться съ Помпеемъ, и потому, взявъ на корабль все свое семейство—царицу Дафну, дочь Клеопатру и сыновей, Махара и Фарнака, со всѣмъ своимъ многочисленнымъ флотомъ отплылъ изъ южной столицы своего царства, изъ Синопа, въ сѣверную столицу, Пантикапею, чтобъ оттуда призвать на помощь союзниковъ своихъ—страшныхъ скиѳовъ, племена сарматскія, а также язиговъ, роксоланъ и яксаматовъ, обитавшихъ у верховьевъ Меотиды.

Послами къ этимъ союзникамъ онъ отправилъ съ частью своего флота вѣрнаго оруженосца, скиѳа Яра, и сыновей Махара и Фарнака, и теперь со дня на день ожидалъ появленія съ сѣвернаго угла Меотійскаго моря своего флота съ Яромъ и союзниками-варварами. Появленіе флота съ скиѳами и другими варварами онъ наблюдалъ съ высоты укрѣпленнаго акрополя, что нынѣ „Митридатова гора“. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ акрополя находилась высочайшая башня, съ вершины которой видны были на далекое разстояніе не только воды Меотиды и Понта Эвксинскаго, но и укрѣпленія Фана-

1) См. майскую книгу.

торіи, расположенной по ту сторону Босфора Киммерійскаго. Съ Митридатомъ поднимались на башню и его ближайшіе совѣтники—виночерпій Мосхинъ, старый, уже дряхлый учитель, Гай Постумъ, аѳинянинъ Фокіонъ, римлянинъ Сервилій и египтянинъ Радама.

Въ іюньскія „иды", находясь на наблюдательной башнѣ, Митридатъ и бывшіе съ нимъ приближенные почувствовали какъ-бы колебаніе башни и всего акрополя съ его подножіемъ-горою.

— Что это?—земля колеблется?—удивился Митридатъ.

— Великіе боги! — да это землетрясеніе! — воскликнулъ Гай Постумъ.—Такъ было передъ изверженіемъ Везувія въ первое консульство Марія.

— Да,—я слышу подземный грохотъ,—говорилъ Фокіонъ, прислушиваясь.—Братъ Зевса громовержца, богъ подземнаго міра и властитель царства тѣней, Плутонъ, на кого-то гнѣвается.

—О! засмѣялся шутникъ Сервилій!—въ Аидѣ идетъ теперь война—Плутонъ поссорился съ своей старухой Персефоной-Прозерпиной... Старикъ, должно быть, приволокнулся отъ скуки за младшею изъ трехъ сестрицъ—Паркъ, и Церберъ донесъ объ этомъ Прозерпинѣ.

Вдругъ въ сторонѣ берега Меотійскаго моря раздался страшный подземный ударъ и вершина одного холма закурилась дымомъ, извергая камни съ пламенемъ.

— Изверженіе!—съ испугомъ воскликнулъ находившійся на башнѣ жрецъ храма Зевса пантикапейскаго. О, великіе боги!—пощадите столицу царя Митридата Эвпатора и воздвигнутые вамъ храмы.

— Но теперь колебанія акрополя и башни не замѣчается,— замѣтилъ Фокіонъ.

— Подземныя силы нашли выходъ тамъ, гдѣ изверглось пламя, и теперь моей Пантикапеѣ не угрожаетъ опасность,— успокоительно проговорилъ Митридатъ.

— Пойду благодарить боговъ и жертвоприношеніями молить ихъ отвратить несчастіе отъ прекрасной столицы Понта.

Вдругъ съ башни замѣтили, что отъ Пантикапеи къ мѣсту изверженія мчатся всадники. То были нѣкоторыя амазонки съ Клеопатрою во главѣ.

— Ахъ отчаянная!—покачалъ головою Митридатъ, узнавъ свою эксцентричную дочь-любимицу.

— Царевна Клеопатра вездѣ первая тамъ, гдѣ опасность,— проговорилъ Сервилій.

— Да, и при Херонеѣ она была первою... а не будь я возлѣ нея, ея тѣло давно бы исклевали вороны Аттики,—замѣтилъ Митридатъ укоризненно.—Надо и намъ туда поспѣшить.

Скоро Митридатъ съ приближенными скакалъ къ мѣсту изверженія. Приближаясь туда, они издали замѣтили, что амазонки, сойдя съ коней, что-то разсматривали, сильно жестикулируя.

Подъѣхавъ ближе, прибывшіе увидѣли лежащій на землѣ гигантскій остовъ какого-то чудовища. Видно было по всему, что чудовище выброшено было на поверхность земли изъ ея нѣдръ самимъ изверженіемъ, которое теперь, повидимому, утихало и прекращалось.

Всѣ разсматривали гигантскій остовъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Ничего подобнаго земля теперь не носитъ на себѣ,— въ раздумьи говорилъ Митридатъ.—Не то это бывшая рыба, то чудовищная ящерица.

— А какова величина — ужасъ! — замѣтилъ Радама:— больше нашихъ нильскихъ крокодиловъ.

— Я вымѣряла его длину,—поспѣшила заявить Клеопатра:—въ немъ около 25 локтей,— обратилась она къ отцу *).

— Въ этомъ явленіи я усматриваю знаменія боговъ подземнаго міра, владыкъ мрачнаго Оркоса,—въ раздумьѣ проговорилъ глубоко вѣрившій всѣмъ миѳамъ Эллады престарѣлый Фокіонъ.

— Что же этимъ хотятъ повѣдать боги Аида?—спросилъ Митридатъ.

— Я полагаю, что это чудовище пробиралось въ область Аида,—говорилъ Фокіонъ, что-то соображая.—Вамъ извѣстно, что судьи подземнаго царства—Миносъ, Эакъ и Радамантъ вмѣстѣ съ перевозчикомъ черезъ адскія рѣки Харономъ зорко стерегутъ входъ въ царство Плутона и Прозерпины... Церберъ, стерегущій этотъ входъ, ранѣе Паркъ, Фурій и судей Аида усмотрѣлъ чудовище и своимъ лаемъ остановилъ его. Тогда Фуріи-Эвмениды, Тезифона, Алекта и Мегера, взявъ свои свѣтильники и бичи, погнали чудовище изъ глубины Эреба, черезъ мутныя воды Ахерона, прямо въ огненныя волны Флегетона,

*) О выброшенномъ изъ земли изверженіемъ такомъ скелетѣ говоритъ Флегонъ Тралліанскій (Phlegon Trallianus, fragm. 48).

и вотъ огненныя волны Флегетона и извергли сгорѣвшее въ нихъ чудовище на поверхность земли.

Такое толкованіе показалось всѣмъ вполнѣ правдоподобнымъ.

— Да,—согласился суевѣрный египтянинъ:—мы всѣ еще съ акрополя видѣли прекрасно адское пламя Флегетона.

— Да, это огонь подземнаго царства,—согласился и старый Гай Постумъ.

— Во-истину,—подтвердилъ и Мосхинъ виночерпій:—на этомъ огнѣ нашему хлѣбодару не приходилось печь свои хлѣбы для стола Митридата Эвпатора.

— И жарить понтійскихъ утокъ, питающихся ядовитыми виперами,—улыбнулся невѣрующій ни во что Сервилій римлянинъ.

Клеопатра, между тѣмъ, съ другими амазонками взбиралась уже на переставшій дѣйствовать вулканъ, чтобъ взглянуть, если можно, въ его внутренность—въ кратеръ.

— Остановись, безумная!—крикнулъ дочери Митридатъ:—вулканъ можетъ снова изрыгнуть пламя.

— О, женское любопытство!—какъ бы про себя проговорилъ Сервилій.

Амазонки остановились. Неостывшая еще лава преградила имъ путь.

Тогда Митридатъ обратился къ старику Фокіону.

— Что же этимъ знаменіемъ хотятъ повѣдать смертнымъ безсмертные боги Аида?..—спросилъ онъ.

— Извѣстно, что Эвмениды-Эринніи — божества мести,—началъ свое толкованіе Фокіонъ...—Онѣ, по повелѣнію великаго Плутона и по приговору судей Эреба—Миноса, Эака и Радаманта, наказываютъ того, кто своими дѣяніями оскорбилъ боговъ—нарушилъ правду на землѣ... Кто же, вотъ уже многомного лѣтъ, попираетъ правду на землѣ, кто разоряетъ царства, кто истребляетъ цѣлые народы?

— Ты, конечно, разумѣешь Римъ?—сказалъ Митридатъ.

— Кого же больше, какъ не это разбойничье племя!.. Оно растоптало священную Элладу, а теперь собралось пожрать благословенный богами Понтъ...

— Не бывать этому!—гордо выпрямился царь Понта.

— И я говорю—не бывать!—подтвердилъ Фокіонъ.—Не даромъ Эринніи-Эвмениды и огненный Флегетонъ извергли изъ нѣдръ подземнаго царства это чудовище—только скелетъ его... Это—знаменіе тебѣ, могущественный царь Понта... Въ твое царство ворвалось подобное этому хищное чудовище...

— Это Гней Помпей?—полюбопытствовала Клеопатра.

— Онъ, царевна, съ его легіонами.

— А кто же Немезиды-Эринніи?—продолжала Клеопатра.

— Благородная царевна Понта и ея прекрасныя амазонки.

При этихъ словахъ нѣкоторыя изъ юныхъ амазонокъ радостно захлопали въ ладоши.

— А огненнымъ Флегетономъ будетъ мой отецъ, царь Понта, Митридатъ Эвпаторъ—такъ, благородный Фокіонъ?—спросила Клеопатра, любовно глядя на отца.

— Да, великій Митридатъ.

Вдругъ Сервилій, внимательно вглядывавшійся въ морскую даль, показалъ туда рукою. Всѣ оглянулись, и увидѣли тамъ, гдѣ небо сливалось какъ-бы съ моремъ, бѣлые и пурпурные паруса кораблей.

То волны Меотиды несли на себѣ отъ Танаиса союзниковъ Митридата.

— Благодареніе богамъ!—радостно сказалъ царь Понта:—теперь мы можемъ извергнуть изъ нашихъ странъ чудовище.

XIX.

Между тѣмъ, пока Митридатъ оставался еще въ Пантикапеѣ, Артокъ, царь Иберіи—нынѣ Грузія—получивъ вѣсть о томъ, что Помпей одержалъ побѣду надъ албанцами и собственноручно поразилъ на-смерть ихъ вождя, Косиса, брата албанскаго царя, Оройза, поспѣшилъ соединиться съ обаренами, отенами и тапирами, [1]) обитавшими на правомъ берегу рѣки Киры—нынѣ Куры, и послалъ гонцовъ къ Оройзу, приглашая его соединенными силами иберовъ, албанцевъ, обареновъ, отеновъ и тапировъ ударить на римлянъ.

Въ виду общей опасности союзныя войска такъ скоро на правомъ берегу рѣки Кира устроили свои засады, что Помпей не успѣлъ перевести своихъ легіоновъ черезъ эту рѣку обратно. Хотя бурный и многоводный Киръ, а также вражескія засады представляли сильныя затрудненія для переправы черезъ него легіоновъ, однако Помпей, основательно изучившій походы Александра Македонскаго, не остановился передъ непреодолимыми, повидимому, препятствіями.

Утромъ того дня, когда замѣчены были за рѣкою непріятельскія засады, въ палатку Помпея вошелъ квесторъ Эмилій Самнитъ.

---

[1]) У Азинія Квадрата: *ὠβαρηνοί, ὠτηνοί καὶ ταπυροί* (Asinius Quadratus, fragm., 8,19.—Müller, Fragmenta hist. graeci III*).

— Боги да хранятъ побѣдителя! — привѣтствовалъ онъ вождя. — Я изслѣдовалъ здѣсь переправы, и нахожу, что едва-ли легіоны переберутся здѣсь на тотъ берегъ въ виду непріятеля.

Помпей улыбнулся, и ударилъ ладонью по книгѣ, которую онъ держалъ въ рукахъ.

— Вотъ гдѣ планъ переправы, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Вы, самниты, отличные воины, но васъ мало учили. — Слыхалъ ты про Александра Македонскаго?.

— Какъ же, императоръ, — отвѣчалъ Самнитъ: — мнѣ квесторъ Афраній много чудесъ объ этомъ героѣ разсказывалъ — настоящія сказки.

— А слыхалъ ли ты когда-нибудь о рѣкѣ Оксусѣ? — снова спросилъ Помпей.

— Нѣтъ, императоръ... О Нилѣ слыхалъ, а объ Оксусѣ не слыхалъ.

— Эта рѣка въ Азіи, за Гирканскимъ моремъ: — шириною она въ шесть стадій.

— О, боги! — да это цѣлое море воды.

— А быстрота въ Оксусѣ вдвое сильнѣе быстроты этого жалкаго Кира, и все-таки македонскій герой перевелъ свои войска черезъ эту бѣшеную рѣку.

— Какъ же это? — спросилъ изумленный квесторъ.

— А вотъ слушай.

И Помпей, раскрывъ книгу, сталъ читать.

— «Переправиться черезъ эту рѣку не было никакого средства для Александра: — шириною она была въ шесть стадій: песчаное дно ея было страшно глубоко, а теченіе столь быстрое, что сваи невозможно было утвердить на днѣ рѣки, да и лѣсу не было для сооруженія мостовъ, а привозка его издалека потребовала бы много времени. Тогда прибѣгли къ такому средству: наполнили соломою и сухими виноградными лозами кожи, изъ которыхъ дѣлались палатки для воиновъ, — сшили ихъ такъ крѣпко, чтобы въ нихъ не могла проникать вода, — связали вмѣстѣ, и потомъ войско перешло рѣку въ пять дней» [1]).

Квесторъ слушалъ чтеніе съ величайшимъ вниманіемъ и одобрительно качалъ головой.

— А у насъ кромѣ воловьихъ кожъ — еще десять тысячъ пустыхъ водоносовъ-бурдюковъ, которые мы посредствомъ мѣховъ надуемъ воздухомъ, — сказалъ Помпей.

---

[1]) Arrianus Flavius походахъ Александра.

— О, императоръ! — воскликнулъ наивный Самнитъ: — ты превзойдешь македонскаго героя! Ты — любимецъ боговъ.

— Прикажи же легатамъ и центуріонамъ готовиться къ переправѣ черезъ Киръ по способу Александра Македонскаго,— заключилъ Помпей, отпуская квестора.

Въ палатку вошелъ рабъ нумидіецъ, держа въ рукѣ двѣ большія птицы съ блестящимъ золотистымъ опереніемъ и красивыми длинными хвостами.

— Что это у тебя за птицы, Адгербалій? — спросилъ Помпей.

— Это очень вкусныя птицы, господинъ, — отвѣчалъ рабъ.—Мое копье уложило ихъ разомъ на мѣстѣ. Это самецъ и самка. Прикажетъ господинъ изготовить ихъ?

— Хорошо — изготовь, — согласился Помпей.

— Такихъ птицъ и за столомъ Люція-Лицинія Лукулла не бывало,—продолжалъ болтать рабъ, любуясь своею добычей.

— А какъ ихъ зовутъ? — спросилъ Помпей.

— Армяне называютъ ихъ «тетари», господинъ[1]).

Это были, конечно, фазаны.

Покушавъ изжаренной на вертелѣ кавказской дичи, Помпей и Эмилій Самнитъ пошли взглянуть на приготовленіе воиновъ къ переправѣ. Работа кипѣла. Бурдюки надувались мѣхами, а воловьи кожи плотно сшивались струнами изъ бараньихъ кишекъ и набивались сухою травой. Потомъ и бурдюки и кожи были скрѣплены воедино, и образовали плавучій плотъ длиною въ нѣсколько стадій.

Полагая, что бурная рѣка неизбѣжно должна будетъ снести этотъ гигантскій плотъ гораздо ниже устроенныхъ непріятелемъ засадъ, Помпей сказалъ квесторамъ, легатамъ и центуріонамъ, собраннымъ на военный совѣтъ:

— Варвары жестоко ошибутся съ своими засадами. Они будутъ надѣяться стрѣлять въ насъ изъ-за своихъ прикрытій словно по мишенямъ, когда мы будемъ на водѣ, а мы пристанемъ къ тому берегу гораздо ниже засадъ, и ударимъ на нихъ и съ боковъ и съ тылу.

---

[1]) У Птоломея Эвергета читаемъ:—«фазійская птица называется τέταρος» (Ptolemeus Euergetes II, fragm. 3).—«Фазійскихъ птицъ, которыхъ называютъ τέταροι, привозятъ между прочимъ изъ Мидіи... Это очень вкусная птица» (тамъ-же, fragm. 10).—Агатархидесъ Книдскій, описывая рѣку Фазисъ, говоритъ, что «тамъ водится множество фазановъ, такъ какъ они у устьевъ рѣки находятъ себѣ много пищи». (Agatharchides Cnidius, fragm. 10.—Müller. Fragmenta hist. graeci III).—«Тетари»—τέταρος— не отсюда ли наши «тетери»?—Корень одинъ и тотъ же.

— Да позволитъ благородный побѣдитель Гней высказать и мое мнѣніе, — поднялся старый легатъ Корвусъ.

— Говори, достойный соратникъ Марія и Суллы, — сказалъ Помпей.

— Когда я въ ранней молодости служилъ Риму подъ легіонными орлами Сципіона-junior вмѣстѣ съ молодымъ Маріемъ и Югуртою, и мы шли брать проклятую Нуманцію — да отмстятъ ей боги кровь римлянъ, — то должны были прежде взять на копье городъ Сальдубу, стоявшій за бурною рѣкой Гиберомъ, а чтобъ насъ при переправѣ черезъ рѣку не перестрѣлялъ непріятель, какъ дикихъ утокъ, такъ мы переплыли рѣку подъ покровомъ ночи, когда на небѣ не свѣтила даже кроткая дочь Гиперіона и Тейи, прекрасная сестра Геліоса, блѣдная Селена, — и на зарѣ городъ уже былъ нашъ, — обстоятельно изложилъ свое мнѣніе старый Корвусъ.

— Прекрасная мысль! — одобрилъ Помпей. — И намъ не будетъ свѣтить блѣдноликая сестра Геліоса, когда мы будемъ переплывать бурный Киръ.

На этомъ и порѣшили: — совершить переправу ночью.

— Боги помогутъ намъ и въ томъ, что, переправляясь черезъ рѣку вплавь, мы выйдемъ на берегъ въ мокрыхъ одеждахъ, и намъ не жарко будетъ сражаться, — сказалъ Эмилій Сампитъ.

Кончивъ совѣщаніе, легаты и центуріоны оставили палатку Помпея, и направились, каждый, къ своимъ легіонамъ. Тамъ все было готово къ переправѣ. Длинные шесты, которыми предстояло отпихивать гигантскій плотъ отъ берега и весла для гребли были распредѣлены по когортамъ на нѣсколько смѣнъ.

Скоро тихая южная ночь окутала все непроницаемымъ мракомъ. Въ далекомъ небѣ мигали только звѣзды, но ихъ слабое мерцаніе не уменьшало мрака ночи.

Безшумно былъ придвинутъ къ берегу гигантскій плотъ, на который взошелъ Помпей съ квесторами, легатами, центуріонами и очередными гребцами, и такъ же безшумно былъ спущенъ на рѣку. Кура такъ шумно катила свои мутныя волны, что совсѣмъ заглушала слабый плескъ, производимый веслами гребцовъ. Боевой конь Помпея, пріученный свободно переплывать Тибръ около Рима, легко разсѣкалъ своею грудью быстрыя волны Куры, не спуская своихъ умныхъ глазъ съ Помпея и своего учителя-конюха изъ Нумидіи. Держась руками за наполненные воздухомъ бурдюки и за начиненныя су-

хою травою кожи, воины Рима дружно подвигали плоть впередъ и тѣмъ помогали гребцамъ. При всемъ томъ плоть сильно относило внизъ по теченію.

— Придется завтра старику Харону поработать своимъ весломъ,—улыбнулся Помпей, глядя въ непроницаемый мракъ южной ночи.

— А развѣ и души варваровъ будутъ переправляться черезъ Ахеронъ съ душами римлянъ? — наивно спросилъ Эмилій Самнитъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Помпей:—завтра только души варваровъ понесутся въ царство Плутона и Прозерпины, а римляне будутъ праздновать побѣду на полѣ битвы и приносить жертвы богамъ.

Но вотъ и берегъ. Воины стали выходить изъ воды.

— Теперь, достойные сыны Рима, стройтесь по когортамъ и центуріямъ, — сказалъ Помпей. Прежде чѣмъ одинъ лучъ Геліоса прорвется изъ-за горизонта, мы должны окружить варваровъ, а до ихъ засадъ еще далеко.

— Полагаю, что не меньше десяти или пятнадцати стадій. — У этой рѣки вода быстрѣе, чѣмъ въ нашемъ священномъ Тибрѣ, и насъ очень далеко отнесло отъ засадъ варваровъ.

Въ темнотѣ раздавался голосъ легата Кая Ригора.

— Плоть прочнѣе привязывайте къ деревьямъ, чтобъ его не угнало водой,—распоряжался онъ на берегу.

— Ригоръ правъ, — сказалъ Помпей Самниту: — этотъ кожанный «Арго» понесетъ насъ, новыхъ аргонавтовъ, въ Колхиду добывать «золотое руно», которое мы найдемъ не на деревьяхъ, а въ ауpаріяхъ царей всего Кавказа и Понта.

XX.

По свидѣтельству Аппіана, Оройзъ, царь албанцевъ, и Артокъ, царь иберовъ, имѣли въ засадѣ 70.000 войска [1]).

Римляне быстро подвигались къ засадѣ въ ночной тишинѣ, и хотя полный мракъ окутывалъ землю, но «варвары», какъ называетъ Аппіанъ иберовъ и албанцевъ, легко оріентировавшіеся и въ непроглядной темнотѣ, рано замѣтили приближеніе легіоновъ, и не дали римлянамъ врасплохъ окружить себя.

Послѣ первой стычки, союзники отступили, и быстро скрылись въ непроходимомъ для непривычныхъ римлянъ лѣсѣ.

[1]) Appiani «Prooemium».—«Bellum Mithridaticum», 103.

„Варвары эти—говоритъ Аппіанъ—страшны, когда съ ними приходится сражаться въ лѣсахъ, такъ какъ они тамъ скрываются и подкрадываются“ [1]).

— Въ лѣсу варвары недоступны,—сказалъ легатъ Корвусъ, подходя къ Помпею, когда за густотою лѣса не видно было ни одного непріятеля.

— Но передъ римскими орлами лѣса всего orbis terrarum не могутъ устоять, какъ и люди! — гордо сказалъ Помпей, разгоряченный неудачей.

— Не устоитъ и этотъ лѣсъ съ спрятавшимися въ немъ «варварами»,—твердилъ свое старый воинъ.—Когда легіонные орлы облетали далекую Испанію съ великимъ Сципіономъ—да славится его память вѣчно! — такъ тамошніе «варвары» тоже укрывались въ лѣсахъ, и мы ихъ чуть не голыми руками брали изъ лѣсу... Возьмемъ такъ и этихъ, императоръ.

— Какимъ же образомъ?—заинтересовался Помпей.

— Подожжемъ лѣсъ со всѣхъ сторонъ... Тогда они какъ скорпіоны, что жалятъ себя, когда окружены огнемъ, и умираютъ,—переколятъ сами себя, или же — вѣрнѣе — попросятъ пощады, и внесутъ выкупъ.

— Мысль прекрасная,—согласился Помпей.

— Лѣсъ же здѣсь все почти сосновый, — продолжалъ Корвусъ: — вспыхнетъ, какъ сухая солома.

Предложеніе стараго воина было всѣми одобрено и принято, и по легіонамъ тотчасъ же данъ былъ приказъ—собирать сухую траву и валежникъ и зажигать лѣсъ со всѣхъ сторонъ.

Скоро огненные языки отъ корней деревьевъ поползли все выше и выше, и быстро огненное кольцо охватило убѣжище непріятеля. Пламя ширилось, и шло въ вглубь лѣса, издавая трескъ и шипѣнье отъ смолистой коры.

Испуганные звѣри—волки, лисицы, кабаны, бѣлки, зайцы, серны, дикіе бараны, гонимые страхомъ смерти, толпами выбѣгали изъ объятаго пламенемъ лѣса и неслись прямо на римлянъ. Птицы также испуганно метались въ воздухѣ и погибали въ пламени.

Люди также стали показываться изъ лѣсу, и тушили на себѣ загорѣвшіяся одежды.

---

[1]) То же дѣлали потомки этихъ «варваровъ»—черкесы, укрываясь въ лѣсахъ во все время завоеванія Кавказа русскимъ оружіемъ.

— Пощады побѣжденнымъ!—пощады! — кричали тѣ, которые научились нѣсколько говорить по-гречески отъ армянъ и греческихъ купцовъ изъ колоній.

— Покоряемся непобѣдимому Помпею! — кричали другіе.

Выѣхали изъ лѣсу и цари «варваровъ» — Артокъ и Ороїзъ. Ихъ можно было узнать по богатому вооруженію и по шлемамъ, украшеннымъ орлиными крыльями.

— Трубить побѣду и отбой! — распорядился Помпей, и подъ завываніе трубъ поѣхалъ навстрѣчу къ царямъ.

Артокъ и Ороїзъ сошли съ коней и пали ницъ передъ побѣдителемъ, плечо къ плечу. Сошелъ съ коня и Помпей, и, вспомнивъ обычаи Востока, дотронулся ногою до головъ распростертыхъ на землѣ побѣжденныхъ царей.

— Пощада и покорность!... Мы рабы твои, великій римлянинъ! — стонали побѣжденные.

Оба царя говорили по-гречески.

— Встаньте предъ лицомъ моимъ!—сказалъ Помпей тоже по-гречески.

Цари покорно поднялись. Въ это время къ Помпею стали подводить плѣнныхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ амазонокъ, раненыхъ въ первой стычкѣ у засады.

Помпей съ любопытствомъ взглянулъ на послѣднихъ. Это были все молодыя дѣвушки, въ легенькихъ шлемахъ, въ латахъ, съ колчанами за плечами, съ метательными копьями и маленькими «сагарисами» — боевыми сѣкирами въ рукахъ. Дѣвушки упрямо сохраняли при себѣ оружіе.

— Почтеніе къ побѣжденнымъ, мужественнымъ дѣвамъ! — кинулъ свой короткій приказъ великодушный Помпей.

Потомъ онъ обратился къ царямъ.

— Я принимаю вашу покорность, — сказалъ онъ. — Но вѣрность ваша Риму должна быть обезпечена заложниками изъ царскихъ родовъ.

Побѣжденные поклонились, приложивъ руки къ сердцу.

— Съ вами ли благородный Горолесъ—спросилъ Помпей.

Изъ толпы плѣнныхъ выступилъ высокій красивый албанецъ, и повергся ницъ на землю по примѣру царей.

— Встань передъ лицомъ моимъ, — ласково сказалъ Помпей.

Албанецъ повиновался.

— Это ты прислалъ мнѣ, въ мой станъ, золотую кровать и другіе дорогіе дары? — спросилъ Помпей.

— Я, великій царь царей, почтилъ тебя, послѣ побѣды

твоей надъ моимъ родственникомъ, Косисомъ, — почтилъ скромнымъ даромъ, какъ любимца боговъ, — скромно отвѣчалъ Горолесъ, прикладывая руку къ сердцу.

Лицо Помпея просіяло.

— Я достойно отдарю тебя, благородный сынъ Албаніи, — сказалъ онъ [1]).

Видя, что нѣкоторыя раненыя амазонки съ трудомъ стоять на ногахъ, онъ подозвалъ къ себѣ стараго Корвуса.

— Твоей почтенной старости и твоему отеческому попеченію я поручаю этихъ благородныхъ, мужественныхъ дѣвъ, — громко провозгласилъ Помпей. — Пусть ихъ не раненыя подружки по оружію отведутъ ихъ въ отдѣльныя палатки, обмоютъ и перевяжутъ ихъ раны, а ты доставь имъ всѣ перевязочныя и лекарственныя принадлежности... Утоли ихъ жажду и накорми, какъ если-бъ онѣ были твоими и моими дѣтьми.

Нѣкоторыя изъ амазонокъ заплакали... Женщины вездѣ и всегда женщины.

— О, великодушный царь царей! — воскликнули съ умиленіемъ нѣкоторыя. — Да наградятъ тебя боги твоей страны.

Помпей приблизился къ нимъ, невольно удивляясь юнымъ героинямъ.

— Я скажу, я засвидѣтельствую вашей царевнѣ или царицѣ Клеопатрѣ, достойной дочери Митридата Эвпатора, когда мы станемъ съ нею лицомъ къ лицу, что въ обѣихъ битвахъ, и тамъ, въ знойныхъ степяхъ, за рѣкою Киромъ, и здѣсь, въ первой стычкѣ, вы мужественно, геройски поддержали своимъ оружіемъ честь Понта, — торжественно провозгласилъ онъ. — На полѣ первой битвы, въ пятнахъ крови, я прочелъ поднятое тамъ посланіе къ вамъ Клеопатры, гдѣ она, находясь съ отцомъ въ предѣлахъ Босфора Киммерійскаго, просила васъ поддержать честь Понта, и вы не обманули ея надеждъ, благородныя дѣвушки. Идите же — лѣчите ваши раны.

А потомъ, обратясь опять къ старому Корвусу, добавилъ:

— Проводи же ихъ немедленно въ ихъ палатки, и накорми.

Раненыя амазонки, поддерживаемыя своими здоровыми подружками, направились въ указанныя имъ, принесенныя съ плота и тотчасъ же разбитыя палатки. Хорошо прирученные кони, ихъ боевые товарищи, слѣдовали за ними съ тихимъ ржаніемъ.

---

[1]) Флоръ. — «Bellum Mithridaticum». LXXXVIII, 66, 21.

Аппіанъ, говоря о тріумфѣ Помпея въ Римѣ, по окончаніи войны, замѣчаетъ, что въ числѣ заложниковъ и плѣнныхъ, шедшихъ за тріумфальною колесницей Помпея, «было множество женщинъ, которыя имѣли на себѣ не менѣе ранъ, чѣмъ мужчины» [1]).

XXI.

Изложенныя въ предыдущихъ главахъ этого повѣствованія побѣды Помпея на Кавказѣ упоминаются также историками Секстомъ Авреліемъ Викторомъ, [2]) Евтропіемъ [3]) и Руфомъ Фестомъ [4]).

Вѣсти объ этихъ побѣдахъ быстро доходили до Пантикапеи чрезъ посредство грековъ, поддерживавшихъ оживленную торговлю съ богатыми колоніями старой Эллады, съ Пантекапеей и Фанагоріей, и приводили Митридата въ ярость.

Передъ самымъ отплытіемъ изъ Пантикапеи съ своими союзниками скиоами, сарматами, язигами и роксоланами, онъ узналъ отъ кормчаго одного изъ торговыхъ кораблей, заходившихъ изъ Милета въ его южную столицу, Синопъ, о послѣднемъ пораженіи Артока и Оройза на берегу рѣки Кира и о плѣнѣ многихъ амазонокъ изъ когортъ Клеопатры.

Вѣсть эта поразила Клеопатру. Она горько заплакала. Но кормчій просилъ ее не отчаяваться.

— Ты должна радоваться, царевна, и гордиться твоими воинами-дѣвушками,— говорилъ онъ.—При мнѣ прибыли въ Синопъ гонцы и разсказывали чудеса объ амазонкахъ. Послѣ сраженія на берегу рѣки Кира, когда амазонки и войска иберовъ и албанцевъ, застигнутыя ужаснымъ лѣснымъ пожаромъ, не выдержали того, что имъ предстояла участь сгорѣть живыми, и нѣсколько раненыхъ амазонокъ, изнемогавшихъ отъ потери крови, были взяты въ плѣнъ римлянами, Помпей торжественно объявилъ имъ предъ всѣми войсками, что лично засвидѣтельствуетъ тебѣ, прекрасная царевна, что твои амазонки— были истинными героями и заслуживали лавровъ побѣдителей.

— Онъ это сказалъ имъ?— спросила Клеопатра.— Это правда?

---

[1]) Аппіанъ. «De Mithrid». 103.
[2]) «De viris illustribus». L. LXXVII 5 и 6.
[3]) Eutropii «Breviarium historiae romanae». L. VI, 14.
[4]) Rufi Festi «Breviariumrerum gestarum populi romani». L. XVI.

— Клянусь богами—правда!—говорилъ кормчій.—И Помпей велѣлъ плѣннымъ амазонкамъ оказывать почетъ какъ римскимъ весталкамъ, или какъ-бы онѣ были его родныя дочери.

— О, благодареніе богамъ!—воскликнула Клеопатра:—мои дѣвочки подержали честь Понта, и не уронили его славы.

— Гдѣ же въ настоящее время римляне?—спросилъ Митридатъ.

— Пріѣзжавшіе изъ Колхиды греческіе купцы говорили мнѣ въ Синопѣ, что Помпей съ своими легіонами направляется къ своему флоту, стоящему въ устьяхъ Фазиса,—отвѣчалъ кормчій.—Вѣроятно, побѣдивъ иберовъ и албанцевъ, онъ достаточно насытилъ свое честолюбіе, и возвращается въ Римъ тріумфаторомъ.

— Не думаю—сомнительно покачалъ головой Митридатъ.—Сколько мнѣ извѣстно, честолюбіе Помпея ненасытно.

— Чего же еще ему!—настаивалъ кормчій:—мало того, что родственникъ албанскаго царя прислалъ ему въ подарокъ золотое ложе и много драгоцѣнностей, царь иберовъ подарилъ ему не только ложе, но даже столъ и тронъ—и все изъ чистаго золота... [1]) Будетъ что ему показать Риму въ своемъ тріумфѣ!

— Ему и этого мало,—возразилъ Митридатъ:—ему хочется со мной помѣриться силой... Въ Римѣ говорятъ, что слава Митридата не давала спать Марію, Суллѣ и Лукуллу, а теперь не даетъ Помпею... До сихъ поръ онъ побѣждалъ только «варваровъ», и то на сушѣ, а одни безсмертные боги вѣдаютъ, что ожидаетъ его на морѣ...

Митридатъ въ это время думалъ о пророченіи дельфійскаго оракула, о «плавающемъ городѣ»... Онъ тутъ – этотъ подвижной городъ...

Отплывая съ флотомъ изъ Пантикапеи, Митридатъ любовно провожалъ глазами удалявшуюся отъ него великолѣпную столицу его Босфорскаго царства...

Ослѣпительно бѣлѣли на солнцѣ высокія стѣны акрополя... Гордо возносилась къ голубому небу наблюдательная башня. Мраморныя колонны храмовъ, мраморныя и бронзовыя статуи боговъ, портики и гигантское изображеніе Посейдона съ трезубцемъ—геніальное твореніе безсмертнаго автора Пергама—

---

1) У Плутарха читаемъ:—Когда царь иберовъ прислалъ Помпею тронъ, кровать и столъ—все изъ чистаго золота, и попросилъ принять отъ него эти дары, то онъ взялъ и передалъ все это квесторамъ для обращенія въ собственность государственной казны». гл. 36.

все это представляло съ моря величественную и чарующую душу картину...

— Какая красота!—тихо говорилъ Фокіонъ, стоя на палубѣ царской триремы и провожая умиленнымъ взоромъ уходившую въ дымчатую даль сѣверную столицу Митридата.—Куда Риму до этого перла морей!... Только божественныя Аѳины съ дивнымъ акрополемъ и всѣми сокровищами искусства могли сравняться съ Пантикапеею... Но теперь—увы!—и Аѳины въ развалинахъ... О, преступный Римъ!

Митридатъ услышалъ этотъ негодующій возгласъ стараго учителя.

— Вѣчные боги въ лицѣ моемъ отмстятъ ему,—сказалъ онъ.

Съ заднихъ триремъ доносилось заунывное пѣніе скиѳовъ. Слышались имена Перуна, Сварога... Унылымъ раздольемъ степей вѣяло отъ этихъ скиѳскихъ пѣсенъ...

— Славятъ боговъ моей страны,—задумчиво проговорилъ Яръ, скиѳъ, оруженосецъ Митридата, прислушиваясь къ заунывному пѣнію степныхъ соотечественниковъ.—Сколько новыхъ могилъ понасыпано въ нашихъ степяхъ съ той поры, какъ я покинулъ родину!.. Поклонился я и свѣжей могилѣ послѣдняго царя... Высокая такая... А вокругъ ея мертвые отроки на коняхъ... стерегутъ мертвый покой царя, хоть у самихъ давно птица глаза повыклевала... Хорошій священный обычай... Пятьдесятъ мертвыхъ отроковъ на мертвыхъ коняхъ.—какая картина!... А еще насъ-же называютъ «варварами»...

На горизонтѣ показался корабль, державшій курсъ на сѣверъ. Завидѣвъ флотъ Митридата, онъ поторопился перемѣнить курсъ; но Артосъ, навмархъ Митридата, велѣлъ поднять мирный флагъ, и встрѣчный корабль сталъ приближаться.

— По оснасткѣ я вижу, что этотъ корабль изъ Милета,—сказалъ Артосъ.—Но, судя по курсу, онъ заходилъ или въ Синопъ, или въ Колхиду, въ Фазисъ.

— Быть бурѣ,—замѣтилъ Фокіонъ:—стада Посейдона что-то разыгрались.

Дельфины, дѣйствительно, цѣлыми стадами выныряли изъ моря, и быстро опять скрывались подъ водой.

Встрѣчный корабль поровнялся съ передовой триремой флотилiи Митридата.

— Откуда и куда путь держите?—крикнулъ въ воронкообразную трубу Артосъ.

— Теперь изъ Фазиса въ Фанагорію, — былъ отвѣтъ.

— А что слышно въ Фазисѣ про римлянъ?

— Говорятъ, что Помпей вступилъ уже въ Колхиду и что царь Арменіи отдалъ ему все свое царство.

— Какой царь — Тигранъ? — спросилъ Митридатъ.

— Тигранъ... Въ Арменіи одинъ царь.

— Можетъ быть, это Тигранъ царевичъ, изъ Артактаты?

— Нѣтъ, самъ царь, что въ Тигранопертѣ [1]).

Извѣстіе это поразило Митридата... Вся Арменія во власти Помпея!

— Значитъ, и моя сестра Каллiопа теперь—римлянка! — съ негодованіемъ воскликнула Клеопатра. — О, боги! — какой позоръ!... Мужъ моей сестры — трусъ!

— Римлянка ли моя Каллiопа, или нѣтъ — это еще вопросъ, — возразилъ Митридатъ.

— Какъ вопросъ, отецъ! — горячо проговорила Клеопатра. — Можетъ быть, и она будетъ красоваться съ своимъ трусомъ мужемъ въ позорномъ шествіи за тріумфальной колесницей Помпея... О, мои дѣвочки! — вѣдь и ихъ поведутъ въ Римъ на позорное зрѣлище, какъ нумидійскихъ или мавританскихъ рабынь, какъ говорилъ тотъ кормчій въ Пантикапеѣ, когда разсказывалъ о пораженіи царей Артока и Оройза... Золотой тронъ Артока, золотыя ложа, золотой столъ и мои амазонки — какое зрѣлище для гнуснаго Рима!

— Не предавайся прежде времени мрачнымъ мыслямъ, дочь моя, — успокоительно сказалъ Митридатъ. — До тріумфа еще далеко... Вспомни, что прорекло въ Дельфахъ божество устами Пиоіи... «Плавающій городъ» еще не вступалъ въ дѣло... Я радъ, что римляне подвигаются къ Фазису — къ своей гибели.

XXII.

Помпей, дѣйствительно, двигался въ этомъ направленіи.

Обремененный богатою добычей и плѣнными, онъ направлялся къ своему флоту, чтобъ сдать на корабли лишнюю тяжесть и награбленныя несмѣтныя богатства и встрѣтиться, наконецъ, съ Митридатомъ, который, по дошедшимъ до рим-

[1]) Веллей Патеркулъ говоритъ: — «Первымъ пришелъ къ Помпею сынъ Тиграна, но противъ воли отца, а скоро и тотъ самъ явился съ повинной и предалъ въ его руки себя и свое царство, говоря, что онъ никому, ни изъ римлянъ, ни изъ какого бы народа тотъ ни былъ, не отдастся, кромѣ Помпея. Царь, хотя не лишился своего престола, долженъ былъ, однако, заплатить громадныя деньги». — Historiae Romanae, Lib. II, 37.

лянъ извѣстіямъ, возвращался изъ Пантикапеи въ свое Понтійское царство.

Величіе Кавказскихъ горъ, ихъ дикая красота, недоступные великаны съ вѣчными снѣгами на вершинахъ, шумные горные ручьи, невиданные звѣри, невиданные люди—все это поражало римлянъ и воспаляло пламенное воображеніе Помпея.

— Страна чудесъ! — говорилъ Ауфидію, своему старому учителю побѣдитель иберовъ и албанцевъ. — Тутъ были и Язонъ, и Медея... Но меня больше всего волнуетъ сказаніе о Прометеѣ, хотя это и миѳъ [1]).

— Не миѳъ!—возражалъ неисправимый мечтатель, Ауфидій, въ головѣ котораго сидѣла вся греческая и римская миѳологія. — Ферекидъ говоритъ даже о родословіи Юпитерова орла, который за день пожиралъ печень Прометея, а за ночь она вновь выростала... Орелъ этотъ родился отъ Тифона, сына египетскихъ Себа и Нуты, и отъ матери Эхидны. Этого страшнаго орла, сжалившись надъ Прометеемъ, Геркулесъ поразилъ на смерть своею стрѣлой [2]).

— А когда жилъ этотъ Ферекидъ? — полюбопытствовалъ Помпей.

— Около 350 или 360-ти лѣтъ до нашихъ дней.—А у Аппоалонія Родосскаго говорится, что когда аргонавты подплывали къ Фазису, то видѣли вечеромъ, какъ высоко надъ ихъ кораблемъ летѣлъ этотъ орелъ съ большимъ шумомъ подъ самыми облаками, и отъ взмаховъ его крыльевъ, величиною съ весло триремы, надувались паруса ихъ корабля... Тамъ, гдѣ капала на землю кровь изъ печени Прометея, отъ этой божественной крови выросли цвѣты, изъ которыхъ Медея добывала лѣкарство, имѣвшее чудодѣйственную силу:—кто, бывало, смажетъ тѣло этимъ лѣкарствомъ, то оно становилось неуязвимымъ ни для меча, ни для пылающаго огня. Ростъ Прометеева цвѣтка, покоящагося на двухъ стебляхъ, достигаетъ двухъ локтей, а цвѣтомъ онъ похожъ на корикійскій крокусъ, а корень его такого цвѣта, какъ свѣжее мясо [3]).

— Вотъ бы намъ такого лѣкарства,—добродушно замѣтилъ старый легатъ Кай Ригоръ.

Они—Помпей и его свита—сидѣли у подножія одной

---

[1]) Аппіанъ говоритъ, что Помпею «очень хотѣлось видѣть мѣсто, гдѣ страдалъ Прометей, какъ объ этомъ повѣствуется въ исторіи о походѣ аргонавтовъ, о Діоскурахъ и Геркулесѣ».—Procemium. «De Mithrid», 103.

[2]) Ферекида «Fragmenta», 21, 33.

[3]) «Ἀργωναυτικά», III, 828.

скалы въ Колхидѣ, на дневномъ роздыхѣ этого труднаго пути.

— За что жъ Зевсъ такъ жестоко наказывалъ Прометея?—спросилъ старый Корвусъ.

— А за то, что Прометей, сотворивъ людей изъ земли и воды, похитилъ у Зевса божественный огонь и, скрывъ его въ стебелькѣ растенія (νάρθηξ), вложилъ въ созданныхъ имъ людей, а Зевсъ, узнавъ объ этомъ, и велѣлъ приковать Прометея здѣсь гдѣ-то къ скалѣ. А Геркулесъ потомъ, убивъ орла, и освободилъ Прометея отъ оковъ.

— Куда же потомъ дѣвался Прометей?—допытывался Корвусъ.

— Это извѣстно только богамъ,—отвѣчалъ Ауфидій. Но Геркулесъ, освободивъ Прометея, вмѣсто него представилъ Зевсу безсмертнаго Хирона, которому надоѣла вѣчная жизнь, и онъ хотѣлъ умереть за Прометея»[1]).

Вмѣшался въ разговоръ и Сервилій, все время молчавшій.

— Въ послѣдній разъ, когда я былъ въ Римѣ,—заговорилъ онъ,—мнѣ Цицеронъ читалъ свои «Tusculanea», и тамъ въ одномъ мѣстѣ, я помню, говорится:—«Это жестокое страданіе—взываетъ къ богамъ Прометей — страданіе, длящееся цѣлые вѣка—ужасные вѣка!—сочитъ мою кровь, которою и питаются горы Кавказа»[2]).

— Какіе вѣка!—покачалъ головою Ауфидій: — тысячелѣтія!

Помпей, слушая все это, добродушно потрепалъ по плечу своего стараго учителя.

— Старый ребенокъ!—сказалъ онъ ласково. — А не съ тобой ли мы читали когда-то Геродора Гераклейскаго, который говоритъ: — довольно странно то, что разсказываютъ про оковы Прометея. Прометей былъ когда-то царь скиѳовъ, и такъ какъ онъ своимъ подданнымъ не могъ доставлять всего необходимаго для жизни, вслѣдствіе разлива Аэта, то скиѳы и заковали его въ цѣпи, а когда пришелъ туда Геркулесъ, не хуже насъ бродившій по свѣту, то и отвелъ рѣку въ море, и освободилъ поля скиѳовъ отъ водъ Аэта. А ты самъ, мой благородный наставникъ, знаешь лучше меня, что «орелъ» по-гречески — Аэтъ (ἀετός). Отсюда и миѳъ объ орлѣ Зевса[3]).

---

[1]) Аполлодоръ „Bibliotheca", I, 7; II, 5.
[2]) Цицеронъ. „Tusculanea", II, 10.
[3]) Herodorus Heracleensis. Fragmentum 23.

Но старый младенецъ-мечтатель не сдавался. Онъ даже вскочилъ на ноги, и, ероша сѣдые волосы, сталъ горячо протестовать.

— Это твердятъ риторы, ни во что невѣрующіе! — пискливо кричалъ Ауфидій.—Имъ бы хотѣлось даже боговъ осязать руками, какъ они любятъ осязать золото—своихъ вещественныхъ боговъ!.. А Дурисъ Самосскій ученѣе Геродора Гераклейскаго, и, оспаривая Гезіода, писалъ:—Гезіодъ говоритъ, что Прометей былъ скованъ, и въ наказаніе за похищеніе огня съ неба Зевсъ повелѣлъ своему орлу терзать печень похитителя. А Дурисъ доказываетъ, что Прометей былъ наказанъ за то, что влюбился въ Аѳину. Поэтому кавказскіе народы не приносятъ жертвъ ни Зевсу, ни Аѳинѣ, такъ какъ они виноваты въ томъ, что Прометей отданъ былъ на мученіе. Геркулеса же эти народы ужъ слишкомъ даже почитаютъ за то, что онъ своей стрѣлой убилъ Зевсова орла [1]).

Но реальный умъ Помпея не мирился съ миѳами и сказками. Онъ и своимъ государственнымъ богамъ оказывалъ только наружно почести, но въ душѣ поклонялся только силѣ, разуму и знанію.

— Блаженна твоя вѣра, мой дорогой наставникъ,—сказалъ онъ.—Съ этою вѣрой ты спокойно отойдешь въ область Аида. А если ужъ нужно истолковать миѳъ о Прометеѣ, то я скорѣе предпочту толкованіе Аристоксена Тарентскаго, который говоритъ, что человѣкъ Прометей... Вѣдь ты знаешь, что значитъ *Προμήθεια*?

— Еще бы!—горячился мечтатель Ауфидій:—*Προμηθεύς*—providentia...

— Именно — провидѣніе... Такъ Прометей, по толкованію Аристоксена, произошелъ отъ божескаго провидѣнія и отъ Минервы, такъ сказать — небесной мудрости. Божескій огонь, будто бы похищенный Прометеемъ — это душа человѣка, вдохнутая въ него божествомъ. Оттого простолюдины и говорятъ, что душа украдена съ неба [2]).

Старикъ Ауфидій, у котораго въ юности Помпей учился поэзіи, исторіи и декламаціи, и котораго любилъ, и уважалъ какъ отца, никогда не разставался съ своимъ даровитымъ ученикомъ и сопутствовалъ ему и въ этомъ походѣ. Но въ Артаксатѣ онъ заболѣлъ, и Помпей оставилъ его тамъ на по-

---

[1]) Duris Samius. Fragmentum 19.—Müller. Fragmenta hist. graec. T. II.
[2]) Arsitoxenes Tarentius. Fragmentum 92.—Müller. Fr. his. graec. T. II.

печенія Афранія, а потому онъ и не присутствовалъ въ обоихъ сраженіяхъ, данныхъ Помпеемъ сначала Сотису, брату албанскаго царя Оройза, павшему на полѣ битвы отъ руки Помпея, а потомъ и Оройзу съ Артокомъ и ихъ соединеннымъ силамъ. Уже на послѣднемъ переходѣ легіоновъ черезъ Колхиду Ауфидій прибылъ къ войску подъ почетною охраною воиновъ Тиграна.

— Нѣтъ, не отнимай у меня моихъ боговъ, моихъ вѣрованій—сказалъ онъ горячо.—Безъ нихъ весь міръ, вся природа будутъ для меня мертвою картиною, неговорящей ни уму, ни сердцу... Лучезарный, свѣтоносный Геліосъ, восходящій на зарѣ на лазурное небо, будетъ представляться мнѣ раскаленнымъ, но мертвымъ шаромъ, брошеннымъ кѣмъ-то въ небесныя выси. Ночью кроткая, блѣдноликая Селена будетъ казаться мнѣ тѣмъ же мертвымъ шаромъ, только холоднымъ. Моря безъ Посейдона и Нереидъ, ручьи безъ Нимфъ, лѣса и поля безъ Сатировъ и Пана, Аидъ безъ божествъ, безъ Харона, безъ Ахерона, Флегетона и Леты, Олимпъ безъ Зевса, всѣ небеса безъ небожителей,—о, вѣчные боги!—да это смерть для души, храмы безъ боговъ, жилища безъ людей!.. это—ужасъ пустыни!.. Да и въ пустынѣ раздаются рыканія льва, двигаются пески пустыни отъ дыханій вѣтра—отъ дуновеній божества... Лѣса безъ говора птицъ... преступленіе безъ Немезидъ... любовь безъ отвѣта... О, пощадите меня, вѣчные боги, отъ такого ужаса!.. Кавказъ безъ Прометея!—да это человѣчество безъ исторіи, Римъ безъ его прошлаго, вселенная — безъ жизни!.. Нѣтъ, нѣтъ!—Оставь мнѣ мои вѣрованія, оставь!.. О, свѣтоносный Геліосъ!—поднялъ онъ руки къ ярко горѣвшему солнцу:—какой я былъ плохой учитель! Отъ моихъ наставленій ничто не запало въ душу Помпея!

— Успокойся, дорогой учитель,—я не хотѣлъ огорчать тебя,—я не буду отнимать у Кавказа его Прометея, у Олимпа—Зевса! — говорилъ Помпей, сажая около себя огорченнаго Ауфидія.

Въ это время изъ-за сосѣдней скалы, мимо которой шла горная дорога къ морю, показались всадники.

— Я вижу—это гонцы отъ Сервилія, — сказалъ Помпей.

Всадники приблизились и сошли съ коней.

— Боги да хранятъ вождя Рима и побѣдоноснаго императора,—сказалъ одинъ изъ всадниковъ, подходя къ Помпею.

— Какія вѣсти?—спросилъ послѣдній.

— Навмархъ Сервилій прислалъ насъ, чтобъ доложить

тебѣ, что въ морѣ, на горизонтѣ, показались корабли:—навмархъ считаетъ ихъ флотиліею Митридата.

— Наконецъ боги посылаютъ мнѣ случай стать лицомъ къ лицу съ хвастливымъ царемъ Понта,—радостно сказалъ Помпей.—Велите трубить выступленіе.

И тотчасъ завыли легіонныя трубы.

Д. Л. Мордовцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Королева Елизавета английская и ея время.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Ѳ. Львовича.

VII [1]).

Одной изъ характеристичныхъ особенностей всего царствованія Елизаветы является то обстоятельство, что экономическая и общественная жизнь Англіи, послѣ тяжелой переходной эпохи, снова приходитъ въ равновѣсіе: за рядомъ продолжительныхъ смутъ установился въ теченіе полутора поколѣнія періодъ все возрастающаго преуспѣянія.

Мы уже упоминали о той коммиссіи, которая была учреждена Елизаветой вскорѣ послѣ вступленія ея на престолъ для устраненія экономическихъ бѣдствій. Сесиль обратилъ вниманіе и на законодательство по сельскому хозяйству: тогда все еще сказывалось дѣйствіе того страшнаго кризиса, въ которомъ, выражаясь словами Томаса Мора, овцы пожирали поля, дома и людей. Въ 1562 г. были возобновлены охранительные законы предшествовавшихъ царствованій противъ изгнанія крестьянъ и превращенія ихъ участковъ въ господскіе земли и луга. Они оставались въ силѣ въ теченіе тридцати лѣтъ и, когда въ 1592 г. ихъ отмѣнили, какъ излишніе, процессъ обезземеленія, можетъ быть, подъ вліяніемъ рынка опять начался съ такой силой, что уже въ 1597 г. ихъ пришлось снова возстановить и даже усилить. Но въ упомянутые тридцать лѣтъ они, повидимому, были достаточны для того, чтобы держать въ тѣсныхъ границахъ огораживаніе крестьянскихъ земель и изгнаніе крестьянъ,—чего никогда не удавалось достигнуть въ прежнее время. Жалобы, столь частыя въ литературѣ прежняго времени, уменьшаются въ царствованіе Елизаветы: очевидно, зло было уже не такъ велико. Насколько можно судить, процессъ этотъ дѣйствительно остановился. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности на югѣ-востокѣ, огораживанія были уже распространены повсемѣстно или на большей части ихъ территоріи. Въ другихъ же, преимуществено въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ, дѣло не дошло до этого. Къ тому же правительство не ограничилось полицейскими запрещеніями, которыя тоже могли имѣть свое значеніе, но прибѣгло и къ положительнымъ экономическимъ мѣропріятіямъ. Оно разрѣшило съ нѣкоторыми ограниченіями вывозъ хлѣба, что въ тѣ

---

[1]) См. Вѣст. Всем. Истор., май.

времена отнюдь не было обычнымъ явленіемъ; этимъ оно увеличило доходность хлѣбопашества; сверхъ того, своими законами о рабочихъ оно доставляло сельскому хозяйству рабочія силы. Производство хлѣба, гдѣ оно еще не было вытѣснено овцеводствомъ, могло успѣшнѣе конкуррировать съ этимъ послѣднимъ. Въ тѣхъ же частяхъ страны, гдѣ процессъ обезземеленія крестьянъ и замѣны хлѣбопашества овцеводствомъ былъ уже законченъ, населеніе привыкло къ новому порядку и нашло работу и средства къ жизни въ другихъ отрасляхъ труда. Впрочемъ, и сельское хозяйство со времени перехода монастырскихъ земель къ свѣтскимъ владѣльцамъ поднялось; начали уже думать о меліораціяхъ, осушеніи болотъ. Словомъ, насколько можно судить, благосостояніе сельскаго населенія увеличилось. Большое повышеніе цѣнъ, начавшееся во второй половинѣ XVI вѣка, было выгодно для старыхъ арендаторовъ, вносившихъ фиксированную арендную плату, что тоже способствовало увеличенію благосостоянія средняго слоя сельскаго населенія. Это повышеніе цѣнъ менѣе выгодно было для дворянства, которому отчасти приходилось довольствоваться фиксированной арендной платой, хотя расходы его вслѣдствіе распространенія роскоши увеличивались, и наемнымъ сельскимъ рабочимъ, плата которыхъ увеличивалась лишь медленно. Тѣмъ не менѣе джентри, какъ сословіе, все-таки не понесла никакого ущерба: мы уже говорили, какъ значительно увеличилось ея состояніе вслѣдствіе секуляризаціи, какъ возрасло ея общественное вліяніе вслѣдствіе развитія самоуправленія и какъ въ ея руки переходили все новые и новые капиталы изъ городовъ. Дальнѣйшій ходъ событій показалъ впослѣдствіи, что и сельское дворянство тоже усиливалось. Въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ оно оставалось вождемъ сельской Англіи. Культурное развитіе этой сельской Англіи тогда повсюду поднялось. Общее значеніе новаго порядка сравнительно съ порядкомъ, существовавшимъ въ началѣ XV вѣка, и слѣдовательно, общій результатъ аграрнаго кризиса, совершившагося въ промежуткѣ между этими двумя періодами, состоитъ въ выдѣленіи господскихъ владѣній изъ общаго хозяйственнаго оборота, округленіи ихъ на счетъ общинныхъ земель т. е., является значительнымъ шагомъ къ индивидуалистическому развитію; старый общинный строй деревни падаетъ; отдѣльный владѣлецъ, господинъ, крупный арендаторъ выступаетъ на первый планъ и нашъ вѣкъ, вѣкъ энергичной дѣятельности и зажиточности придаетъ этому новому порядку болѣе прочныя формы, въ которыхъ онъ можетъ получить дальнѣйшее развитіе. Такова одна отличительная черта интересующаго насъ времени; другая же состоитъ въ огромномъ значеніи государственной власти. Государство оказываетъ глубокое и благотворное вліяніе также на сельское хозяйство, регулируетъ его развитіе и содѣйствуетъ ему. Оно поощряетъ землевладѣльцевъ къ увеличенію производства хлѣба и властно вмѣшивается во взаимныя отношенія между трудящимися. Лишь впослѣдствіи, въ XVIII столѣтіи, когда королевская власть пала передъ аристократіей, обнаружилось, какъ велико было соціальное значеніе старой короны: лишь послѣ этого завершается поглощеніе

крестьянства землевладѣльческой аристократіей при дѣятельномъ содѣйствіи новой государственной власти. Конечно, не Тюдоры вызвали сельско-хозяйственное развитіе, о которомъ мы говоримъ, но они значительно способствовали ему.

Папа Сикстъ V. (Съ гравюры Графико, хранящ. въ королевск. музеѣ въ Берлинѣ).

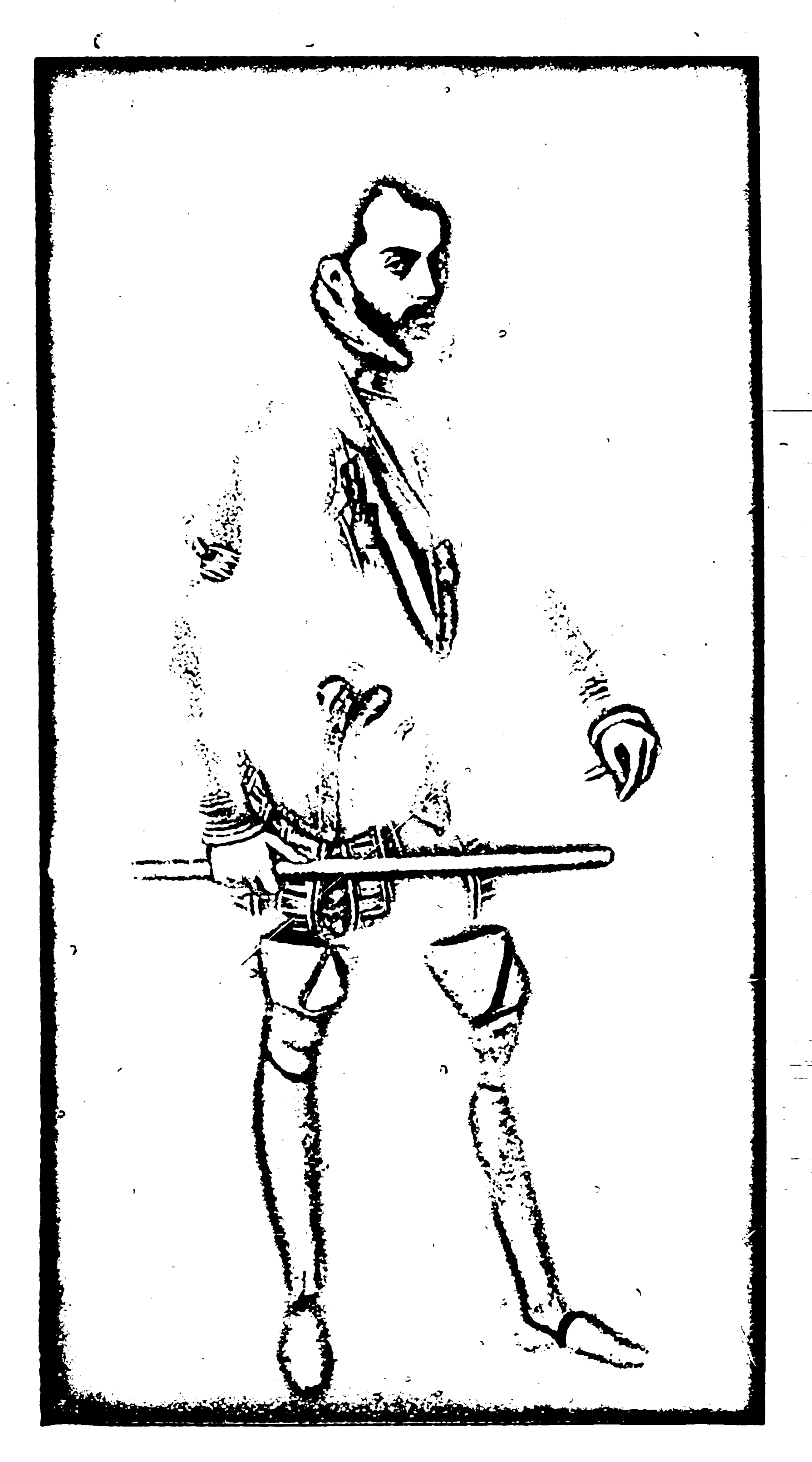
Сельское населеніе со своимъ земледѣліемъ и скотоводствомъ еще долго составляло главный и основной элементъ англійской націи. Однако новыя теченія въ экономической и духовной жизни Англіи исходили изъ городовъ, такъ быстро развивавшихся тогда повсюду на западѣ,—изъ промышленныхъ и торговыхъ слоевъ населенія.

Эти элементы легче поддавались вліянію правительства, которое покровительствовало имъ еще больше, чѣмъ сельскому хозяйству. Промышленная политика Елизаветы была послѣдовательна и величественна. Главный принципъ ея состоялъ въ регулированіи промышленности государствомъ, задачей же ея было упорядоченіе экономической жизни, потрясенной продолжительнымъ

и тяжелымъ кризисомъ. Основной законъ въ этой области, извѣстный статутъ о ремесленныхъ ученикахъ, былъ изданъ еще въ 1563 г. Онъ распредѣлялъ рабочія силы по различнымъ производствамъ, регулировалъ продолжительность ученія, рабочаго времени, опредѣлялъ высоту заработной платы. При этомъ онъ не имѣлъ въ виду односторонней защиты интересовъ только мастеровъ, обезпечивалъ положеніе старшихъ рабочихъ путемъ ограниченія числа учениковъ и предоставилъ нормировку заработной платы примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ мировымъ судьямъ, которые ежегодно опредѣляли ее на своихъ собраніяхъ, соображаясь съ мнѣніями свѣдущихъ людей. При составленіи его были приняты во вниманіе всѣ практическія требованія времени, положеніе различныхъ слоевъ населенія, отдѣльныхъ мѣстностей и ихъ привиллегіи; тѣмъ не менѣе онъ оказался достаточно растяжимымъ, чтобы просуществовать двѣсти лѣтъ и лишь съ развитіемъ фабрикъ, когда условія производства совершенно измѣнились, уступилъ мѣсто позднѣйшему законодательству. По существу онъ былъ продолженіемъ законодательныхъ попытокъ прежняго времени, эпохи Генриха VII, и являлся лишь ихъ завершеніемъ; онъ имѣлъ консервативный смыслъ: каждый, по его идеѣ, долженъ былъ оставаться въ томъ кругу, въ какомъ родился; соотвѣтствующія же мѣры для достиженія этой цѣли принимались государствомъ. Въ тѣсной связи съ этимъ находилось и законодательство о бѣдныхъ: государство беретъ на себя задачи старой церкви, передаетъ попеченіе о бѣдныхъ общинамъ, борется съ нищенствомъ и обычаемъ подавать милостыню и требуетъ, чтобы каждый нуждающійся жилъ своимъ трудомъ. Оно требуетъ помощи для дѣйствительно неспособныхъ къ труду и наказываетъ нежелающихъ работать. Путемъ мѣстныхъ налоговъ оно добываетъ необходимыя для этого средства. Съ другой стороны, задерживая бродячихъ тунеядцевъ, оно устраняетъ большую угрозу для общественной безопасности и, назначая ихъ на опредѣленныя работы дѣйствуетъ въ духѣ своихъ экономическихъ стремленій. Эта оргагнизаціонная дѣятельность государства, закончившаяся лишь въ 1601 г., тоже завершается руководящей ролью мировыхъ судей, графствъ. Третья сторона политики Елизаветы состояла въ систематическомъ надзорѣ за достоинствомъ производимыхъ товаровъ. Эту обязанность, выполнявшуюся нѣкогда цехами и городами, теперь взяло на себя государство: оно охраняетъ интересы туземныхъ и иностранныхъ потребителей и этимъ помогаетъ англійской промышленности съ успѣхомъ выдерживать конкурренцію. Очень характеристично это перенесеніе отвѣтственности съ тѣсныхъ круговъ на болѣе широкіе и, наконецъ, на государство. Въ странѣ исчезаетъ городская и цеховая хозяйственная автономія, но при этомъ не является ни централизаціи въ собственномъ смыслѣ слова, ни полной разрозненности трудящихся. Напротивъ, промышленность и впредь находится въ рукахъ ассоціацій однако эти ассоціаціи уже не безусловно самостоятельны, а дѣйствуютъ въ силу полномочій, предоставляемыхъ имъ государствомъ, и онѣ не такъ стѣснительны, какъ прежніе цехи. Произошло также не мало и даль-

нѣйшихъ перемѣнъ: стали развиваться кустарные промыслы, подготовлялись промышленныя предпріятія, изъ-за-границы проникли нѣкоторыя новыя отрасли промышленности и, благодаря своей новизнѣ, приняли болѣе свободныя формы. Такимъ образомъ, и въ этой области индувидуальная дѣятельность получила большій просторъ; однако она въ то же время ограничивалась еще корпораціями и находилась подъ косвеннымъ надзоромъ высшей власти. Но значеніе и богатство промышленниковъ увеличивались. Правительство старалось открыть имъ болѣе широкій путь, предусмотрительно вводило новыя производства, не допускало сильной иностранной конкурренціи, заставляло потребителей пользоваться англійскими товарами; при Елизаветѣ, между прочимъ, было запрещено носить шляпы не англійскаго производства; она же способствовала сбыту англійскихъ товаровъ за-границею. Еще король Генрихъ VII стремился къ тому, чтобы его подданные обладали умѣреннымъ состояніемъ: никто не долженъ былъ быть слишкомъ богатымъ, чтобы величіе государя было возможно болѣе внушительно. Эта точка зрѣнія теперь была оставлена и все приняло болѣе грандіозные размѣры.

Такая перемѣна прежде всего сказалась въ торговлѣ. Внутренняя торговля была избавлена отъ стѣсненій и ограниченій, налагавшихся на нее привиллегіями различныхъ мѣстностей: вся Англія превращалась въ одну экономическую область. Но особеннымъ покровительствомъ короны пользовалась иностранная торговля. Ганза была подорвана, Венеція утратила свое прежнее значеніе, англійскіе купцы повсюду старались войти въ непосредственныя торговыя отношенія съ отдѣльными странами, а затѣмъ и стать посредниками въ ихъ торговлѣ съ другими государствами. Возникло много новыхъ торговыхъ компаній—главнымъ образомъ, въ столицѣ, но отчасти также и въ другихъ торговыхъ городахъ, которые такъ далеко отстали отъ Лондона; компаніи эти открывали новые пути для англійскихъ торговыхъ завоеваній. Съ 1554 по 1600 г. образовались компаніи: русская, балтійская, левантинская, турецкая, марокская, гвинейская, гоанская и, наконецъ остъ-индская, которой предстояло столь блестящее будущее. Всѣ онѣ еще не вполнѣ владѣли своими областями и не могли тягаться съ голландцами, но онѣ быстро усиливались и политика королевы энергично поддерживала ихъ. Англійскіе купцы выступили на иностранные рынки компаніями; конечно, рядомъ съ ними пытались дѣйствовать и отдѣльныя лица, но компаніи постоянно одерживали побѣду. Дѣло въ томъ, что на этихъ рынкахъ приходилось вести напряженную борьбу, вслѣдствіе чего сплоченность была необходима; гильдіи охраняли каждаго изъ своихъ членовъ, но также давали имъ свои предписанія; онѣ пользовались монополіями каждая въ своей области и уже за ними стояла принудительная власть государства. Каждый членъ ихъ велъ дѣло на собственный счетъ подъ надзоромъ гильдіи и по правиламъ, установленнымъ ими. Остъ-индская компанія была первымъ акціонернымъ обществомъ: она собственно была предпринимателемъ, члены же ея лишь участво-



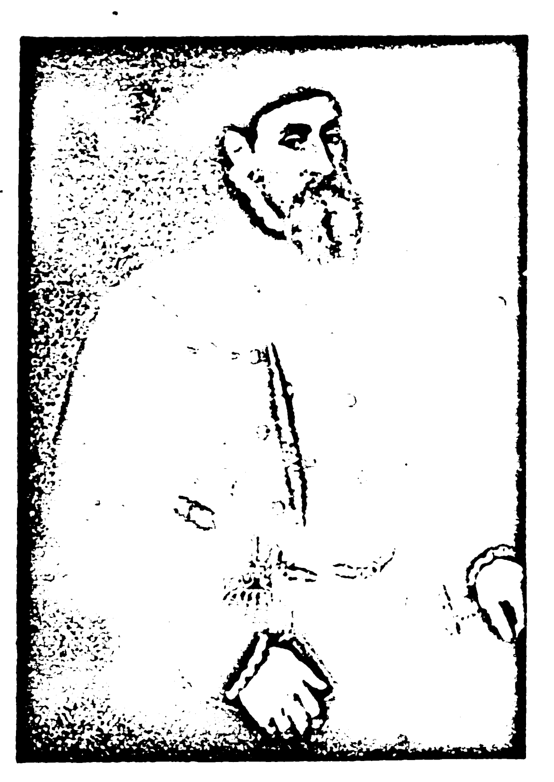
Король Филиппъ II, испанскій.

вали въ предпріятіяхъ своимъ капиталомъ. Такой порядокъ былъ индивидуализирующимъ факторомъ, потому что онъ давалъ возможность легкаго и свободнаго помѣщенія капитала; самой же гильдіи онъ позволялъ дѣйствовать съ большею силою.

Въ общемъ индивидуалистическія черты развитія торговли въ царствованіе Елизаветы несомнѣнны. Торговыя сношенія освобождаются отъ прежнихъ узъ, денежное обращеніе становится свободнѣе и оживленнѣе. Да и могла ли бы Англія въ этотъ вѣкъ всемогущества денегъ, въ дни разцвѣта міровыхъ рынковъ Антверпена и Ліона сохранить у себя запрещеніе торговли деньгами? Въ литературѣ строгіе приверженцы библейско-церковнаго воспрещенія взиманія процентовъ въ теченіе всего этого столѣтія вели безпрестанную полемику со сторонниками болѣе свободнаго воззрѣнія. Въ практической жизни и въ воззрѣніяхъ большинства одержали верхъ представители послѣдняго направленія; естественной союзницей ихъ была сама корона вслѣдствіе нужды въ деньгахъ и стремленія возвысить себя и свою страну. Елизавета начала дѣло съ цѣлесообразной монетной реформы; затѣмъ совѣтникомъ ея сталъ Томасъ Грешэмъ; онъ самъ основалъ въ Лондонѣ биржу, которая черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ торжественнаго посѣщенія ея королевою, получила въ 1571 г. названіе „royal exchange“. Денежное обращеніе и кредитъ стали болѣе оживленными и съ своей стороны способствовали объединенію націи въ одну экономическую область. Морское страхованіе стало болѣе распространеннымъ. Само собою разумѣется, что въ видѣ оборотной стороны расширившейся предпріимчивости явилось увеличеніе банковыхъ краховъ. При всемъ этомъ личность пріобрѣтаетъ большее знаніе, увеличивается ея свобода, ея кругозоръ, ея самосознаніе одновременно съ самосознаніемъ всей націи. Мы встрѣчаемъ крупныхъ купцовъ, освободившихся отъ прежнихъ узъ; представителями этихъ людей являются: Грешэмъ, смѣлый, но трезвый и строго разсчетливый человѣкъ, и „аргонавты англійской исторіи“, упомянутые нами уже раньше при обзорѣ иностранной политики Англіи, предпріимчивые и рѣшительные герои, во главѣ которыхъ стоялъ пылкій и необузданный Вальтеръ Роли. Онъ рано сдѣлалъ попытку основать въ Сѣверной Америкѣ колонію, названную имъ въ честь королевы-дѣвственницы Виргиніей. Колонія эта погибла и Англіи лишь впослѣдствіи предстояло колонизовать Америку, но елизаветинскіе дѣятели предвосхищали своими походами будущее и подготовляли его. Ричардъ Гэклейтъ неустанно разсказывалъ своимъ соотечественникамъ исторію „путешествій, мореплаваній, торговыхъ предпріятій и открытій англійской націи“; соціально-политическія и экономическія, религіозныя, чисто-политическія и чисто-эгоистическія побужденія сказывались въ современныхъ событіяхъ, но руководящую роль въ нихъ играли стихійное національное честолюбіе и неутомимая жажда дѣятельности. Во всемъ проявляется энергія новой Англіи, выступающей на міровую сцену. Носителемъ этой энергіи является прежде всего ку-

нечество, но она охватываетъ также джентри, находящуюся въ постоянномъ общеніи съ нимъ.

Современное движеніе можно въ общемъ характеризовать слѣдующими словами: повсюду происходитъ прогрессивное развитіе; значеніе личности повсюду увеличивается, хотя она еще до извѣстной степени связана корпораціями; этими корпораціями и всей жизнью руководитъ правительство. Дѣятельность же правительства сводится къ тому, что оно не терпитъ невмѣшательства, не допускаетъ свободы торговли, а во всемъ осуществляетъ систему государственнаго руководства, характеризующую этотъ вѣкъ возникающаго абсолютизма. Елизавета идетъ тѣмъ же путемъ, которымъ шелъ еще Фридрихъ Прусскій: англійская королева имѣетъ то преимущество передъ нимъ, что ея дѣятельность, отчетливо выдѣляющаяся на фонѣ современныхъ смутъ, падаетъ на начало, а не на конецъ этого періода. Дѣло ея могло вполнѣ закончиться: Англія, созданная въ ея время, существовала и продолжала развиваться цѣлые вѣка.



Томасъ Грешимъ (Съ портрета А. Мора).

Руководящая роль короны, восполняемая активнымъ содѣйствіемъ націи, характеризуетъ отношеніе Елизавета къ конституціи и парламенту. Современные намъ англичане легко поддаются искушенію переносить теперешнія представленія объ англійскомъ государственномъ правѣ на елизаветинское время. Но тогда въ государствѣ юридически и фактически преобладала королевская власть: строгаго раздѣленія властей не было,—значеніе ихъ зависѣло отъ ихъ силы. Въ царствованіе обоихъ Тюдоровъ парламентъ далеко отступалъ передъ королевской властью на задній планъ, въ царствованіе же Елизаветы значеніе его снова увеличивается. Она часто созывала его, однако не чаще, чѣмъ это было безусловно необходимо; она оставалась довольно независимой отъ него, управляя бережливо и возможно меньше напрягая податную силу населенія; но періодически она настоя-

тельно нуждалась въ содѣйствіи парламента и во всѣхъ важныхъ политическихъ событіяхъ онъ стоялъ рядомъ съ нею и за нею. Онъ отстаивалъ свои привиллегіи: нижняя палата и королевскій совѣтъ не разъ вступали въ борьбу другъ съ другомъ за свободу слова депутатовъ, за размѣры правъ палаты. Королева имѣла благоразуміе уступать постоянно, когда это было нужно, но въ концѣ концовъ всегда дѣлалось то, чего она хотѣла, и пылкіе пуритане, хотя бы они были членами парламента, вынуждены были мириться съ суровымъ полицейскимъ надзоромъ. Корона давала избирательныя права новымъ мѣстечкамъ (boroughs), на выборы въ которыхъ она могла имѣть рѣшающее вліяніе: Елизавета прибавила въ нижней палатѣ 62 новыхъ депутатскихъ мѣстъ,—гораздо больше, чѣмъ было прибавлено ея предшественниками. Изъ этого видно, что она находила нужнымъ оказывать вліяніе на составъ палаты и обезпечивать за собою большинство экстраординарными средствами. Съ другой стороны, это показываетъ, въ какой высокой степени она еще обладала возможностью осуществлять свою волю. А воля ея, хотя она удивительно совпадала съ господствовавшими желаніями націи, постоянно носила отчетливо-личный характеръ: Елизавета всегда была проникнута гордымъ сознаніемъ своихъ верховныхъ правъ и тщательно охраняла ихъ. Невозможно было, конечно, избѣжать того, что парламентъ неоднократно обращался къ ней съ просьбами рѣшить вопросъ о наслѣдованіи престола, какъ раньше съ просьбами о выходѣ ея замужъ; но Елизавета дѣлала что ей было угодно, и когда она умерла, вопросъ этотъ былъ такъ же мало рѣшенъ, какъ и при вступленіи ея на престолъ. Елизавета желала, чтобы парламентъ поддерживалъ ея церковную политику, она даже передала на его утвержденіе 39 членовъ символа вѣры, но вмѣшиваться въ дѣла церкви палата общинъ не могла; это важнѣйшее пріобрѣтеніе королевской власти, господство надъ церковью самымъ вліятельнымъ изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, осталось всецѣло въ королевскихъ рукахъ. Такъ продолжалось дѣло до девятидесятыхъ годовъ, а послѣ этого, когда корона требовала денегъ для своихъ войнъ, различные ораторы выступали со своей оппозиціей. Однако парламентъ утверждалъ все, чего требовала корона. Тогда королева Елизавета стояла уже въ представленіи своего народа на недосягаемой высотѣ.

Мы изобразили въ общихъ чертахъ внутреннюю жизнь и внутреннюю политику Англіи вѣка Елизаветы. Картину эту можно дополнить описаніями современниковъ: они отчетливѣе оттѣнятъ отдѣльныя стороны жизни, изображенныя нами, и иллюстрируютъ ихъ культурно-историческими подробностями. Въ наивныхъ и непосредственныхъ впечатлѣніяхъ нѣмцевъ, посѣщавшихъ елизаветинскую Англію, ярко отражается величественныя и непригядныя черты того времени; но надъ всѣми ихъ описаніями царитъ внушительный образъ самой королевы.

Э. Марксъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Переписка графа I. А. Каподистрія.

(*Окончаніе*) [1].

22

St. Pétersbourg, le 5 (17) Novembre, 1821.

Aléco nous est arrivé avec sa bonne épouse très bien portant. Les premiers jours ont été laborieux pour lui. Il a du se caser, cela fait il va se lancer dans le grand monde, et il commence demain par le commencement c'est à dire par la Cour. L'Empereur a eu la bonté de me dire qu'indépendamment de la présentation d'usage, il le verra dans son cabinet. Les noeux donc que vous avez formés, madame la comtesse, sont efancés... Les miens le sont aussi, et sout tous les rapports... Votre frère est ma consolation. Je le trouve aussi calme qu'un hômme public doit l'être dans le temps de crise. Il le sera davantage... Et l'air de la chancellerie y contribuera.— N'en doutez pas. Je le vois souvent. Il est à quatre pas de ma demeure... Lorsqu'il ne viendra pas me dire bonjour, j'irai lui dire bonsoir... Agréez donc tous mes remerciemens pour la part que vous avez eue à lui faire quitter Oustié, et pour tout ce que vous faites afin de le représenter auprès de Madame Stourdza... Baisez lui les mains de ma part, dites lui qu'après Rofaudre et Aléco personne ne l'aime autant que moi. Ne m'oubliez pas auprès du comte Edling et croyez aux sentimens sincères et respectueux.

P. S. Aléco vous enverra des vers allemands que Madame B (?) de Copenague m'adresse, dans sa double qua-

---

[1]) См. книжку № 5.

lité d'amie des Grecs et de Mère de Madame Bartelus. Ceci me raporte à Carlsbad et à notre entrevue entre Francisbrunn et Weïmar. Allez persuader les faiseurs de politique de notre temps que mon voyage, que votre rencontre, que celle de l'infortuné ami que j'avais puis admis dans ma calèche n'étaient dans aucun rapport quelconque avec les grands événemens du jour!... Je vais m'occuper d'un narré très fidèle de toutes les circonstances qui me regardent depuis 20 ans. Il prouvera que sans vouloir porter les Grecs à sécouer le joug, je les ai cependant poussés *sans le savoir*, et *sans le vouloir* à ce qu'ils font aujourd'hui Suis—je pour cela coupable?.. J'espère que non. Adieu encore.

(Переводъ). С.-Петербургъ 5 (17) ноября 1821.

Алеко пріѣхалъ къ намъ со своей милой супругой въ добромъ здоровьи. Первые дни ему было много хлопотъ. Нужно было устроиться, чтобы затѣмъ пуститься въ большой свѣтъ. Съ завтрашняго дня онъ положилъ этому начало, представившись ко Двору. Государь милостиво сказалъ мнѣ, что кромѣ обычнаго представленія, онъ приметъ Алеко еще у себя въ кабинетѣ. Итакъ, желанія ваши, графиня, осуществились... И мои тоже, во всѣхъ отношеніяхъ... Вашъ братъ— мое утѣшеніе. Я нахожу его настолько спокойнымъ, насколько надлежитъ быть общественному дѣятелю въ такое критическое время. Онъ еще болѣе усовершенствуется въ этомъ отношеніи... Атмосфера канцеляріи поспособствуетъ этому, будьте въ томъ увѣрены. Я часто съ нимъ вижусь, такъ какъ онъ живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня..., Если онъ не приходитъ сказать мнѣ добраго утра, то я захожу пожелать ему добраго вечера. Примите же мою благодарность за содѣйствіе, оказанное вами на рѣшеніе его покинуть Устье и за все то, что вы дѣлаете, чтобы замѣнить его при m-me Стурдза. Поцѣлуйте отъ меня ея руки и скажите ей, что послѣ Роксаны и Алеко никто не любитъ ее такъ горячо, какъ я. Не забудьте передать мой привѣтъ графу Эдлингъ и вѣрьте чувствамъ искренняго почтенія.

P. S. Алеко пришлетъ вамъ нѣмецкіе стихи, доставленные мнѣ изъ Копенгагена г-жею Б. (?) на двойномъ основаніи: какъ доброжелательницей греческой націи и какъ матерью

г-жи Бартелюсъ. Это переноситъ меня въ Карльсбадъ и къ нашему свиданію по пути между Франценсбаденомъ и Веймарокъ. Попробуйте увѣрить господъ политикановъ нашего времени, что ни мое путешествіе, ни встрѣча съ вами и несчастнымъ другомъ, котораго я потомъ посадилъ въ свою коляску, не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ великимъ событіямъ дня.

Хочу приступить къ правдивому изложенію [1]) всего, къ чему я былъ прикосновененъ въ теченіе 20 лѣтъ. Оно покажетъ, что безъ всякаго съ моей стороны желанія склонить грековъ къ сверженію ига, я тѣмъ не менѣе, *самъ того не желая и не зная*, побудилъ ихъ къ настоящимъ ихъ дѣйствіямъ. Винить ли меня за это?... Надѣюсь, что нѣтъ. Еще разъ до свиданія.

23

St. Pétersbourg, le 20 janvier, 1822.

L'année ne pourrait mieux commencer, qu'en me portant des nouvelles d'Oustié. Je vous en remercie donc, Madame la Comtesse, elles me font beaucoup de plaisir. La paisible existence dont vous jouissez adoucit les peines de la mienne. Elles sont bien profondes. J'en suis au point que la vue seule des paquets qui peuvent renfermer des lettres de Corfou me fait frissonner. Une soeur chère qui avait pris le voile dès sa première jeunesse, et qui n'existait que pour les pauvres et pour les infirmes, n'est plus. On l'a fait mourir en répandant le bruit que l'Empereur m'avait éxilé en Sybérie, puis en Amérique en me nommant son Ministre, enfin que j'étais mort d'une forte collique... Cette dernière nouvelle a été répandue avec beaucoup de perfidie... On se la disait à l'oreille... La bonne Euphrosine n'a pu résister... Elle était valétudinnaire, et souffrante toute sa vie... Elle se repose maintenant dans le sein de Dieu. Et si je la pleure ce n'est que parce que les malheureux de mon pays ne l'ont

1) Здѣсь, вѣроятно гр. Каподистрія говоритъ о запискѣ: «Aperçu de ma carierre publique», которая была напечатана съ рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ, въ *Сборникѣ Русск. Историч. Общ.* т. 3 и отдѣльными оттисками. Черновой подлинникъ этого интереснаго документа, весь писанный рукою гр. Каподистрія, сохранился въ бумагахъ А. С. Стурдзы. На поляхъ первой страницы этой записки есть помѣтка, по которой можно судить, что она была отправлена императору Николаю I въ іюлѣ 1826 года, т. е. когда гр. Каподистрія жилъ еще въ Швейцаріи.

plus pour leur consolation... C'est ainsi qu'a terminé pour moi l'année 1821... Je ne vous parle pas des tribulations journalières qui m'éprouvent. Votre frère en est le temoin. Si quelque chose me soutient c'est ma conscience. Elle est calme, rien ne pèse sur elle. Et c'est assurément ce sentiment et la bénédiction de mes parens qui me donnent encore quelque force—je ne vous dis pas pour espérer, mais pour ne pas désespérer.

Plus on médite les événemens qu'ont en lieu dans le monde, depuis le mois de mars de l'année dernière, plus on examine avec impartialité le jugement qui en portent les hommes qui doivent en juger, et plus on est convaincu que ces mêmes événemens sont dirigés par une intelligence qui est au dessus du pouvoir et du savoir humain. Delà il eu résulte que les hommes ne les maitriseront pas... Ce qui le prouve c'est que les hommes servent les événemens sans s'en douter, ou en croyant de bonne foi qu'ils finiront par les soumettre aux calculs étroits d'une vieille et pauvre politique. Ce que je vous dis aujourd'hui je l'ai dit il y a un an des affaires de notre Patrie, et il y a 7 ans des affaires générales de l'Europe. LHistoire, ou pour mieux dire l'expérience, qui seule décide sans retour et d'une manière victorieuse ces grandes questions, parle haut. Elle se prononce de manière à imposer silence à tous les hommes de mauvaise foi, mais ces hommes criaillent encore, parce qu'on les écoute. En considérant ainsi les hommes et les choses, jugez des désagrémens qui empoisonnent tous les instans de ma vie. Je la supporte néanmoins avec résiguation et je la supporterai tant qu'il me sera possible. Arrivé à ce terme, je m'arrêterai comme une pendule à laquelle on ôte le mouvement.. Elle ne marche plus. Mais par cela elle n'aura pas cessé d'être... Voici en peu de mots et le présent, et l'avenir, si l'avenir veut toujours ressembler au présent. Quant à votre projet de passer à Odessa (et je vous en parle parce que nous sommes sur le chapitre de l'avenir), mon opinion est, que si à la belle saison tout reste là où tout se trouve aujourd'hui, Odessa ne vous offrira aucune ressource... L'agrément du climat sera neutralisé par tout d'autres désagrémens qu'il ne vaudra pas la peine de le chercher à Odessa. Jusque là cependant il y a du tems... Et nous pourrons y voir plus clair. Les

renseignemens que vous avez demandés en attendant à M (?) seront toujours utiles.

Je finis ma lettre et je vous remercie encore une fois de m'avoir donné l'occasion de l'écrire. Baisez les mains de ma part à M. Stourdza. Embrassez aussi la petite Marie. Rappelez moi au souvenir du comte Edling, et de Madmoiselle Séverin. Et croyez à l'amitié de...

(Переводъ).

С.-Петербургъ. 20 января 1822 г.

Новый годъ не могъ начаться для меня пріятнѣе, какъ принеся мнѣ вѣсти изъ Устья. Благодарю васъ за нихъ, графиня: онѣ доставили мнѣ много удовольствія. Мирныя радости вашей жизни смягчаютъ глубокія горести моего существованія. Я дошелъ до того, что одинъ видъ пакетовъ, въ которыхъ могутъ находиться письма изъ Корфу, приводитъ меня въ трепетъ. Не стало моей любимой сестры, постригшейся въ юныхъ лѣтахъ и жившей только для несчастныхъ и больныхъ. Ее убили распространявшіеся слухи, что государь сослалъ меня въ Сибирь, а потомъ въ Африку, назначивъ меня туда своимъ посланникомъ и что, наконецъ, я умеръ отъ сильнѣйшей колики. Послѣднее извѣстіе распространялось съ большимъ злонамѣреніемъ и передавалось другъ другу на ухо... Бѣдная Евфросинія не перенесла этого... Она всю жизнь была слаба и болѣзненна... Теперь она почиваетъ въ нѣдрахъ Господнихъ и если я оплакиваю ее, то ради бѣдныхъ и несчастныхъ моей родины, лишившихся своей утѣшительницы... Такъ окончился для меня 1821 годъ... Не говорю уже вамъ о ежедневныхъ моихъ волненіяхъ — вашъ братъ имъ свидѣтель. Только совѣсть моя поддерживаетъ меня еще: она спокойна, и ничто не тяготѣетъ надъ ней. Только это сознаніе и благословеніе моихъ родителей даютъ мнѣ еще нѣкоторую силу — не скажу, чтобы надѣяться, но чтобы не отчаяваться.

Чѣмъ больше размышляешь надъ міровыми событіями, происшедшими съ марта мѣсяца прошлаго года, чѣмъ безпристрастнѣе вникаешь въ воззрѣнія людей, суду которыхъ подлежатъ эти событія, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что послѣднія управляются волею, стоящею выше власти и разумѣнія человѣка. Отсюда выводъ, что люди не властны надъ событіями. Это доказывается тѣмъ, что они или служатъ имъ безсознательно, или наивно думаютъ, что въ концѣ концовъ подчи-

нять ихъ узкимъ разсчетамъ устарѣлой и жалкой политики. То, что я вамъ говорю сегодня, я говорилъ годъ тому назадъ по поводу дѣлъ нашего общества и еще семь лѣтъ тому назадъ по поводу общеевропейскихъ дѣлъ. Исторія, или, лучше сказать, опытъ, который одинъ всевластно и безповоротно рѣшаетъ великія дѣла, говоритъ ясно и громко... онъ какъ бы заставляетъ молчать лицемѣрныхъ людей, но они продолжаютъ шумѣть, такъ какъ находятъ еще слушателей. Взглянувъ на вещи и людей съ этой точки зрѣнія, можете себѣ представить всѣ огорченія, ежеминутно отравляющія мою жизнь. Тѣмъ не менѣе, я покорно несу этотъ крестъ и буду такъ нести его до послѣднихъ предѣловъ возможности, а затѣмъ, остановлюсь, какъ останавливаются часы, ходъ которыхъ задержали, но которые, все-таки, не перестали существовать... Вотъ въ краткихъ чертахъ картина и настоящаго, и будущаго, если оно, по-прежнему, будетъ походить на настоящее. Что касается вашего намѣренія проѣхать въ Одессу (упоминаю объ этомъ, разъ мы коснулись вообще вопроса о будущемъ), то я думаю, что если лѣтомъ все будетъ обстоять такъ же, какъ теперь, то Одесса не принесетъ вамъ никакой пользы. Въ противовѣсъ благопріятнымъ условіямъ климата, найдется столько неблагопріятныхъ иного рода, что едва-ли стоитъ ради первыхъ стремиться въ Одессу. Но до этого еще далеко, и мы успѣемъ еще это обсудить. Во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія, за которыми вы пока обратились къ М (?), всегда пригодятся. Кончаю свое письмо и еще разъ благодарю васъ за доставленный мнѣ случай написать его. Поцѣлуйте за меня ручки m-me Стурдза и маленькую Marie. [1]) Кланяйтесь отъ меня графу Эдлингъ и m-elle Севериной. Вѣрьте чувствамъ искренней дружбы.

24.

St. Pétersbourg, le 19 (31) juillet, 1822.

Vous allez donc partir pour Odessa, Madame la Comtesse, et votre ami et serviteur va se mettre en route vers la fin du mois pour Ems. Dieu sait, quand et où, et comment nous nous reverrons... Je vous remercie en attendant du conseil que vous me donnez... Je le suiv-

[1]) Дочь А. С. Стурдзы, Марія Александровна (р. 1820), вышедшая впослѣдствіи замужъ за князя Евгенія Григорьевича Гагарина.

rai peut-être pour vivre tranquillement quelques mois de l'hiver. Dans ma situation actuelle, comme dans toutes les situations de ma vie, je ne m'occupe guère de l'avenir, ni de mon avenir. C'est le présent qui est du notre ressort. Et dans mon particulier je ne vois dans le présent que des devoirs à remplir. Toutes les fois que je puis les remplir, je dis dans le fond de mon coeur, que Dieu soit loué. Le reste est hors de ma portée, et c'est à la Providence a y parvenir.—C'est là le fond de toute ma philosophie... Et je ne m'en départs point, je m'en suis très bien trouvé jusqu'à présent, je veux espérer qu'il n'en sera pas autrement pour la suite. Les distances ne font rien à la pensée et moins encore aux sentimens. Ne m'oubliez donc pas.—Ecrivez-moi quelquefois. Je vous payerai d'un juste retour... Addieu, Addieu... Mille et mille amitiés au comte Edling.

(Переводъ).

Петербургъ, 19 (31) іюля 1822.

И такъ, графиня, вы уѣзжаете въ Одессу, а вашъ другъ и покорнѣйшій слуга въ концѣ этого мѣсяца отправляется въ Эмсъ. Богъ знаетъ, когда, гдѣ и какъ мы увидимся... А пока благодарю васъ за данный вами совѣтъ. Можетъ быть, я воспользуюсь имъ, чтобы провести спокойно нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ. Въ моемъ настоящемъ положеніи я, какъ и во всѣхъ положеніяхъ своей жизни, не забочусь ни о будущемъ вообще, ни о своемъ въ частности. Мы можемъ дѣйствовать только въ настоящемъ. А въ своемъ настоящемъ я вижу только обязанности, которыя мнѣ надлежитъ исполнить. И каждый разъ, какъ я въ состояніи это сдѣлать, я отъ глубины души благодарю Бога. Остальное же не въ моей власти и принадлежитъ Провидѣнію. Въ этомъ суть всей моей философіи... Не думаю ей измѣнять: до сихъ поръ я чувствовалъ себя съ ней прекрасно и надѣюсь на то же самое въ будущемъ. Разстояніе не вліяетъ на мысли и, тѣмъ болѣе, на чувства. Поэтому не забывайте меня и пишите мнѣ иногда, я же не буду оставаться въ долгу. До свиданія и еще разъ до свиданія. Мой дружескій привѣтъ графу Эдлингъ.

25.

St. Pétersbourg, le 6 (18) Août, 1822.

Je dirai addieu à Madame de Stourdza, à vous, Madame la Comtesse, et à toute la famille d'Oustié par ces lignes. Severin me dit que vous l'attendez. C'est à vous donc que je les adresse, pour épargner à Madame de Stourdza la peine de me déchiffrer. Je partirai pour Ems le 8, c'est à dire après demain. Je serai seul dans ma voiture. Et jamais la solitude ne m'aura fait une meilleure compagnie. Quelle provision de faits et d'observations à méditer... J'ai eu souvent occasion de voir les hommes, et souvent je me suis trouvé dans une position très favorable pour le bien voir. J'ose vous avouer cependant que cette fois-ci je les ai vue dans toute leur vérité. Et la leçon a été bonne. Je plains les petits esprits et les coeurs à vilaines passions. Mais je ne leur veux pas... Ce n'est pas leur faute s'ils ne sont pas meilleurs. Et si je pouvais encore leur être utile, je m'employerai pour eux de bon coeur comme je l'ai fait pour le passé. Voici pour l'homme personne et ami, quant à l'homme magistrat. Hélas, que peut on en dire! Les événemens de ces derniers tems embrassent un grand avenir. Et il est triste de voir que la politique à principes purs et établis, s'obstine à vouloir créer ce même avenir, d'après ses propres convenances. Vienne va être le laboratoire de ce prétendu avenir. — Ce que je crains et redoute le plus pour la groire et pour la considération des grands personnages qui vont s'y rendre, c'est que le congrès de l'année 1822 ne ressemble à celui de l'année 1815. Il peut lui ressembler sur papiesr et par des phrases, mais non par les résultats. Car le proverbe dit que les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas. J'espère cependant que le bon Dieu protégera votre Empereur, comme il protége les Grecs. Il le fera triompher par les mêmes moyens dont les ennemis se servent afin de lui nuire. Telle est la pensée dominante de mon esprit et de mon coeur, elle ne me quitte pas. Et elle me faira bonne compagnie en vogage, à Ems, pour tout l'hiver et pour toute ma vie. Vous voyez bien, Madame la Comtesse, que lorsqu'on est disposé à se contenter d'une pensée consolante, on n'est

guère à plaindre. Et tel est mon cas. Je n'ai en effet aucun projet. Je me laisse aller, étant fermément décidé de remplir, toujours et partout où je pourrai me trouver, mes devoirs. Toutes les fois que je pourrai les remplir, en servant l'Empereur, je m'estimerai le plus heureux des hommes. Et quand il en sera autrement je ne serai non plus malheureux. Je ne suis pas en peine de ce qu'on dit ou de ce qu'on dira de moi. Ce qu'il m'importe c'est d'être en paix avec ma conscience. Et je le suis, grâce à Dieu. Ce peu de mots vous fait voir dans mon coeur. Et vous serez très satisfaite de me voir content de ma situation. Elle est bonne, elle ne fait pas du tout à personne et elle me fait du bien.

Donnez moi quelquefois de vos nouvelles. Baisez les mains de ma part à Madame Stourdza. Saluez votre mari et croyez aux sentimens qui me lient pour la vie à votre famille.

(Переводъ).

С.-Петербургъ, 6/18 августа 1822 г.

Строки эти несутъ прощальный привѣтъ m-me Стурдзѣ, вамъ, графиня, и всей, живущей въ Устьѣ, семьѣ. Северинъ говоритъ мнѣ, что вы ихъ ожидаете. Обращаюсь къ вамъ, чтобы не доставлять m-me Стурдзѣ труда разбирать мой почеркъ. Я уѣзжаю въ Эмсъ 8-го, т. е. послѣ завтра. Ѣхать буду одинъ, но никогда одиночество не могло бы быть для меня болѣе кстати.—Такой большой у меня запасъ фактовъ и наблюденій, по поводу которыхъ надо подумать. Я часто имѣлъ возможность наблюдать людей и часто находился въ положеніи особенно благопріятномъ для этой цѣли, но на этотъ разъ, смѣю васъ увѣрить, я видѣлъ ихъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. И урокъ былъ хорошъ. Я жалѣю недалекихъ людей съ малодушнымъ сердцемъ, но они не выводятъ меня изъ себя... Не ихъ вина, что они таковы. И если бы я могъ быть имъ полезнымъ, я съ охотой бы пришелъ имъ на помощь, какъ дѣлалъ это прежде. Таково мнѣніе частнаго человѣка и друга, что же касается мнѣнія лица оффиціальнаго... увы! что можно сказать о немъ?! Событія послѣдняго времени далеко захватываютъ будущее. И грустно видѣть, какъ политика, основанная на честныхъ и стойкихъ принципахъ, упорствуетъ въ желаніи устроить это самое будущее согласно своимъ лич-

нымъ соображеніямъ. Вѣна будетъ лабораторіей этого мнимаго будущаго. Болѣе всего я опасаюсь за честь и славу великихъ міра сего, которые съѣдутся на этотъ конгрессъ 1822 года, въ томъ отношеніи, чтобы онъ не уподобился конгрессу 1815 года. Пусть будутъ они тождественны лишь на бумагѣ и словахъ, но отнюдь не въ результатахъ, подобно тому, какъ, по пословицѣ, дни слѣдуютъ одинъ за другимъ, но не походятъ другъ на друга. Надѣюсь, впрочемъ, что Господь охранитъ государя, какъ охраняетъ грековъ, и обратитъ къ торжеству его тѣ самыя средства, которыми враги его пользуются ко вреду его. Вотъ мысль, преобладающая теперь и въ моей головѣ, и въ моемъ сердцѣ, и ни на минуту не покидающая меня. Она будетъ сопровождать меня и въ путешествіи, и въ Эмсѣ, и въ продолженіе всей зимы и всей моей жизни. Вы видите, графиня, что если человѣкъ расположенъ довольствоваться какой-либо успокоительной мыслью, то онъ не нуждается въ сожалѣніи. Такъ и со мною въ данномъ случаѣ. Дѣйствительно, у меня нѣтъ никакого плана, я отдаюсь теченію, но въ твердой рѣшимости всегда и всюду быть вѣрнымъ своему долгу. Всякій разъ, какъ мнѣ удастся выполнить его по отношенію къ государю, я почту себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ; а въ противномъ случаѣ не сочту себя несчастнымъ. Меня не заботитъ то̀, что говорятъ или будутъ говорить обо мнѣ. Для меня важно находиться въ мирѣ со своей совѣстью, и, слава Богу, этого я достигаю. Эти нѣсколько словъ открываютъ вамъ мое сердце. Вамъ пріятно будетъ знать, что я доволенъ своимъ положеніемъ; оно хорошо, никому не вредитъ и пріятно для меня.

Давайте мнѣ время отъ времени вѣсти о себѣ. Поцѣлуйте за меня ручки m-me Стурдзы, передайте мой поклонъ вашему мужу и вѣрьте чувствамъ, связывающимъ меня до гроба съ вашей семьей.

26.

Genève, le 24 juin (6 juillet), 1825.

Madame la Comtesse, la lettre que vous avez eue la bonté de m'écrire en date du 22 juin N. S. m'a trouvé dans l'attente des informations que le bon Aleko m'avait fait espérer dès son arrivée à Dresde. Celles que vous venez de me donner ne me laissent rien à désirer, si ce n'est que Carlsbad n'est pas Ems, et que sous peu de

jours s'il plait à Dieu, en occupant ma place à la table ronde à coté du fauteuil de Mad. Stourdza, je ne vous verrai à la vôtre que de la pensée. Espérons qu'il n'en sera pas de même une autre fois.

Moins la venue en Allemagne de votre famille, je serais resté immobile dans ma cellule, en bravant ainsi la faculté et ses oracles. Elle prétend que j'ai encore besoin des eaux minérales, et celles d'Ems lui semblent indiquées. Mais je prétends à mon tour, qu'en vieillissant, il est ridicule de vouloir changer en mieux, ou de chercher une santé couleur de rose, aux bains, et au train de vie qu'on mène en route et aux auberges. Le bonneur cependant de revoir les vôtres, et de passer avec eux quelques jours me fait renoncer avec infinement de plaisir à ma retraite, et je vais me mettre en campagne pour Ems, dans l'intention de faire ce qu'on appelle une cure. J'ai même la conviction qu'elle me sera plus utile que de coutume, parce que cette fois l'action du remède ne sera point détruite par le frisson froid de l'ennui qui circule dans mes veines du moment que je dois me conformer aux convenances de la société, et surtout d'une société semblable à celle qu'on trouve aux bains. Ces peû de mots vous expliqueront assez ce qu'il y a de bon et de mauvais dans l'existence que je me suis façonnée depuis que je campe dans ce pays. Elle serait la plus parfaite des existences, du moins selon mes habitudes, et mes goûts, si le travail n'usait un peu trop mes yeux. Ces vieux serviteurs sont encore obéissans et fidèles, mais de tems en tems ils se permettent de récapituler leurs longs services et sollicitent un peu de repos, et c'est ce que je serais très peiné de leur accorder. Pour le reste ma santé est assez bonne drâce à un régime sévère, à beaucoup d'exercice, à l'étude, et pardessus tout, à ce qui se fait, et ne se fait pas dans le monde. Ou a beau s'isoler, lorsqu'on a un coeur qui batte, comment demeurer étranger à ce qui le touche. Or c'est le coeur qui vous gouverne, parce que c'est de lui que dépend le jeu de vos forces, leur équilibre fait la santé et leur discordance la maladie. Et sous ce rapport s'est Botzaris, Canaris, Miaoulis et tous ceux qui se ferment à leur école, qui ont fait, et qui feront infiniment du bien à ma faible santé. Vous même, Madame la Comtesse, vous devez à ces braves gens, et vous leur devrez

des jours heureux. Vous n'en doutez pas, parce que vous croyez comme moi, que c'est Dieu qui le veut ainsi. Et qui vivra, verra, pour cela il faut vivre de longues années. Ce qu'il y a de grand, et de stable dans les choses humaines comme dans les productions de la nature est l'oeuvre du tems. Ainsi vous avez grandement raison de vouloir nous donner la peine de vivre longtems, et de vous ménager à cet effet, au moyen de vos merinos et de votre agriculture une fortune indépendante. Engagez donc le comte Edling à faire pour sa part une bonne provision de santé.

J'aime à espérer que j'apprendrai par votre frère, de nouvelles suffisantes de votre séjour en Bohême. Vous y verrez à coup sûr beaucoup d'anciennes connaissances et vous m'obligerez de me rappeler à leur bon souvenir. Conservez-moi toujours ma petite place dans le vôtre. Et soyez assurée du retour le plus sincère et le plus cordial de la part.

Ayez la bonté de dire mille choses à M. le comte Edling, et à l'ami commun que vous espérer revoir.

(Переводъ).

Женева, 24 іюня, (6 іюля) 25 г.

Ваше письмо отъ 22-го іюня новаго стиля, графиня, застало меня въ ожиданіи свѣдѣній, обѣщанныхъ мнѣ добрымъ Алеко тотчасъ по пріѣздѣ его въ Дрезденъ. Вѣсти, полученныя отъ васъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго, кромѣ развѣ сожалѣнія, что Карлсбадъ не Эмсъ и что, занявъ черезъ нѣсколько дней съ Божьей помощью свое обычное мѣсто за круглымъ столомъ, рядомъ съ кресломъ M-me Стурдзы, я только мысленно буду васъ видѣть на вашемъ. Будемъ надѣяться, что это не повторится въ слѣдующій разъ.

Если-бъ не пріѣздъ въ Германію вашей семьи, я бы остался сидѣть безвыходно въ своей кельѣ, вопреки всему медицинскому факультету со всѣми его оракулами увѣряющими меня, что мнѣ необходимо еще пользоваться минеральными водами, и эмскими, по преимуществу. Я же въ свою очередь увѣряю, что смѣшно на склонѣ лѣтъ желать перемѣны къ лучшему или пытаться пріобрѣсти цвѣтущее здоровье на водахъ при условіяхъ жизни, которую приходится вести въ дорогѣ и гостинницахъ. Однако же радость свида-

нія съ вашей семьей и перспектива провести съ нею нѣсколько дней заставляетъ меня съ несказаннымъ удовольствіемъ отказаться отъ своего уединенія и пуститься въ путь въ Эмсъ съ намѣреніемъ выдержать, какъ говорится, курсъ лѣченія. Я даже убѣжденъ въ томъ, что оно принесетъ мнѣ пользы больше обыкновеннаго, такъ какъ на этотъ разъ дѣйствіе лѣкарства не будетъ парализовано холоднымъ ядомъ скуки, разливающимся по моимъ жиламъ каждый разъ, какъ мнѣ приходится подчиняться приличіямъ свѣта и, въ особенности, того свѣта, который встрѣчается на водахъ. Изъ этихъ немногихъ словъ вы можете заключить какъ о хорошихъ, такъ и о дурныхъ сторонахъ жизни, которую я веду съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ этой странѣ. Она не оставляла бы желать ничего лучшаго, по крайней мѣрѣ въ отношеніи моихъ привычекъ и, вкусовъ, если бы занятія не вредили такъ сильно моимъ глазамъ. Эти старые слуги все еще послушны и вѣрны, но время отъ времени они позволяютъ себѣ вспоминать о своей долгой службѣ и просятъ хоть небольшаго отдыха, который мнѣ именно и трудно было бы предоставить. Въ остальномъ мое здоровье недурное, благодаря строгому режиму, усиленному моціону, занятіямъ, и, кромѣ того, интересу къ тому, что происходитъ и не происходитъ на свѣтѣ. Сколько бы ни уединяйся, но разъ имѣется сердце, которое бьется, то никакъ нельзя оставаться безучастнымъ къ тому, что волнуетъ. Сердце управляетъ нами, такъ какъ отъ него зависитъ веселіе духа, уравновѣшенность котораго создаетъ здоровье и разстройство—болѣзни, и въ этомъ отношеніи Боцарисъ [1]), Канарисъ [2]), Міаулисъ [3]) и всѣ послѣдователи ихъ школы благотворно вліяли и будутъ вліять на мое плохое здоровье. И вы сами, графиня, обязаны въ настоящемъ и будете обязаны въ будущемъ этимъ честнымъ людямъ долгими счастливыми днями. Вы не сомнѣвайтесь въ этомъ, думая, подобно мнѣ, что на то воля Божья: а, поживемъ, увидимъ, но для этого надо прожить долгіе

---

[1]) Маркъ Бацарисъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ руководителей греческихъ войскъ во время возстанія (р. около 1790, убитъ въ 1823 г. въ битвѣ съ турками).

[2]) Константинъ Канарисъ— знаменитый морякъ и государственный дѣятель Греціи (р. около 1790 г.); до войны за освобожденіе онъ былъ капитаномъ небольшаго торговаго судна; во время борьбы за независимость отличался во многихъ морскихъ сраженіяхъ. Впослѣдствіи былъ адмираломъ и морскимъ министромъ († послѣ 1865 г.).

[3]) Андрей Міаулисъ—извѣстный греческій адмиралъ (р. 1772 г. † 1835 г. въ Аѳинахъ).

годы. Все, что есть великаго и прочнаго какъ въ твореніяхъ людей, такъ и природы, есть дѣло времени. Поэтому вы вполнѣ правы въ своемъ желаніи продлить жизнь и составить себѣ для этой цѣли независимое состояніе, благодаря вашимъ мериносамъ и земледѣлію. Заставьте же и графа хорошенько запастить добрымъ здоровьемъ.

Буду надѣяться получить отъ вашего брата удовлетворительныя вѣсти о вашемъ пребываніи въ Богеміи. По всей вѣроятности, вы тамъ встрѣтите много старыхъ знакомыхъ; надѣюсь не откажете напомнить имъ обо мнѣ. Сохраните мнѣ маленькій уголокъ и въ вашей памяти и будьте увѣрены во взаимности искреннихъ и дружескихъ чувствъ вашего...

P. S. Будьте такъ добры передать мой дружескій привѣтъ графу и нашему общему другу, съ которымъ вы надѣетесь встрѣтиться.

27.

Genève, le 18 (30) novembre, 1825.

Madame la Comtesse, les nouvelles qu'Aléco me donne de Paris empoisonnent le plaisir que j'ai éprouvé en recevant la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire au moment de quitter l'Allemagne. Vous êtes donc seule, et M. le comte Edling reste à Dresde pour soigner sa santé.—J'en suis très peiné, pour lui, pour vous, et pour les vôtres. Les immenses distances qui vous séparent ne vous laissent jouir d'aucun agrément de la vie. Et ce sont désormais les séductions seules de l'avenir qui peuvent vous faire supporter le présent. Personne peut être ne connait mieux que moi cette triste manière de vivre, et personne ne la déteste plus, tout en reconnaissant qu'elle est la moins mauvaise dans certaines situations et particulièrement dans celles où vous place la vieille habitude de ne jamais vous écarter de la ligne droite du devoir. Ces peu de mots vous expliqueront aussi comment j'ai pu résister jusqu'ici au désir d'aller réjoindre votre famille, et passer avec elle les longues soirées de l'hiver, et pourquoi il me semble impossible ou du moins très difficile de trouver hors d'une cellule bien isolée de quoi mieux employer mon temps. Je sais que cette opinion n'est nullement partagée par beaucoup de mes amis, et moins encore par les Grecs de tous les partis nulle ex-

cepté. Ils s'obstinent à me croire encore bon à quelque chose, malgré tout ce que je leur ai dit et répété depuis 5 ans pour les désabuser. Je laisse penser ces braves gens ce qu'ils veulent, je me contente d'être vrai avec eux comme avec tout le monde, aujourd'hui comme de tout temps, et j'abandonne le reste à la volonté de Dieu. Permettez moi en attendant de vous entretenir d'un pauvre élève de l'institut d'Odessa,—c'est le jeune Giannatri de Corfou. En dernier lieu il m'a écrit pour savoir à quel service je le destinais et par conséquent à quelles études il devait le plus s'appliquer. Je n'ai jamais vu ce jeune homme. Ses parent, dans la détresse, l'ont laissé à Odessa il y a quelques années, et je m'en suis chargé par humanité. Monsieur Caniso qui a la bonté de le surveiller, en est content. Mais ce n'est pas sur cette seule donnée que je puis lui donner la direction qu'il me demande. J'ose donc vous prier, Madame la Comtesse, de le faire venir chez vous, de vous donner la peine de l'examiner, et de me dire à quel état pourrait il se vouer, et conséquemment si c'est à Odessa ou ailleurs qu'il pourrait le plus utilement achever son éducation. M. Caniso vous dira ce qu'il me coûte actuellement, et il est bon que vous n'ignoriez non plus que mes mesures sont déjà épuisées à raison de nombreux compatriotes qui sont dans le malheur, et qui depuis quatre ans ne cessent de frapper à ma porte. Je ferai néanmoins ce que vous aurez la complaisance de me proposer à fin de ne rendre ce jeune homme à ses parens, que lorsqu'il pourra gagner honorablement sa vie, et leur donner quelque consolation. J'écris aujourd'hui à M. Caniso dans ce sens, et il viendra prendre vos ordres.

J'ai tardé à vous adresser ces lignes, dans l'espoir que la poste d'Italie me porterait de lettres de Corfou. Il n'y en a pas, et j'en manque depuis le 30 octobre. Cette itagnation n'est cependant ni extraordinaire ni allarmante. Ce que nous savons le plus positif c'est que les turcs se proposent de faire la campagne d'hiver. Reste à savoir si leurs soldats, et leurs marins y consentiront. On prétend en Grèce, et ailleurs, que l'apparition du Lord Cochrane aura lieu. De sa personne il était arrivé à Boulogne il y a dix jours. Le temps nous dira ce qui en est. Adieu, Madame la Comtesse. Portez vous bien. Ecrivez moi quel-

quefois, parlez moi de vos voyages et de vos visites. Et croyez que je vous accompagne toujours et partout de mes voeux les plus sincères.

(Переводъ).

Женева, 18 (30) ноября 1825 г.

Вѣсти, сообщаемыя мнѣ Алеко изъ Парижа, отравляютъ радость, которую я испыталъ при полученіи вашего письма, посланнаго вами, графиня, въ моментъ отъѣзда вашего изъ Германіи. И такъ, вы однѣ, а графъ остался въ Дрезденѣ поправлять свое здоровье. Я этимъ глубоко огорченъ и за него, и за васъ, и за вашу семью. Огромныя разстоянія, отдѣляющія васъ, лишаютъ васъ всѣхъ житейскихъ радостей, и только мечты о лучшемъ будущемъ помогутъ вамъ терпѣливо переносить настоящее. Едва-ли кто-либо лучше меня знакомъ съ такимъ образомъ жизни и болѣе меня его ненавидитъ, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ все его преимущество въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности же въ тѣхъ, въ которые насъ ставитъ сила старой привычки никогда не уклоняться отъ прямаго нашего долга. Эти нѣсколько словъ объяснятъ вамъ также, какимъ образомъ я могъ устоять передъ желаніемъ *пріѣхать къ вашей* семьѣ, чтобы провести вмѣстѣ съ ней долгіе зимніе вечера, а также, почему мнѣ кажется невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, очень труднымъ, найти лучшее употребленіе времени внѣ своей уединенной кельи. Я знаю, что такое мое мнѣніе не раздѣляется многими моими друзьями и, еще менѣе, греками всѣхъ безъ различія партій. Они упорно считаютъ меня еще годнымъ на что-либо, несмотря на всѣ мои многократныя увѣренія и старанія, уже въ теченіе пяти лѣтъ, съ цѣлью разубѣдить ихъ въ этомъ. Предоставляю этимъ честнымъ людямъ думать, что имъ угодно; я же довольствуюсь сознаніемъ, что правдивъ съ ними, какъ всегда со всѣми, а въ остальномъ полагаюсь на волю Божью. А пока позвольте поговорить съ вами по поводу одного бѣднаго воспитанника одного изъ учебныхъ заведеній Одессы, о нѣкоемъ юношѣ Жіаннатри, уроженцѣ Корфу. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ онъ спрашивалъ меня, къ какой дѣятельности я его предназначаю, чтобы знать, какими предметами преимущественно заняться. Я никогда не видѣлъ *этого юноши*. Его родители, будучи въ крайней

нуждѣ, оставили его въ Одессѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и изъ чувства человѣколюбія я взялъ его на свое попеченіе. Г. Канизо, любезно согласившійся наблюдать за нимъ, доволенъ имъ. Но основываясь только на этомъ, я не могу дать ему просимаго имъ указанія; поэтому смѣю утруждать васъ, графиня, просьбой пригласить его къ себѣ, познакомиться съ нимъ и сообщить мнѣ, какой дѣятельности онъ лучше всего могъ бы посвятить себя и соотвѣтственно этому, гдѣ ему полезнѣе было бы оканчивать образованіе—въ Одессѣ ли или гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Г. Канизо скажетъ вамъ, сколько онъ мнѣ въ настоящее время стоитъ, при чемъ не мѣшаетъ вамъ знать, что средства мои истощены, благодаря множеству соотечественниковъ, находящихся въ нуждѣ и уже въ теченіе 4 лѣтъ постоянно прибѣгающихъ къ моей помощи. Тѣмъ не менѣе, я сдѣлаю все, что вы будете такъ любезны мнѣ посовѣтовать для того, чтобы вернуть молодаго человѣка *его родителямъ* только тогда, когда онъ будетъ въ состояніи честно зарабатывать свой хлѣбъ и приносить имъ хоть какое-либо утѣшеніе. Въ такомъ смыслѣ пишу сегодня г. Канизо; онъ придетъ за вашими приказаніями.

Я задержался съ отсылкой вамъ этихъ строкъ, такъ какъ надѣялся, что итальянская почта доставитъ мнѣ письма изъ Корфу, но ошибся и тщетно жду ихъ уже съ 30 октября. Впрочемъ, въ этомъ застоѣ нѣтъ ничего ни необычайнаго, ни тревожнаго. Самое достовѣрное, что намъ извѣстно, это—что турки собираются вести кампанію зимой. Остается знать только, согласятся ли на это ихъ солдаты и матросы. Въ Греціи и повсюду увѣряютъ, что слѣдуетъ ожидать прибытія лорда Кокрана [1]). Десять дней тому назадъ онъ самолично явился въ Будонь. Время покажетъ, что изъ этого выйдетъ. До свиданія, графиня; будьте здоровы и пишите мнѣ изрѣдка, сообщая о вашихъ путешествіяхъ и посѣщеніяхъ, и вѣрьте, что всегда и повсюду васъ сопровождаютъ мои самыя искреннія пожеланія.

[1]) Графъ Александръ Кокранъ, морякъ, государственный дѣятель и англійскій писатель, извѣстный болѣе подъ именемъ лорда Кокрана (род. 14/26 декабря 1775 г., † 1860 г.). Въ 1827 г. онъ принялъ начальство надъ греческимъ флотомъ въ войнѣ съ турками, но въ слѣдующемъ же году долженъ былъ вернуться въ Англію, такъ какъ онъ убѣдился, что при плохомъ устройствѣ греческой флотиліи и отсутствіи дисциплины трудно разсчитывать на побѣды.

28.

Bérne, le 9 (21) janvier 1826.

C'est dans cette ville que j'ai reçu, Madame la Comtesse, votre lettre du 3 (15) Décembre, et celle aussi que vous avez écrite à Aléco le 27 novembre, et qu'il a eu la bonté de me communiquer. Je vous rends grâce de tout ce témoignage d'intérêt. Ils viennent à mon secours dans un moment où j'en ai le plus besoin. Le coup de foudre parti de Taganrog m'a frappé d'un véautissement complet. Ce n'est qu'au sein de votre sainte Eglise, et aprè le service funèbre qu'on y a célébré en mémoire de votre Empereur, que mon coeur s'est ouvert à quelque consolation. Plusieurs lettres m'en ont apporté aussi, mais surtout que une M. Karamzin m'écrivait au commencement de novembre. Il me parle de la visite que votre Empereur lui avait fait avant de se mettre en route pour Taganrog. Et il me dit qu'il avait daigné se rappeler de moi, et s'exprimer à mon égard avec les sentiments de bienveillance dont il m'avait honoré de tout temps. L'affection et le dévouement que je lui portai ne m'ent jamais permis de douter de la continuation de ses bontés. Mais la certitude qu'il apporte dans le monde des réalités où sa belle âme repose, un souvenir de moi qui ne lui est pas désagréable met du baume dans mes veines. Les détails que renferme votre lettre m'ont aussi fait beaucoup de bien, et vous apprendrez assurément avec quelque satisfaction, que les Grecs ont décrété le même jour où leur est parvenue la nouvelle de la mort de l'Empereur, des services funèbres dans toutes les églises, et un jour de jeûne... Je suis bien aise de vous savoir où vous êtes. Si des considérations qu'il n'est pas en mon pouvoir de mépriser autant qu'elles sont méprisables, je serais à cette heure en route pour aller à la rencontre du convoi de l'Empereur, et pour me procurer ensuite la grâce de le pleurer aux pieds de son auguste Epouse. Il en est autrement. Et que la volonté du Seigneur s'accomplisse. J'ai pris la liberté d'adresser par écrit l'hommage de mes larmes et de mes voeux à la Majesté Impériale, et je viens de recommander ma lettre aux soins bienveillans de M. le comte Nesselrode. Je profite à la hâte d'un courrier

qui passe par ici pour vous écrire ces lignes. C'est au bon Boulhakoff que je confie le soin de vous les faire parvenir.

Je reçois à l'instant des lettres de Corfou en date du 25 décembre V. S. Mon frère me mande que l'amiral Miaulis avait débloqué Missolongbi et brûlé quelques vaisseaux à la flotte du Capitane-Pacha. Dieu est avec les braves et malheureux Grecs. Il ne les abandonnera pas. Espérons de sa justice et de sa miséricorde.

Je vous serre la main, Madame la Comtesse, et je vous prie de me donner de vos nouvelles et des nouvelles de la santé de l'Impératrice.

(Переводъ). Бернъ, 9 (21) января 1826 г.

Письмо ваше, графиня, отъ 3/15 декабря, а также и то, которое вы писали Алеко отъ 27-го ноября и которое онъ былъ такъ любезенъ прислать мнѣ, получено мною здѣсь, въ Бернѣ. Благодарю васъ, за все выраженное вами ко мнѣ участіе, въ которомъ я болѣе, нежели когда-либо, нуждаюсь. Какъ громомъ разразившаяся вѣсть [1]) изъ Таганрога сразила меня окончательно. Только на лонѣ святой нашей церкви, послѣ панихиды, отслуженной по государѣ, сердце мое стало хоть сколько-нибудь доступно утѣшенію, принесенному мнѣ нѣсколькими письмами, въ особенности, письмомъ Карамзина [2]) посланнымъ въ началѣ ноября. Онъ разсказываетъ въ немъ о посѣщеніи, которымъ его удостоилъ государь передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ. И говоритъ, что его величество изволилъ вспоминать обо мнѣ въ милостивыхъ выраженіяхъ, которыми всегда благоволилъ удостоивать меня. Привязанность и преданность моя къ нему никогда не позволяла мнѣ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ его ко мнѣ расположеніи, но увѣренность, что онъ унесъ съ собой въ міръ дѣйствительности, въ которомъ покоится теперь его прекрасная душа, благопріятное обо мнѣ воспоминаніе, проливаетъ бальзамъ въ мое сердце. Подробности, сообщенныя вашимъ письмомъ, тоже хорошо на меня подѣйствовали. Конечно, вы съ удовольствіемъ узнаете, что, какъ только пришла въ Грецію вѣсть о кончинѣ государя, во всѣхъ церквахъ были отслужены панихиды и наложенъ однодневный постъ... Очень радъ знать, что вы находитесь именно въ настоящемъ мѣстѣ вашего жительства. Если

---

[1]) Смерть Императора Александра I.
[2]) Николая Михайловича, исторіографа.

бы не обстоятельства, пренебрегать которыми, какъ они того ни достойны, не въ моей власти, я находился бы сейчасъ въ дорогѣ и ѣхалъ бы на встрѣчу шествію съ тѣломъ государя, послѣ чего испросилъ бы себѣ милость оплакивать его у ногъ его августѣйшей супруги. Но этому не суждено быть; но да будетъ воля Господня. Я взялъ на себя смѣлость письменно принести ея величеству дань моихъ слезъ и пожеланій, поручивъ свое письмо любезности графа Нессельроде. Пользуюсь второпяхъ курьеромъ, проѣзжающимъ здѣсь, чтобы написать вамъ эти строки, которыя поручаю доброму Булгакову доставить вамъ.

Только-что получилъ письма изъ Корфу отъ 25-го декабря ст. ст. Братъ мой сообщаетъ мнѣ, что адмиралъ Міаулисъ снялъ блокаду съ Миссолунговъ и сжегъ нѣсколько кораблей изъ флота Капитанъ-паши.

Господь помогаетъ отважнымъ и несчастнымъ грекамъ; Онъ не покинетъ ихъ. Будемъ уповать на Его правосудіе и милосердіе.

Жму вашу руку, графиня, и прошу васъ давать вѣсти о себѣ, а также о здоровьѣ императрицы.

29.

Genève, le 24 février (8 mars) 1826.

Dieu vous rendra, ma chère Comtesse, tout le bien que m'a fait votre lettre du 19 janvier V. S. Si celle que je vous ai adressée de Berne, vous est arrivée, elle vous aura donné la mesure de l'intérêt avec lequel je vous ai suivi de mes voeux dans la course que vous avez faite au milieu des rigueurs extraordinaires de l'hiver, et elle vous aura prouvé encore une fois, que n'importe le temps et les distances les âmes qui sont en harmonie, se communiquent mutuellement leurs sentiments et s'identifient dans une même pensée sans le savoir, dès qu'un objet les frappe de profondes émotions. Vous vous êtes rappelée de moi, et plus encore, vous avez senti comme moi, et pour moi, dans vos entretiens avec l'Impératrice Elisabeth, au moment où ma douleur ne trouvait de consolation que dans l'espoir que l'Empereur apportait dans le monde des réalités, un souvenir de moi, qui ne lui était pas désagréable. Une lettre que M. Karamzin m'écrivit au commencement de novembre, et que j'ai reçue avec la

nouvelle de la mort de l'Empereur légitimait assez cet espoir.. Mais les assurances que me donne à cette heure, la vôtre, ne me laissent plus rien à désirer sous ce rapport. Et je vous en rends encore mille et mille grâces. Je partage entièrement votre opinion, et je dis comme vous, qu'il y a de circonstances dans lesquelles on n'est bien fort, que lorsqu'on est seul. Aussi ma cellule jamais ne m'a plus et mieux servi que depuis le mois de décembre. Votre frère qui est devenu mondain, fait tous ses efforts pour me dénicher. En dernier lieu je lui ai promis qu'il réussira avant de faire du printemps. Les affaires des Grecs se soutiennent au delà de toutes les espérances des convictions faibles, et malgré les calculs des hommes que Dieu aveugle, parce qu'il veut opérer le salut de sa Grèce par leur aveuglément. Ce qui inspire quelque inquiétude c'est le manque des subsistances, et la stérilité de tout genre dont la Grèce est affligée depuis que les Turcs ont appris à faire de campagnes d'hiver. Le Seigneur cepandant qui veille sur son peuple lui fait, et fera arriver des secours des contrées les plus lointaines, et dont les Grecs n'en attendaient pas, Missolonghi se défend avec une admirable persévérance. Et c'est sur cette place que se portent maintenant toutes les forces du célèbre Ibrahim-Pacha. Mais la garnison dit.—Donnez nous du pain, et nous nous promettons de braver les Egyptiens comme les Albanais. J'en viens au chapitre du jeune Gianatri. En adoptant entièrement votre conseil, je vous supplie de dire à M. Caniso de ma part, d'engager le père du jeune homme à décider de son sort.—Je vote aussi pour qu'il rentre *une heure plutôt à la Casa*. Mais je ne me refuserai pas de lui payer la pension de deux années, soit qu'il reste, soit qu'il rentre chez lui dès l'ouverture de la belle saison. En prenant ce dernier parti il aura de quoi faire largement son voyage. Priez M. Caniso d'écrire à Dobolis et de lui marquer en toutes lettres quelle est la somme qu'il devra lui envoyer pour que ces deux années soient soldées. De mon côté je vais autoriser Dobolis à payer. Et c'est ainsi que cette affaire sera close et terminée, et qu'on ne m'en parlera plus. Je vous demande pardon en attendant de tous ces détails.—Que faites-vous l'été prochain? Laissez vous seul le comte Edling ou bien n'irez-vous pas lui faire une

surprise? Adieu. Je vous serre la main et je suis le plus dévoué de vos amis.

(Переводъ).

Женева, 24-го февраля (8 марта) 1826 г.

Господь воздастъ вамъ, дорогая графиня, за ваше письмо отъ 19-го ст. ст., принесшее мнѣ столько отрады. Если вы получили мое письмо, посланное изъ Берна, то вы имѣете уже представленіе о томъ интересѣ, съ которымъ я мысленно сопровождалъ васъ въ путешествіи, совершенномъ вами среди необычайно суровой зимы, напутствуя васъ пожеланіями всякаго благополучія. Письмо это также должно было лишній разъ доказать вамъ, что ни время, ни разстояніе не препятствуютъ общенію понимающихъ другъ друга душъ, которыя невѣдомо для себя отождествляются въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ и мысляхъ подъ вліяніемъ глубокихъ потрясеній. Вы не только вспомнили обо мнѣ, но болѣе того, вы были вѣрной посредницей моихъ чувствъ въ вашихъ бесѣдахъ съ императрицей *Елизаветой*, въ то время, какъ я черпалъ себѣ утѣшеніе единственно въ надеждѣ, что государь не унесъ въ міръ дѣйствительности неблагопріятнаго обо мнѣ воспоминанія. Письмо Карамзина, писанное имъ въ началѣ ноября и полученное мною вмѣстѣ съ извѣстіемъ о кончинѣ государя, какъ-бы оправдало эту надежду, ваше же письмо вселило въ меня полную увѣренность, превзойдя всѣ мои ожиданія. Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ за него. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе и повторяю вмѣстѣ съ вами, что бываютъ въ жизни моменты, когда человѣкъ закаляется только въ одиночествѣ: никогда не находилъ я большаго удовольствія быть въ своей кельѣ, какъ съ декабря мѣсяца. Вашъ братъ, ставшій свѣтскимъ человѣкомъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы заставить меня выйти изъ моего одиночества, но я въ концѣ концовъ убѣдилъ его, что скорѣй ему удастся создать весну.—Дѣла грековъ находятся въ положеніи, превышающемъ всѣ ожиданія лицъ, слабо убѣжденныхъ и вопреки разсчетамъ ослѣпленныхъ Богомъ людей, такъ какъ ихъ *ослѣпленіемъ Онъ* хочетъ совершить спасеніе Греціи.

Нѣкоторое безпокойство внушаетъ лишь недостатокъ продовольственныхъ средствъ и всеобщее оскудѣніе, сокрушающее Грецію съ тѣхъ поръ, какъ турки научились вести зимніе походы. Но Господь, пекущійся о своемъ народѣ, шлетъ и бу-

детъ посылать ему помощь изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ странъ, на которую греки совершенно и не разсчитывали. Миссолунги защищаются съ поразительной стойкостью. Здѣсь сосредоточиваются теперь всѣ силы знаменитаго Ибрагима-паши, но гарнизонъ говоритъ: дайте намъ хлѣба, и мы обѣщаемъ также устоять противъ египтянъ, какъ противъ албанцевъ.—Возвращаюсь къ молодому Жіоннатри. Слѣдуя вполнѣ вашему совѣту, умоляю васъ передать отъ меня г. Канизо, чтобы онъ побудилъ отца молодаго человѣка рѣшить его судьбу. Я тоже подаю голосъ *за скорѣйшее его возвращеніе домой*. Но я не уклоняюсь выплачивать ему содержаніе въ теченіе *двухъ лѣтъ*, независимо отъ того, останется ли онъ въ Одессѣ или уѣдетъ домой, съ наступленіемъ весны. Въ послѣднемъ случаѣ у него будетъ достаточно средствъ для путешествія. Попросите г. Канизо—написать Добалису и точно опредѣлить сумму, которую онъ долженъ будетъ выслать ему въ уплату за два года. Со своей стороны, я уполномочу Добалиса выплатить эту сумму. Такимъ образомъ, это дѣло будетъ наконецъ окончено, и мнѣ не будутъ больше надоѣдать съ нимъ. А пока простите за всѣ эти подробности.... Какъ вы намѣреваетесь устроиться будущимъ лѣтомъ? Оставите ли графа въ его одиночествѣ или сдѣлаете ему пріятный сюрпризъ своимъ появленіемъ?

До свиданья. Жму вашу руку и остаюсь.

30.

Genève, le 13 (25) janvier 1827.

J'ai mille et mille grâces à vous rendre, ma chère Comtesse, de vos lettres du mois de Décembre. La toute dernière m'apporte de bonnes nouvelles. Mais elles n'ont plus trouvé ici le Sieur Spiliades. A peine rétabli il a voulu se mettre en campagne. Il est à Paris, et de là il cherchera un embarquement pour *la Cara Patria* qu'il brûle d'impatience de revoir et de servir encore. Ainsi que je vous l'ai dit, sa famille a été, dans ces entrefaits rachetée au moyen d'un petit emprunt qui s'est fait sur les lieux. Il s'agit maintenant de payer la dette qui pèse sur cette malheureuse famille, et j'aime à espérer que M. le comte S. voudra nous aider en envoyant directement la somme qu'il destinera à cet effet au negociant Salis de Livourne. J'ai écrit à M. Macini en le remerciant de ses bons offi-

ces en faveur des Mestenopulos, et en lui recommandant aussi la pauvre et très respectable Madame Rizo et sa nombreuse famille. Je finirai ce chapitre en vous suppliant de vouloir être l'interprète de ma gratitude auprés de M. le C. . . . . Si la navigation ne vous a pas porté les étreunes que le brave Karaisckakis vous a envoyées d'Avachara, les voici dans la copie ci-jointe, que je viens de recevoir de Trieste. Elle est complétement conforme à celle que le colonel Bavarois Heideck a transmis à M. Eynard, et l'on peut conséquemment regarder ces nouvelles comme authentiques. Les lettres de Napoli sont du 18 Décembre. Vous voyez que ces hommes admirables font de miracles, ou pour mieux dire, que c'est *par eux seuls* que la Providence les opère pour le salut de la Grèce.

Vueillez avoir la bonté de dire à Aleco que j'ai recu sa lettre du 12 Décembre N. S. et que je le remercie d'avoir souscrit pour moi à l'édition de la Grammaire du Professeur Vardalachos. Je lui propose d'engager le Professeur à envoyer directement son programme au comte Guilford. Mon intervention intimiderait les souscripteurs, tandis que celle du comte Guilford les encouragera. Dites encore au seigneur Aleco, que son archimandrite me mande qu'il a reçu tout en dernier lieu une lettre par laquelle on lui annonce enfin qu'on l'entendra avec plaisir prêcher en personne ses sermons. Il parait qu'on ne veut pas se donner la peine de les lire, ou de faire le métier auquel j'ai eu le courage de condamner Aleco durant votre séjour à Ems. Persuadé que tout ceci vient d'en haut, et qu'il faut respecter la volonté du Ciel, le bon vieillard est disposé á faire preuve de résignation et il espére conséquemment de donner de ses nouvelles á votre frére directement, et le plutôt qu'il pourra, mais ce ne sera guère avant le mois d'Avril.

Vous avez la bonté de me demander quel est l'état de ma santé. Hélas! il est encore une fois bien pauvre. L'hiver me coutrarie plus que de coutume. Nous sommes entourés de neige et tourmentés par de vents du nord qui nous donnent 6 et 8 degrés de froid. A défant de longues promenades et pour ne pas faire une grande provision de bille je tache de me secouer au moyen de l'exercice au manége. Mais malgré ce régime, et tous mes soins je suis souvent forcé à avoir reco

remèdes, ce qui m'attriste au delà de toute expression. Adieu, ma chère Comtesse. Je serre la main à chacun des vôtres. J'embrasse Marie, et je vous réitère l'expression bien sincère, et bien cordiale de l'amitié que je vous ai vouée.

(Переводъ).

Женева, 13 (25) января 1827 г.

Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ, дорогая графиня, за ваши декабрьскія письма. Самое послѣднее изъ нихъ принесло мнѣ хорошія вѣсти, но онѣ уже не застали здѣсь г. Спиліадеса. Едва выздоровѣвъ, онъ уже пустился въ путь. Теперь онъ въ Парижѣ, а оттуда съ первымъ отходящимъ судномъ отправится на дорогую родину, которую онъ сгораетъ нетерпѣніемъ увидать и опять служить ей. Какъ я вамъ уже говорилъ, его семья была, между тѣмъ, выкуплена при помощи небольшаго займа, заключеннаго тутъ же, на мѣстѣ. Теперь дѣло въ томъ, чтобы заплатить этотъ долгъ, тяготѣющій надъ несчастной семьей, и я надѣюсь, что графъ П. не откажетъ прійти намъ на помощь, выславъ сумму, которую онъ для того назначитъ, прямо негоціанту Салису въ Ливорно. Я написалъ г. Масини, благодаря его за услуги, оказанныя имъ Местенопуло, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, препоручая его попеченіямъ бѣдную, но вполнѣ почтенную г-жу Ризо и ея многочисленную семью. Покончу съ этимъ вопросомъ, прося васъ быть выразительницей моихъ благодарныхъ чувствъ передъ графомъ П(..........). Если вы еще не получили морскимъ путемъ извѣстія о новогоднихъ подаркахъ, доставленныхъ намъ храбрымъ Карапскаки [1]) изъ Авапара, то посылаю ихъ вамъ въ прилагаемой при семъ копіи, полученной мною недавно только изъ Тріеста. Она совершенно тожественна съ тою, что баварскій полковникъ Гейдекъ [2]) передалъ г. Эйнару [3]), и по-

[1]) Каранскаки, Георгій († 1827 въ сраженіи при Пиреѣ), одинъ изъ руководителей греческаго возстанія; отличался своею храбростью при осадѣ г. Мессолунговъ; на конгрессѣ въ Трезенѣ онъ требовалъ избранія гр. Каподистрія президентомъ.

[2]) Гейдекъ, баронъ или Гейдеггеръ (Карлъ Вильгельмъ), родомъ изъ Швейцаріи; онъ началъ свою службу въ баварской арміи; участвовалъ въ войнахъ 1805 и 1810 гг. противъ Австріи и Пруссіи; въ качествѣ волонтера сражался въ рядахъ французскихъ войскъ въ Испаніи и во время греческаго возстанія въ рядахъ греческихъ войскъ; въ 1828 г. онъ былъ назначенъ губернаторомъ Навпліи и Аргоса. [р. 1788 г. † 1861].

[3]) Эйнаръ (Жанъ Габріель), французскій филэллинъ (р. въ Ліонѣ 1775 г. † въ 1863 г.); онъ былъ весьма энергичнымъ защитникомъ грековъ, возставшихъ противъ Турціи, и жертвовалъ большія суммы для поддержки этого возстанія; имъ составлена книга—Lettres et documents officiels relatifs aux divers événements de Grèce. Paris. 1831.

тому эти свѣдѣнія можно считать вполнѣ достовѣрными. Письма изъ Навиліи помѣчены 18-мъ декабря. Вы видите, что эти удивительные люди творятъ чудеса, или, вѣрнѣе, *только черезъ нихъ однихъ* совершаетъ ихъ Провидѣніе для спасенія Греціи.

Будьте такъ добры передать Алеко, что я получилъ его письмо отъ 12-го декабря н. с. и что я благодарю его за то, что онъ подписался за меня на изданіе грамматики профессора Вардалахоса [1]). Предлагаю ему посовѣтовать профессору прислать программу прямо къ графу Гильфорду [2]). Мое посредничество можетъ стѣснить подписчиковъ, тогда какъ посредничество графа поощритъ ихъ. Передайте еще сеньору Алеко, что его архимандритъ извѣщаетъ меня о полученномъ имъ только-что письмѣ, въ которомъ ему наконецъ сообщаютъ, что съ удовольствіемъ будутъ слушать его проповѣди, лично имъ произнесенныя. Повидимому, желаютъ избавить себя отъ труда читать ихъ или заниматься дѣломъ, которое я имѣлъ мужество навязывать Алеко во время нашего пребыванія въ Эмсѣ. Увѣренный въ томъ, что все это ниспосылается свыше и что слѣдуетъ повиноваться волѣ Неба, добрый старикъ готовъ доказать свою покорность. Онъ надѣется давать о себѣ вѣсти непосредственно вашему брату какъ только будетъ нужно, но, во всякомъ случаѣ, не раньше апрѣля.

Вы освѣдомляетесь о состояніи моего здоровья.—Увы! оно опять нехорошо. Зима мнѣ неблагопріятствуетъ болѣе; чѣмъ когда-либо. Мы со всѣхъ сторонъ окружены снѣгомъ и страдаемъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, вслѣдствіе которыхъ температура падаетъ до 6—8 градусовъ холода. За невозможностью совершать длинныя прогулки и во избѣжаніе излишняго скопленія желчи, стараюсь расшевелить себя упражненіями въ манежѣ, но, несмотря на этотъ режимъ и всѣ мои старанія, я часто бываю принужденъ прибѣгать къ лѣкарствамъ, что меня невыразимо огорчаетъ. До свиданія, дорогая графиня. Жму руку каждому изъ вашихъ, цѣлую Маріе и свидѣтельствую вамъ выраженіе искренней своей дружбы.

---

[1]) Вардалахосъ, греческій философъ и писатель (р. 1770 г. † около 1825 г. въ Одессѣ).

[2]) Графъ Гильфордъ, третій сынъ знаменитаго лорда Нортъ (North); онъ былъ губернаторомъ Іоническихъ острововъ († 1827).

Позорный столбъ въ Миланѣ.[1]

Раннимъ утромъ 21 іюня 1630 года, одна женщина, по имени Катерина Роза, проживавшая въ Миланѣ, смотрѣла изъ своего окна на дорогу, примыкавшую, въ тѣ времена, къ началу улицы *Vetra dei Cittadini*, и увидала, въ той части ея, которая шла отъ Тичинскихъ воротъ, именно почти насупротивъ колоннады церкви Санъ-Лоренцо, „какого-то человѣка въ черномъ плащѣ, съ нахлобученной на лобъ шляпой и съ листкомъ въ рукахъ, на которомъ онъ, повидимому, что-то писалъ,“. Ей бросилось въ глаза, что, поворотя въ улицу, „онъ тотчасъ же пошелъ близехонько

---

[1]) Alessandro Manzoni Storia della Colonna Infame.

Авторъ «Обрученныхъ (I promessi sposi)», Алессандро Манцони, извѣстенъ у насъ почти исключительно по одному этому роману; между тѣмъ, онъ обогатилъ итальянскую литературу многими другими поэтическими произведеніями (трагедіи: Карманьола, Адельки, различныя стихотворенія) и замѣчательными публицистическими и историческими статьями. Въ «Обрученныхъ», онъ рисуетъ, эпизодически, общую картину безпорядковъ, вызванныхъ въ Миланѣ свирѣпствовавшею тамъ чумою (глава XXXI и слѣд.), въ „Исторіи позорнаго столба“, приводитъ любопытныя документальныя данныя касательно возникновенія паники, охватившей весь городъ и приведшей къ безчеловѣчной расправѣ, надъ неповинными жертвами народнаго суевѣрія, — при томъ учиненной не невѣжественной толпой, а верховнымъ судилищемъ, опиравшимся на законный авторитетъ и увѣковѣчившимъ свой приговоръ постановкою «*Позорнаго столба*».

Извѣстный Верри, въ своемъ знаменитомъ трактатѣ о пыткѣ (Osservazioni sulla tortura), приводитъ этотъ приговоръ въ доказательство безсмысленной жестокости невыносимыхъ мученій, исторгавшихъ у подсудимаго сознаніе въ поступкахъ, иногда даже фактически для него невозможныхъ, но Манцони указываетъ, что, даже признавая, согласно духу времени, пользу допросовъ „съ пристрастіемъ“, судъ поступалъ, въ данномъ случаѣ, неправильно, въ ущербъ всякому здравому смыслу и очевидности. — Подлинные протоколы процесса утеряны, но, благодаря тому, что къ нему было привлечено значительное лицо, именно сынъ коменданта миланской цитадели, донъ Джіованни де-Падилья, кавалеръ ордена Сантъ-Яго, въ архивѣ Верри сохранилась печатная защита этого молодого человѣка, вмѣстѣ съ выдержками изъ обвинительнаго акта, врученнаго ему, какъ подсудимому. И тогдашніе судьи, говоритъ Манцони въ предисловіи къ своему труду, не подозрѣвали, конечно, что отпечатавъ этотъ листъ, они оставляли по себѣ позорный памятникъ, которому будетъ суждено пережить тотъ, который былъ сооруженъ ими изъ камня...

Сверхъ этого главнаго документа, Манцони пользовался и другими собранными въ архивѣ Верри.

къ начинавшимся тутъ домамъ и, мѣстами, дотрогивался рукою до ихъ стѣнъ"... „Мнѣ пришло въ голову", говорила свидѣтельница, „не одинъ ли онъ изъ тѣхъ, которые, какъ было слышно, смазывали стѣны какимъ-то снадобьемъ..." Возымѣвъ такое подозрѣніе, Катерина Роза бросилась въ другую комнату, изъ которой видна была улица вдоль, что позволяло слѣдить взглядомъ за незнакомцемъ, „и замѣтила, что онъ все прикасался руками къ стѣнамъ".

Оказалось, что изъ другого дома по той же улицѣ смотрѣла на прохожаго еще одна женщина, Оттавія Боно. Неизвѣстно, явилось ли у нея самой, непосредственно, такое же подозрѣніе, какъ у Катерины Розы, или она додумалась до него лишь послѣ рѣчей сосѣдки. При допросѣ она говорила, что замѣтила того человѣка въ плащѣ съ самаго его появленія на улицѣ, но не прибавляла, что онъ „прикасался къ стѣнамъ". Изъ ея словъ выходило только, что онъ „остановился въ концѣ садовой ограды при домѣ Кривелли, и что у него былъ съ собою какой-то листокъ, на который онъ занесъ руку, какъ бы собираясь писать, а потомъ потеръ ее о верхъ ограды, немного тутъ подбѣленной"... По всей вѣроятности, несчастный хотѣлъ только пообтереть себѣ пальцы, запачканые чернилами, потому что, какъ оказалось, онъ писалъ дѣйствительно. Когда, на слѣдующій-же день, его спросили, между прочимъ: „Приходилось ли ему, среди другихъ дѣйствій вчерашнимъ утромъ, тоже и писать?" онъ отвѣтилъ: „Такъ точно". Относительно же того, почему онъ шелъ такъ близко къ домамъ, онъ пояснилъ, что старался укрываться такимъ способомъ, по возможности, отъ дождя; а что дождь шелъ въ это время, о томъ свидѣтельствовала сама Катерина, выводившая, однако, изъ этого факта своеобразное заключеніе: „Онъ выбралъ для смазыванія стѣнъ дождливый день ради того, что и другіе прохожіе, оберегаясь дождя, будутъ жаться къ стѣнамъ и выпачкаютъ себѣ платье составомъ"...

Послѣ вышесказанной остановки у ограды, незнакомецъ пошелъ обратно по той же улицѣ, и былъ уже готовъ исчезнуть за ея поворотомъ, но, на несчастье свое, столкнулся тутъ съ другимъ человѣкомъ, который раскланялся съ нимъ. Катерина Роза, продолжая свои наблюденія, окликнула этого прохожаго, и спросила: кому онъ отвѣсилъ поклонъ? Тотъ отвѣчалъ, что знаетъ этого человѣка только за служащаго при Попечительствѣ о народномъ здравіи, а какъ его звать, ему неизвѣстно. „А я", продолжала показывать Катерина Роза, „сказала ему, что этотъ незнакомецъ продѣлывалъ штуки, которыя мнѣ не нравятся... Вслѣдъ затѣмъ разнеслась нехорошая вѣсть по околотку (благодаря самой Катеринѣ, очевидно) и всѣ стали выходить изъ домовъ и увидали, что стѣны вымазаны чѣмъ то жирнымъ и желтоватымъ; въ особенности же жаловались Традате, говоря, что вымазанъ весь проходъ къ ихъ дому... „Оттавія Боно, передопрошенная, подтвердила то же самое. На вопросъ, какъ она полагаетъ, зачѣмъ незнакомецъ потеръ рукой объ ограду, она отвѣчала: „По-

томъ стало извѣстно, что всѣ стѣны вымазаны, особенно же входъ у Традате".

И ни одной изъ этихъ двухъ свидѣтельницъ, особенно первой, описывавшей такъ подробно, шагъ за шагомъ, всѣ дѣйствія незнакомца, не пришло въ голову, что онѣ не видали, чтобы онъ заходилъ въ проходъ (галлерейку), которая вела къ жилью Традате; не поражало ихъ тоже то обстоятельство, что онъ выбралъ для исполненія своего злодѣйскаго замысла такіе часы, когда солнце уже встало, равно какъ и то, что онъ ни мало не остерегался, не поглядывалъ даже на окна и потомъ воротился спокойно тою же улицей, вопреки естественному желанію всякаго преступника скрыться возможно скорѣе и незамѣтнѣе. Не показалось имъ страннымъ и то, что онъ могъ безнаказанно обращаться съ составомъ, гибельнымъ даже для тѣхъ, кто „только выпачкалъ бы имъ свое платье". Но если простыя, невѣжественныя женщины, ослѣпленныя страхомъ и суевѣріемъ, были неспособны на эти соображенія, то что сказать о лицахъ, производившихъ дознаніе, и не указавшихъ свидѣтельницамъ на эти несообразности, и о судьяхъ, построившихъ обвиненіе на подобныхъ уликахъ?

Всѣ жители улицы, не обращавшіе до того никакого вниманія на накоплявшіеся вокругъ нихъ издавна нечистоты, принялись, съ перепугу, уничтожать ихъ, подпаливая соломой. Цирульникъ Джіанджіакомо Мора, жившій на самомъ поворотѣ въ улицу *Vetra dei Cittadini*, вообразилъ, что и его домъ вымазанъ чѣмъ-то, и принялся усердно за чистку его, никакъ не подозрѣвая, что онъ самъ будетъ привлеченъ къ страшной отвѣтственности.

Разсказы Катерины и Оттавіи скоро разукрасились разными добавленіями, да и сами онѣ передавали подробности дѣла слѣдственному судьѣ уже не совсѣмъ такъ, какъ сначала своимъ сосѣдямъ. Сынъ бѣднаго Моры, спрошенный позднѣе: „знаетъ ли онъ или говорилъ ему кто-либо, какимъ именно способомъ мазалъ стѣны тотъ человѣкъ", отвѣтилъ на это: „Я слышалъ какъ одна женщина, изъ тѣхъ, что торгуютъ подъ портикомъ, перекинутымъ черезъ улицу Ветра, разсказывала, что онъ мазалъ перомъ, держа въ другой рукѣ какой-то сосудикъ". Не трудно было догадаться, что за сосудъ былъ у незнакомца, если Катерина или Оттавія дѣйствительно видѣли, что онъ что то писалъ; онѣ могли не лгать, говоря, что въ рукахъ у него было перо и и какая-то стклянка, но въ разстроенномъ страхомъ воображеніи простая чернильница должна была обратиться въ таинственный сосудъ съ вредоноснымъ составомъ.

Среди всѣхъ досужныхъ росказней одно было справедливо: человѣкъ, о которомъ шла рѣчь, былъ однимъ изъ агентовъ Попечительства о народномъ здравіи. По этому указанію подозрѣваемый былъ скоро отысканъ. Оказалось, что это былъ нѣкто Гульельмо Піацца, „зять бабки Паолы", извѣстной всему околотку повитухи. Всѣ эти слухи, быстро распространяясь по городу, дошли и до Сената, который откомандировалъ на мѣсто

происшествія судебнаго пристава (capitan di giustizia), наказавъ ему разобрать дѣло и принять соотвѣтственныя тому мѣры.

Приставъ, пригласивъ съ собою стряпчаго по уголовнымъ дѣламъ (notaio criminale) сказалъ ему: „Сенатъ освѣдомленъ о томъ, что вчера поутру стѣны и двери домовъ въ улицѣ *Вэтра дей Читтадини* вымазаны смертоноснымъ составомъ...“ И такими словами, полными уже грозной опредѣлительности, хотя выражавшими лишь мнѣніе темной толпы, но принятыми на вѣру представителями правосудія, открылся одинъ изъ самыхъ страшныхъ и позорныхъ процессовъ.

Прибывъ въ улицу Вэтра, приставъ и стряпчій нашли всѣ дома закопченными; принадлежавшій же цирульнику Мора былъ выбѣленъ заново. Жители объяснили, что копоть произошла оттого, что жгли солому съ цѣлью уничтожить „смазку“. Несмотря, однако, на черноту стѣнъ, стряпчій нашелъ возможнымъ отмѣтить въ своемъ протоколѣ:

„Синьоромъ приставомъ и мною были дѣйствительно замѣчены на закопченныхъ стѣнахъ слѣды чего-то желтоватаго, маслянистаго, какъ бы размазаннаго пальцемъ“.

Одна женщина изъ дома Традате заявила на допросѣ: „Стѣны нашей галлерейки были густо вымазаны чѣмъ-то желтымъ“. Остальные допрошенные не прибавили ничего существеннаго къ показаніямъ, приведеннымъ выше, лишь настаивая на томъ, что дома были вымазаны.

Человѣкъ, раскланившійся съ Піаццой, отвѣтилъ на допросъ о томъ, были ли вымазаны дома:—„Никто меня не надоумилъ, такъ и не въ домекъ было...“.

Между тѣмъ, Піаццо былъ уже арестованъ. Судьи не обратили вниманія и на то, что онъ не думалъ скрываться. При произведенномъ у него тщательномъ обыскѣ *„in omnibus arcis, capsis, scriniis, cancellis, sub lectis“*, однимъ словомъ вездѣ, не было найдено ничего подозрительнаго: *“nihil penitus compertum fuit“*. Но и это не принесло никакой пользы подсудимому, какъ видно изъ перваго допроса, которому онъ былъ подвергнутъ въ тотъ же день. Допрашивалъ его тотъ же *capitan di giustizia*, совмѣстно съ какимъ-то аудиторомъ,—вѣроятно состоявшимъ при Попечительствѣ, въ которомъ служилъ Піаццо.

Послѣ обычныхъ вопросовъ о званіи, занятіяхъ и пр., подсудимаго спросили: „Куда онъ ходилъ наканунѣ и въ чемъ былъ одѣтъ?“ Затѣмъ: „Знаетъ ли онъ, что нѣкоторые дома въ городѣ были чѣмъ-то смазаны, въ особенности дома у Тичинскихъ воротъ?“ Онъ отвѣтилъ: „Не знаю; я не останавливался у этихъ воротъ“. Ему замѣтили: „это неправдоподобно“. Однако, онъ продолжалъ стоять на томъ, что не знаетъ, хотя ему предлагали четыре раза, съ различными видоизмѣненіями, тотъ же вопросъ.

Объясняя все, что онъ дѣлалъ наканунѣ, Піаццо сказалъ, между прочимъ, что ему пришлось сопровождать депутатовъ одного прихода (такъ назывались лица дворянскаго сословія, избираемыя Попечительствомъ въ каждомъ приходѣ для наблюденія за исполненіемъ предписаній, касающихся народнаго здравія, и

совершающихъ съ этою цѣлью обходы по городу). Піаццѣ приказали назвать тѣхъ, съ которыми онъ ходилъ. Онъ отвѣчалъ: „Я знаю ихъ только въ лицо, а не по фамиліямъ". На это ему было снова замѣчено: „это неправдоподобно". Это слово было страшнымъ въ устахъ судей; для того, чтобы оцѣнить все его значеніе, необходимо ознакомиться съ практикою тогдашняго уголовнаго судопроизводства.

При отсутствіи положительнаго законодательства, говоритъ Манцони, итальянскіе судьи руководствовались комментаріями различныхъ авторовъ къ своду римскаго права, уклоняясь по своему усмотрѣнію въ ту или другую сторону, что позволяло опять каждому судьѣ выбирать любое направленіе. Такъ, миланскій статутъ не устанавливалъ никакихъ точныхъ нормъ для примѣненія пытки (однажды уже признанной необходимою частью судебнаго дѣйствія). Согласно его статьямъ, требовалось только: 1) чтобы обвиненіе поддерживалось народной молвою; 2) чтобы проступокъ вызывалъ „кровавую кару" (*pena di sangue*) и 3) чтобы были „улики",—но какія, объ этомъ не говорилось. Римское право, къ которому прибѣгали при неудовлетворительности какой либо изъ статей закона, выражалось въ данномъ случаѣ тоже неопредѣленно: „судъ не долженъ начинать съ пытокъ... онъ долженъ руководствоваться сначала вѣроятностью и возможностью... И если, согласно уликамъ, приходится примѣнять пытку для открытія истины, то это допустимо для лицъ, способныхъ ее выносить..." Такимъ образомъ, важность уликъ, равно какъ и примѣнимость пытки въ каждомъ данномъ случаѣ, зависѣли отъ усмотрѣнія судьи, что выражалось и миланскимъ статутомъ.

Въ такъ называемыхъ Новыхъ Законоположеніяхъ (*Nuove Constituzioni*), изданныхъ по указу Карла V-го, пытка вовсе не была упомянута, и съ этой поры до эпохи разбираемаго здѣсь процесса и позднѣе, она приводилась въ различныхъ законодательныхъ актахъ лишь какъ мѣра карательная, но не какъ средство добывать признанія. Но это не уменьшало разнорѣчій, и самая разработка римскаго права, переходя отъ простыхъ комментаріевъ на него къ созданію самостоятельнаго кодекса для страны, слишкомъ увлекала ученыхъ въ частности, при чемъ рѣшенія по спеціальнымъ вопросамъ обращались часто въ нѣчто общее, основное, части разростались въ ущербъ цѣлому. Правосудіе, говоритъ Манцони, утрачивало свой истинный путь, теряясь въ дебряхъ противорѣчивыхъ взглядовъ схоластиковъ, смотрѣвшихъ на него лишь какъ на науку въ самомъ узкомъ значеніи слова. И это блужданіе усиливалось еще вслѣдствіе массы монархическихъ или административныхъ распоряженій въ видѣ декретовъ и пр., вызванныхъ какою либо государственною потребностью и имѣвшихъ большею частью характеръ лишь временный, но остававшихся въ силѣ и позднѣе. Для примѣра въ этомъ отношеніи можно указать на постановленія миланскихъ губернаторовъ, пользовавшихся и законодательной властью. Эти постановленія (*gridario*) касались часто лишь полицейскихъ мѣръ, вызванныхъ какою либо случайностью, и составлялись наскоро, но каждый новый губернаторъ счи-

талъ своею обязанностью подтвердить такой актъ, и съ теченіемъ времени, при дальнѣйшихъ преемникахъ власти, накоплялась масса такихъ мелкихъ узаконеній. Все это способствовало произвольному примѣненію правосудія. Такъ, завѣдомо ложное показаніе подсудимаго давало судьѣ право подвергать его пыткѣ, но извѣстнѣйшіе криминалисты (Фариначчи и др.) ограничивали это право слѣдующими условіями: „Ложь не служитъ поводомъ къ пыткѣ, если она относится лишь къ дѣяніямъ, не усугубляющимъ вины подсудимаго..." „Ложь для того, чтобы служить поводомъ къ пыткѣ, должна быть доказана двумя свидѣтелями или же собственнымъ признаніемъ подсудимаго..." Но судьи умѣли обходить это затрудненіе. При первомъ дознаніи, они закидывали обвиняемаго множествомъ побочныхъ вопросовъ, замѣчая на его отвѣтъ: „это неправдоподобно", и изъ совокупности этихъ будто бы „завѣдомо ложныхъ показаній" выводили законность пытки въ данномъ случаѣ. Такъ было и въ дѣлѣ несчастнаго Піаццы, который отзывался незнаніемъ того, что дома въ улицѣ Вэтра вымазаны чѣмъ-то, равно какъ и незнаніемъ именъ депутатовъ, которыхъ онъ сопровождалъ при обходѣ. При этомъ не принималось во вниманіе, что онъ облегчилъ бы свое положеніе, отвѣтя утвердительно на эти вопросы, и что, стало быть, его отрицанія, даже на дыбѣ, слѣдовало считать искренними. Но судьи, и приступивъ *незаконно* прямо къ допросу на пыткѣ, продолжали ее, давъ ему только передохнуть, до тѣхъ поръ, пока вопли и стоны его не стихли, и онъ повторялъ уже лишь чуть слышно: „Я сказалъ правду..." Тогда его сняли съ дыбы и отвели обратно въ тюрьму.

На слѣдующій день допросъ повторился въ сенатѣ, и это верховное судилище рѣшило: „Подсудимаго, выбривъ его, заставивъ принять слабительное средство и одѣвъ въ казенное платье [1], подвергнуть строгой пыткѣ съ наложеніемъ петлей (*legatura del canapo*)",—ужасное прибавленіе, при которомъ вывихивались не только плечевые суставы, но и ручныя кисти. Только одинъ сенатъ имѣлъ, нельзя сказать, право, но власть принимать безнаказанно подобныя мѣры. Римскіе законы относительно повторенія пытокъ истолковывались двояко: одни криминалисты [2]) понимали ихъ въ томъ смыслѣ, что пытка могла повторяться лишь въ случаѣ появленія новыхъ уликъ, болѣе очевидныхъ, нежели первыя и, какъ было добавлено впослѣдствіи, различныхъ отъ тѣхъ. Другіе ученые допускали вторичную пытку въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальныя улики были „явны, доказательны,

---

[1]) Эти мѣры принимались для того, чтобы подсудимый не могъ скрыть „въ волосахъ, желудкѣ или одеждѣ" тайныхъ средствъ для не испытыванія боли при мученіяхъ.

[2]) Одофредо. Чино Пистойя и др. Нѣкоторые ученые старались упорядочить систему пытокъ, составляя списки ихъ, „допускаемыхъ разумомъ". Въ наше время, перечни мученій „смягчаемыхъ милосердіемъ" могутъ казаться лишь чудовищною насмѣшкой, но, говоритъ Манцони, составители такихъ списковъ все же оказывали посильную услугу человѣчеству, осмѣливаясь стѣснять произволъ судей и требовать сравнительной мягкости ихъ приговоровъ, тогда какъ другіе авторы (напр. Рипамонти) проповѣдывали противное.

неоспоримы", и когда (тоже позднѣйшее добавленіе) пытка была примѣнена лишь въ легкой степени. Но, въ данномъ случаѣ, не подходило ни то, ни другое опредѣленіе: прежнія улики заключались въ показаніи двухъ женщинъ, будто бы видѣвшихъ, что Піаццо трогалъ стѣны домовъ или ограду руками, и свидѣтельствѣ судебныхъ агентовъ, усмотрѣвшихъ „слѣды какого-то жирнаго состава" на закопченныхъ дымомъ стѣнахъ, въ особенности въ галлерейкѣ одного дома... въ которую онъ и не входилъ. При томъ, эти самыя свѣдѣнія не были провѣрены; подсудимому не было дано очной ставки съ обвинителями, да въ сенатскомъ декретѣ и не упоминалось объ этихъ или другихъ уликахъ, а было сказано просто: „Подвергнуть подсудимаго усиленной пыткѣ за ложныя и неправдоподобныя показанія".

Такъ поступило верховное судилище города, вопреки не только справедливости, но и самому закону, требовавшему, чтобы „высшая инстанція, въ случаяхъ примѣненія пытки низшею, безъ достаточныхъ на то поводовъ, взыскивала бы за то съ нея со всею строгостью". Сенатъ оказался не только на одномъ уровнѣ съ невѣжественною женщиной, возбудившей этотъ ужасный процессъ своимъ: „Мнѣ пришло въ голову, не одинъ ли это изъ тѣхъ, которые смазываютъ дома какимъ-то снадобьемъ?"..., но пошелъ еще далѣе, возведя это предположеніе ея въ безусловную достовѣрность.

Вторичный допросъ подсудимаго, несмотря на усиленныя мученія, не привелъ ни къ чему. Вмѣсто ожидаемыхъ признаній въ протоколъ приходилось заносить лишь такія слова: „О, Господи Боже!... За что страдаю?... Синьоръ прокуроръ, велите лучше сразу меня убить.... Убейте, убейте меня.... Пить.... ради Бога, дайте мнѣ пить.... Не знаю... ничего не знаю.... Наконецъ, теряя сознаніе, онъ перестаъ отвѣчать на повторяемое ему требованіе сказать „правду". Потомъ, послѣ обморока, проговорилъ еще слабымъ голосомъ: Я сказать, что не знаю ничего.... Послѣ этого, не добившись признанія, судьи отослали его снова въ тюрьму.

Дѣло принимало, однако, неудобный для суда оборотъ. Подсудимый запирался, правда, не по существенному вопросу, но было важно уличить его во лжи тутъ, потому что это дозволяло бы выставить его желающимъ скрыть все свое участіе въ злодѣйствѣ. Между тѣмъ, подвергать человѣка пыткѣ въ третій разъ только потому, что онъ отзывался незнаніемъ именъ какихъ-то депутатовъ или слуховъ, разнесшихся въ улицѣ Вэтра, было уже слишкомъ рискованно. Если-бы онъ не признался и при третьемъ допросѣ „съ пристрастіемъ", его пришлось бы отпустить ни съ чѣмъ, потому что одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ авторитетовъ, именно Босси, выражался, еще чуть ли не за сто лѣтъ передъ тѣмъ, такъ: „Подсудимыхъ подвергаютъ болѣе нежели троекратной пыткѣ одни только судьи—живодеры". А онъ говорилъ еще о пыткѣ, примѣненной законно....

Но судьи были находчивы. Какъ видно изъ одного подлиннаго донесенія судебнаго пристава губернатору Спинолѣ (заня-

тому въ то время осадой Казале), аудиторъ Попечительства, въ присутствіи стряпчаго, обѣщалъ Піаццѣ полную безнаказанность, если онъ перестанетъ запираться. Въ этомъ донесеніи, составленномъ съ адскою хитростью, говорилось о томъ, что нѣкоторые злодѣи,—„какъ о томъ доходили уже ранѣе слухи и до губернатора“, — смазывали дома вреднымъ составомъ, и что одинъ изъ нихъ былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія нѣсколькими женщинами и однимъ достойнымъ довѣрія человѣкомъ (тѣмъ, который, въ дѣйствительности, показалъ лишь то, что обмѣнялся поклономъ съ Піаццой). Далѣе шелъ разсказъ объ арестованіи преступника, но не упоминалось вовсе о произведенномъ у него обыскѣ, при которомъ не было найдено ничего подозрительнаго, ни о слѣдахъ чего-то желтаго, усмотрѣннаго зоркими глазами слѣдователей подъ копотью стѣнъ. За то объяснялось, что онъ не сознавался ни въ чемъ, несмотря на мученія, и повинился лишь когда ему обѣщали полную безнаказанность.

Спинола долженъ былъ понять изъ этого донесенія, что подсудимаго допрашивали по существу дѣла, а не такъ, какъ происходило въ дѣйствительности. Ему не могло и представиться, что его дурачатъ; между тѣмъ, оно было такъ: согласно „Постановленіямъ Карла V, сенатъ не имѣлъ права даровать помилованіе кому бы то ни было (равно какъ освобождать отъ суда или выдавать охранные листы); это была прерогатива одной высшей власти, и потому сенаторы, чтобы выгородить себя и погубить, въ то-же время, Піаццу, спѣшили подвести свои дѣйствія въ этомъ процессѣ подъ защиту одного спеціальнаго декрета Спинолы (касательно распространенія зловредныхъ составовъ въ городѣ и обѣщанія безнаказанности тому, кто откроетъ имена злодѣевъ въ этомъ случаѣ), справедливо разсчитывая на то, что губернаторъ, поглощенный заботою о взятіи Казале, не станетъ вспоминать, что вышесказанный декретъ былъ изданъ имъ ранѣе и вовсе не относился къ дѣлу Піаццы. Вообще, все въ этомъ процессѣ являлось цѣпью обмановъ и правонарушеній. Обѣщаніе безнаказанности было дано подсудимому не оффиціально, а келейно, — въ какихъ именно выраженіяхъ, неизвѣстно, но можно догадываться, говоритъ Верри, что несчастному было предоставлено на выборъ: подвергнуться новой жестокой пыткѣ [illegible]нѣйшемъ запирательствѣ или же быть освобожденным[illegible] условіемъ признать себя виновнымъ и назвать своихъ соо[illegible]овъ.

Искушеніе было велико, но бѣ[illegible]якъ еще колебался. Кого было назвать, кого поставить жертвою за себя? Но фактъ, самъ по себѣ безразличный, навелъ его на мысль....

Цирульникъ Джіанджіакомо Мора занимался приготовленіемъ средствъ *противъ чумы*. Въ то время, при низкой степени развитія медицины и при господствовавшей страшной эпидеміи, частные составители цѣлебныхъ снадобьевъ были не рѣдкостью. Незадолго до своего роковаго дня Піацца просилъ Мору заготовить и ему баночку противочумной мази. Тотъ, встрѣтивъ его передъ самымъ его арестомъ, сказалъ ему, что мазь готова, и онъ можетъ придти за нею.

На слѣдующій день послѣ полученаго обѣщанія безнаказанности, именно 26 іюня, Піацца предсталъ снова передъ своими „судьями, и аудиторъ приказалъ ему повторить теперь открыто все то, что онъ сообщалъ ему и стряпчему Бальбіано наканунѣ, въ тюрьмѣ", то есть, „назвать приготовляющаго составъ, которыми были вымазаны стѣны, двери и замки въ извѣстной улицѣ". Несчастный, желая, по возможности, держаться ближе къ истинѣ, отвѣтилъ: „Составъ изготовлялъ мнѣ цирульникъ". Вынужденный назвать этого цирульника и сказать, какое именно количество снадобья далъ ему Мора, но не успѣвъ еще получить ничего отъ этого послѣдняго, онъ отвѣтилъ наудачу: „Не болѣе, какъ сколько могло бы помѣститься въ той чернильницѣ, что у васъ на столѣ". — „Былъ ли онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ этимъ человѣкомъ?". Не будучи въ состояніи сообразить, что правдивый отвѣтъ на этотъ вопросъ окажется въ противорѣчіи съ выдумкою, Піацца сказалъ: „Мы такъ себѣ... здравствуй, съ праздникомъ.... вотъ и все...." что было равносильно только шапочному знакомству.

Но судьи, не сдѣлавъ ему никакого замѣчанія на этотъ счетъ, спросили: „При какомъ случаѣ далъ ему Мора этотъ составъ?" Онъ отвѣтилъ: „Я проходилъ мимо; онъ подозвалъ меня и говоритъ: Я дамъ тебѣ кое что. Я спросилъ: что именно? Онъ отвѣчалъ: Самъ не знаю, что за мазь." Я сказалъ: „Хорошо, я зайду дня черезъ два, что и сдѣлалъ". Судьи не остановились на противорѣчіи, заключенномъ въ самомъ этомъ отвѣтѣ, и продолжали допрашивать растерявшагося человѣка о днѣ, часѣ и мѣстѣ, которые были выбраны для злодѣйскаго замысла, и, какъ бы удовлетворяясь всѣми отвѣтами, спросили еще: „Что говорилъ Мора, вручая ему составъ?".... „Онъ сказалъ мнѣ": Мажь стѣны этимъ снадобьемъ, а потомъ приходи, получишь горсть денегъ.... "Верри замѣчаетъ съ ироніей по этому поводу, что цирульнику было бы выгоднѣе самому заняться этимъ дѣломъ, выбравъ для того глухое ночное время. Но судьи не сдѣлали опять никакого замѣчанія, и лишь предложили подсудимому указать": Какіе именно дома было ему предписано смазывать?... „Дома въ улицѣ Вэтра, „отвѣчалъ Піацца", всѣ, начиная съ принадлежавшаго самому цирульнику".. „Ста[illegible] говоритъ Верри", цирульникъ не могъ смазать самъ и сво[illegible]ственнаго дома?"

Но такіе пустяка[illegible] смущали судей, а несчастный Піацца путался болѣе и болѣе въ своихъ показаніяхъ, сбиваемый съ толку хитрымъ допросомъ и тѣми совѣтами, которые были преподаны ему въ тюрьмѣ лицами, обѣщавшими ему безнаказанность. На вопросъ: „Зачѣмъ именно смазывались дома тѣмъ составомъ?" Онъ отвѣтилъ: „Мора не говорилъ мнѣ ничего, но я полагаю, что это было нужно для того, чтобы прохожіе пачкались о нихъ.... Думаю такъ потому, что онъ далъ мнѣ выпить какого-то зелья, говоря, что меня самого это предохранитъ отъ заразы".

Послѣ новыхъ вопросовъ, служившихъ ему ловушкой, былъ предложенъ ему еще очень важный: „Почему онъ не высказалъ

всей *этой правды* на первыхъ двухъ допросахъ, когда его же жестоко пытали?".

Онъ отвѣтилъ: „Я не могъ, а почему именно?! не знаю.... Можетъ быть, благодаря тому зелью, которое выпилъ... И если бы меня продержали сто лѣтъ на дыбѣ, я все не сказалъ бы ничего.... Лишь только предлагали мнѣ вопросъ, во мнѣ что-то замирало, и я не могъ говорить...."

Аудиторъ, взялъ съ собою нѣсколько сбировъ, поспѣшилъ въ цирульню и засталъ Мору дома. И этотъ „преступникъ", какъ оказывалось, не думалъ бѣжать, хотя его „сообщникъ" сидѣлъ уже четверо сутокъ въ тюрьмѣ. Ничего не подозрѣвавшаго человѣка арестовали, захвативъ съ нимъ и его сына [1]).

Но для лишенія гражданина свободы все же требовался хотя какой нибудь поводъ. Въ данномъ случаѣ, не было ни одного: ни народной молвы, ни попытки къ бѣгству, ни свидѣтельскихъ показаній, ни наличныхъ доказательствъ: былъ лишь навѣтъ предполагаемаго сообщника. По закону этого было мало, но это не помѣшало явившимся приняться за самый строгій обыскъ у цирульника, который понялъ эту мѣру по—своему, именно полагая, что его хотятъ подвергнуть взысканію за торговлю противочумными средствами безъ надлежащаго разрѣшенія. „О, синьоръ", сказалъ онъ аудитору, „вы ко мнѣ изъ-за этихъ снадобій, разумѣется? Вотъ та баночка, что я приготовилъ для комиссара [2])... только онъ за ней не пришелъ. Я же ни въ чемъ болѣе не виноватъ, слава Богу! Ваша милость можете не приказывать меня взять"...

Цирульники исполняли въ то время всѣ обязанности фельдшеровъ, служа также и хирургами, и фармацевтами; не мудрено было, поэтому, что у Моры нашлось множество горшечковъ, пузырьковъ, сосудовъ разныхъ формъ и величинъ. Все это казалось подозрительнымъ; но, сверхъ того, въ одномъ чуланчикѣ оказались два ведерка съ нечистотами (*duo vasa stercore humano plena*, какъ значится въ процессѣ). Всѣ жили тогда порядочно неряшливо; но одинъ изъ сбировъ почему-то удивился тому, что увидѣлъ, и замѣтилъ (всѣмъ позволялось тогда говорить противъ „смазчиковъ"), что наверху было-же отхожее мѣсто? „Но я сплю не съ семьей, а внизу", возразилъ Мора, находившій, дѣйствительно, болѣе удобнымъ и разумнымъ, по своей профессіи, отдѣлиться отъ своихъ домашнихъ, особенно при господствовавшей эпидеміи.

Но еще болѣе отягчающею уликою оказался котелъ, вдѣланный въ печь, сложенную на заднемъ дворикѣ. Въ этомъ котлѣ „была мутная вода съ тягучимъ желтовато-бѣлымъ осадкомъ, комокъ котораго, брошеный объ стѣну, прилипъ къ ней". Мора сказалъ, что это осадокъ мыла послѣ стирки....

Среди бумагъ въ домѣ нашелся какой-то рецептъ; аудиторъ

---

[1]) По справкамъ Верри въ метрическихъ записяхъ церкви С. Лоренцо, у Моры было еще три малолѣтнихъ дочери; жена его была тоже еще жива въ это время.

[2]) Агенты Попечительства назывались комиссарами.

подалъ его цирульнику, требуя, чтобы онъ объяснилъ, что тутъ написано. Тотъ, совершенно потерявшись, разорвалъ этотъ листокъ машинально, какъ ничего незначущее описаніе какого нибудь специфическаго средства. Клочки бумаги были тотчасъ-же собраны, но это, почти безсознательное движеніе несчастнаго имѣло, какъ увидимъ, громадное вліяніе на его судьбу.

Въ извлеченіи изъ процесса, бывшемъ въ рукахъ Манцони, не говорится о числѣ лицъ, арестованныхъ вмѣстѣ съ Морою. Но, по словамъ Рипамонти, забрали не только его жену и всѣхъ дѣтей, но и прислугу, равно какъ и другихъ, жившихъ въ домѣ, даже и родственниковъ его, какіе въ Миланѣ нашлись.

Выходя изъ дома, Мора сказалъ: „Я ни въ чемъ не виновенъ; если-же виновенъ, наказывайте меня. Но послѣ этого цѣлебнаго состава, я другого и не дѣлалъ; поэтому, если уже я поступалъ и не хорошо, то могу истинно каяться только въ этомъ".

Его подвергли допросу въ тотъ же день, настаивая преимущественно на томъ „варевѣ", которое было найдено въ котлѣ, и на его сношеніяхъ съ Піаццой. Онъ отвѣчалъ на первый вопросъ: „Синьоры, я, право, тутъ ни при чемъ. Стиркой занимаются женщины; спрашивайте ихъ. Я же зналъ столько же объ этомъ мыльномъ щелокѣ, сколько о томъ, что буду сегодня въ тюрьмѣ". Относительно Піаццы онъ разсказалъ, что долженъ былъ изготовить ему заказанное лѣкарство. Другихъ сношеній между ними не было; только однажды, съ годъ тому назадъ, Піацца обращался къ нему за фельдшерской помощью. Малолѣтній сынъ Моры повторилъ уже упомянутую выше, слышанную имъ отъ торговки басню о склянкѣ и перѣ, которыми дѣйствовалъ Піацца. Бѣдная жена цирульника заявила, что стирала бѣлье дней 10—12 тому назадъ; мыльная и щелочная вода требовалась часто при хирургическихъ операціяхъ, поэтому и бывала въ котлѣ; въ этотъ разъ, не употребляясь, она застоялась. Позваны были эксперты: двѣ прачки и три врача. Прачки сказали, что это мыльный щелокъ, только съ чѣмъ-то еще, потому что даетъ осадокъ вязкій, „тянется нитками". Врачи, на томъ же основаніи, вовсе не признали за щелокъ найденную жидкость... „Между тѣмъ", говоритъ Верри, было ли удивительно, если въ цирульномъ заведеніи, въ которомъ приходилось промывать тряпки, пропитанныя мазями и гноемъ отъ ранъ, остававшаяся послѣ стирки вода давала жирный, желтоватый и липкій осадокъ, особенно застоявшись въ жаркіе, лѣтніе дни?!!. Но судъ доносилъ губернатору: "Арестованъ цирульникъ, въ заведеніи котораго найдены разныя смѣси, подозрительныя по отзыву свѣдущихъ людей"....

Прежде, чѣмъ подвергнуть допросу цирульника, судъ передопросилъ Піаццу: „Правду ли онъ донесъ, и не припомнитъ ли еще чего либо?"... Онъ подтвердилъ прежнее, говоря, что болѣе ничего не можетъ прибавить.

Тогда ему замѣтили „неправдоподобіе" того, чтобы между нимъ и Морою не было другихъ сношеній, болѣе близкихъ, нежели указанныя имъ: Мора не могъ дать важное, отвѣтственное порученіе человѣку, котораго зналъ лишь слегка....

Замѣчаніе было справедливо, говоритъ Манцони, но оно запоздало. Почему не было сдѣлано оно при первомъ оговорѣ Піаццы? Почему этотъ оговоръ былъ тотчасъ же принятъ за не подлежавшій провѣркѣ? Изъ всего видно, что судьи и не добивались истины, находя правдивыми или лживыми всѣ показанія лишь поскольку они соотвѣтствовали ихъ цѣлямъ. И они объявили несчастному, что обѣщанная ему безнаказанность осуществится лишь въ томъ случаѣ, если онъ скажетъ всю правду.

Изъ сказаннаго ясно, почему сенатъ не испрашивалъ особаго губернаторскаго соизволенія для обѣщанія такой безнаказанности подсудимому (какъ то слѣдовало бы). Однажды выданное такое именное свидѣтельство имѣло бы уже силу оффиціальнаго акта и не могло быть взято назадъ, тогда какъ разговоръ аудитора или стряпчаго съ человѣкомъ, сидящимъ въ тюрьмѣ, могъ считаться совершенно частнымъ, лишеннымъ значенія... На новомъ допросѣ Піацца повторилъ прежнее, но съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя и были желательны судьямъ. Сначала онъ говорилъ, что „считалъ составъ ядовитымъ", потомъ выразился такъ, что „самъ Мора сказалъ, что снадобье причинитъ людямъ смерть"... Наконецъ, что, при разговорѣ его съ Морой „стояли тутъ еще какіе-то три человѣка".

Его спросили: „Что это были за люди и въ чемъ одѣты?"

Онъ не умѣлъ назвать ихъ, но думалъ, что это были какіе нибудь сосѣди цирульника. На одежду ихъ не обратилъ вниманія.

Тогда его подвергли опять пыткѣ съ цѣлью смыть съ него ошельмованіе (*purgar l'infamia*) и дать ему тѣмъ возможность свидѣтельствовать.

Это требуетъ объясненія. Согласно одному римскому закону „свидѣтельство гладіаторовъ и тому подобныхъ лицъ не имѣло значенія безъ пытки". Впослѣдствіи къ числу такихъ отверженныхъ, носившихъ общее названіе „ошельмованныхъ (*infami*)", были отнесены преступники, повинившіеся или уличенные на судѣ. Но посредствомъ остроумнаго софизма, пятно ошельмованія можно было смыть пыткой (*purgar l'infamia*). „Въ качествѣ ошельмованнаго", говорили юристы, „преступникъ не заслуживаетъ довѣрія, но если онъ настаиваетъ на своемъ оговорѣ другихъ „несмотря на свою настоятельную, непосредственную выгоду", можно повѣрить его показанію. И такъ, если онъ называетъ сообщниковъ, и ему предлагаютъ или отречься отъ такого навѣта, или быть подвергнутымъ пыткѣ, и онъ все настаиваетъ на сказанномъ, даже и среди мученій, то ему можно вѣрить: „пытка обѣлила его въ смыслѣ правоспособности давать показанія".

Если такъ, то отчего же Піаццу не заставили подтвердить подъ пыткою его оговоръ? Вѣдь показаніе „не омывшаго себя пыткою" не заслуживало довѣрія? Но судьи пренебрегли этой формальностью, конечно, не изъ состраданія къ несчастному, а очевидно боясь, что онъ не выдержитъ мученій и признается, что взвелъ напраслину на невиннаго. Теперь же его пытали

опять беззаконно, потому что ему была обѣщана безнаказанность,—обѣщана снова незаконнымъ порядкомъ. Словомъ, говоритъ Манцони, весь этотъ процессъ былъ позорнымъ не только въ смыслѣ общественнаго дикаго суевѣрія и жестокости тогдашнихъ судебныхъ пріемовъ, но и потому, что судъ усугублялъ эту жестокость и несправедливость, совершенно нарушая установленныя правила въ угоду своему произволу.

Снятый съ дыбы, Піацци попросилъ дать ему собраться съ мыслями до завтра, но когда его повели обратно въ тюрьму, онъ остановился и сказалъ, что припомнилъ, кто былъ съ Морой: „Стефано Баруэло и два ремесленника, Джироламо и Гаспаро Мильявокка, отецъ и сынъ"... Манцони находитъ лишнимъ описывать допросы этихъ лицъ и множества другихъ, привлеченныхъ тоже къ отвѣту. Главными преступниками продолжали считаться Піацца и Мора, какъ первые попавшіеся въ руки „правосудія". Всѣхъ пытали, предъявляя имъ нелѣпѣйшіе вопросы, сбивавшіе съ толку несчастныхъ людей.

Мора отвѣчалъ относительно изготовляемыхъ лѣкарствъ, найденнаго у него котла и пр., какъ человѣкъ, которому нечего скрывать; насчетъ разорваной имъ бумажки сказалъ, что не помнитъ, что было на ней написано, и разорвалъ онъ ее машинально, но если склеятъ клочки, то онъ разберетъ, что это былъ за рецептъ и припомнитъ, отъ кого его получилъ... А лѣкарство, составленное имъ для Піаццы, было противочумное..."

Судьи, не нашедшіе неправдоподобія въ томъ, что человѣкъ ведшій лишь шапочное знакомство" съ Піаццой, вручилъ ему зловредное снадобье на пагубу людей, выразили теперь сомнѣніе въ томъ, чтобы цирульникъ приготовлялъ лѣкарство по заказу не коротко знакомаго ему лица. Какъ могъ онъ это сдѣлать? Что побудило его?... Онъ отвѣтилъ: „Желаніе заработать что нибудь"... „Зналъ ли онъ, что Піаццо намѣревался смазывать дома въ городѣ?" ...„Нѣтъ"...„Зналъ ли онъ вообще, что въ городѣ начали пачкать дома какимъ-то снадобьемъ?"... „Нѣтъ".

Наконецъ его спросили: „Извѣстно ли ему, что кто-то приглашалъ Піаццу мазать стѣны въ улицѣ Вэтра, посуливъ ему за то денегъ, и вручилъ ему для этой цѣли склянку съ извѣстнымъ составомъ?" Онъ отвѣтилъ на это, поникнувъ головой и понижая голосъ (*flectens caput et submissa voce*): „Не знаю ничего".

Весьма вѣроятно, что тутъ только несчастный понялъ, куда могли клонить эти роковые подходы. Но онъ и не могъ долго оставаться въ недоумѣніи, потому что ему былъ предложенъ, вслѣдъ затѣмъ, прямой вопросъ:

„Уговаривалъ ли онъ Піаццу смазывать стѣны въ улицѣ Вэтра, и далъ ли онъ ему, съ этою цѣлью, склянку съ нѣкоторымъ зельемъ, обѣщая ему еще извѣстную сумму денегъ?"

Онъ громко воскликнулъ: „Никогда, синьоры! Клянусь, никогда! Статочное ли дѣло!"

Ему замѣтили: „А что, если Піацца подтвердитъ истину сказаннаго на очной ставкѣ?"

„Истину!" повторяетъ Манцони. Истину, извѣстную судьямъ

лишь по оговору предполагаемаго сообщника, слова котораго они сами признавали неправдоподобными....

Мора отвѣчалъ съ негодованіемъ: „Если онъ скажетъ мнѣ это въ глаза, я заявлю ему, что это подлая ложь, потому что никогда не имѣлъ я съ нимъ подобнаго разговора, и пусть судитъ насъ Богъ!“

На очной ставкѣ, Піацци повторилъ свой оговоръ, Мора отвергалъ энергично его показанія, а судъ донесъ губернатору объ этомъ спорѣ слѣдующими словами: „Піацци стоитъ на своемъ, приводя время и мѣсто полученія имъ вреднаго снадобья“. Спинола долженъ былъ заключить изъ этого заявленія, что Мора былъ уличенъ; о приводимомъ имъ въ свою защиту вовсе не говорилось; упоминалось только, что сенатъ дѣятельно розыскиваетъ „и другихъ сообщниковъ преступленія“.

На другой день послѣ очной ставки, Піацца самъ попросилъ судъ его выслушать и заявилъ: „Мора утверждалъ вчера, что я даже никогда не бывалъ у него въ домѣ; пусть же будутъ допрошены Балдассаро Литта, проживающій въ домѣ Анціано, въ кварталѣ Санъ-Бернардино, и красильщикъ Стефано Буцціо, заведеніе котораго близъ церкви Санъ-Амброджіо. Они знаютъ, что я бывалъ и въ цирульнѣ, и въ квартирѣ Моры“.

Явился ли несчастный съ такимъ заявленіемъ по собственному почину, или же оно было внушено ему самими судьями? Послѣднее слишкомъ вѣроятно. Для преданія Моры пыткѣ, нуженъ былъ оффиціальный предлогъ, а по мнѣнію многихъ ученыхъ истолкователей закона, „показанія сообщника преступника, неимѣющія силы сами по себѣ, пріобрѣтали значеніе при наличности извѣстныхъ условій,—между прочимъ, при существованіи дружескихъ отношеній между оговаривающимъ и оговореннымъ имъ“. Въ виду этого Піаццу и спрашивали съ самаго начала, былъ ли онъ пріятелемъ Моры. Онъ отвѣчалъ тогда, что велъ съ нимъ лишь шапочное знакомство, подтверждая это и на дыбѣ. Но въ подробные протоколы процесса внесены и донесенія тюремныхъ сторожей, сносившихся съ заключенными и имѣвшихъ порученіе вывѣдывать отъ нихъ сознаніе. Весьма возможно, что при такихъ бесѣдахъ съ арестантами, — можетъ быть даже съ доброю цѣлью иногда, — кто либо изъ этихъ приставниковъ увѣрилъ несчастнаго, растерявшагося человѣка, что указаніе на дружбу съ Морой послужитъ ему на пользу, и онъ прибѣгнулъ къ этому средству, которое не пришло бы на мысль ему самому. Но Литта, на вопросъ: „Видалъ ли онъ Піаццу въ домѣ цирульника?“ отвѣтилъ: „Нѣтъ“. Буцціо, спрошенный о томъ, были ли Мора и Піацца пріятелями, сказалъ: „Можетъ быть и дружили, но мнѣ это неизвѣстно... Бывалъ ли Піацца когда въ домѣ Моры, тоже не знаю...“ Нѣкто Волпи, призванный свидѣтельствовать по тому же вопросу, также клятвенно отозвался полнымъ незнаніемъ. Между тѣмъ, при слѣдующемъ допросѣ цирульника, ему сказали, что многіе свидѣтели уличали его въ близкихъ сношеніяхъ съ подсудимымъ. Такимъ образомъ его собственныя доказательства противнаго были „неправдоподобны“, равно какъ

и его увѣренія, что онъ разорвалъ листокъ совершенно необдуманно. Въ просьбѣ же его сложить эти обрывки и прочесть, что тамъ написано, ему было отказано. При угрозѣ пыткою, онъ сказалъ: „Я говорю одну правду. Пусть Піацца утверждаетъ, что хочетъ, но я не давалъ ему ничего“.

Онъ полагалъ (да и не могъ не думать этого), что судьи добиваются правды по этому главному пункту обвиненія, но его остановили, сказавъ, что онъ долженъ отвѣчать лишь на предлагаемые вопросы, а именно: зачѣмъ онъ разорвалъ листокъ и зачѣмъ говоритъ, что Піацца не бывалъ у него въ домѣ?

Это были вопросы второстепенные, но судьямъ надо было найти законный предлогъ къ пыткѣ и „неправдоподобіе“ отвѣтовъ давало его....

Несчастный былъ человѣкъ малосильный; однако, онъ переносилъ мученія нѣсколько времени, восклицая только: „Боже мой, я сказалъ правду!... Я не знакомъ съ Піаццой... Онъ клевещетъ на меня!.... Пощадите, синьоръ... Я разорвалъ листокъ, думая, что это рецептъ противъ чумнаго лѣкарства.... которое я изготовлялъ ради желанія нажить что нибудь“....

Но, не выдерживая болѣе, онъ произнесъ: „Отпустите меня и я скажу все.... Когда же ему дали передохнуть, онъ повторилъ: „Вѣрьте мнѣ, я говорилъ только правду“....

Судьи прогнѣвались и пытка была возобновлена съ новой силой, что заставило его крикнуть: „Скажите, что я долженъ говорить, и я скажу, только отпустите меня!... Да, я далъ ему склянку съ различными мерзостями для покрытія стѣнъ... Все скажу, только отпустите меня.... только отпустите!“

Эта просьба была тщетной; судьи нашли, что онъ заговоритъ лучше, продолжая висѣть на дыбѣ, и онъ сталъ говорить....

Нелѣпость его словъ была очевидна. Описывая отвратительныя составныя части будто бы изготовляемаго имъ снадобья, онъ назвалъ и истеченія изо рта умершихъ отъ чумы. Но никто изъ судей не задалъ себѣ вопроса о томъ, какъ могъ этотъ человѣкъ не бояться собирать вещество, требовавшее его непосредственнаго соприкосновенія съ чумными трупами и долженствовавшее служить на погибель другимъ? Сверхъ того, эти же судьи только что заявили подсудимому, что онъ долженъ отвѣчать лишь на то, что у него спрашиваютъ, не вдаваясь въ побочныя объясненія, а теперь не мѣшали ему распространяться о составѣ его снадобій.

Перебирать всѣ нарушенія судебныхъ порядковъ и самого простого здраваго смысла при этомъ возмутительномъ процессѣ невозможно, говоритъ Манцони. Между прочимъ, законъ признавалъ, что „каждое преступленіе совершается ради какой либо цѣли;“ затѣмъ, что „многіе слабые духомъ, признаваясь въ содѣянныхъ ими преступленіяхъ, потомъ, по произнесеніи приговора и въ моментъ казни, объявляютъ себя невиновными, — каковыми и оказываются впослѣдствіи, когда уже поздно исправлять судебную ошибку“, на основаніи чего „сознаніе подсудимыхъ признается не имѣющимъ силы, если не оказывается на

лицо „вѣскихъ, убѣдительныхъ, явныхъ“ доказательствъ того, что преступленіе могло быть выгоднымъ для совершившаго его (Фариначчи). Что же могло побудить обоихъ предлагаемыхъ преступниковъ къ ихъ ужасному замыслу? Мора, вынужденный страшными муками клепать на себя и другихъ, сказалъ, что Піацца, какъ агентъ Попечительства, надѣялся извлекать пользу изъ увеличенія числа жертвъ эпидеміи, а онъ, Мора, думалъ нажиться, продавая побольше противочумныхъ средствъ. Было ли какое соотвѣтствіе между опасностью, которая угрожала виновнымъ, и тою ничтожною выгодою, которую они, будто бы, надѣялись извлечь для себя? Сверхъ того, выходило еще противорѣчіе; Піацца показывалъ сначала, что Мора обѣщалъ ему горсть денегъ, а теперь судъ вѣрилъ тому, что этотъ обвиняемый самъ ждалъ наживы....

Спрошенный о другихъ сообщникахъ, онъ сказалъ, что у Піаццы были, вѣроятно, товарищи, но что онъ ихъ не знаетъ. Снова прозвучало грозное: „Это неправдоподобно“, и онъ, знавшій уже куда ведетъ это слово, поспѣшилъ назвать Стефано Баруэло и обоихъ Мильявокка, на которыхъ уже указывалъ Піацца.

Это не помѣшало подвергнуть его новымъ мученіямъ, и выходило нѣчто странное: „для подтвержденія показанія, даннаго на пыткѣ, требовалось чтобы оно было повторено въ иномъ мѣстѣ, изъ котораго не видно орудій мученій, и никакъ не въ тотъ же самый день“, а съ другой стороны, какъ было сказано выше, „пытка требовалась для снятія ошельмованія и приданія тѣмъ значенія показанію, данному при мученіяхъ“. Это былъ заколдованный кругъ, повидимому, но дававшій полный просторъ кровожадности судей.... Въ минуту отдыха,—если можно назвать отдыхомъ промежутокъ между двумя страшными истязаніями,—Мора, спрошенный вновь, заявилъ: „Мнѣ нечего прибавлять... скорѣе слѣдуетъ убавить“.... и, собравшись съ духомъ, продолжалъ: „Я не изготовлялъ никакого снадобья; я просто наклепалъ на себя, не выдержавъ муки“.... При угрозѣ подвергнуть его новой пыткѣ, онъ попросилъ только дать ему время прочесть молитву. „Я прочту *Ave Maria*“, сказалъ онъ, „и тогда поступлю, какъ Господь мнѣ укажетъ“. Съ этими словами, онъ опустился на колѣни передъ Распятіемъ, черезъ нѣсколько минутъ поднялся и подтвердилъ: „По совѣсти, я показывалъ ложно!“

Этого было довольно для возобновленія пытки....

Подсудимому Піаццѣ было объявлено, между тѣмъ, что „онъ, не сказавъ всей правды, не можетъ воспользоваться обѣщанной ему безнаказанностью“. Тогда онъ, сталъ придумывать новыя небылицы. Зная, что Мора, въ свое оправданіе при обвиненіи въ подкупѣ, говорилъ: „Откуда могъ бы я взять цѣлую пригоршню денегъ, чтобы ему заплатить? Какъ могъ бы онъ этому повѣрить?“ онъ принялся разсказывать, что Мора обѣщалъ ему такую награду отъ имени „одного важнаго лица“. Такимъ образомъ былъ впутанъ въ дѣло сынъ коменданта, капитанъ Падилья.

По всей вѣроятности, несчастный Піацца надѣялся, вовлекая въ процессъ знатнаго человѣка, облегчить тѣмъ свою собствен-

ную судьбу. Назвалъ онъ именно испанца, можетъ быть, потому, что народъ, не любившій этихъ иноземцевъ, приписывалъ имъ всякія небывалыя преступленія, между прочимъ и распространеніе чумы. Увѣряя сначала подъ пыткой, что не зналъ, кто былъ это — „важное лицо"? онъ клялся теперь, что лишь не могъ вдругъ припомнить, кого называлъ Мора; но это былъ именно сынъ миланскаго коменданта.... Только денегъ онъ отъ него все же не получалъ, и не зналъ, получилъ ли ихъ самъ Мора.... Онъ подтвердилъ это на очной ставкѣ съ этимъ послѣднимъ. По справедливому замѣчанію защитника капитана, эта ставка была и устроена съ тѣмъ, чтобы освѣдомить Мору: кого именно оговорилъ Піацца. Дѣйствительно, Мора, отрицавшій сначала все, говорившій: „Все это вымыселъ! Что же, убейте меня, но онъ лжетъ! „теперь, не выдержавъ новыхъ страшныхъ мученій и признавъ справедливымъ оговоръ, назвалъ даже посредника при своемъ дѣлѣ съ Падильей (потому что было уже слишкомъ невѣроятно, чтобы гордый, знатный испанецъ входилъ въ непосредственныя сношенія съ какимъ—то простымъ цирульникомъ). Это было вымышленное лицо, именно никогда не существовавшій въ войскахъ, Піетро Сарагосса. При самыхъ тщательныхъ розыскахъ, такого рядоваго или офицера въ полкахъ не оказывалось, и слѣдуетъ прибавить, что и розыски эти производились лишь послѣ казни Мора и Піаццы, по настоянію защитника Падильи: такъ логиченъ былъ путь, избранный судомъ для открытія истины.:..

Чѣмъ далѣе шелъ процессъ, тѣмъ болѣе накоплялось подсудимыхъ, преимущественно изъ простонародья, но были среди нихъ и всѣмъ извѣстныя, почтенныя лица, напримѣръ банкиры Сангинетти, Турконе, Лучина, которымъ, будто бы, было поручено раздавать „смазчикамъ" деньги. Ихъ допрашивали и пытали, равно какъ и всѣхъ служащихъ у нихъ. По словамъ Баруэло, посредникомъ между капитаномъ Падильей и цирульникомъ служилъ тоже учитель фехтованія, Карло Ведано. Подъ вліяніемъ обѣщанной безнаказанности, Баруэло давалъ волю своей фантазіи все сильнѣе, точно стараясь отблагодарить этимъ судей.... Выходило теперь, что прежній составъ вредоноснаго зелья былъ найденъ слишкомъ слабымъ; Падилья велѣлъ прибавлять въ него варево изъ жабъ и другихъ гадовъ.... Одинъ человѣкъ (по счастію, онъ назвалъ уже умершаго) водилъ его въ большую комнату, въ которой были собраны заговорщики.... Потомъ Ведано отвелъ его въ цитадель; тамъ встрѣтилъ его Падилья, говоря: васъ то намъ и надо!" и передалъ ему мазь, при чемъ убѣждалъ не бояться ничего, потому что не онъ одинъ будетъ участвовать въ дѣлѣ.... Падилья говорилъ, что онъ и другіе „дѣлаютъ чуму" въ отмщеніе за оскорбленія, нанесенныя дону Гонзаго ди Кордова при его отъѣздѣ изъ Милана.... Самъ Падилья хотѣлъ завладѣть Миланомъ, стать его правителемъ и сдѣлать его, Баруэло, важнымъ сановникомъ. Онъ, Баруэло, рѣшался на всѣ эти злодѣйскія дѣла потому, что продалъ душу свою дьяволу. Уговорилъ его на то нѣкто явившійся къ нему въ видѣ аббата съ черною палочкою въ рукѣ. Онъ очерчивалъ этою палочкою

кругъ, въ который ставилъ его, Баруэло, произносившаго, въ это время, по еврейски, кабалистическія слова. Дьяволъ явился на этотъ призывъ: онъ былъ въ костюмѣ паяца....

И всѣ эти нелѣпости, весь этотъ бредъ, потерявшаго разсудокъ человѣка вносился въ протоколъ и служилъ основаніемъ для обвиненія новыхъ лицъ, которыхъ пытали въ свою очередь, заставляя и ихъ сочинять небылицы, клонившіяся, по взгляду судей, къ уясненію сношеній капитана Падильи съ этими мнимыми его агентами. Необходимо замѣтить, что въ то самое время, когда онъ, по словамъ Моры, Баруэло и прочихъ, подговаривалъ ихъ на злодѣйство, его даже и не было въ Миланѣ: онъ находился въ дѣйствующихъ войскахъ, на границѣ Піэмонта.

Нѣкоторые подсудимые, несмотря на всю жестокость пытки, не сознавались ни въ чемъ, „не брали грѣха на душу“, какъ выражались они. „Пусть гибнетъ тѣло, душу не замараю; поручаю ее Господу“, говорилъ младшій Мильявока. Точно также выдержалъ страшныя мученія фехтмейстеръ Ведано. Въ подробномъ протоколѣ его допроса на пыткѣ, приводимомъ Манцони въ приложеніяхъ къ его „Исторіи Позорнаго столба“, замѣчательно какое-то тупоумное издѣвательство надъ мучимымъ человѣкомъ: судьи заставляютъ его, напримѣръ, объяснять, почему онъ сказалъ „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!“ на одинъ вопросъ, когда было бы достаточно одного „нѣтъ“ и т. п.

Адвокатамъ Моры и Піаццы было дано два дня,—потомъ прибавленъ и третій, — для приготовленія защиты, которая, разумѣется, не могла привести ни къ чему. Эти двое были казнены первыми. Оба они, какъ и Баруэло, умершій въ тюрьмѣ, заявляли передъ смертью своимъ духовникамъ и другимъ свидѣтелямъ, что они оклеветали невинныхъ, въ томъ числѣ и самихъ себя, будучи вынуждены къ тому нестерпимыми мученіями. Они просили въ томъ прощенія у Бога и у всѣхъ пострадавшихъ по ихъ оговору. Ведано, какъ сказано выше, не сознался ни въ чемъ и противъ него было свидѣтельство лишь одного Баруэло, обвинявшаго его при томъ не въ составленіи вреднаго зелья, а лишь въ посредничествѣ между Падильей и его агентами; поэтому его лишь продержали въ тюрьмѣ до января слѣдующаго года: осудить его на основаніи одного свидѣтельства Баруэло было нельзя, не признавъ виновнымъ и самого Падилью. Это и спасло несчастнаго отъ казни.

Падилья, переведенный въ миланскую тюрьму въ январѣ 1631 года, подвергся допросу три раза, при чемъ судьи не осмѣливались поступать съ нимъ такъ, какъ съ прочими подсудимыми. Онъ имѣлъ, поэтому, возможность ясно доказать, въ какой именно день выѣхалъ изъ Милана въ лагерь и когда пріѣзжалъ обратно на одни сутки, вовсе не совпадавшія со временемъ, указаннымъ въ оговорѣ Баруэло и прочихъ. Его спросили далѣе, „все также вѣжливо“, зналъ ли онъ бомбардира Фонтану (присутствовавшаго, по словамъ Баруэло, на собраніи въ цитадели), и учителя фехтованія Ведано. Онъ отвѣчалъ утвердительно, но на вопросъ: „Знаетъ ли онъ харчевню, подъ вывѣскою *I ladri*,

въ улицѣ Вѣтра, указанную Морой, какъ мѣсто свиданія Падильи съ лицами, склоняемыми имъ на преступленіе, онъ отвѣтилъ, что не знаетъ ни этой харчевни, ни даже улицы, въ которой она находится. Онъ повторилъ тоже и на остальныхъ двухъ допросахъ, при чемъ сенатъ все же объявилъ его „подсудимымъ по взводимому на него обвиненію", и далъ ему срокъ для изготовленія своей защиты. Ему было прочитано при этомъ все показаніе Стефана Баруэло, включительно съ появленіемъ дьявола и совѣтомъ Падильи усилить дѣйствіе ядовитаго состава сокомъ жабъ и пр.

Выслушавъ гнусный и нелѣпый оговоръ, Падилья сказалъ: „Изъ множества лицъ, названныхъ вами, синьоры, и будто бы имѣвшихъ сношенія со мной, я знаю лишь Фонтану и Карло Ведано, съ которыми меня сводила моя служба. Все остальное, изложенное въ процессѣ, подлая ложь. Неужели возможно предположить, чтобы человѣкъ моей породы и званія, посвятившій жизнь на служеніе его величеству по примѣру своихъ предковъ, могъ совершить или даже только замыслить дѣяніе, столь позорное для нихъ и для него самого?... Я могу лишь удивляться тому, что сенатъ рѣшился сдѣлать постановленіе такой важности, на основаніи бездоказательнаго, лживаго оговора, оскорбляющаго не только меня, но и самое правосудіе.. Повторяю, что все въ этихъ свидѣтельствахъ одна ложь. Пусть поразятъ меня на этомъ мѣстѣ Господь и Пресвятая Дѣва, если это правда! Но я надѣюсь, что Богъ изобличитъ клевету, и это станетъ явно всему свѣту!"

Капитанъ Падилья былъ оправданъ,—когда именно, въ точности неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не ранѣе, какъ черезъ годъ слишкомъ, потому что послѣдняя его защита подана въ маѣ 1632 г. Безъ сомнѣнія, судьи должны были его оправдать, но, провозглашая его невиновнымъ, не произносили ли они приговоръ надъ собой, осудивъ столькихъ на казнь, какъ агентовъ того же мнимаго злодѣя Падильи?

Казнь для Моры и Піаццы, а затѣмъ и для нѣсколькихъ десятковъ ихъ воображаемыхъ сообщниковъ, была придумана самая жестокая: ихъ влекли къ лобному мѣсту на тележкѣ, при чемъ, во все продолженіе пути, рвали имъ тѣло раскаленными щипцами, отрубили, еще дорогой, каждому изъ нихъ правую руку, наконецъ колесовали ихъ, и оставили полуживыми еще на колесѣ, въ теченіе шести часовъ, послѣ чего палачи удавили ихъ, прахъ сожгли и бросили его въ рѣку. Домъ Моры былъ срытъ до основанія и на мѣстѣ его былъ воздвигнутъ столбъ, названный „Позорнымъ". Строиться тутъ было строжайше и навѣки запрещено.

Этотъ, дѣйствительно *позорный* памятникъ былъ срытъ въ 1778 году. [1] Позже, именно въ 1803 г., на этомъ печальномъ

---

[1]) Прошло 147 лѣтъ послѣ описанныхъ выше событій и лишь тогда Верри, доказывая жестокость и безсмысленность пытки вообще, въ своихъ «*Osservationi sulla Tortura*», привелъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ все, что успѣлъ собрать въ архивахъ города Милана касательно постыднаго суда надъ невинными, и требовалъ возстановленія ихъ чести. Столбъ

мѣстѣ выстроенъ домъ, при чемъ былъ уничтоженъ и переулокъ, на который выходило роковое окно съ видомъ на улицу Вэтра, послужившее невѣжественной женщинѣ для наблюденій, повлекшихъ за собою столько пролитой крови.

С. Воскресенская.

съ именами казненныхъ былъ срытъ въ 1778 году, но горячій протестъ Верри сталъ доступенъ читателямъ лишь въ 1804 г. появясь, вмѣстѣ съ другими научными сочиненіями его въ «Библіотекѣ классическихъ трактатовъ по политической экономіи». Издатель сказаннаго сборника объясняетъ это запоздалое появленіе въ свѣтъ столь замѣчательнаго труда тѣмъ, что «разоблаченія непригляднаго прошлаго могли набрасывать тѣнь на сенатъ»... Такая корпоративная охрана своихъ членовъ,—хотя бы уже сошедшихъ въ могилу,—отъ всякаго нареканія была въ большой силѣ во всѣхъ учрежденіяхъ того времени, и Верри, столь неспособный отступиться, въ чемъ бы то ни было отъ своихъ убѣжденій, могъ, однако, уважить просьбы своего отца, бывшаго именно президентомъ сената въ тѣ годы и державшагося старыхъ традицій.

Въ своей пылкой аргументаціи противъ пытки, Верри приводитъ, опираясь на авторитетные источники, безнравственнѣйшіе пріемы судебной практики, одобряемые, однако, нѣкоторыми криминалистами (Казоне и пр.). Такъ, судьѣ *дозволялось* призвать тайно къ себѣ подсудимую женщину и соблазнить ее, притворяясь влюбленнымъ въ нее и обѣщая выпустить ее оправданной, если она сознается въ своемъ преступленіи... Извѣстный Кларо Миланскій разсказываетъ о подобномъ случаѣ, приведшемъ молодую дѣвушку только къ плахѣ, а не къ обѣщанному освобожденію.

Іоаннъ Гутенбергъ.

Въ Іюнѣ нынѣшняго года въ г. Майнцѣ чествуютъ память изобрѣтателя книгопечатанья Іоанна Гутенберга по случаю пятисотлѣтія его рожденія.

Изобрѣтеніе книгопечатанья одно изъ великихъ событій всемірной исторіи. Какъ самый могущественный распространитель просвѣщенія, оно совершило цѣлый переворотъ въ умственной жизни народовъ, оно создало новую эру, рѣзкою чертой отдѣлившую старый міръ отъ новаго. Но геніальное изобрѣтеніе не избѣжало участи многихъ великихъ идей и открытій. Оно подверглось нападкамъ, хотѣли умалить его значеніе, оспаривали славу изобрѣтенія какъ у страны въ которой оно возникло, такъ и у самаго изобрѣтателя. Доказывали, что искусство печатанья заимствовано, что оно принадлежитъ къ болѣе отдаленной эпохѣ и перенесено въ Европу изъ Китая. Дѣйствительно, есть указанія, что печатанье было изобрѣтено въ Китаѣ въ 923 г. На деревянныхъ дощечкахъ вырѣзывались выпуклыя буквы, на которыя наводили жидкую краску, накладывали листъ бумаги и терли мягкой щеткой. Затѣмъ тамъ же кузнецъ Пи-Чинъ сталъ дѣлать подвижныя буквы изъ жженой глины, но послѣ его смерти этотъ способъ былъ совершенно забытъ. Однако во времена Гутенберга, Европа не имѣла никакихъ сношеній съ Китаемъ, слѣдовательно Гутенбергъ только собственнымъ почином дошелъ до своего великаго изобрѣтенія. Указываютъ также, что въ Европѣ въ XIII в. вырѣзывали буквы на тонкихъ металлическихъ и деревянныхъ доскахъ, и книги печатались съ одной стороны листа. Но такъ какъ исторія книгопечатанья собственно начинается съ того времени, когда стали дѣлать подвижныя металлическія буквы, вырѣзанныя въ обратномъ видѣ и съ помощью пресса оттискивать на бумагѣ, а этотъ усовершенствованный способъ былъ безспорно придуманъ Гутенбергомъ, то и вся слава изобрѣтенія книгопечатанья принадлежитъ ему.

Нѣкоторые европейскіе народы оспаривали у нѣмцевъ честь изобрѣтенія книгопечатанья. Голландцы приписывали это своему соотечественнику Костеру, Итальянцы—Памфилію Костальда, но д-ру ванъ-деръ Линде удалось на основаніи собранныхъ имъ данныхъ опровергнуть всѣ эти притязанія [1]). По другимъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ въ архивахъ и библіотекахъ, вопросъ объ изобрѣтеніи книгопечатанья рѣшается также въ пользу Гутенберга.

О жизни Гутенберга сохранились самыя скудныя свѣдѣнія. До насъ дошли лишь краткіе отрывки его біографіи. По этимъ свѣдѣніямъ Юаннъ Генсфлейшъ (Гутенбергъ) родился въ Майнцѣ, въ концѣ XIV или въ началѣ XV в. Годъ и день его рожденія въ точности неизвѣстны. Онъ былъ младшимъ сыномъ патриція Фрило Генсфлейшъ и Елизаветы Гутенбергъ, послѣдней въ родѣ Гутенберговъ. Чтобы имя это не угасло, она передала его своему младшему сыну. Въ 1420 г. вслѣдствіе столкновенія патриціевъ съ бюргерами семья Гутенберга эмигрировала изъ Майнца въ Страсбургъ. Городъ Майнцъ управлялся самими жителями, либо патриціями, либо бюргерами т. е. купцами и ремесленниками. Между ними часто происходили раздоры, которые кончались иногда полнѣйшимъ разгромомъ обѣихъ сторонъ. Въ началѣ XV в. злоупотребленія патриціевъ вызвали негодованіе бюргеровъ, и они вытѣснили патриціевъ и захватили власть въ свои руки. Вслѣдствіе этого погрома семья Гутенберга лишилась почти всего своего состоянія. Въ Страсбургѣ Гутенбергъ провелъ большую часть своей жизни. Находясь въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, онъ вынужденъ былъ для обезпеченья своего существованія заниматься шлифовкой оникса и агата, что для него было крайне тяжело въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ патриціи того времени относились съ презрѣніемъ къ ремесленнымъ занятіямъ. Въ 1438 г. Гутенбергъ вступаетъ съ ученикомъ своимъ Дриценомъ въ товарищество по изготовленію зеркалъ, которыя тогда продавались по очень высокой цѣнѣ. Но это предпріятіе, улучшившее нѣсколько матеріальное положеніе Гутенберга, кончилось неудачей. Дриценъ умеръ, а наслѣдники его возбудили противъ Гутенберга процессъ. Гутенбергъ, расходуя все что пріобрѣталъ на это предпріятіе, снова остался безъ всякихъ средствъ. Акты этого процесса свидѣтельствуютъ что кромѣ изготовленія зеркалъ товарище-

---

[1]) v. d. Linde Gutenberg 1878.

ство уже дѣлало опыты книгопечатанья. Страсбургъ имѣетъ такимъ образомъ нѣкоторое основаніе оспаривать у Майнца право считать себя колыбелью книгопечатанья. Гутенбергъ, прожившій столько лѣтъ въ Страсбургѣ, по всей вѣроятности дѣлалъ тамъ и первые опыты печатанья, которые впослѣдствіи практически примѣнилъ въ Майнцѣ. Это нѣкоторымъ образомъ доказано не только актами процесса наслѣдниковъ Дрицена, но и другими документами. По документамъ собраннымъ аббатомъ Рекенъ [1]) изъ дѣлъ авиньонскихъ нотаріусовъ, изданныхъ имъ въ 1890 г., можно заключить, что Гутенбергъ уже *печаталъ* въ Страсбургѣ. Въ одномъ изъ нихъ сказано, что какой-то золотыхъ дѣлъ мастеръ Прокопій Вильдфогель открылъ одному еврею способъ искуственнаго письма, подъ условіемъ хранить это въ величайшей тайнѣ. По другимъ документамъ видно, что этотъ самый Вильдфогель за деньги и разные подарки совершалъ разныя сдѣлки и съ другими людьми, посвящая ихъ въ тайну искуственнаго письма, изобрѣтеннаго Гутенбергомъ, а тайна эта заключалась въ изготовленіи металлическихъ буквъ, вырѣзанныхъ въ обратномъ видѣ. Въ 1444 г. этотъ же Вильдфогель вступилъ въ соглашеніе съ нѣкіимъ де-ла Жарденъ и ознакомилъ его съ новымъ изобрѣтеніемъ, подъ условіемъ безъ его согласія никого не посвящать въ эту тайну. О сношеніяхъ Вильдфогеля съ Гутенбергомъ ничего неизвѣстно, но авиньонскіе документы нигдѣ не выставляютъ Вильдфогеля изобрѣтателемъ, тогда какъ въ страсбургскихъ документахъ изобрѣтателемъ признается Гутенбергъ. Всѣ эти данныя, почерпнутыя аббатомъ Рекеномъ лишь подтверждаютъ что Гутенбергъ уже дѣлалъ опытъ печатанья въ Страсбургѣ. Президентъ «Общества библіофиловъ» Жерменъ Бакстъ также утверждаетъ, что Гутенбергъ въ Страсбургѣ въ 1439 г. уже дѣлалъ опыты печатанья. Еще одно старое преданіе тоже свидѣтельствуетъ, что первые опыты книгопечатанья были сдѣланы Гутенбергомъ въ Страсбургѣ. Вотъ что говоритъ житель Страсбурга и современникъ Гутенберга. «Въ 1440 г. была ниспослана человѣчеству божественная благодать черезъ Гутенберга, изобрѣтателя новаго способа письма. Онъ первый изобрѣлъ въ Страсбургѣ искусство книгопечатанья [2])».

Смерть Дрицена и постоянная нужда въ деньгахъ совершенно обезкуражили Гутенберга. Не имѣя никакого кредита въ Страсбургѣ, онъ рѣшился уѣхать оттуда и снова поселиться

[1]) Ab. Requin. «L'imprimerie à Avignon en 1444».
[2]) P. Dupont. Histoire de l'imprimerie Paris 1889.

въ своемъ родномъ городѣ Майнцѣ, гдѣ онъ надѣялся найти необходимыя для своего предпріятія средства. Прибывъ въ Майнцъ въ 1445 г., онъ все таки долго не могъ приступить къ дѣлу, такъ какъ и тутъ также никто не приходилъ ему на помощь. Только въ 1448 г. онъ съ самыми ничтожными средствами начинаетъ свое дѣло. Въ 1450 г. ему наконецъ удается заключить договоръ и войти въ компанію съ Іоанномъ Фустомъ, который обязался ссудить его 800 гульденами изъ 6% годовыхъ и кромѣ того выдать ему еще 300 гульденовъ. Къ товариществу Гутенберга и Фуста присоединился въ качествѣ сотрудника Петръ Шефферъ, зять Фуста. Съ этими скудными средствами Гутенбергъ сталъ совершенствовать свое изобрѣтеніе. Шефферъ своимъ дѣятельнымъ участіемъ много способствовалъ развитію и усовершенствованію типографскаго дѣла. Въ 1450 г. была напечатана латинская грамматика Доната и нѣсколько индульгенцій папы Николая V. Но средства, данныя Фустомъ не были достаточны, чтобы вести дѣло въ болѣе широкихъ размѣрахъ и достигнуть желанныхъ результатовъ, и Гутенбергъ былъ вынужденъ снова занять у Фуста 800 гульденовъ подъ обезпеченье всего матеріала и кромѣ того съ условіемъ, чтобы все, вырученное изъ этого дѣла, дѣлилось пополамъ, а въ случаѣ если между ними произойдетъ какое-либо несогласіе, то Гутенбергъ обязанъ возвратить всѣ должныя ему деньги. Получивъ эти деньги, Гутенбергъ приступилъ къ своему капитальному труду т. е. къ печатанью библіи, каждая страница которой содержала въ себѣ 42 строки. Это печатанье продолжалось пять лѣтъ. Въ 1453 г. была напечатана библія, извѣстная подъ названіемъ библіи Мазарини.

Среди своего неутомимаго труда, Гутенбергу пришлось снова пережить цѣлый рядъ непріятностей. Фустъ ожидалъ большихъ барышей отъ предпріятія и сѣтовалъ на Гутенберга, что ожиданія его немедленно не оправдались. Между тѣмъ срокъ уплаты долга Фусту истекалъ. Не имѣя возможности уплатить долга, Гутенбергъ просилъ его отложить этотъ платежъ до болѣе благопріятнаго для предпріятія времени, т. е. когда онъ начнетъ получать съ него доходы при и этомъ напомнилъ ему его словесное обѣщаніе не требовать этой уплаты. Но Фустъ, боясь за свой капиталъ, не соглашался не требовать возврата долга и въ 1445 году предъявилъ къ нему искъ. Судъ не могъ принять во вниманіе словеснаго соглашенія и рѣшилъ дѣло въ пользу Фуста. Такимъ образомъ типографія Гутенберга перешла къ Фусту. Подлинникъ этого судебнаго приговора

былъ недавно открытъ Карломъ Дзяцко въ библіотекѣ Геттингенскаго университета [1]). Этотъ актъ тоже свидѣтельствуетъ, что усовершенствованный способъ печатанья всецѣло принадлежитъ Гутенбергу.—Устранивъ Гутенберга, Фустъ вмѣстѣ съ Шеферомъ продолжали однако его дѣло. Первое время, конечно, никто изъ нихъ не посмѣлъ приписать себѣ славу изобрѣтенія того, кому они были обязаны своимъ благосостояніемъ, но впослѣдствіи Шефферъ изъ личныхъ честолюбивыхъ видовъ сталъ приписывать себѣ и своему тестю Фусту изобрѣтеніе Гутенберга. Сынъ его Іоаннъ Шефферъ въ надписи сдѣланной имъ на одной книгѣ (переводъ Тита Ливія на нѣмецкій языкъ), напечатанной въ Майнцѣ и посвященной императору Максимиліану I въ 1505 г., заявляетъ, тѣмъ не менѣе, что искусство книгопечатанья изобрѣтено Гутенбергомъ въ 1450 г., присовокупляя, что это изобрѣтеніе было усовершенствовано трудами Фуста и Шеффера.

Гутенбергъ, совершенно раззоренный рѣшеніемъ суда и доведенный почти что до нищеты все-таки не упалъ духомъ и стойко продолжалъ бороться съ невзгодами судьбы. Съ остаткомъ матеріала, который ему удалось сохранить послѣ разрыва съ Фустомъ, онъ основываетъ новую типографію въ Эльтвиллѣ, близъ Майнца, и вступаетъ въ компанію съ юристомъ Конрадомъ Гумери. Тамъ онъ напечаталъ знаменитый Catholicon составленный Бальби изъ Генуи (латинская грамматика съ словаремъ). Но вотъ наступаетъ одинъ изъ трагическихъ фазисовъ его жизни. Это трагизмъ всякой великой идеи на землѣ. Гутенбергъ, оказавшій міру такую безсмертную услугу, Гутенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанья находится въ положеніи лишающемъ его возможности выставлять даже свое имя на печатаемыхъ имъ книгахъ. Преслѣдуемый постоянно кредиторами, онъ не могъ явно называться владѣльцемъ своей типографіи, слѣдовательно не могъ и выставлять своего имени.

Новый усовершенствованный способъ печатанья, несмотря на всѣ старанія Гутенберга, а равно Фуста и Шеффера сохранить его въ глубочайшей тайнѣ и не взирая на всѣ принятыя ими къ тому мѣры предосторожности, все-таки долго тайной оставаться не могъ и въ 1460 возникаетъ типографія въ Страсбургѣ, основанная Ментелемъ, а въ 1461 г. въ Бомбергѣ, основанная Прастеромъ.

Въ 1462 г. въ Майнцѣ произошла катастрофа. Вспыхнула

---

[1]) K. Dziatzko Sammlung bibliothekwis. Arbeiten. 1889.

гражданская война, и курфюрстъ Адольфъ Нассаускій, поддерживаемый папой Піемъ II, взялъ штурмомъ Майнцъ и отнялъ у жителей ихъ права и вольности. Во время штурма большая часть города была разрушена и типографія Фуста и Шеффера уничтожена. Во время этихъ безпорядковъ Шефферъ погибъ. Работники при типографіи, называемые „дѣтьми Гутенберга", разбрелись во всѣ стороны и захвативъ съ собою шрифтъ, распространили всюду новое искусство. Такимъ образомъ къ концу XV в. въ Германіи уже насчитывали болѣе 50 типографій. Типографія Гутенберга въ Эльтвиллѣ осталась невредима, но самъ Гутенбергъ во время безпорядковъ въ Майнцѣ удалился въ Страсбургъ, и лишь по заключенію мира въ 1465 г. снова вернулся въ Майнцъ. Курфюрстъ Адольфъ Нассаускій принялъ его благосклонно, покровительствовалъ ему и заботился объ улучшеніи его матеріальнаго положенія. Въ томъ же году курфюрстъ принялъ его на вѣчную службу «какъ своего любезнаго и вѣрнаго друга» и выдалъ ему патентъ на званіе камергера. Въ этой должности Гутенбергъ ежегодно получалъ придворную одежду, 20 четвертей муки и двѣ бочки вина для домашняго обихода уже болѣе не нуждался и спокойно, продолжалъ печатное дѣло въ Этвиллѣ. Но не долго пришлось ему пользоваться этимъ благополучіемъ. Онъ умеръ въ 1468 году. Его похоронили въ Майнцѣ въ соборной церкви Доминиканскаго монастыря. Тамъ находилась фамильная усыпальница Генсфлейшевъ, на стѣнѣ которой изображенъ ихъ гербъ. Гробница Гутенберга находилась подъ соборной каѳедрой. На гробницѣ былъ тоже его гербъ. Монастырь этотъ во время бомбардировки французами Майнца въ Іюлѣ 1793 г. былъ разрушенъ. Нѣсколько лѣтъ спустя на этомъ мѣстѣ было выстроено зданіе фруктоваго рынка, которое сгорѣло въ 1875 г. Такимъ образомъ трудно найти то мѣсто, гдѣ покоятся смертныя останки безсмертнаго изобрѣтателя.

Книгопечатанье распространилось по всей Европѣ съ замѣчательной быстротой. Ему покровительствовали папы, епископы, короли и вельможи. Изъ монастырей и архивовъ стали вынимать старыя греческія классическія произведенія древнихъ грековъ и римлянъ, покупались на расхватъ и латинскія рукописи и печатали ихъ. Первое государство, въ которомъ послѣ Германіи появилось книгопечатанье, была Италія, стоявшая по своему просвѣщенію впереди другихъ государствъ. Первыя типографіи возникли тамъ въ 1464 г. Въ Венеціи печатное дѣло достигло высокой степени развитія. Во Франціи книго-

печатанье появилось въ 1470 г., въ Нидерландахъ—въ 1473 г. въ Испаніи—1474 г., въ Чехіи—1475 г., въ Англіи—1477 г. въ Даніи—1482 г., въ Швеціи—1483 г., въ Португаліи—1484 г., въ Вѣнѣ—въ 1492 г., въ Москвѣ—1564 г. Въ Америкѣ основана типографія въ 1638 г., и въ то же время книгопечатанье появилось въ Остъ-Индіи и Японіи.

Первопечатныя книги назывались *инкунабулами* и сохранились въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Первопечатники подражали рукописямъ, такъ какъ рукописи цѣнились гораздо дороже. Публика требовала ихъ по привычкѣ и также потому, что подозрѣвала въ печати вмѣшательство дьявола. Сперва шрифтъ былъ вездѣ письменный, готическій, только въ Италіи стали впослѣдствіи примѣнять круглый шрифтъ, такъ называемый римскій, который и вытѣснилъ готическій. Сначала надъ типографіями была учреждена духовная цензура въ Майнцѣ и Кельнѣ, а потомъ, по распоряженію папы, была учреждена вездѣ. Книгопечатанье подвергалось тоже и гоненіямъ. Во Франціи въ 1534 г. Францискъ I издалъ приказъ закрыть всѣ типографіи, но сопротивленіе этому распоряженію было столь велико, что приказъ этотъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Въ Англіи книгопечатанье тоже преслѣдовалось. Во всѣхъ государствахъ, кромѣ Германіи, былъ установленъ надзоръ за типографіями. Первыя газеты появились въ Венеціи.

Въ 1491 г. въ Краковѣ была въ первый разъ напечатана книга Кириллицей, т. е. славянскими буквами. Эта книга Осьмигласникъ (Октоихъ). Въ 1494 г. появились славянскія книги и въ Черногоріи.

Основаніе книгопечатанья въ Москвѣ относится къ 1553 г. Печатнымъ книгамъ на Руси, какъ и во всѣхъ европейскихъ государствахъ, предшествовали письменныя. Переписчики уже существовали въ XI вѣкѣ и ранѣе. Списываньемъ книгъ занимались преимущественно въ монастыряхъ. Въ Европѣ въ средніе вѣка перепискою книгъ также занимались монахи; во всѣхъ монастыряхъ были отдѣленія для переписки, которыя назывались Scriptorium. Книги были рѣдки и цѣны на нихъ были очень высокія. Царь Іоаннъ Грозный обратилъ вниманіе на неисправность богослужебныхъ письменныхъ книгъ и потому, видя крайнюю нужду въ книгахъ и зная уже о существованіи книгопечатанья, рѣшилъ ввести печатанье на Руси. Въ 1547 г. царь поручилъ нѣмцу Шлитту привести изъ нѣмецкой земли разныхъ мастеровъ, въ томъ числѣ и типографщиковъ. Но

типографщики не поѣхали. Іоаннъ обратился къ датскому королю, который прислалъ мастера. Но такъ какъ этотъ мастеръ, пріѣхавъ въ Москву, сталъ распространять лютеранскую вѣру, то ему велѣно было ѣхать обратно. Но оказалось, что на Руси были свои печатники, дьяконъ Иванъ Федоровъ и нѣкто Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ. Полагаютъ, что они научились этому мастерству у итальянцевъ. Послѣ женитьбы Іоанна III на Софіи Палеологъ въ Москву стали пріѣзжать изъ Италіи разные художники и ремесленники и очень возможно, что между ними были типографщики, которые ознакомили русскихъ людей съ этимъ искусствомъ. Въ 1553 г. на Никольской улицѣ начали строить печатный дворъ. Строился онъ десять лѣтъ, такъ что только въ 1563 году можно было приступить къ набору первой книги. Эта первопечатная книга была Апостолъ. Она вышла изъ печати въ 1564 г. Затѣмъ въ 1565—1568 г. были напечатаны Часовникъ и Евангеліе. Іоаннъ Грозный много давалъ изъ своей казны на печатное дѣло. Но народъ относился къ этому дѣлу недовѣрчиво. Къ тому же переписчики, видя, что книгопечатанье отобьетъ ихъ заработки, подстрекали темный людъ, распространяя въ толпѣ, что печатники еретики и волшебники. Разъяренная чернь подожгла печатный дворъ и разграбила его. Опасаясь озлобленной толпы, печатники должны были бѣжать изъ Москвы. Иванъ Федоровъ съ своимъ товарищемъ удалился въ Литву. Черезъ три года послѣ разгрома печатнаго двора книгопечатанье снова возстановилось въ Москвѣ. Царь учредилъ типографію при своемъ дворѣ. Въ 1620 г. при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ типографское дѣло окончательно устроилось. До половины XVII вѣка книги печатались въ одной только Москвѣ и печатались исключительно книги богослужебныя и священнаго писанія. Въ 1711 г. была основана первая типографія въ Петербургѣ.

Въ XIX вѣкѣ книгопечатанье въ Россіи значительно распространяется и въ настоящее время почти во всякомъ городѣ есть типографія.

Распространенію книгопечатанья вообще много способствовали новыя изобрѣтенія въ этой области и улучшенія техники типографскаго дѣла. Оно сильно двинулось впередъ и благодаря развитію литературы.

Книгопечатанье по своему культурному значенію и историческимъ послѣдствіямъ есть величайшее изъ всѣхъ изобрѣтеній. Оно открыло человѣчеству новый міръ и возродило его

къ новой жизни. Быть можетъ, изобрѣтеніе книгопечатанья было дѣломъ времени, результатомъ жизни многихъ поколѣній и подобно всѣмъ великимъ идеямъ вырабатывалось путемъ исторической послѣдовательности, но все это нисколько не можетъ умалить личныхъ достоинствъ безсмертнаго изобрѣтателя, который своимъ геніемъ, своею стойкостью и неутомимымъ трудомъ достигъ осуществленія того, что только было смутнымъ представленіемъ для другихъ.

Новѣйшія изслѣдованія и находки, сдѣланныя въ архивахъ и библіотекахъ д-ромъ фанъ-деръ-Линде и другими, свидѣтельствуютъ, что вся слава изобрѣтенія несомнѣнно принадлежитъ Гутенбергу. Въ числѣ такихъ документовъ находится одинъ весьма вѣскій. Это письмо ректора Парижскаго университета Фише къ Гагену, писанное въ 1472 году, въ которомъ онъ говоритъ»: передаютъ, что недалеко отъ Майнца былъ нѣкто Іоаннъ Bonemunturus, (Гутенбергъ) который первый выдумалъ книгопечатанье».

Хотя Страсбургъ имѣлъ нѣкоторое право оспаривать у Майнца честь считаться колыбелью книгопечатанья, но такъ какъ въ Майнцѣ была основана Гутенбергомъ первая типографія, то эта честь осталась за Майнцемъ. И Майнцъ, чествуя нынѣ съ большою торжественностью 500-лѣтіе рожденія Іоанна Гутенберга, воздастъ должное памяти этого перваго піонера цивилизаціи, имѣющаго полное право на вѣчную признательность за безсмертныя услуги, оказанныя имъ всему человѣчеству.

Гутенбергу поставлены памятники въ Майнцѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и Страсбургѣ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ послѣдній, съ знаменитой надписью на развернутомъ бронзовомъ свиткѣ: «et la lumière fut».

Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанья дѣйствительно наступило для человѣчества если не время «свѣта», такъ заря новаго дня... Будемъ-же вѣрить въ будущее!

А. Смирнова.

Первая русская актриса.

(Посвящается Д. М. Мусиной).

Актеръ, что умеръ, то исчезъ,
Кн. А. А. Шаховской.

Поэзія, музыка, живопись и скульптура едва-ли сильно страдали бы отъ того, если бы занятію ими себя посвящали только одни мужчины, такъ какъ онѣ не требуютъ отъ своихъ жрецовъ такихъ свойствъ, которыя были бы удѣломъ только однихъ женщинъ. Наоборотъ, сценическому искусству всѣхъ народовъ пришлось долго терпѣть отъ того, что женщины сравнительно очень поздно выступили на сцену. Античный театръ въ лучшіе годы своей жизни совсѣмъ не зналъ актрисъ, да и впослѣдствіи далеко не всѣ виды драмы исполнялись совмѣстно обоими полами. Новѣйшій историкъ театра Körting видитъ въ этомъ особое счастье античнаго театра: онъ былъ будто бы свободенъ отъ тѣхъ бѣдствій, которыя причиняютъ сценѣ женское кокетство и мелочность интересовъ. Но если взглянуть на дѣло серьезнѣе, то надо признаться, что античный театръ несомнѣнно выигралъ бы, если бы роль хотя бы Ифигеніи или Алькестиды исполняла женщина. Сценическое искусство, весь успѣхъ котораго зависитъ отъ степени умѣнья актера воплощаться въ тотъ или другой образъ по волѣ драматурга, не можетъ безнаказанно оставаться въ рукахъ только однихъ мужчинъ, изъ которыхъ и самый талантливый едва ли сумѣетъ путемъ подражанія воспроизвести то, что составляетъ сущность женской души, такъ, чтобы зрители забыли его полъ. Театръ новой Европы также долго ждалъ прихода на сцену женщинъ. Впервые онѣ появляются въ Испаніи, гдѣ въ эдиктѣ Карла V отъ 1534 уже упоминаются актрисы. Филиппъ II снова запретилъ имъ появляться на сцену, и женскія роли снова перешли въ руки мальчиковъ, но въ 1580 это распоряженіе было отмѣнено и наконецъ уже навсегда.

Въ 1629 г. въ Лондонѣ французская труппа показала женщинъ на сценѣ, но публика отнеслась къ ихъ появленію крайне недружелюбно: стала кидать на сцену яблоки, яйца и этимъ заставила актрисъ удалиться. Но, когда черезъ 6 лѣтъ французская и испанская труппы снова привезли актрисъ, лондонская публика отнеслась къ нимъ настолько сочувственно, что въ 1656 г. и природ-

ная англичанка рискнула выйти на сцену: это была miss Soleman. Во Франціи впервые женщины на сценѣ упоминаются въ 1547 г. онѣ участвовали въ исполненіи мистеріи въ г. Мецѣ. Ихъ появленіе на сценѣ стало обычнымъ во 2-й половинѣ 16 столѣтія, когда подъ вліяніемъ итальянской комедіи произошла реформа драмы. Но все-таки еще въ 1681 г. композитору Люлли стоило очень большихъ хлопотъ добиться разрѣшенія для женщинъ выступать на сценѣ королевской оперы. Въ Германіи появленіе женщинъ на сценѣ относится къ тому же времени, при чемъ раньше всего актрисы появились въ оперѣ. Однако своимъ свободнымъ поведеніемъ и чрезмѣрной откровенностью костюмовъ онѣ сильно повредили репутаціи сценическихъ дѣятелей и дали въ руки враговъ театра сильное оружіе.

Нѣмецкіе актеры, служившіе русскому театру во дни его юности, привозили и актрисъ. Такъ въ „историческомъ извѣстіи о театрѣ» А. Ѳ. Малиновскаго (Сѣв. Архивъ 1822 г.) разсказывается, будто между актерами, выписанными изъ Германіи, славилась извѣстная копенгагенская актриса Анна Паульсонъ. Когда въ началѣ XVIII вѣка играла труппа Фирштa, то женскія роли исполняла дѣвица фонъ-Валихъ и жена генеральнаго доктора Гермина Паггенкампфъ, которая въ русскихъ документахъ называлась просто Паганкова. Прослужили онѣ по полгоду, и послѣдней заплатили 200 р., а первой 95 р. (Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. П. О. Морозовъ. Русскій театръ при Петрѣ. Ежегодникъ император. театровъ 189³/₄ годъ, стр. 59).

Русскія женщины еще раньше выступали на сцену. Сохранилось преданіе, что въ покояхъ царевны Софіи Алексѣевны давались представленія въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, царевичей и всего двора. Актерами выступали знатные молодые люди и комнатныя дѣвицы царевны, между которыми особенно отличалась Татьяна Ивановна Арсеньева [1]). Но эти представленія носили исключительно частный характеръ, и должно было пройти еще много времени прежде, чѣмъ появилась первая русская актриса.

Когда въ 1752 г. 14 ярославцевъ съ Волковымъ во главѣ явились въ Петербургѣ, женскія роли исполнялись актерами.

Извѣстно, что въ первый спектакль шла трагедія Сумарокова „Хоревъ“. Въ ней роль Оснельды долженъ былъ играть товарищъ Волкова И. А. Дьяконовъ по сценѣ Нарыковъ. Сама Императрица, убирая его голову брилліантами, поразилась его сходствомъ съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ, приказала ему вторично перемѣнить фамилію и именоваться уже Дмитревскимъ. Въ началѣ Дмитревскій по словамъ Ѳ. Кони [2]), исполнялъ вообще только женскія роли, потому что былъ моложе всѣхъ и миловиднѣе своихъ товарищей.

Это сообщеніе подтверждается и афишами того времени, сохраненными въ „Хроникѣ русскаго театра“ Носова, (издано въ

[1]) Прабабка кн. А. А. Шаховскаго. Лѣтопись русскаго театра. Репертуаръ 1840 г., № 6, I.

[2]) Ѳ. Кони. Русская сцена 1864 г. № 6, стр. 61.

чтеніяхъ въ Импер. Об. Исторіи и Древ. Россійск. за 1882 г., № 2, 3 и отдѣльно).

Эта хроника хотя и не заслуживаетъ безусловнаго довѣрія, но по признанію даже такого строгаго критика, какимъ по отношенію къ ней явился проф. П. О. Морозовъ (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1884 г. № 8) въ тѣхъ частяхъ, которыя относится ко второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, является надежнымъ документомъ, потому что здѣсь авторъ пользовался „Исторіей Россійскаго театра", составленной актеромъ И. А. Дмитревскимъ по порученію Императорской Академіи Наукъ. Остатки этой „Исторіи" были подъ руками еще у Ѳ. А. Кони (Русская сцена 1865 г. № 2). Такъ въ этой хроникѣ Носова приводятся афиши спектаклей, устроенныхъ Волковымъ еще въ Ярославлѣ и въ этихъ спектакляхъ женскія роли исполнялись мужчинами. При этомъ Нарысковъ въ комедіи въ 2 дѣйствіяхъ „Судъ Шемякинъ", взятой изъ русскаго быта Ѳеодоромъ Волковымъ, исполнялъ роль Даши, дочери земскаго суда судьи Шемяки; въ трагедіи Метастазіо „Милосердіе Титово" роль Виттеліи, въ другой комедіи Ѳ. Волкова „Всякій Еремѣй про себя разумѣй" роль Матреши, дочери Андрея Ѳедоровича Цаплина, которую игралъ Яковъ Шумской. Упоминаніе актрисъ встрѣчается впервые въ афишѣ отъ 1 января 1757 года, когда на С.-Петербургскомъ придворномъ театрѣ Россійскими придворными актерами была представлена въ I разъ: „Гордость и бѣдность", комедія въ 5 дѣйствіяхъ въ прозѣ, Гольдберга. Здѣсь всѣ женскія роли отданы уже актрисамъ М. Волковой, Пушкиной, Голубевой и Михайловой. Это извѣстіе хроники Носова опять вполнѣ потверждается тѣмъ, что сообщаютъ первые историки русскаго театра. Такъ, Штелинъ, авторъ „краткаго извѣстія о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1763 г.) (С.-Петербургскій Вѣстникъ, августъ 1779 г.) въ числѣ первыхъ придворнаго россійскаго театра актрисъ и актеровъ называетъ: дѣвицу Пушкину и Марію и Ольгу, двухъ сестеръ, вышедшихъ замужъ за Волкова и за Шумскаго. Вѣроятно, за Волкова вышла Марія, которая въ афишѣ названа М. Волкова. Появленіе ихъ въ труппѣ Штелинъ относитъ ко времени еще до 1757 г., когда имъ было дозволено играть на придворномъ театрѣ за деньги.

Н. Гречъ въ своемъ „историческомъ взглядѣ на россійскій театръ" (Русская Талія 1825 г. ст. ч. I) сообщаетъ, что въ 1754 г. „были приняты на театръ и женщины: двѣ сестры офицерскія дочери Марія и Ольга Ананьины, Пушкина и знаменитая въ то время Авдотья". Изъ этого извѣстія Греча мы узнаемъ имена сестеръ Ольги и Маріи и ихъ общественное положеніе. Это извѣстіе Греча дословно выписано Ѳ. А. Кони въ его біографіи Дмитревскаго (Пантеона 1840 г. часть 1 и 3, стр. 91) съ той только разницей, чво Кони относитъ это событіе ко времени обнародованія Указа объ учрежденіи публичнаго театра въ Петербургѣ, изданнаго 3-го августа 1756 г. Изъ этихъ четырехъ актрисъ самый крупный слѣдъ по себѣ оставила Пушкина; сестры Ананьины не съумѣли занять выдающагося положенія въ труппѣ

и должны были уступить Пушкиной. Правда, изъ артистокъ Волковой труппы наибольшею извѣстностью пользовалась Татьяна Михайловна Троепольская, которой и посвящено нѣсколько очерковъ (А. Н. Сиротининъ въ Рус. Архивѣ 1887 г. № 11 и А. А. Ярцевъ въ его біографіи Ѳ. Г. Волкова, изд. 1891 г. стр. 74). Но Троепольская поступила на сцену позже Пушкиной, которой поэтому и принадлежитъ первенство, да кромѣ того и большая извѣстность Троепольской зависитъ не отъ чего иного, какъ отъ ея амплуа; она была героиня въ трагедіи, тогда какъ Пушкина исполняла роли субретокъ, а понятно, что всегда артистка такого амплуа должна уступать мѣсто исполнительницѣ героическихъ ролей. Все это вмѣстѣ взятое даетъ полное право считать первой русской артисткой не кого иного, какъ дѣвицу Пушкину.

Ни о дѣтствѣ ея, ни о происхожденіи намъ ничего неизвѣстно, какъ не знаемъ мы этихъ подробностей и относительно Троепольской.

Носовъ въ своей хроникѣ называетъ ее сначала Пушкиной, а въ дальнѣйшихъ афишахъ уже Мусиной-Пушкиной и хотѣлось бы думать, что первая русская актриса, сотрудница великихъ ярославцевъ, была сама родомъ изъ того же города. Совершенно естественно поэтому, что одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Волкова (г. В. Липскій. Театръ и Искусство 1900 г. № 19) задается вопросомъ, не была ли она родственницей того Мусина-Пушкина, который былъ воеводой въ Ярославлѣ[1]) и вмѣстѣ съ помѣщикомъ Майковымъ такъ покровительствовалъ ярославцамъ. (А. А. Ярцевъ. Основаніе русскаго театра. М. 1900 г. стр. 59). Извѣстно, также, что звали Мусину-Пушкину Аграфеной Михайловной; такъ значится она въ афишѣ Носова и такъ называютъ ее всѣ историки.

Въ Петербургѣ Мусина-Пушкина сразу завоевала любовь зрителей и особое расположеніе императрицы Екатерины. Такъ, П. Араповъ въ своей лѣтописи русскаго театра (стр. 85) разсказываетъ слѣдующій случай. Во время спектакля въ придворномъ театрѣ, когда давали комедію „Привидѣніе съ барабаномъ", юная актриса упала и повредила себѣ ногу; императрица приняла въ ней участіе, послала къ ней своихъ докторовъ и все время справлялась о ея здоровьѣ. Когда Мусина оправилась и снова появилась на сценѣ, императрица очень обрадовалась и наградила ее аплодисментами. (См. Хроника Носова стр. 157).

Въ воскресенье 29 сентября 1758 г. Аграфена Михайловна вышла замужъ за Дмитревскаго. Когда женихъ и невѣста подали прошеніе директору театровъ Александру Петровичу Сумарокову,

---

[1]) Въ 29 № журнала «Театръ и Искусство» на стр. 392 сообщается вкратцѣ содержаніе реферата, читаннаго 10 мая Л. Н. Трефолевымъ въ засѣданіи Ярославской архивной коммисіи. Оказывается, что теперь найденъ документъ, свидѣтельствующій, что ярославскаго воеводу звали Бобрищевымъ-Пушкинымъ. Въ случаѣ если это сообщеніе журнала вѣрно, то этимъ самымъ всякая возможность существованія родственной связи между воеводой и Д. М. Мусиной-Пушкиной уничтожается.

Прим. авт.

разрѣшить имъ вступить въ бракъ, Сумароковъ доложилъ прошеніе Государынѣ. Та не только приказала разрѣшить свадьбу, но велѣла выдать имъ на свадьбу годовой окладъ жалованія. Кромѣ того, императрица приказала выбрать день, въ который можно было бы дать спектакль въ пользу новобрачныхъ. (Носовъ, стр. 133). Этотъ спектакль состоялся на сценѣ стараго лѣтняго театра 7 октября того же года. Въ этотъ день шла „Эвмондъ и Береа“, шутливая мелодрамма въ 1 дѣйствіи соч. Метастазія, переводъ съ итальянскаго, актера Ѳ. Г. Волкова (музыка его же). При чемъ Эвмонда игралъ новобрачный, а Берѳу—новобрачная. Кромѣ того, въ тотъ же день во 2 разъ былъ данъ аллегорическій балетъ въ 3 дѣйствіяхъ „Апполонъ и Дафна“.—

„Это былъ первый бенефисъ на сценѣ русскаго театра“, говорилъ Н. П. Колюпановъ. (Очеркъ исторіи русск. театра до 1812 г. Рус. Мысль 1889 г. № 8, стр. 40). Съ этого времени Аграфена Михайловна въ афишахъ называется уже Дмитревской или же Мусиной-Дмитревской. Въ афишахъ слѣдующихъ годовъ имя Дмитревской встрѣчается очень часто;—она участвовала чуть ли не всякій разъ, когда давали какую нибудь пьесу Мольера. Въ Октябрѣ 1762 г. она играла въ Москвѣ въ театрѣ на Красномъ пруду. Затѣмъ мы видимъ ее снова въ Петербургѣ, а въ августѣ 1763 г. она выступаетъ опять въ Москвѣ на той же сценѣ. Въ декабрѣ того же года она возвращается въ Петербургъ и 15 числа играетъ въ театрѣ зимняго дворца роль служанки Минодоры въ комедіи „о времена, о вѣкъ и это человѣкъ“.

Что было съ Пушкиной съ 1763-1767 г. неизвѣстно въ виду отсутствія документовъ за эти годы. Въ 1767 и 1769 году она снова играетъ въ Петербургѣ, но уже значительно рѣже, а въ афишѣ отъ 18 сентября 1769 года встрѣчается въ послѣдній разъ ея имя; тогда ставили на петербургской сценѣ комедію въ I дѣйствіи актера Михаила Попова „отгадай, да не скажу“, а Дмитревская играла роль служанки Харитоны. Вѣроятно, къ тому времени она сошла совсѣмъ со сцены по неизвѣстнымъ причинамъ для насъ; можно думать, что это случилось оттого, что у нё было много дѣтей, требовавшихъ непрестанныхъ заботъ и вниманія. По крайней мѣрѣ Ѳ. А. Кони, сообщаетъ что послѣ Дмитревскаго осталось 6 сыновей и 4 дочери. Тотъ же біографъ пишетъ, что Аграфена Михайловна скончалась въ 1788 г. и приводитъ слѣдующую эпитафію на ея памятникѣ, сочиненную будто бы самимъ Дмитревскимъ:

> Дмитревская цвѣла душевной добротой,
> Россійской Таліи служила красотой,
> Къ стенанью горькаго супруга и дѣтей,
> Лишась мірскихъ суетъ, гдѣ гробъ почиваетъ
> И помни, смертный, смерть оттолѣ возглашаетъ.

(Ѳ. Кони, Пантеонъ. 1840. стр. 98. Нѣтъ ли пропуска между 2 и 3 стихами этой эпитафіи)?

Этими далеко недостаточными свѣдѣніями и исчерпывается все то, что мы знаемъ о жизни первой русской актрисы. Лишній

разъ подтверждается справедливость изреченія кн. А. А. Шаховскаго, которое поставлено эпиграфомъ настоящей замѣтки.

Но въ нашемъ распоряженіи есть цѣнныя данныя о Мусиной-Пушкиной какъ объ артисткѣ: мы знаемъ роли, которыя она играла, знаемъ ея амплуа.

Уже выше было сказано, что чаще всего она выступала въ комедіяхъ Мольера. Такъ, въ его пьесахъ она играла роли Вераны („Скариновы Обманы") Арсиной (Мизантропъ), Клоды, служанка Гарпагона (Скупой), служанки Лизеты (Школа мужей), Изидоры (Сициліянецъ или любовь женописца), Клодины (Жоржъ Дандинъ или въ смущеніи поверженный мужъ), княжны Вѣтраны—такъ была переименована маркиза Доримена изъ „мѣщанина въ дворянствѣ"—Туанеты (Мнимый больной), Акулины т. е. Жаклины (лекарь по неволѣ), Дорины (Тартюфъ).

Такимъ образомъ, оказывается, что Аграфена Михайловна чаще всего выступала въ роли субретокъ; можно сказать, она была ихъ единственной исполнительницей, что доказываетъ удачное исполненіе ею ролей этого жанра. Въ остальныхъ пьесахъ, какъ въ переводныхъ, такъ и въ оригинальныхъ она играетъ по большей части также субретокъ. Съ этимъ согласно и показаніе штата актеровъ на 1767 г, найденаго Н. Гречемъ и опубликованнаго имъ въ выше названной статьѣ. Въ этомъ штатѣ читаемъ: Аграфена Михайловна Дмитревская, въ роли первыхъ субретокъ въ комедіяхъ и въ трагедіяхъ 600 р., больше ея получаетъ только одна Т. М. Троепольская 700 р., что зависитъ конечно, отъ разницы ихъ амплуа. Затѣмъ идутъ актрисы съ жалованіемъ въ 450, 350, 300, 250 и 200 рублей. Почти столько же получаютъ и актеры, только на долю одного Дмитревскаго приходится 800 р., у остальныхъ же жалованіе колеблется отъ 600 до 150 рублей. Такіе размѣры актерскаго жалованія удержались довольно долго. По опубликованнымъ, въ крайне интересномъ „Архивѣ дирекціи Императорскихъ театровъ", документамъ, мы знаемъ жалованіе всѣхъ трехъ труппъ, хотя бы 1799 г. И оказывается, что изъ русскихъ драматическихъ актрисъ жалованія получаютъ 1—700 р., одна—660, три 600, одна 500, одна 450, три — 400 р., три — 300 р., 1—250 и 1—200 р. Только одна Елизавета Федоровна Иванова, славная преемница Троепольской, получала 2.000 руб. Кромѣ того, всѣ онѣ имѣли казенную квартиру съ дровами; при выходѣ же изъ театральнаго училища обыкновенно получали 200 р. въ годъ, квартиру и шесть саженъ дровъ. Гораздо выше цѣнили и тогда уже французскихъ артистокъ; такъ въ этомъ же 1799 г. одна получила 7.000 р., 1—5.000. 3 по 2.500 р., 2—1.500 р., 1—1.200 р., 1—1.000 р. и 800 р. Кромѣ того, каждая изъ нихъ получала отъ 600 до 300 р. квартирныхъ. (Архивъ Дир., вып. I, отд. 2 стр. 529).

Сопоставленіе цифръ позволяетъ вѣрить „штату", сообщенному Гречемъ. 4 января 1828 года на сценѣ московскаго театра была поставлена трехъактная комедія кн. А. А. Шаховскаго: „Ѳ. Г. Волковъ или день рожденія русскаго театра". Въ этой пьесѣ, кстати сказать, очень недурно возобновленной 11 мая этого года на сценѣ петербургскаго Таврическаго сада изобра-

жены событія, сопутствовавшія первому спектаклю, устроенному Волковымъ въ Ярославлѣ. Среди дѣйствующихъ лицъ этой комедіи водевиля, по большей части историческихъ, является Груша, питомица и крестница Михнева подъячаго, стряпчаго и кума Волковой. Въ первомъ дѣйствіи, гдѣ изображены приготовленія къ спектаклю, появляется Груша и заявляетъ:

Такая страстная охота къ театру родилась во мнѣ,
Что мнѣ, какъ смерть моя работа,—за ней горю какъ на огнѣ.

Она же далѣе мечтаетъ о томъ, когда она будетъ на сценѣ:

Какъ буду славно я одѣта въ пастушьемъ розовомъ вѣнкѣ,
Въ корсетѣ розоваго цвѣта, съ корзиной розановъ въ рукѣ.

На это ей замѣчаетъ стоящій тутъ же Дмитревскій:

Ахъ, Груняшка вы роза сами,
Царица милая цвѣтовъ.

Изъ дальнѣйшаго оказывается, что Груня пришла тайкомъ отъ Михѣича, который ни за что не позволилъ бы участвовать въ спектаклѣ, и когда онъ приходилъ на сцену для того, чтобы всячески издѣваться надъ молодостью Волкова, Груша стремительно прячется за кустомъ, но Михѣичъ ее тамъ находитъ и гонитъ домой. Уже изъ этого акта, мы узнаемъ, что Груша и Дмитревскій любятъ другъ друга. Во второмъ актѣ Грушу опять приводитъ Григорій Волковъ, захватившій и ея платье „которое въ Майковой подгородной шила сѣнная дѣвушка". Наконецъ въ третьемъ дѣйствіи происходитъ представленіе пасторали Эвмонъ и Берѳа, съ Грушей—Берѳой и Эвмономъ—Дмитревскимъ. Между ними происходитъ любовная сцена, но входитъ пьяный Михенгъ, и мѣшаетъ спектаклю, и когда Берѳа говоритъ:

Ахъ, встань, Эвмонъ, ахъ, какъ я рада,
И такъ тобой любима я,
Вотъ за любовь твою награда
И сердце и рука моя,

а Эвмонъ восклицаетъ:

Ахъ, счастливы мы будемъ вѣчно:
Родные насъ соединятъ!

Михенгъ вдругъ ворчитъ:

Нѣтъ не соединятъ... Вздоръ... Пустое... Чтобы я согласился... Нѣтъ... Лучше умру... Я не согласенъ, не согласенъ, и не выдаю моей питомицы за этого нарумяненнаго сорванца. Но присутствующіе уламываютъ расходившагося подъячаго, онъ отпускаетъ Грушу на сцену, и свадьба Груши съ Дмитревскимъ рѣшена. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, изображая Грушу, князь Шаховской имѣлъ въ виду не кого иного, какъ именно Аграфену Михайловну Мусину-Пушкину.

Нужды нѣтъ, что въ пьесѣ она оказалась только питомицей стряпчаго Михенга. Кн. Шаховской какъ и естественно находилъ слишкомъ невѣроятнымъ, чтобы дѣвушка изъ хорошаго общества пошла первой на сцену. Да и вообще въ своей комедіи онъ не придерживался дѣйствительности: перемѣнилъ имя матери Вол-

кова, преждевремено Нарыкова назвалъ Дмитревскимъ (см. А. А. Ярцевъ. Основаніе русскаго театра. Стр. 10—11).

Но Груша въ его пьесѣ любила какъ разъ Дмитревскаго, играетъ вмѣстѣ съ нимъ ту самую пастораль, которая на самомъ дѣлѣ шла въ бенефисъ Дмитревскихъ. Не случайно князь выбралъ и ея имя. Этихъ данныхъ вполнѣ достаточно для того, чтобы въ Грушѣ можно было видѣть Мусину-Пушкину. Пускай Мусина-Пушкина и не была питомицей и крестницей Михѣича, навѣрно ей пришлось встрѣтиться на своемъ трудномъ пути на сцену многихъ Михѣечей, вынести много протеста, выслушать много насмѣшекъ и оскорбленій. Если и еще теперь поступленіе на сцену для дѣвушки обыкновенно сопровождается цѣлымъ рядомъ трудностей, то легко можно себѣ представить, какъ отнеслись родные и знакомые къ смѣлому рѣшенію той, которая взяла на себя тяжелый трудъ быть первой русской актрисой.

Труденъ былъ шагъ, который сдѣлала Мусина-Пушкина, но велика и ея заслуга. Она съумѣла не только сама, „всѣхъ зачаровать игрой", но и указала путь на сцену цѣлому ряду славныхъ русскихъ артистокъ. За ней, непрерываясь и до нашихъ дней, тянется славная цѣпь Троепольской, Воробьевой, Е. Ѳ. Ивановой, Лизаньки Сондуновой, Екатерины Семеновой, Колосовой, Синявской и др. имена которыхъ занимаютъ свѣтлую и почетную страницу въ исторіи русскаго общества, русскаго просвѣщенія.

Русское общество заслуженно гордится своими женщинами,— оно многимъ хорошимъ обязано ихъ трудамъ талантамъ и героизму; не забудемъ же, что русская актриса была первой русской женщиной, которая изъ подъ уединенныхъ сводовъ теремовъ вышла на свободу сцены чтобы «учить людей, изображая нравы».

Б. Варнеке.

Въ погонѣ за смысломъ жизни.

I.

Однпъ изъ молодыхъ нашихъ писателей назвалъ современную намъ русскую литературу—„литературой мертвецовъ“. Отзывъ этотъ, можетъ быть, слишкомъ строгій, примыкаетъ всецѣло къ тѣмъ жалобамъ на сѣренькое время, переживаемое литературой, которыя за послѣдніе годы сдѣлались довольно заурядным явленіемъ, и успѣли даже превратиться въ общее мѣсто. Многими, конечно, жалобы эти повторяются уже по инерціи, по традиціи, но очень многіе высказываютъ ихъ вполнѣ сознательно и не безъ основанія.

Дѣйствительно, если всмотрѣться въ причины этихъ жалобъ, то прежде всего придется сказать, что кроются онѣ не въ *количественномъ* оскудѣніи, а въ качественномъ. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно просмотрѣть наши ежемѣсячные журналы, каталоги книжныхъ магазиновъ и газеты для того, чтобы убѣдиться, что количество беллетристическихъ произведеній не только не уменьшается, но наоборотъ съ каждымъ годомъ все возрастаетъ и возрастаетъ въ удивительной прогрессіи. Но этотъ-же просмотръ покажетъ и причины вызывающія жалобы на оскудѣніе. Перелистывая журналъ за журналомъ, вы поневолѣ обратите вниманіе на такое, напримѣръ, явленіе, что большая часть всей массы литературныхъ произведеній принадлежитъ всего лишь двумъ—тремъ авторамъ. Не опасаясь впасть въ ошибку, можно сказать, что въ половинѣ журналовъ, вы встрѣтите романы или повѣсть Потапенко, Боборыкина, Немировича-Данченко и еще двухъ трехъ. При этомъ неизбѣжно бросится вамъ въ глаза и то обстоятельство, что одинъ и тотъ-же писатель, хотя-бы, напримѣръ Потапенко, печаталъ два три романа въ нѣсколькихъ журналахъ *одновременно*.

Нисколько, по этому, не удивительно, если при такой необычайной плодовитости наши беллетристы создаютъ нѣчто сѣренькое, крайне однообразное, написанное по одному, разъ уже принятому, шаблону. Какихъ либо новыхъ, самостоятельно продуманныхъ „идей“, конечно, здѣсь нечего ждать. Арсеналъ у всѣхъ у нихъ старый, взятый у другихъ. Никто изъ нихъ не скажетъ вамъ чего нибудь новаго, своего. Они или фотографируютъ, съ точностью этнографа, окружающую ихъ жизнь, или-же пропо–

дуютъ старыя истины, чуть-ли не прописную мораль. Возьмите хотя-бы одинъ изъ первыхъ романовъ Потапенко „На дѣйствительной службѣ“, который главнымъ образомъ и доставилъ романисту имя. Развѣ это не прописная мораль? Герой этого романа, священникъ, передъ которымъ открывалась блестящая карьера, уѣзжаетъ въ деревню и здѣсь, благодаря *совершенно исключительнымъ* условіямъ, старается быть безкорыстнымъ, отказывается отъ платы за требы и т. д. и т. д. Развѣ не этнографическій характеръ носятъ разсказы гг. Тана, Сѣрошевскаго, или Мамина-Сибиряка?

Но это еще въ лучшемъ случаѣ. А обыкновенно всѣ эти огромные романы представляютъ собой ничто иное, какъ простое, часто механическое, чередованіе „разговоровъ“ съ „описаніями“ и наоборотъ. Авторы этихъ „сочиненій“ въ беллетристическомъ родѣ, принимаясь за перо, обыкновенно не задаются вопросамъ о томъ, чѣмъ они закончатъ свои романы и нерѣдки случаи, что подчасъ, какъ это извѣстно за редакціонными кулисами, забываютъ имена своихъ героевъ, похоронивъ—воскрешаютъ ихъ и т. д. Присущій этимъ беллетристамъ, хотя и неособенно крупный, но все таки талантъ, дѣлаетъ эти произведенія удобочитаемыми. Проникнутые тонкимъ юморомъ разсказы г. Потапенки, особенно изъ духовнаго и студенческаго быта, имѣютъ довольно обширный кругъ читателей и дѣйствительно, иной разъ не лишены занимательности и интереса.

Но вѣдь дѣло не въ занимательности того или иного произведенія. Одна занимательность теперь читателя удовлетворять не можетъ. Какъ совершенно справедливо замѣтилъ графъ Л. Н. Толстой, въ настоящее время, „что-бы ни изображалъ художникъ, —во всемъ мы ищемъ душу художника“.... И чѣмъ ярче сказывается эта душа, чѣмъ индивидуальнѣе и субъективнѣе авторъ, тѣмъ болѣе мы его любимъ, даже если онъ не разсказываетъ намъ никакихъ занимательныхъ исторій.

Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Антонъ Чеховъ. Въ нѣсколькихъ томикахъ его сочиненій вы не найдете крупныхъ романовъ или обширныхъ повѣстей. Все это художественно отдѣланные миніатюры, разсказы о самыхъ обыденныхъ эпизодахъ изъ повседневной жизни самыхъ обыкновенныхъ людей. И между тѣмъ, съ какимъ живымъ интересомъ набрасываетесь вы на всѣ, даже небольшіе разсказики, подписанные именемъ этого писателя. Вы съ увлеченіемъ читаете ихъ, потому что за каждымъ его словомъ слышите его тоскующую душу, видите его страдающій въ пошлой обыденной обстановкѣ образъ. Безъ громкихъ фразъ и жалкихъ словъ, цѣлымъ рядомъ конкретныхъ образовъ, Чеховъ такъ искренно говоритъ о своей скукѣ, о тоскѣ, которую возбуждаютъ въ немъ окружающіе люди и вся вообще жизнь, что вы охотно прощаете ему отсутствіе новыхъ словъ, отсутствіе конечныхъ выводовъ. Ново уже то, что все старое его нисколько не воодушевляетъ, что оно наводитъ на него тоску, что тоска эта выражается у него такъ художественно—просто, такъ искренно.

II.

Чеховъ, впрочемъ, очень многихъ подкупаетъ своимъ выдающимся художественнымъ талантомъ. Но вотъ другой, еще молодой, писатель, у котораго, можно сказать, таланта почти нѣтъ, и который тѣмъ не менѣе пользуется теперь большой популярностью, исключительно благодаря искреннему признанію въ своемъ недовольствѣ „старыми словами", благодаря тому, что онъ искренно ищетъ смысла жизни. Вы, можетъ быть, догадываетесь, что я говорю о г. Вересаевѣ. На немъ я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ во первыхъ, о немъ говорили сравнительно не многіе, а во вторыхъ потому, что, несмотря на это, разсказы г. Вересаева, благодаря ихъ внутреннимъ качествамъ, получаютъ съ каждымъ днемъ всё большую популярность, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ хотя-бы второе изданіе томика его разсказовъ.

Нужно сознаться, что разсказы эти не производятъ особенно яркаго впечатлѣнія. Вересаевъ по свойству своего таланта—не художникъ. Онъ пользуется беллетристической формой какъ средствомъ пропаганды или просто изложенія разнаго рода ученій и теорій. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собой напримѣръ его разсказъ „Повѣтріе", самый большой очеркъ „Безъ дороги" или разсказъ „На мертвой дорогѣ"? „Повѣтріе" написано на старую тему Тургеневскихъ отцовъ и дѣтей. Отцы г. Вересаева выступаютъ въ роли докторовъ и устроителей артелей, а дѣти—конечно въ роли марксистовъ. Съ точки зрѣнія исторической перспективы, если хотите, это вполнѣ вѣрно. Вѣдь Базаровъ, „дитя" временъ Тургенева, теперь, если бы не умеръ, навѣрное, былъ бы „отцомъ" и служилъ бы въ земствѣ врачомъ.

Между представителями этихъ двухъ лагерей происходитъ обмѣнъ мнѣній въ такой формѣ, что васъ все время мучитъ вопросъ, не переложилъ-ли г. Вересаевъ въ разсказъ отчеты о засѣданіяхъ въ вольно-экономическомъ обществѣ?!

Послушайте, напримѣръ, какъ говоритъ студентъ Даевъ. „Иванъ Ивановичъ!—обращается этотъ представитель марксизма къ устроителю артелей. Какъ бы вы ни смотрѣли на фабрику, но во всякомъ случаѣ вамъ слѣдовало-бы хоть сколько нибудь соблюдать перспективу: вы говорите о „гибели" кустаря такимъ тономъ, какъ будто рѣчь идетъ о крушеніи какого-то очень большого благополучія. Но вѣдь это-же совершенно невѣрно: возьмите любой земскій сборникъ, и онъ развернетъ передъ вами такія картины „благополучія" нашего кустаря, что волосы станутъ дыбомъ. Знаете ли вы, напримѣръ, что наши деревенскія ткачихи, работая восемнадцать часовъ въ сутки, вырабатываютъ по одной копѣйкѣ въ часъ?.. Скажите, пожалуйста, какая фабрика можетъ погубить такую ткачиху?".

Или въ другомъ мѣстѣ. „Заказали, напр. во Владимірской губерніи воскресенской артели столы для школъ; заказъ большой и выгодный; артельщики и приняли себѣ въ помощь десять сто-

ляровъ. Въ Вятской губерніи смолу гонять артелями; если дѣла идутъ хорошо, артельщики принимаютъ рабочихъ. Артели ножевщиковъ въ с. Павловѣ имѣютъ собственные керосиновые двигатели" и т. д. и т. д.

Курсистка Наташа говоритъ совершенно въ такомъ же родѣ, а старики „отцы" только возмущаются и негодуютъ.

Большой разсказъ „Безъ дороги", написанный въ формѣ дневника доктора, представляетъ собой какъ бы живо изложенную корреспонденцію „изъ не благополучныхъ по холерѣ" мѣстностей. Изъ этого разсказа мы прежде всего узнаемъ о ненормальной постановкѣ въ нашихъ земствахъ медицинской помощи о томъ, какъ одинъ докторъ отправился „на холеру" и какъ, несмотря на успѣшное и разумное веденіе дѣла, въ концѣ-концовъ, палъ жертвою нашей темной толпы, избившей его до полусмерти. Вообще говоря, разсказы г. Вересаева изобилуютъ „фактами" и разсужденіями на обличительныя темы. Кто только и съ какой только точки зрѣнія у него не обличаетъ. Больше всего говорятъ марксисты, затѣмъ высказываются народники, выступаетъ съ горячей рѣчью толстовецъ, рисуется народное міровоззрѣніе. Представители всѣхъ этихъ ученій говорятъ много, часто вступаютъ между собой, какъ выразился въ одномъ мѣстѣ самъ г. Вересаевъ, „въ утомительно—безплодные споры", послѣ которыхъ уходятъ другъ друга не убѣдившими, каждый при своемъ мнѣніи.

Ну, а самъ г. Вересаевъ? Какъ онъ относится ко всему тому, о чемъ повѣствуетъ? Увы, никакъ. Сочувствуй онъ той или иной теоріи, это отразилось бы непремѣнно и въ его разсказахъ. Его увлеченія, его горе и радости передавались бы и намъ его читателямъ. Вы можете не сочувствовать ученію Толстого, но читать изложеніе этого ученія безъ увлеченія вы не можете. Живое слово всегда скажется. И г. Вересаевъ это прекрасно понимаетъ самъ. Одинъ изъ его героевъ (докторъ, котораго убиваютъ) чувствуетъ угрызенія совѣсти послѣ того, какъ онъ наговорилъ много хорошихъ и высокихъ „словъ" о долгѣ, силѣ которыхъ самъ онъ уже перестаяъ вѣрить.

Самъ г. Вересаевъ не принадлежитъ, повидимому, ни къ одной изъ существующихъ партій, живетъ „безъ дороги", ищетъ этой дороги. Это его больное мѣсто, и тѣ разсказы, гдѣ онъ бередитъ эту рану, производятъ безусловно правдивое и сильное впечатлѣніе. Разсказъ „Товарищи", написанный на эту тему, является поэтому лучшимъ разсказомъ г. Вересаева. Товарищи—все люди, имѣвшие когда то идеалы. По выходѣ изъ университета, они превратились въ чиновниковъ, забрались въ глушь, и вотъ теперь собираются вмѣстѣ говорятъ о пустякахъ, пьютъ пиво, и даже боятся вспомнить о томъ, что когда то у нихъ были свои убѣжденія, были идеалы. Всѣмъ имъ до боли жалко свѣтлаго прошлаго, но высказать это чувство никто изъ нихъ не рѣшается. „Всѣ, поясняетъ г. Вересаевъ, были несчастны,—да, но никто изъ нихъ не уважалъ своего горя, да и не стоило оно уваженія... Горе ихъ—горе дряблое, бездѣятельное—ему нѣтъ оправданія; стыдиться его нужно, а не нести въ люди". Еще прямѣе высказывается докторъ

въ разсказѣ „Безъ дороги". „Она, думаетъ онъ о подругѣ своего дѣтства Наташѣ, хочетъ знать, какъ я смотрю на общину, какое значеніе придаю сектанству, считаю-ли возможнымъ развитіе капитализма въ Россіи. И въ разспросахъ ея сказывается мысль, что я непремѣнно долженъ интересоваться всѣмъ этимъ. Что-же? Я вѣдь дѣйствительно интересуюсь: однако, правду говоря, разговоры эти мнѣ крайне непріятны. Я съ величайшимъ удовольствіемъ прочту книгу, гдѣ говорится что нибудь новое по подобному вопросу, не прочь и поговорить о немъ, но пусть для меня, какъ и для моего собесѣдника, вопросъ этотъ будетъ холоднымъ теоретическимъ вопросомъ, въ родѣ вопроса о правильности теоріи фагоцита или вѣрности гипозеты Альтмана".

Слова „долгъ народа", „дѣло", „идея", рѣжутъ ему ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ. А почему? Да просто потому, что докторъ этотъ ничему не вѣритъ, потому что, какъ самъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, все его „внутреннее содержаніе—лишь красивыя слова", не болѣе того. Онъ боится заглянуть внутрь себя, боится, такъ какъ знаетъ, что за душой у него „ничего нѣтъ". „Къ чему, говоритъ онъ, мнѣ мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ дастъ?. Оно ужъ давно мертво. Это —не любимая женщина, съ которой я живу одной жизнью, а лишь ея трупъ; и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣмъ и безжизненно-холоденъ. Однако, обмануть себя я не въ состояніи"...

Человѣкъ съ сильной глубокой вѣрой во чтобы то ни было, но съ вѣрой дѣйствительной, не напускной, является для героевъ г. Вересаева постояннымъ предметомъ зависти, вызываетъ въ нихъ чувство искренняго уваженія. Они завидуютъ толстовцу, несмотря на всѣ, вполнѣ понятныя имъ, несообразности этого ученія, завидуютъ простому мастеровому, который увѣровалъ въ возможность спасенія чуть ли не всего человѣчества при помощи изобрѣтенной имъ вентиляціи, завидуютъ даже простой наивной богомолкѣ, возвратившейся изъ Іерусалима. „Изъ своего долгаго путешествія, полнаго тяжелыхъ лишеній, она, поясняетъ alter ego г. Вересаева, вынесла въ душѣ своей нѣчто новое. безконечно для нея дорогое, что всю ея остальную жизнь заполнитъ тепломъ, счастьемъ и миромъ". Героямъ г. Вересаева мучительно хочется найти идею, которая захватила-бы ихъ цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли. „Ты хочешь, говоритъ докторъ Наташѣ, чтобы я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: вотъ тебѣ знамя,—борись и умирай за него"... Я больше тебя читалъ больше видѣлъ жизни, но со мною тоже, что съ тобой: *я не знаю!*—въ этомъ вся мука".

Это отсутствіе всепоглащающей идеи, отсутствіе твердыхъ горячихъ убѣжденій, познанія смысла жизни г. Вересаевъ считаетъ явленіемъ вполнѣ характеризующимъ наше время. Толстовцы, народники, марксисты—все это люди, унаслѣдовавшіе свои возрѣнія, принявшіе ихъ въ совершенно готовомъ видѣ. Одни изъ нихъ постарались проникнуться этими возрѣніями и прониклись, другіе и до сихъ поръ стараются сдѣлать это, но не могутъ, такъ какъ „поста-

раться повѣрить", если этой самый вѣры нѣтъ,—трудно, а сказать своѐ слово не могутъ. Г. Вересаевъ ясно видитъ безпомощность нашего „юнаго племени" не могущаго сказать своего слова и въ то же время не удовлетворяющагося старыми авторитетами. „Все теперешнее поколѣніе, говоритъ отъ его лица докторъ, переживаетъ то же, что я: у него ничего нѣтъ,—въ этомъ его ужасъ и проклятіе. Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды, оно гибнетъ невидно и безповоротно... Посмотрите на теперешнюю литературу: развѣ это не литература мертвецовъ, отъ которыхъ ничего уже нельзя ждать? Безвременье придавило всѣхъ, и напрасны отчаянныя попытки выбиться изъ подъ его власти"... Таково основное міросозерцаніе г. Вересаева. У него, какъ у всего нашего поколѣнія „девятидесятниковъ", нѣтъ за душой ничего положительнаго, твердаго, нѣтъ знамени. нѣтъ идеи, которая наполнила бы все его существованіе и которую онъ стремился бы привить другимъ. Вотъ почему тѣ странички его разсказовъ, гдѣ онъ говоритъ не о своихъ страданіяхъ по поводу своего безвѣрія, а приводитъ вѣрованія другихъ и вообще разсказываетъ, носятъ характеръ протоколовъ, газетныхъ корреспонденцій, политико-экономическихъ трактатовъ, изложеныхъ для большей популярности въ діалогической формѣ.

Не будь въ разсказахъ г. Вересаева, кромѣ этихъ объективныхъ діалоговъ, ничего другого, на нихъ, конечно, не обратили бы и половины того вниманія, которое имъ оказываютъ въ настоящее время. Если ихъ замѣтили и читаютъ, то лишь благодаря ихъ субъективизму, отразившемуся въ нихъ искреннему страданію автора, который, не будучи въ состояніи устоять на „мертвой дорогѣ", предпочелъ остаться совершенно „безъ дороги", не побоялся сказать объ этомъ громко и затѣмъ уже искать своего собственнаго пути, искать то новое, свое слово, которое дастъ удовлетвореніе его личности.

III.

Тоскливый тонъ, которымъ проникнуты разсказы Антона Чехова а также и г. Вересаева, несомнѣнно очень характерное явленіе въ нашей литературѣ. Онъ ясно свидѣтельствуетъ о какомъ то происходящемъ на нашихъ глазахъ процессѣ, который пока еще не принялъ сколько нибудь опредѣленныхъ очертаній, но который со временемъ, быть можетъ даже въ недалекомъ будущемъ, раскроетъ какіе нибудь новые горизонты. Тонъ этотъ является несомнѣннымъ отзвукомъ внутренней работы индивидуальной человѣческой личности, постоянно и упорно стремящейся уяснить себѣ смыслъ жизни. Процессъ этой индивидуальной работы начался у насъ очень давно. Еще въ началѣ вѣка Баратынскій, Пушкинъ и цѣлый рядъ другихъ болѣе или менѣе крупныхъ писателей поставили индивидуальную личность человѣка на пьедесталъ, потребовали для нея большихъ правъ, чѣмъ она имѣла до того времени. Разъ начавшаяся борьба росла съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе, приносила свой

плодъ въ видѣ тѣхъ или иныхъ философскихъ и теоретическихъ проблемъ, но главнымъ результатомъ ея было несомнѣнное и очевидное для всѣхъ торжество индивидуальной человѣческой личности. Сильнѣе всѣхъ провозгласили этотъ принципъ въ наше время декаденты. Ихъ, впрочемъ, я оставлю въ сторонѣ, такъ какъ наши русскіе декаденты не представляютъ собою ничего самостоятельнаго. Стоя на „мертвой дорогѣ“, они съ радостью ухватились за провозглашаемое германскимъ философомъ Нитцше ученіе о сверхъ-человѣкѣ и въ настоящее время не только не унываютъ, но даже наоборотъ ликуютъ, чувствуя себя достойными сверхъ-человѣческой высоты и потому имѣющими право гордо смотрѣть на обыкновенныхъ простыхъ смертныхъ. Тоскливый тонъ нашихъ беллетристовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что индивидуальная личность уже не удовлетворяется болѣе тѣми рѣшеніями, которыя ей подсказываютъ и которыя признавали удовлетворительными лѣтъ двадцать тому назадъ. Не всѣ могутъ стать убѣжденными толстовцами или марксистами, но далеко также не всѣ могутъ и создать себѣ свое собственное міросозерцаніе. На этой почвѣ и вырабатывается то тоскливое отношеніе къ окружающей жизни, которое мы отмѣтили выше у Чехова и Вересаева. Оба эти писателя, однако, не идутъ дальше тоски. Протеста у нихъ мало. Они довольно пассивно относятся къ тому, что совершается вокругъ нихъ и ограничиваются почти исключительно отрицаніемъ.

Нѣсколько иначе относится къ вопросамъ этого рода недавно только выступившій на литературное поприще, но успѣвшій въ короткое время занять очень почетное мѣсто въ литературной средѣ, Максимъ Горькій. Индивидуализмъ нашелъ себѣ въ этомъ писателѣ самаго ревностнаго проповѣдника, борца, который не только перомъ и словомъ, но всей своей жизнью, всѣмъ своимъ существомъ ополчился на защиту самой безграничной свободы личности. Біографія г. Горькаго устраняетъ всякое сомнѣніе въ возможности чего либо искуственнаго и неискренняго въ его міросозерцаніи. Она, впрочемъ настолько интересна и такъ важна для пониманія произведеній Горькаго, что я позволю себѣ ее изложить въ самыхъ общихъ чертахъ, придерживаясь автобіографической замѣтки, напечатанной еще въ прошломъ году самимъ г. Горькимъ въ одномъ изъ малораспространенныхъ журналовъ. Біографія эта нагляднѣе всего покажетъ, съ какой оригинальной и самобытной личностью мы встрѣчаемся въ лицѣ г. Горькаго.

«Родился я, пишетъ Горькій, — 14-го марта 1868 или 9-го года въ Нижнемъ, въ семьѣ красильщика Василія Васильевича Каширина, отъ дочери его Варвары и пермскаго мѣщанина Максима Савватіева Пѣшкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. Съ тѣхъ поръ съ честью и незапятнанно ношу званіе цехового малярнаго цеха». «Отецъ умеръ въ Астрахани, продолжаетъ г. Горькій, — когда мнѣ было 5 лѣтъ, мать — въ Канавинѣ слободѣ. По смерти матери, дѣдушка отдалъ меня въ магазинъ обуви; въ ту пору имѣлъ я 9 лѣтъ отъ роду и былъ дѣ-

домъ обученъ грамотѣ по псалтири и часослову. Изъ „мальчиковъ“ сбѣжалъ и поступилъ въ ученики къ чертежнику,—сбѣжалъ и поступилъ въ иконописную мастерскую, потомъ на пароходъ въ поварята, потомъ въ помощники садовника. Въ сихъ занятіяхъ прожилъ до 15 лѣтъ, все время занимаясь усердно чтеніемъ классическихъ произведеній неизвѣстныхъ авторовъ, какъ-то: Гуакъ, или непреоборимая вѣрность», «Андрей Безстрашный», «Япанча», «Яшка Смертенскій» и т. п. На пароходѣ, когда былъ поваренкомъ, на образованіе мое сильно вліялъ поваръ Смурый, который заставлялъ меня читать житія святыхъ, Эккартгаузена, Гоголя, Глѣба Успенскаго, Дюма-отца и многія книжки франкъ-масоновъ. До повара—терпѣть не могъ книгъ, всякой печатной бумаги, до паспорта включительно. Послѣ 15 лѣтъ возымѣлъ я свирѣпое желаніе учиться, съ какой цѣлью поѣхалъ въ Казань, предполагая, что науки желающимъ даромъ преподаются. Оказалось, что оное не принято, вслѣдствіе чего я поступилъ въ крендельное заведеніе, по 3 руб. въ мѣсяцъ. Это—самая тяжелая работа изъ всѣхъ опробованныхъ мной». Въ Казани г. Горькій потомъ торговалъ яблоками. «Работалъ на Устьѣ, пилилъ дрова, таскалъ грузы». Какъ жилось въ этотъ періодъ Горькому, можно судить по тому, что въ 1888 г. онъ покушался на самоубійство.

Послѣ Казани Горькій пробуетъ счастья въ Царицынѣ, гдѣ занимаетъ должность жел.-дор. сторожа, а затѣмъ опять появляется, по случаю призыва, въ Нижнемъ. Въ солдаты, однако, Горькій не попадаетъ,—«дырявыхъ не берутъ», а дѣлается продавцомъ баварскаго кваса. Наконецъ, многострадальный членъ «малярнаго цеха» какими-то судьбами пристраивается письмоводителемъ у присяжнаго повѣреннаго А. И. Ланина. Ланинъ принялъ въ Горькомъ участіе. Однако, бродячая жизнь Горькаго не прекратилась. Скитанія привели тогда Горькаго въ Тифлисъ, гдѣ онъ работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и гдѣ, въ газетѣ «Кавказъ», напечаталъ свой первый разсказъ. Вернувшись затѣмъ въ родные края, Горькій началъ помѣщать свои очерки въ поволжскихъ газетахъ. Въ Нижнемъ Горькій познакомился съ В. Г. Короленко, который и имѣлъ рѣшающее вліяніе на его литературную карьеру.

Послѣ Николая Полевого, г. Горькій едва-ли не второй дѣйствительно замѣчательный русскій самородокъ [1]). При чтеніи его разсказовъ никому, конечно, и въ голову не придетъ, что онъ прошелъ такую школу. Привыкнувъ считать способными къ литературной работѣ лишь людей прошедшихъ всѣ степени нашей школы, мы не можемъ себѣ представить, чтобы литераторъ могъ выработаться изъ пекаря, крендельщика и т. д. А вѣдь, кто его знаетъ, далъ-ли-бы намъ г. Горькій то, что онъ далъ, если бы онъ прошелъ нашу всѣхъ и вся нивеллирующую школу, полу-

[1]) Кн. В. Барятинскій сопоставлялъ его въ одной изъ своихъ статей въ „Сѣв. Кур.“ съ Ломоносовымъ, но такое сопоставленіе врядъ-ли возможно. Ломоносовъ прошелъ все-таки систематическую школу до заграничной командировки включительно.

чилъ гимназическое образованіе, всецѣло направленное къ обезличенію и обезцвѣченію всякой индивидуальности.

Вѣроятнѣе всего, что—нѣтъ. Я, конечно, не хочу этимъ сказать, что школа превратила-бы его безусловно даровитую натуру—въ нѣчто бездарное. Этого, конечно, не случилось-бы. Но, навѣрное, школа, заставляющая дѣтей цѣлыми днями просиживать въ четырехъ стѣнахъ за латинской грамматикой, не столько думать, сколько «зубрить» лишила-бы г. Горькаго того, что онъ вынесъ изъ жизни своей на лонѣ природы, изъ своихъ постоянныхъ наблюденій надъ природою и людьми, надъ дѣйствительною жизнью, во всей ея совокупности. Читая разсказы г. Горькаго, вы чувствуете, что „съ природой одною онъ жизнью дышалъ", что онъ любитъ эту природу, знаетъ ее и потому даетъ замѣчательныя по своей художественности и правдивости описанія. У г. Горькаго сочная кисть и свѣжія краски. Пишетъ онъ мазками, безъ лишнихъ словъ, безъ всякой реторики. Всего двумя тремя штрихами онъ передаетъ цѣлую и вполнѣ реальную картину. Особенно любитъ онъ море, которое у него столь-же разнообразно какъ и у Айвазовскаго. Его кипучая, нервная натура никогда не пресыщается созерцаніемъ этой темной опаловой широты, безкрайной, свободной и мощной. Море у него смѣется, улыбается, спитъ, играетъ маленькими волнами, рождая ихъ, украшая бахрамой пѣны, сталкивая эти волны другъ съ другомъ и разбивая въ мелкую пыль. На одной страницѣ передъ вами „игривое море, все изрытое бѣгающими стаями волнъ, кое-гдѣ уже убранныхъ пышной и бѣлой бахромой пѣны", на другой море это ходитъ грозными волнами, съ шумомъ разбивающимися одна о другую.

Разносторонность художественнаго дарованія г. Горькаго сказывается, между прочимъ, въ томъ, что онъ съ такимъ-же успѣхомъ какъ и пейзажи, рисуетъ жанровыя картинки, пишетъ вполнѣ живые портреты. Для доказательства вполнѣ достаточно развернуть любую страницу изъ его разсказовъ, но я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на его описаніе пѣнія и пѣвцовъ и сравнить этого рода картинки, не разъ встрѣчающіяся у г. Горькаго, съ картинкой „Пѣвцы" такого замѣчательнаго художника какъ И. С. Тургеневъ. Это сравненіе покажетъ вамъ лучше всего, что вы имѣете дѣло съ дѣйствительно замѣчательнымъ художникомъ, разбирающимся не только въ краскахъ, но также и въ звукахъ, и въ тончайшихъ психологическихъ настроеніяхъ. Вотъ напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ онъ даетъ описаніе дуэта пропѣтаго двумя женщинами.

„....Ея сестра качнула головой и протяжно, жалобно, высокимъ контральто застонала:

„Эхъ-у ме-ня-у-кра-сной-дѣ-ѣви-цы"....

Сверкая глазами на сестру, Саша низкими нотами крикнула:

„Какъ былинка, сердце высохло-о-о"!

Два голоса обнялись и поплыли надъ водой, красивымъ, сочнымъ, дрожащимъ отъ избытка силы, звукомъ. Одинъ жаловался на нестерпимую боль сердца и, упиваясь ядомъ жалобы своей,—

рыдалъ съ унылой и безсильной скорбью, рыдалъ, слезами заливая огонь своихъ мученій. Другой—болѣе низкій и мужественный—могуче текъ въ воздухъ, полный чувства кровной обиды и готовности мстить. Ясно выговаривая слова, онъ рвался изъ груди густою струей, и отъ каждаго слова пахло кипящей кровью, возмущенной оскорбленіемъ, отравленной обидой и мощно требовавшей мести.

„Ужъ я ему это выплачу"....—жалобно пѣла Васса, закрывъ глаза.

„За-озноблю его, по-овысушу"....—увѣренно и грозно обѣщала Саша, бросая въ воздухъ крѣпкіе, сильные звуки, похожіе на удары"...

. . . .

. . . .

Читая эти строки вы положительно слышите пѣніе, проникаетесь настроеніемъ пѣвцовъ и слушателей г. Горькаго.

Впрочемъ, о томъ, что г. Горькій — несомнѣнно крупный художникъ, какъ я сказалъ уже выше, свидѣтельствуетъ каждая страничка его разсказовъ, а потому подробно останавливаться на этой сторонѣ его таланта, полагаю, будетъ излишнимъ.

IV.

Перейдемъ къ его сути, къ той „душѣ", которой мы, по справедливому замѣчанію Толстого, всегда ищемъ въ произведеніяхъ писателя. У г. Горькаго искать ее, впрочемъ, не придется долго. Она такъ ярко выразилась въ главнѣйшихъ типахъ его разсказовъ, что бросается сразу-же всякому въ глаза. Скажу больше. Всѣ лучшіе разсказы г. Горькаго, не исключая и самой большой по объему его повѣсти „Ѳома Гордѣевъ", написаны на одну и ту-же тему, во всѣхъ нихъ главную роль играетъ одна и та-же фигура „безпокойнаго" человѣка, стремящагося къ абсолютной свободѣ и свѣту и отражающая въ себѣ самого г. Горькаго.

Всѣ герои его поэтому довольно однообразны. Имъ скучно на бѣломъ свѣтѣ, всѣ они въ большинствѣ случаевъ неудачники, обладающіе огромнымъ запасомъ силъ, но неумѣющіе приложить эти силы къ дѣлу, или вѣрнѣе немогущіе найти себѣ такого дѣла, которое бы ихъ втянуло, удовлетворило вполнѣ. Говоря словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ г. Горькаго, всѣ они „безпокойные люди", которые мечутся изъ стороны въ сторону, тревожно „ищутъ своей точки" и, убѣдившись въ собственномъ безсиліи, низко и больно падаютъ. Это своего рода Рудины, „лишніе люди", вышедшіе изъ среды, въ душу которой до сего времени мало кто заглядывалъ. Во времена Тургенева среда эта, стонавшая подъ тяжкимъ игомъ крѣпостного права, слишкомъ была еще придавлена. Теперь она начинаетъ развиваться, въ ней просыпаются умственные запросы, умъ начинаетъ работатъ надъ старыми для другихъ вопросами о смыслѣ жизни и какъ, есте-

ственное слѣдствіе этой работы, являются свои собственные Рудины, свои собственные Чулкатурины, Раскольниковы.

Что-же представляютъ собой безпокойные герои Горькаго, къ чему они стремятся каковы у нихъ идеалы? Прежде всего—все это люди стоящіе неизмѣримо выше окружающей ихъ среды. Сытое „мѣщанское счастье“ имъ претитъ. Они вѣчно ищутъ чего-то высшаго, ищутъ какой-то своей собственной „точки“.

— „Почему я не могу быть спокоенъ“,—спрашиваетъ Коноваловъ типичный представитель этого настроенія у г. Горькаго.— „А? Почему люди живутъ и ничего себѣ, занимаются своимъ дѣломъ, имѣютъ женъ, дѣтей и все прочее... И всегда у нихъ есть охота дѣлать то, другое. А я—не могу. Тошно. Почему мнѣ тошно?“ Другой рефлектикъ, сапожникъ Орловъ, особенно ярко отражаетъ это пессимистическое настроеніе. Такъ же какъ и Коноваловъ онъ родился „съ безпокойствомъ въ сердцѣ“.

Онъ—сапожникъ. Почему? „Али, кромѣ меня—философствуетъ онъ,—мало сапожниковъ? Какое въ этомъ для меня удовольствіе? Сижу въ ямѣ и шью... Потомъ помру. Вотъ, говорятъ, холера... Ну и что-же? Жилъ Григорій Орловъ, шилъ сапоги — и померъ отъ холеры. Въ чемъ-же тутъ сила? и зачѣмъ это нужно, чтобы я жилъ, шилъ и померъ, а?“ Дѣдъ Архипъ также пессимистически смотритъ на міръ. „Правильно ты сказалъ, — говоритъ онъ своему внуку, — пыль все... и города, и люди, и мы съ тобой — пыль одна“.

Къ такимъ пессимистическимъ выводамъ приходятъ герои г. Горькаго исключительно потому, что не находятъ себѣ надлежащаго мѣста между людей, не находятъ себѣ дѣла, которое считали бы достойнымъ своей работы и потому чувствуютъ себя лишними. Ѳома Гордѣевъ, этотъ представитель безпокойнаго человѣка изъ класса купцовъ-милліонеровъ смотритъ съ завистью на кипящую вокругъ него работу людей не думающихъ и потому легко примиряющихся съ окружающей ихъ пошлостью. „Они, думалъ Гордѣевъ—нужны, а я... ни къ чему... Мы живемъ безъ сравненія .. и безъ оправданія совсѣмъ зря... И совсѣмъ не нужно насъ... Мы всѣ — лопнемъ... ей Богу! А отчего лопнемъ? Оттого что... лишнее все въ насъ... въ душѣ лишнее... и вся наша жизнь лишняя“...

Если хотите, то философія эта, высказываемая и другими героями г. Горькаго, напоминаетъ собой нѣсколько „кладбищенство“ Помяловскаго. Но только напоминаетъ. Между „кладбищенствомъ“, съ его холодно-равнодушнымъ отношеніемъ къ суетѣ житейской и недовольствомъ г. Горькаго очень существенная разница.

Не меньшая разница также существуетъ между „лишними людьми“ Тургенева и считающими себя „лишними“ героями г. Горькаго. Люди зараженные „кладбищенствомъ“ смотрятъ на жизнь холодно-мрачнымъ взлядомъ, постоянно твердятъ о суетности всего живого. „Лишніе люди“ Тургенева ясно видятъ пошлость окружающей ихъ жизни, сначала смотрятъ на эту жизнь свысока, затѣмъ мало по малу снисходятъ, смиряются и превра-

щаются въ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда или Чулкатуриныхъ и успакаиваютъ себя извѣстнымъ софизмомъ о заѣвшей ихъ средѣ.

Герои г. Горькаго, хотя и считаютъ себя „лишними людьми", однако, никогда не смиряются. Безпокойство духа, присущее всѣмъ имъ, не позволяетъ мириться съ пошлой обстановкой или же принимать въ ней участіе безъ всякаго протеста. Въ то же время сильная вѣра въ себя, въ свои силы мѣшаетъ имъ взвалить всю вину за свои мученія на окружающее ихъ общество, на пресловутую „среду".

„Каждый человѣкъ, говоритъ Коноваловъ, самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не виновенъ, ежели я подлецъ есть". „...Жизнь плохая, возмущается Ѳома Гордѣевъ. И что вы все на жизнь какую-то жалуетесь? Какая жизнь? Человѣкъ—жизнь и кромѣ человѣка никакой еще жизни нѣтъ"...

Коноваловъ подробно излагаетъ свой взглядъ по этому поводу.

„Кто виноватъ говоритъ онъ, что я пью? Павелка, братъ мой, не пьетъ—въ Перми у него своя пекарня. А я вотъ работаю не хуже его — однако, бродяга и пьяница, и больше нѣтъ мнѣ ни званія ни доли.. А вѣдь мы одной матери дѣти. Онъ еще моложе меня. Выходитъ, что во мнѣ самомъ что-то неладно... *Не такъ я, значитъ, родился,* какъ человѣку это слѣдуетъ. Самъ же ты говоришь, что всѣ люди одинаковые: - родился, пожилъ, сколько назначено, и помри! А я на особой стезѣ... И не одинъ я — много насъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не включаемся. Особый намъ счетъ нуженъ... и законы особые... очень строгіе законы — чтобы насъ искоренять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто передъ нами виноватъ? Сами мы предъ собой и жизнью виноваты... Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ и къ себѣ самимъ мы чувствъ не имѣемъ... Матери наши не въ урочные часы зачали насъ — вотъ въ чемъ сила"....

Тургеневскій „лишній человѣкъ" Чулкатуринъ также жалуется на то, что мать имъ „обремизилась", что въ теченіе всей своей жизни онъ не находилъ себѣ мѣста и т. д., но какая огромная разница между этими жалобами! Какими жалкими и дряблыми выглядятъ всѣ эти Чулкатурины и Гамлеты Щигровскаго уѣзда передъ Коноваловыми, Гордѣевыми, Орловыми и другими „безпокойными", ищущими своей точки, босяками г. Горькаго!..

Въ чемъ-же кроется причина этого различія двухъ совершенно одинаковыхъ по своей сущности типовъ? Причина эта лежитъ въ нравственной мощи „лишнихъ людей" г. Горькаго. Гамлеты Щигровскаго уѣзда сознаютъ и чувствуютъ, что сила человѣка лежитъ въ его индивидуализмѣ. „Что мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна, говорятъ они... Ты будь хоть глупъ, да по своему! Запахъ свой имѣй — свой собственный запахъ, вотъ что!"... Но дальше словъ не идутъ и сейчасъ-же „смиряются". Для протеста у нихъ не хватаетъ необходимаго количества силы воли.

Это не то что, напримѣръ, Ѳома Гордѣевъ. Войдя въ купе-

ческую среду онъ сразу же почувствовалъ, что здѣсь онъ лишній, но совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ хуже другихъ, а скорѣе потому, что вся окружающая среда казалась ему и пошлой и глупой, и фальшивой. „Ему оттого плохо среди нихъ, поясняетъ г. Горькій, что онъ не понимаетъ, чего они хотятъ, не вѣритъ въ ихъ слова и чувствуетъ, что они и сами не вѣрятъ себѣ и ничего не понимаютъ.“ Тоскливое настроеніе, возбужденное пребываніемъ въ этой средѣ приводитъ его къ кутежамъ, нелѣпѣйшимъ поступкамъ и дебошамъ. Цѣлыми мѣсяцами онъ проводитъ время въ обществѣ пьяныхъ людей, бьетъ людей, самоуправствуетъ и все-таки ни на минуту не можетъ усыпить гложущаго его червя недовольства всей этой жизнью, окружающей его пошлостью. Онъ не смиряется а мучится и протестуетъ, высказываетъ свое недовольство при каждомъ удобномъ случаѣ. Просятъ рабочіе на водку—онъ хочетъ убѣдить ихъ въ безполезности ихъ работы. Приходитъ на освященіе парохода и на самоувѣренныя рѣчи о всемогуществѣ и величіи русскаго купечества отвѣчаетъ рѣзкими обличеніями его представителей, называетъ настоящимъ именемъ всѣ дѣйствительные подвиги этихъ устроителей земли русской. Не разъ выступаетъ онъ въ роли Чацкаго, въ роли обличителя. Но это обличеніе не цѣль его жизни. Онъ обличаетъ, потому что не можетъ не обличать. Происходитъ это у него само собой при всякомъ случаѣ столкновенія съ проявленіемъ пошлости или фальши. Обличеніе не даетъ ему внутренняго удовлетворенія, не составляетъ еще той „точки“, которой ищетъ Ѳома Гордѣевъ съ такимъ-же энергичнымъ безпокойствомъ, какъ и Коноваловы, Орловы, и вообще всѣ другіе „безпокойные“ люди.

Въ чемъ, однако, заключается эта „точка“ или, если ее нельзя опредѣлить вполнѣ точно, то по крайней мѣрѣ, въ какомъ направленіи ее ищутъ. Исходнымъ пунктомъ всѣхъ безпокойныхъ людей г. Горькаго является общее благо, но благо дѣйствительное, а не воображаемое. Типъ такого безпокойнаго человѣка, совершенно въ стилѣ г. Горькаго далъ между прочимъ Тургеневъ. Я имѣю въ виду Михаила Полтева въ разсказѣ „Отчаянный.“ На вопросы о томъ, какой злой духъ заставляетъ его пить запоемъ, рисковать жизнью и т. п.—у него всегда былъ одинъ отвѣтъ: тоска.

—Да отчего—тоска?

—Какъ-же, помилуйте! Придешь, этакимъ образомъ, въ себя очувствуешься, станешь размышлять о бѣдности, о несправедливости, о Россіи... Ну—и кончено! Сейчасъ тоска—хоть пулю въ лобъ! Закутишь по неволѣ!

— Россію-то ты зачѣмъ сюда приплелъ? Все это у тебя отъ бездѣйствія.

— Да не умѣю я ничего дѣлать, дяденька родной!... Вы вотъ поучите меня, что мнѣ дѣлать, жизнью изъ-за чего рискнуть? я—сію минуту...

Герои г. Горькаго проповѣдуютъ въ такомъ же стилѣ. Они прямо заявляютъ, что готовы „на сто ножей броситься... лишь бы съ пользой, чтобы изъ этого облегченіе вышло людямъ.“

„Нужно такую работу дѣлать, внушалъ Ѳома Гордѣевъ своимъ рабочимъ, чтобы и тысячу лѣтъ спустя люди сказали: вотъ это Богородскіе мужики дѣлали."

Всѣ безпокойные люди не мирятся, однако, съ обыденной, хотя-бы даже и полезной работой, а жаждутъ подвиговъ, жаждутъ чего-то необычайнаго и никогда ни начемъ успокоится не могутъ, такъ какъ считаютъ себя существами неизмѣримо болѣе высокими, нежели всѣ остальные люди. Г. Горькій, вложившій основное свое міросозерцаніе въ уста своихъ героевъ, самъ сознается, вполнѣ откровенно, что онъ „всегда считалъ себя лучше другихъ и успѣшно продолжаетъ заниматься этимъ до сего дня." Также, конечно, думаетъ и Ѳома Гордѣевъ и Коноваловъ и другіе. Вполнѣ поэтому естественно, что довольствоваться малымъ, что удовлетворило бы всякаго другого—они не могутъ, отчасти изъ чувства высокаго понятія о своемъ достоинствѣ, отчасти изъ удивительной наклонности къ рефлексіи, благодаря способности находить въ каждомъ предметѣ его темную сторону.

Сапожникъ Орловъ бросаетъ свою яму, поступаетъ на службу въ холерный баракъ, имѣетъ очень хорошій заработокъ, добивается того, что его признаютъ „нужнымъ человѣкомъ"; онъ возрождается, и по собственному признанію, „прозрѣваетъ насчетъ жизни". Казалось бы, цѣль достигнута. Безпокойство, однако, тутъ какъ тутъ. Орловъ начинаетъ сомнѣваться въ значеніи своего труда. Онъ помогаетъ больнымъ отъ холеры. Но развѣ это важно? Холерныхъ - окружаютъ заботами, уходомъ, а сколько людей остается внѣ барака, людей въ тысячу разъ болѣе несчастныхъ нежели эти холерные, и остающихся тѣмъ не менѣе безъ всякаго призрѣнія. „Живешь на землѣ,—философствуетъ онъ,—ни одинъ чортъ даже и плюнуть на тебя не хочетъ. А какъ начнешь умирать—не только не позволяютъ, но даже въ изъянъ себя вводятъ. Бараки... вино... шесть съ полтиной бутылка!" Человѣкъ выздоравливаетъ, и доктора радуются, а онъ и хотѣлъ бы раздѣлить эту радость, да не можетъ, такъ какъ прекрасно знаетъ, что за порогомъ барака этого больного ждетъ жизнь „хуже холерной судороги."

И вотъ опять пьянство, запой бродяжничество, до тѣхъ поръ, пока опять счастливая случайность снова подыметъ „безпокойнаго" надъ землей. Ни обезпеченное положеніе, ни сытая жизнь не успокаиваютъ „безпокойныхъ" людей. Большинство изъ нихъ—люди очень способные имѣютъ полную возможность жить въ свое удовольствіе, иной разъ даже безъ всякой работы, но врожденный духъ безпокойства не позволяетъ имъ примириться съ пошлымъ и сытымъ существованіемъ будничной жизни, толкаетъ- ихъ все впередъ и впередъ.

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что безпокойные люди г. Горькаго имѣютъ какіе нибудь особенно высокіе и опредѣленные идеалы. Если бы спросили кого нибудь изъ нихъ, что, собственно говоря, имъ нужно, то они не сумѣли бы вамъ точно формулировать свои стремленія. Иной разъ имъ хочется приносить пользу, быть „нужными" людьми, а въ общемъ хочется „проявить себя какимъ бы то ни было способомъ". „Раздробить бы

всю землю въ пыль, мечтаетъ Орловъ, или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще *что нибудь этакое*, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты и сказать имъ: ахъ, вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное, и больше ничего! Н-да-а! Чортъ же возьми.... скучно. И, ахъ, какъ скучно и тѣсно мнѣ жить"!.. Въ такомъ родѣ мечтаютъ почти всѣ герои г. Горькаго. Это избытокъ силъ, которыхъ некуда направить, жажда чего-то смутнаго, стремленіе къ чему то такому, что еще не успѣло вылиться въ опредѣленную формулу, воплотиться въ какомъ нибудь ясно сознанномъ образѣ. Это своего рода романтизмъ.

Если, однако, разобраться во всѣхъ этихъ порывахъ, во всѣхъ этихъ недоговоренныхъ стремленіяхъ, нерѣдко имѣющихъ крайне дикій характеръ, то можно найти въ нихъ и нѣчто общее. Общее это можно назвать стремленіемъ сознавшей свою индивидуальность человѣческой—личности освободить себя отъ всѣхъ общепринятыхъ условностей соціальной и нравственной морали, упорнымъ исканіемъ смысла жизни.

Абсолютная свобода личности прежде всего... „Первое дѣло,— формулируетъ свою философію Коноваловъ,—человѣкъ. Понялъ? Ну, и больше никакихъ.... По твоему выходитъ, что, пока тамъ все это передѣлается, человѣкъ все такъ-же долженъ оставаться какъ теперь... Нѣтъ, ты его сначала перестрой.... Чтобы ему было свѣтло и не тѣсно на землѣ, вотъ чего добивайся для человѣка. *Научи его находить свою тропу*"...

Болѣе обстоятельно и подробно развиваетъ эту же тему учитель въ прекрасномъ разсказѣ „Ошибка:"

„Ты, говоритъ онъ, знаешь людей въ плѣну у жизни? Это тѣ люди, которые хотѣли быть героями, а стали статистиками и учителями. Они нѣкогда боролись съ жизнью, но были побѣждены ею и взяты въ плѣнъ ея мелочами. Вотъ о нихъ то говорю я и это ихъ хочу спасти... Ты понялъ? Они погибаютъ, ибо гонимы, ибо всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ, а сами они враги себѣ. Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободно ходить, говорить и думать.... И вотъ ихъ я соберу во-едино и выведу вонъ изъ жизни въ пустыню и тамъ устрою имъ будку всеобщаго спасенія. Ты видишь— будка, а не комуна, не фаланстеръ—это легально, не правда-ли? А я одинъ стану надъ всѣми ими и научу ихъ всему, что знаю. Я знаю много, больше, чѣмъ есть предметовъ для знанія, ибо я знаю всѣ ихъ, плюсъ—мое знаніе!.. Мы источимъ по каплѣ соки наши на песокъ пустыни и оживимъ ее, застроивъ зданіями счастья! Среди насъ будетъ возвышаться надъ всѣми будка всеобщаго спасенія и на вершинѣ ея, подъ стекляннымъ колпакомъ, буду вѣчно вращаться я самъ и смотрѣть за порядкомъ среди тѣхъ, что вручены мнѣ судьбой. Я буду строгъ, но не по-человѣчески справедливъ. Я знаю высшую справедливость. Я наложу на всѣхъ *одну обязанность—творить. Твори, ибо ты человѣкъ!*—прикажу я каждому. Это будетъ грандіозно! И когда мы создадимъ свое царство, въ которомъ все будетъ гармонія, то созовемъ всѣхъ

шпіоновъ и всѣхъ сильныхъ земли и всѣ глупые народы созовемъ и скажемъ имъ: „Вотъ вы гнали насъ, а мы создали вамъ вѣчный образецъ жизни! Вотъ вамъ онъ—слѣдуйте ему! Мы же, возрожденные изъ пепла, идемъ творить, вѣчно творить.... Вотъ наша задача“. И мы, бывшіе бѣдняки, уйдемъ, обогативъ бывшихъ крезовъ богатствомъ духа и силы жить. Побѣда!.. Тогда я скажу всему міру: „Люди, одѣньтесь въ свѣтлое, ибо ночь исчезла и не придетъ больше“. Вотъ какую идею родилъ я изъ несчастій и мукъ моей жизни, я, гонимый и затравленный, я, измученный собой и уязвленный язвой желанія быть творцомъ жизни. Ты хочешь быть?—твори новое! Дай что нибудь людямъ, дай имъ, ибо они жалки и бѣдны!“

Творить, однако, герои г. Горькаго совершенно не способны. Для этого, при ихъ чрезмѣрно развитомъ индивидуализмѣ, у нихъ не хватаетъ достаточнаго количества любви къ человѣческимъ массамъ, не хватаетъ альтруизма, во-первыхъ, а во-вторыхъ, нѣтъ у нихъ „духа строительнаго“. Крестный отецъ Ѳомы Гордѣева, положительный типъ умнаго, изворотливаго купца, знающаго, что и какъ ему нужно дѣлать, вѣрящаго въ мощь русскаго купечества, Маякинъ прекрасно характеризуетъ эту безпомощность безпокойныхъ людей г. Горькаго. „Дайте, говоритъ онъ, людямъ полную свободу“. Тогда, по его словамъ, воспослѣдуетъ такая комедія. „Почуявъ, что узда съ него снята,—зарвется человѣкъ выше своихъ ушей и перомъ полетитъ и туда, и сюда... Чудотворцемъ себя возомнитъ и начнетъ онъ тогда духъ свой испущать... А духа этого самаго строительнаго со-овсѣмъ въ немъ малая толика! Попыжится это онъ день—другой, потопорщится во всѣ стороны я—въ скорости ослабнетъ, бѣдненькій! Сердцевина-то гнилая въ немъ... хе-хе-хе! Ту-утъ его,—хе-хе-хе!—голубчика и поймаютъ настоящіе, достойные люди, тѣ настоящіе люди, которые могутъ... дѣйствительными штатскими хозяевами жизни быть... которые будутъ жизнью править не палкой, не перомъ, а пальцемъ да умомъ. Что, скажутъ, устали, господа? Что, скажутъ, не терпитъ селезенка настоящаго-то жару? Та-акъ-съ...—Ну, такъ теперь вы, такіе-сякіе,—молчать и не пищать! А то, какъ червей съ дерева, стряхнемъ васъ съ земли! Цыцъ, голубчики“...

V.

Въ такомъ случаѣ, однако, что-же въ концѣ концовъ дѣлать „безпокойнымъ“ людямъ. Творить они не могутъ, да, повидимому, и сами не особенно сильно стремятся къ этому; ожидать, когда разнаго рода Маякины, болѣе сильные, стряхнутъ ихъ „какъ червей съ земли“, скажутъ имъ „цыцъ“ и заставятъ смириться, тоже не соотвѣтствуетъ свободолюбивому характеру безпокойныхъ людей. Смиреніе совершенно не въ ихъ характерѣ. Итакъ, что-же дѣлать?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ всѣ „безпокойные люди“ почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, а именно: необходимо

освободить себя отъ всякихъ путъ, отъ всѣхъ условностей, которыя такъ или иначе тѣснятъ свободу личности. Конечная цѣль всѣхъ стремленій всѣхъ безпокойныхъ людей г. Горькаго это—абсолютная, ничѣмъ не стѣсняемая свобода. „Пріятно, говоритъ одинъ изъ героевъ г. Горькаго, чувствовать себя свободнымъ отъ обязанностей, отъ разныхъ маленькихъ веревочекъ, связывающихъ твое существованіе среди людей... отъ всякихъ мелочишекъ, до того облѣпляющихъ твою жизнь, что она уже становится не удовольствіемъ, а скучной ношей... тяжелымъ лукошкомъ обязанностей... въ родѣ обязанности одѣваться прилично, говорить прилично и все дѣлать такъ, какъ принято, а не такъ, какъ тебѣ хочется".

Безпокойнымъ людямъ, проникнутымъ такими свободолюбивыми мечтами удовлетворяетъ только бродяжья жизнь. Она нравится имъ потому, что это „птичья жизнь", потому что въ ней нѣтъ обязанностей и нѣтъ законовъ, потому что въ ней все позволено... Ѳома Гордѣевъ мечется изъ стороны въ сторону, ищетъ своей „точки", до тѣхъ поръ, пока случайно встрѣтившій его странникъ не указываетъ ему какъ на выходъ изъ его положенія на вольную жизнь бродяги.

И посмотрите, съ какимъ восторгомъ, съ какою любовью, даже энтузіазмомъ, говорятъ безпокойные люди объ этой вольной жизни. Странникъ, убѣждающій Ѳому Гордѣева бросить пошлую будничную жизнь, развертываетъ передъ его глазами замѣчательную по своей поэтичности и задушевному тону картину вольной жизни.

— Выдь-ка ты, говоритъ онъ, на дорогу вольную, на поля, на степи, на равнины, горы... выдь да посмотри на міръ съ воли, издали... Зашумятъ вокругъ тебя лѣса дремучіе сладкими голосами о мудрости Господа; запоютъ тебѣ птички Божіи о святой славѣ Его, а степныя травы курятъ ладономъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ... Смотришь въ небо, лежа гдѣ-нибудь подъ кустикомъ, а оно все къ тебѣ опускается, какъ обнять тебя хочетъ... На душѣ тепло и тихо — радостно, ничего-то тебѣ не хочется, ничему не завидно... Такъ вотъ и кажется, что на всей землѣ только ты да Богъ"...

„...Люблю я, другъ, говоритъ другой герой Горькаго, Лакутинъ, эту бродяжную жизнь. Оно и холодно, и голодно, но свободно ужь очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства... самъ ты своей жизни хозяинъ... Звѣзды мигаютъ мнѣ, ровно говорятъ: ничего, Лакутинъ, ходи, знай, по землѣ и никому не поддавайся"... Коноваловъ, послѣ многихъ мучившихъ его сомнѣній о безполезности своего существованія, успокаивается на томъ, что рѣшаетъ „ходить по землѣ въ разныя стороны". „Это, говоритъ онъ, всего лучше—идешь и все видишь новое, и ни о чемъ не думается"...

Чисто внѣшнія неудобства вольнаго существованія мало смущаютъ свободолюбивыхъ героевъ г. Горькаго. „Шесть лѣтъ, говоритъ самъ о себѣ одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ индивидуализма", я путешествую и, ничего тебѣ, не жалуюсь Богу моему

на судьбу. Объ этомъ времени я не буду разсказывать, ибо оно слишкомъ однообразно... и разнообразно. Въ общемъ, это веселая птичка жизнь. Только зеренъ не хватаетъ... но не надо быть слишкомъ требовательнымъ, памятуя, что даже лица, на тронахъ сидящія, не одни только удовольствія испытываютъ. Въ такой жизни, какъ эта, нѣтъ обязанностей—это первое хорошее, и нѣтъ законовъ, кромѣ законовъ природы—это второе. Конечно, господа урядники иногда безпокоятъ... но и въ хорошихъ гостинницахъ блохи водятся... За то вы можете идти: направо, налѣво, впередъ, всюду, куда васъ влечетъ, а если не влечетъ никуда, запасись отъ мужика хлѣбомъ—онъ добръ и всегда дастъ—запасись хлѣбомъ и лежи, дондеже тебя не потянетъ куда-нибудь"...

Вотъ конечный пунктъ, до котораго доходятъ всѣ „безпокойные люди", то направленіе, въ которомъ они предполагаютъ найти свою точку. Самъ г. Горькій вполнѣ раздѣляетъ ихъ взглядъ въ этомъ отношеніи. „Нужно, говоритъ онъ уже отъ себя, родиться въ культурномъ обществѣ для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе жить всю жизнь среди него и ни разу не пожелать уйти куда нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ малыхъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій—однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ, въ общемъ *далеко не вѣрно и неточно называемой культурой*. Я родился и воспитывался внѣ этого общества и, по сей пріятной для меня причинѣ, не могу принимать его культуру большими дозами без того, чтобы, спустя нѣкоторое время, у меня не явилась настоятельная необходимость выйдти изъ ея рамокъ... Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ, гдѣ хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно, или идти гулять по полямъ и дорогамъ родины, *что* весьма любопытно, очень *освѣжаетъ* и не требуетъ *никакихъ средствъ*, кромѣ пары хорошихъ выносливыхъ ногъ".

До г. Горькаго никто еще не выступалъ съ такой смѣлой, энергичной проповѣдью самого безграничнаго индивидуализма. Не удивительно поэтому, что и проповѣдь эта встрѣчена далеко не всѣми одинаково. Въ то время, какъ у однихъ „безпокойные люди" г. Горькаго отчасти вызвали отчасти, лишь усилили врожденное имъ безпокойство, въ тоже самое время другіе люди болѣе уравновѣшенные, отнеслись къ этимъ свободолюбивымъ босякамъ даже недружелюбно. Еще на дняхъ попала мнѣ въ руки книжка „Русской мысли", гдѣ небезъизвѣстный критикъ г. Протопоповъ, прилаживающій ко всѣмъ вопросамъ свою старую, покрытую плѣсенью трафаретку, относится очень скептически ко всѣмъ порывамъ въ высь „безпокойныхъ" героевъ г. Горькаго и даже пытается, неизвѣстно зачѣмъ, доказать, что не всѣ могутъ достичь полной свободы, что нельзя не считаться съ нѣкоторыми принятыми уже въ культурныхъ обществахъ пропонами и т. д.

Споръ съ такого рода оппонентами, ведущійся вездѣ и всюду въ настоящее время, споръ, конечно, совершенно безплодный. Ни та, ни другая сторона не понимаетъ, да и не можетъ понять

другъ друга. Если вы меня спросите — почему, я отвѣчу ссылкой на прекрасный по своей художественности поэтическій разсказъ г. Горькаго „Пѣсня о соколѣ“. Пѣсня эта содержитъ въ себѣ небольшой діалогъ между раненымъ соколомъ и ужомъ. Ужъ рѣшительно не понимаетъ свободолюбиваго стремленія птицъ въ небу. Послѣ разговора съ соколомъ, съ восторгомъ говорившимъ на эту тему, онъ свертывается клубочкомъ, подпрыгиваетъ и сейчасъ же падаетъ.

„Такъ вотъ въ чемъ прелести полетовъ въ небо, говоритъ ужъ. Она—въ паденьи. Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу“...

«*Рожденный ползать*, морализируетъ по этому поводу разсказщикъ, *летать не можетъ*“.

Вотъ простой, но ясный отвѣтъ на вопросъ о причинѣ постоянныхъ споровъ между людьми спокойными и людьми безпокойными. Самъ г. Горькій не заблуждается относительно конечныхъ результатовъ постояннаго стремленія въ высь людей безпокойныхъ. Онъ знаетъ, что для большинства, если не для всѣхъ, полеты эти оканчиваются паденіемъ, что паденіе это сопровождается ужасными страданіями, часто смертью. Раненный соколъ, желая послѣдній разъ насладиться ощущеніемъ свободнаго смѣлаго полета, бросился съ утеса въ пропасть и разбился. Онъ погибъ, но это не важно, а важно то, что свою жизнь провелъ онъ свободно, а по смерти сталъ „живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ и свѣту“. Неважно также, что многіе будутъ искать свѣта не тамъ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ и въ концѣ концовъ погибнутъ. Пускай, говоритъ alter ego г. Горькаго, не нужно имъ мѣшать, не стоитъ ихъ жалѣть—людей много! Важно стремленіе, важно желаніе души найти Бога и если въ жизни будутъ души, охваченныя стремленіемъ къ Богу, Онъ будетъ съ ними и оживитъ ихъ, ибо Онъ есть безконечное стремленіе къ совершенству.

Одни могутъ конечно, раздѣлять эти порывы въ большей степени, другіе въ меньшей, но, я думаю, нисколько не ошибусь, если скажу, что всѣ мы, закрывая небольшой сѣренькій томикъ разсказовъ г. Горькаго, не разъ повторяли себѣ слова Лежнева о Рудинѣ. „Въ немъ есть энтузіазмъ, а это—самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы. Мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ».

Вл. Боцяновскій.

Послѣдніе Горбатые—Шуйскіе [1].

Ужаснулась Москва, видя Царя Ивана...

Недавно былъ онъ стройный, высокій ростомъ, съ яснымъ взглядомъ сѣрыхъ, полныхъ огня глазъ.... Его умное лицо украшали борода и усы, а на головѣ росли густые волосы...

Не узнала столица въ сгорбленномъ старцѣ, съ искаженными злобой чертами, съ совершенно вылѣзшими волосами на головѣ и бородѣ, потухшимъ взоромъ, лишь изрѣдка вспыхивавшимъ гнѣвомъ и яростью, того Іоанна, который побѣдоносно водилъ русскіе войска подъ стѣны Казани и Астрахани, друга Сильвестра и Адашева, перваго царя всея Руси.

Точно туча нависла надъ столицей, когда Іоаннъ, 3 декабря 1564 г., послѣ обѣдни въ церкви Успенія, уѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царицей Маріей Темрюковной, сыновьями, своими любимцами—Алексѣемъ Басмановымъ, княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ, Михайломъ Салтыковымъ и другими, съ цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ хранителей, забравъ съ собою множество дворцовой утвари, драгоцѣнностей, денегъ, иконъ и крестовъ, но еще большее смущеніе овладѣло всѣми, когда послѣ продолжительнаго путешествія по разнымъ монастырямъ, царь изъ Александровской слободы прислалъ съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ письмо Митрополиту Аѳанасію и другое съ дьяками Путило Михайловымъ и Андреемъ Васильевымъ—къ гостямъ, купцамъ и мѣщанамъ московскимъ.

---

[1]) Источниками для составленія этого очерка послужили:

Карамзинъ «Исторія государства Россійскаго» т. IX.

Соловьевъ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» т. 6 гл. 4.

Бѣловъ «Русская исторія».

«Александро-Невская лѣтопись».

А. Браудо. Посланіе, Таубе Крузе (журн. Министерства Н. Пр. 1890 г. т. X).

Хронографъ, повѣсть, приписываемая до послѣдняго времени Сергѣю Іевлеву Кубасову, но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ принадлежащая князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому (см. А. Поповъ «обзоръ хронографовъ русской редакціи и С. Ѳ. Платоновъ—«Древнія русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени»)

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга».

«Сказанія князя Курбскаго», изд. Устрялова.

Н. И. Новиковъ — «Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко-то: Россійскія посольства въ другіе государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ стихотворцовъ», т. XX.

Вся столица пришла въ ужасъ, узнавъ, что царь въ этихъ письмахъ заявилъ о желаніи оставить престолъ. Грозенъ былъ Іоаннъ, страшенъ гнѣвъ его, но безначаліе и правленіе боярское, столь памятное во время малолѣтства царя, показалось людямъ московскимъ страшнѣе правленія царскаго....

Очень ужъ недобрую память оставило по себѣ правленіе боярское...

Встревоженный народъ требовалъ возвращенія царя: „Государь оставилъ насъ, мы погибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплеменными? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?“ кричали всѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ требованій благословилъ митрополитъ святителя Новгородскаго Пимена и Гдовскаго Архимандрита Левкія послами къ царю, а съ ними отправились въ слободу Александровскую многіе епископы, бояре, князья, окольничіе, дворяне, приказные, купцы, мѣщане и другіе люди просить царя вернуться въ Москву и царствовать какъ будетъ ему, царю, угодно.

Іоаннъ не ошибся.... Не долго заставилъ онъ себя уговаривать и согласился „паки взять свои государства для отца моего митрополита Аѳанасія, для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ“.—

Въ Срѣтенье той же зимы торжественно въѣхалъ Государь въ Москву, окруженный любимцами, тѣлохранителями, съ мечами, ружьями, дрекольями.

Навелъ страхъ на москвичей отъѣздъ царя, а еще большій его возвращеніе. Былъ царь грознымъ владыкой, незнавшимъ ни жалости, ни пощады, а вернулся еще страшнѣе... Поняли люди московскіе, что сами на себя бѣду накликали и въ ужасѣ притихла Москва, ожидая гнѣва царскаго...

Не заставилъ онъ себя долго ждать...

На другой же день, 3 февраля, по Москвѣ пронеслась зловѣщая вѣсть—завтра судъ царскій.

И всѣ знали, что это значитъ.

Этотъ судъ не вѣдалъ ни милости, ни состраданія, ни правды: ничто не спасало отъ подозрѣній, Іоанна. Онъ не давалъ себѣ труда даже провѣрять подозрѣнія посылая несчастныхъ на казнь, въ свирѣпомъ гнѣвѣ своемъ, не зналъ онъ ни праваго, ни виноватаго и, безъ содраганія, не разъ убивалъ своей рукой...

Хорошо, если обреченному на смерть приходилось перейти въ ея холодныя объятія безъ мукъ, придумываемыхъ съ особеннымъ стараніемъ самимъ царемъ и его любимцами, но не многимъ это удавалось. Царь не только казнилъ своихъ мнимыхъ враговъ, но старался ихъ послѣдніе смертные часы отравить всевозможными мученіями.

Съ трепетомъ ожидали московскіе люди, на кого, на этотъ разъ, упадетъ тяжелый жребій гнѣва Іоаннова...

Рано утромъ 4 февраля вся столица стремилась на площадь. Взошло солнце, чтобы видѣть новое кровавое дѣло, одну изъ черныхъ страницъ исторіи, несмываемое пятно съ царствованія Іоанна, чтобы видѣть какъ славный воевода, князь Александръ

Борисовичъ Горбатый-Шуйскій, потомокъ святаго Владиміра, Всеволода Великаго и древнихъ князей Суздальскихъ, знаменитый участникъ покоренія царства Казанскаго, мужъ ума глубокаго, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отечества и христіанъ“ [1]), станетъ первой жертвой новаго безумія царя...

Спокойно, съ глубокой думой на челѣ старый русскій князь шелъ на закланіе, объ руку со своимъ 17 лѣтнимъ сыномъ Петромъ Александровичемъ...

Тяжело было старому боярину, всю жизнь служившему дорогой, родной ему Руси и на поляхъ ратныхъ и въ иныхъ дѣлахъ, не щадившему ни силъ, ни здоровья—тяжело и обидно, но, главнымъ образомъ, не за себя сжималось его сердце отъ страшной боли, мучительнѣе всякой физической,—сознанія, что съ собой на плаху онъ ведетъ юношу—сына...

Растилъ, лелѣялъ онъ его, воспиталъ въ страхѣ Божіемъ, готовилъ на службу родинѣ, вселялъ въ немъ любовь къ ней съ малолѣтства, зналъ, что Петръ будетъ достойнымъ носителемъ имени Горбатаго-Шуйскаго, не посрамитъ отца и предковъ... И вотъ этому сыну единому судилъ Господь сложить на плахѣ голову подъ ударомъ палача...

Не къ жизни привелъ онъ, отецъ, своего сына, не на широкій путь служенія родинѣ указалъ ему, а на жестокую смерть...

Если онъ, старый князь, умиралъ за сознаніе, что Іоаннъ не царь Руси, Богомъ ставленный, не помазанникъ Божій, а утратившій образъ и подобіе Божіе—мучитель лютый, то вѣдь Петръ, вступающій въ жизнь юноша, чистый сердцемъ и помыслами, умиралъ лишь за то, что чтилъ отца, исполняя завѣтъ Христовъ...

Покорно шелъ молодой князь Петръ объ руку съ отцемъ. Не судилъ ему Господь пути жизни, не судилъ ему быть утѣшителемъ старости отца, а принять вѣнецъ мученичества, принять смерть вмѣстѣ съ тѣмъ, кто далъ ему жизнь.

Въ нѣмомъ ужасѣ смотрѣла толпа, какъ вошелъ на плаху старый князь Шуйскій, сынъ любимаго народомъ воеводы Василія Ивановича, намѣстника въ Новгородѣ и Псковѣ, члена верховной боярской думы во время малолѣтства Ивана Васильевича, герой казанскихъ походовъ, побѣдитель на Арскомъ полѣ князя Япанчи, овладѣвшій всѣмъ его войскомъ и самымъ Арскимъ городомъ, первый намѣстникъ Казанскій, потомокъ въ 22 колѣнѣ Рюрика... И поняла толпа, кого она возвратила на царство, поняла, что за этимъ страшнымъ днемъ наступитъ и другой, будутъ другія жертвы.

Безумію Іоанна дали силу...

Княжичъ подошелъ къ отцу и склонилъ передъ нимъ въ послѣдній разъ колѣна. Долго крѣпился старый бояринъ, но не выдержалъ, дрогнуло его сердце въ эту страшную минуту, и изъ глазъ его покатились на сѣдую бороду тяжелыя, рѣдкія слезы... И благословилъ онъ сына на смерть земную, а за ней—жизнь

[1]) Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс. т. IX.

вѣчную... Обнялъ его и трижды поцѣловалъ. Князь Петръ склонился на плаху...

— „Нѣтъ, сынъ мой, остановилъ его отецъ, окажи мнѣ милость великую, не дай видѣть отцу смерть сына... Я первый предстану предъ Всевышнимъ“...

Старикъ подошелъ къ плахѣ, замахнулся палачъ мечемъ и разомъ отсѣкъ его голову...

Князь Петръ, на минуту осиротѣлый, взялъ въ руки отрубленную голову отца и съ благоговѣніемъ ее поцѣловалъ...

Затѣмъ, сотворивъ крестное знаменіе, съ веселымъ лицемъ взглянулъ на небо и, какъ на радостное свиданіе идя къ отцу въ царствѣ Христовомъ, подошелъ къ плахѣ, и палачъ тѣмъ же мечемъ совершилъ и надъ нимъ свое дѣло...

Такъ погибли послѣдніе князья Горбатые-Шуйскіе, отецъ и и братъ Евдокіи Романовой—жены дѣда перваго царя изъ дома Романовыхъ—Михаила, павшіе жертвой дикой ярости, безумнаго гнѣва перваго царя всея Руси...

С. Сухонинъ.

Странички прошлаго.

Неудача будущаго министра.

Печатаемые ниже документы свидѣтельствуютъ о неудачѣ поступленія на государственную службу будущаго Министра Финансовъ С. Ю. Витте по окончаніи имъ курса въ Новороссійскомъ университетѣ.

Начальникъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

по Канцеляріи

19 мая 1870 года.
№ 2647.

Въ Тифлисѣ

Г. Бакинскому Военному Губернатору, Управляющему и Гражданскою частію.

Препровождая при семъ списокъ Кавказскимъ воспитанникамъ, обучающимся въ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые по окончаніи курса наукъ въ семъ 1870 году могутъ быть опредѣлены на службу въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сообщить мнѣ, въ возможной скорости, свѣдѣніе, не представляется ли въ настоящее время надобности въ поименованныхъ въ спискѣ молодыхъ людяхъ, для опредѣленія ихъ на службу по ввѣренной Вамъ части. При этомъ считаю нужнымъ присовокупить, что Государю Великому Князю Намѣстнику благоугодно было приказать, чтобы Кавказскіе стипендіаты вызывались на службу не иначе какъ на вакантныя должности, которымъ присвоено содержаніе, такъ какъ съ ограниченіемъ обязательнаго служенія Кавказскихъ воспитанниковъ въ здѣшнемъ краѣ требованіями Главнаго Кавказскаго начальства, этимъ самымъ подразумѣвается, что требованія дѣлаются на вакантныя должности.

И. д. Начальника Главнаго Управленія, Сенаторъ

Правител. Канцеляріи **Н. Прибиль.**

При изложенной бумагѣ помѣщенъ списокъ, въ которомъ, въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ наукъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, значится: въ Новороссійскомъ университетѣ, по физико-математическому факультету—Сергѣй Витте. Въ отвѣтъ на приведенный запросъ была послана слѣдующая телеграмма:

„Тифлисъ.

Правителю Канцеляріи Прибилю

Для упомянутыхъ въ отношеніи за № 2647 воспитанниковъ нѣтъ въ виду вакантныхъ мѣстъ Бакинской губерніи.

Колюбакинъ

31 августа 1870 года".

Такимъ образомъ попытка С. Ю. Витте поступить на государственную службу окончилась неудачей. Но кто знаетъ, если бы въ 1870 году нашлось для него какое нибудь мѣсто въ Бакинской губерніи, хотя бы въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, былъ-ли бы онъ теперь Министромъ Финансовъ?

Землетрясеніе въ Москвѣ.

(1802 г.).

Осенью 1802 года въ Москвѣ случилось необыкновенное происшествіе. 14 октября въ два часа пополудни въ раіонахъ: Мясницкой, Тверской, Таганской, Петровской, Арбатской, Басманной и Прѣсненской частей обнаружено было землетрясеніе, а съ четырехъ часовъ того же дня по 12 ч. слѣдующаго цѣлую ночь напролетъ продолжался туманъ. Случай вызвалъ понятное волненіе въ публикѣ. Хотя землетрясеніе продолжалось ровно двѣ минуты и обошлось безъ вреда для людей и зданій, тѣмъ не менѣе желательно было знать, насколько такого рода явленія свойственны вообще Московскимъ холмамъ, до сихъ поръ свободнымъ отъ какихъ-бы то ни было вулканическихъ изверженій. Кромѣ публики взволнованы были и власти. Донося о происшествіи сначала Московскому Главнокомандующему, потомъ самому Государю, тогдашній Оберъ Полицеймейстеръ Каверинъ росписывалъ подробности необыкновеннаго случая. Оказывается, что землетрясеніе, хотя и не въ равной степени, но было „почувствовано" по всей столицѣ. Одинаково испытали его дома князя Сергѣя Михаиловича Голицына, Тайнаго Совѣтника Василія Петровича Салтыкова, Дѣйств. Тайнаго Совѣтника Николая Ивановича Маслова, князя Сибирскаго, какъ и домочки вдовы умершаго звонаря Феодосьи Родіоновой и актера Сандунова. Особенно ощутительно было землетрясеніе въ верхнихъ этажахъ большихъ домовъ, гдѣ колебались „мебель и прочіе домашніе приборы". „Работавшіе на Спаской башнѣ въ Кремлѣ, чувствовали трясеніе оной, а въ домѣ актера Сандунова отъ сильнѣйшаго колебанія живущіе въ ономъ начали было выходить вонъ". Были конечно признаки болѣе серьезные, но и они по разсмо-

трѣніи оказывались неважными. Такъ на другой день послѣ происшествія у нанимающаго въ домѣ господина Генерала отъ Инфантеріи князя Долгорукова, иностранца Готье, обнаружена въ „сухомъ винномъ погребѣ" въ землѣ расщелина. „Я, пояснялъ въ своемъ рапортѣ Оберъ-Полицеймейстеръ, осматривалъ оную, обще здѣшняго Университета съ профессоромъ экспериментальной физики Коллежскимъ Совѣтникомъ Страховымъ, и нашелъ ее въ длину—одного, въ ширину—одного-жъ аршина съ половиною, а въ глубину одной сажени. Сей послѣдній (т. е. Страховъ) утверждаетъ, что на мѣстѣ томъ надлежало быть прежде ямѣ, поелику если бы расщелина сія случилась въ материкѣ, то потерпѣли бы оттого и самыя стѣны погреба" [1]).—Такого же характера оказалась трещина и въ домѣ Московскаго купца Николая Самгина. Между тѣмъ туманъ, начавшійся какъ извѣстно съ вечера рокового дня, продолжался еще 16-го числа, по временамъ бывалъ рѣже, а иногда „съ такою густостью, что въ трехъ саженяхъ трудно различить предметы". Все это внушало нѣкоторый страхъ, а начальство побуждало къ дѣлу отнестись строже.—„Донесенія вашего Пре—ва о бывшемъ въ Москвѣ землетрясеніи, писалъ Московскій Главнокомандующій Каверину, хотя и содержатъ не малые о семъ чрезвычайномъ происшествіи доводы, но для подробнѣйшаго объясненія объ ономъ надлежало бы вамъ точнѣе упомянуть обстоятельства, предшествовавшія и послѣдовавшія оному, какъ-то: состояніе барометра и термометра, вѣтра, теплоты и погоды, бывшей въ началѣ дня сего" и т. п. Далѣе фельдмаршалъ Салтыковъ интересовался самой обстановкой происшествія, были ли подземные удары и „какія именно мебели въ большихъ домахъ колебались", что испыталъ самъ Каверинъ и свидѣтели прискорбнаго явленія; наконецъ не отразился ли туманъ на чьемъ либо здоровьѣ, а самое землетрясеніе не повліяло ли какимъ нибудь образомъ на воду въ Московскихъ прудахъ и въ Москвѣ-рѣкѣ? Каверинъ былъ смущенъ Конечно, ни одинъ пустякъ не долженъ былъ по правиламъ ускользнуть отъ бдительнаго взора градоначальника, но съ другой стороны „происшествіе сіе" настолько для здѣшней столицы „неожиданно и необыкновенно", что обстоятельства, предшествовавшія оному остались безъ особливаго замѣчанія". На этомъ основаніи всѣ помянутые выше вопросы могли быть разрѣшены только отчасти. Напр., туманъ былъ, но, кромѣ него „въ воздухѣ никакихъ отличныхъ перемѣнъ примѣтно не было". Тоже можно сказать и о „подземельныхъ звукахъ и ударахъ". Несомнѣнно ихъ ощущали, но „не зная, чему приписать оныя",—„какъ по водѣ въ рѣкѣ, такъ и въ прудахъ",—оставляли безъ вниманія. Изъ мебели въ домахъ „болѣе всего колебались люстры и зеркала". „Я самъ въ занимаемомъ мною домѣ ничего въ то время не чувствовалъ, а случившійся у меня на тотъ разъ штабсъ-лѣкарь Кульманъ замѣтилъ слабое колебаніе зеркаловъ и потрясеніе подъ нимъ табурета". Затѣмъ приводится, составленная Тургеневымъ, „таблица наблюденій атмосферы передъ землетрясеніемъ":

[1]) Архив. старыхъ дѣлъ Москов. Губ. Правленія. д. № 181416/61.

Степень тепла по реомюру.	Знаки состоянія атмосферы.																							Объясненіе знаковъ.
	— = +8¼	= +9	= ∵ +1	⊙ +5	⊙ + л.л.	⊙ + 6	= +1	⊙ + л.л.	⊙ +5½	= ⊙ +3	= ⊙ +8	= +5	∵ +л.	∵ +4	∵ +3	∷ +л.	∵ +³/₂	∵ +1½	∵ 0	∵ +3	∷ +½	∵ = —л.	≡ +1½	∵ +л.	= Небо покрытое облаками. ⊙ Ясное небо. ∵ Туманъ. .... Означеніе высоты ртути въ барометрѣ. Каждаго дня наблюденія показаны въ 3-хъ графахъ красными линѣечками означенныхъ: въ первой — сдѣланное наблюденіе послѣ 6 ч. у., во второй—послѣ 2 ч. п.п. въ 3-ей въ 9 или 10 ч. вечера.
30																									
29		л.л. +8			п.2 ⊙			13 ☽			14 ♁			15 ☿			16 4			17 ♀			18 +8		
28																									

Оставалось сказать о состояніи барометра и термометра во время происшествія, но не компетентный въ такой спеціальности Оберъ-Полицеймейстеръ предпочелъ снестись поэтому поводу съ Директоромъ Московскаго Университета Тургеневымъ и отвѣтъ послѣдняго представилъ Главнокомандующему. Объясненіе Тургенева довольно своеобразное, но во всякомъ случаѣ мало научное: „До землетрясенія была погода такая, которую называютъ хорошей, т. е., хотя и не всегда ясная, но теплая и сухая. Послѣ онаго настали туманы, продолжавшіеся почти до 20-го, потомъ морозы, которые и теперь продолжаются".

Въ заключеніе Каверинъ представилъ гр. Салтыкову „свидѣтельство" нѣкоего Ивана Миндерера, или, какъ онъ себя самъ называлъ: „Коллежскаго Совѣтника Московской военной Гошпитали Старшаго Доктора и Государственной Медицинской Коллегіи почетнаго члена". „Свидѣтельство это не лишено интереса: „Сего 1802 г. Октября 14 дня пополудни въ половинѣ второго часа, по моимъ часамъ, лежа на спинѣ на постели и читавши книгу, почувствовалъ я, что качаюсь изъ бока на бокъ, такъ что подо мною складная походная кровать скрипѣла. Вглянувъ, увидѣлъ я, что отъ электрической машины кондукторъ, состоящей изъ политурной бумаги въ поперешникѣ шесть дюймовъ, а длиной полтора аршина, висящей на двухъ шелковинкахъ, весьма шатался и по сему догадался я, что качаніе, мною примѣтное, ничто иное какъ землетрясеніе было. По моимъ чувствомъ различалъ я два удара, изъ коихъ первый сильнѣе былъ другого. Время продолженія онаго точно означить не могу, однако полагаю онаго около 15-ти секундъ; что сіе землетрясеніе дирекцію свою имѣло отъ востока къ западу, доказываетъ (то), что вышепомянутая труба (?), вися по той дирекціи, поперекъ горницы, вдоль шаталась; а по положенію моей кровати головей я лежалъ къ полудню, качаясь изъ боку на бокъ; а какъ я въ 1771-мъ и 1772-мъ годахъ въ Молдавіи, въ 1789-мъ въ Кіевѣ и въ 1793-мъ въ .... (не разобрано) подобныя явленія замѣчалъ, то сему моему свидѣтельству вѣрить можно".

Любопытно, что признаки землетрясенія въ Москвѣ повторились въ одно и то-же время и въ одинаковыхъ размѣрахъ въ Коломенскомъ у., Московской губерніи. Явленіе замѣчено было въ сельцѣ Каменкѣ, исключительно въ домѣ отставного секундъ-маіора Аладьина, гдѣ „колебались стѣны" и „двигалась мебель", однако, безъ вреда для кого либо. Больше явленія не повторялись.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

Памяти Ѳ. Г. Волкова.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ происходило въ г. Ярославлѣ «нѣкое лицедѣйство, крайне диковинное и до того времени въ Ярославлѣ невиданное»—*чествовали память актера*—Ѳ. Г. Волкова.

Какъ справедливо отмѣтилъ по этому случаю въ своей рѣчи кн. С. М. Волконскій, такое «лицедѣйство»—крайне диковинно не для одного Ярославля, но и для Россіи и оно несомнѣнно

отмѣчаетъ извѣстный моментъ въ развитіи нашего общественнаго самосознанія, моментъ можетъ быть, не менѣе важный, нежели то «лицедѣйство», смотрѣть которое приглашались Ярославцы въ волковскій амбаръ:

. . . . зданіе
Не богатое, но въ немъ
Все слилось: тоска, рыданіе,
Страсть, горящая огнемъ,
Смѣхъ сквозь слезы, смѣхъ карающій,
Искры счастья, море слезъ...[1])

У насъ существовали театры и до выстроеннаго полтораста лѣтъ назадъ театра Ярославскаго—при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ, существовали любительскіе театры и театры меценатовъ, но *не было театра народнаго.*

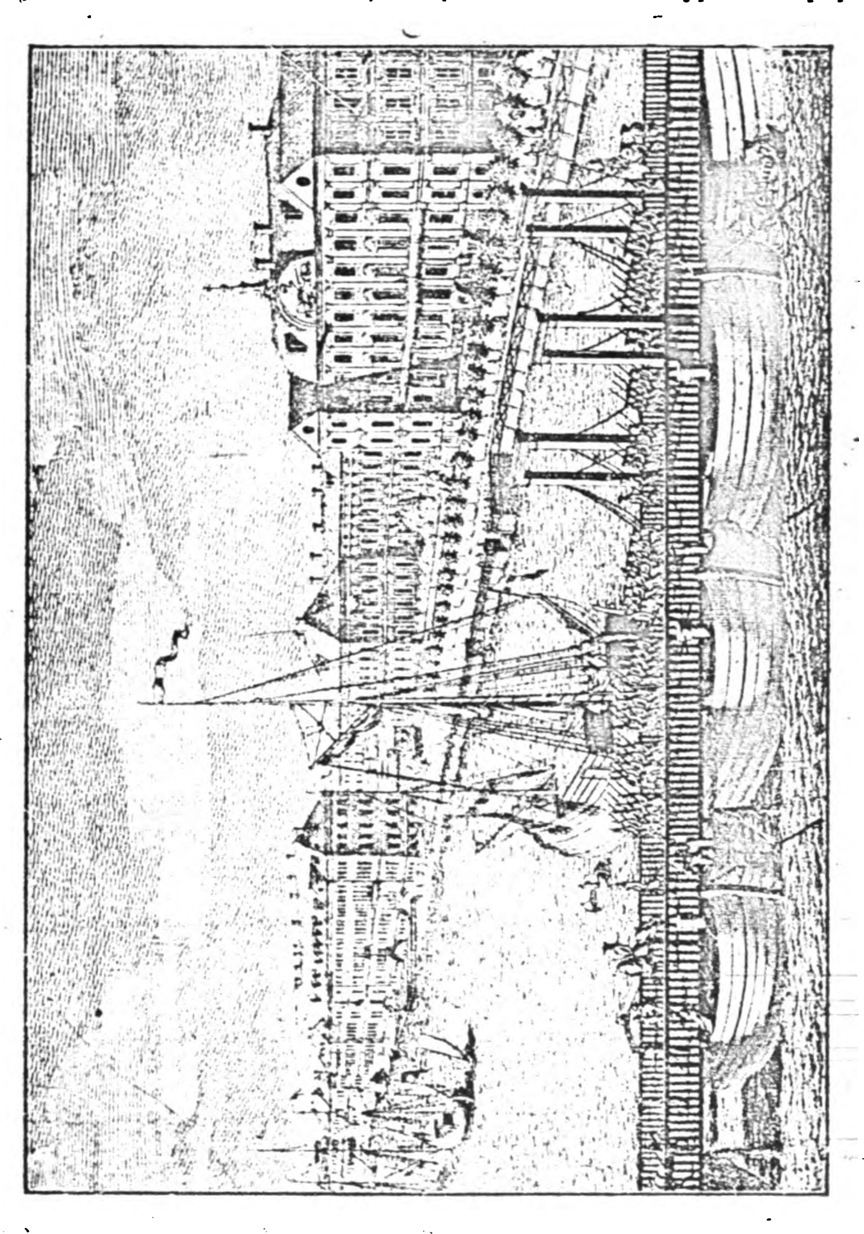
Такой народный театръ и суждено было создать Ѳедору Григорьевичу Волкову, посвятившему ему всю жизнь и средства, въ сотрудничествѣ съ Дьяконовымъ (Нарыковымъ - Дмитревскимъ), Поповымъ и Шумскимъ и русскими первыми актрисами (см. выше ст. «Первая русская актриса»).

Бюстъ Волкова.

---

[1]) Юб. стих. Л. Н. Трефолева.

Пріёмный сынъ купца Полушкина—Волковъ росъ въ средѣ по тому времени тёмной, но, вѣроятно, постороннія воздѣйствія (пастора ссыльнаго Бирона) и обученіе въ Москвѣ (въ заиконоспасской москов. академіи) и художественная натура отъ природы



Шляхтетскій Корпусъ въ С.-Петербургѣ, въ которомъ Волковъ и Дмитревскій заканчивали образованіе. Гравюра Елизаветинскаго времени Я. Васильева, по рисунку Махаева. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

(онъ былъ талантливый рисовальщикъ) предрѣшили его дѣятельность. Волковъ не встрѣтилъ, сперва, сочувствія своему почину, но, однако, его «театръ», несмотря на господство на сценѣ ходульнаго, псевдоклассическаго репертуара, слабаго и въ оригиналѣ и окончательно искаженнаго «à la russe», сталъ быстро пускать корни...

Изъ комнатъ въ 1750 г. театръ переходитъ въ сарай, а въ 1751 году въ особое зданіе для 1000 чел. зрителей съ платой— отъ 3 коп. до 25 коп. за мѣсто.

30 августа 1756 г., по переѣздѣ Волкова въ Петербургъ и окончаніи обученія „манерамъ" въ Сухоп. кадет. корпусѣ, театръ становится государственнымъ учрежденіемъ, а Волковъ — первымъ придворнымъ „актіоромъ".

Этотъ, по выраженію Фонвизина „мужъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствомъ имѣлъ большія знанія и могъ быть человѣкомъ государственнымъ". На наше счастіе—Волковъ предпочелъ „идти дорогою свободною—туда, куда повлекъ его свободный умъ" и... не сдѣлался дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а, по тѣмъ временамъ, *избѣжать* этого было трудно!.. Такимъ образомъ и какъ *человѣкъ*, и какъ общественный дѣятель— „сѣятель"—Волковъ заслуживаетъ двойную хвалу. Миръ праху одного изъ нашихъ „*сѣяточей*"!

М. В. Г.

Автобіографическая замѣтка *А. С. Стурдзы*.

Александръ Скарлатовичъ родился 1791 года, ноября 18-го дня, въ Яссахъ. Отецъ его первостепенный бояринъ Молдавскій, древняго туземнаго рода, переселился въ Россію съ семействомъ по заключеніи Ясскаго мира съ Портою въ 1792 году по приглашенію Екатерины Великой, и, за оказанныя Россійскому Престолу услуги удостоенъ былъ чина Д. С. Совѣтника и ордена Св. Владиміра 2 степени большаго креста. Младшій сынъ его, Александръ Стурдза получивъ воспитаніе въ домѣ родительскомъ, вступилъ въ службу въ 1809 году, по Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Онъ первоначально служилъ въ Канцеляріи Государств. Канцлера графа Н. П. Румянцева; 1812 года откомандированъ для дипломатической переписки къ Адмиралу Чичагову, коему поручено было главное начальство надъ Дунайскою арміею; находился при Адмиралѣ въ Бухарестѣ и во все продолженіе похода противъ французовъ, до переправы черезъ Нѣманъ. Домашнія обстоятельства заставили его тогда возвратиться въ столицу. Въ 1813 году Стурдза пожалованъ Камеръ-юнкеромъ; въ 1814 опредѣленъ къ Вѣнской Миссіи, съ октября того же года употребленъ во всѣхъ дѣлахъ Вѣнскаго Конгресса сотрудникомъ при Статсъ-Секретарѣ графѣ Каподистріи и за отличіе произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры. Пожалованъ кав. орд. Св. Анны 2 степени, и почтенъ Прусс. орденомъ Краснаго Орла 2 класса и Австр. Св. Леопольда. Изъ Вѣны Стурдза отправился вслѣдъ за Импер. Алекс. I въ Парижъ, употребленъ былъ въ Парижѣ, при дипломатическихъ дѣлахъ и переговорахъ, составленіи акта Св. Союза и разныхъ манифестовъ; награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника, возвратясь въ Петербургъ, принялъ управленіе Канцеляріею Графа Каподистріи, и въ его отсутствіе завѣдывалъ дѣлами ввѣрен. сей Канцеляріи по Высоч. волѣ. Въ 1816 году, Стурдза, рев-

нуя по Православіи, по случаю изгнанія Іезуитовъ изъ столицы, издалъ извѣстное сочиненіе: Considerations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe. Оно напечатано было въ Веймарѣ и вскорѣ появилось въ переводахъ нѣмецкомъ и англійскомъ. Въ томъ же году онъ произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники. Въ Москвѣ, во время пребыванія Императора и Двора, онъ продолжалъ заниматься политическими трудами, назначенъ Членомъ Совѣта Имп. Человѣколюбиваго общества и Главнаго Правленія училищъ. На него возложено было составленіе инструкціи для Ученаго Комитета при семъ Правленіи. 1818 года пожалованъ въ Статск. Совѣтники. 15 апрѣля въ 1818 году Стурдза отправился по должности въ Ахенъ на конгрессъ. Тогда по нескромности и корыстолюбію Шеля доведена записка его: Mèmoire sur l'Etat de l'Allemagne, до всеобщаго свѣдѣнія. Сочинителя, писавшаго по долгу службы, осыпали въ Германіи клеветами и ругательствами, преслѣдовали кинжалами. Но Императоръ отличилъ его Орд. Св. Владиміра 3-й степени. Возвратясь въ Россію 1819 года, Стурдза продолжалъ служеніе по дипломатической части учебной и правительственной. Онъ завѣдывалъ письмоводствомъ по докладу о Бессараб. Области ввѣренному Стат.-Секрет. графу Каподистріи, 1820-го Августа 30 дня пожалованъ въ Д. С. Совѣтники. Въ 1822 выбылъ изъ дожности въ безсрочный отпускъ; въ 1823 году издалъ сочиненіе свое о Греціи: La Grèce en 1821 et 1822. Оно напечатано въ Парижѣ и переведено было на нѣмецкій языкъ. Въ 1825 и 1826 Стурдза путешествовалъ по Европѣ для возстановленія разстроеннаго здоровья и зрѣнія. Въ Декабрѣ 1827 года вызванъ былъ въ Петербургъ по волѣ Государя Императора и снова вступилъ въ дѣятельную службу. Въ 1828 году явилось на Греческомъ, а въ 1830 на Русскомъ языкѣ, новое сочиненіе его: Енхиридіонъ, или Ручная книга Православнаго христіанина, одобренная Св. Сунодомъ.

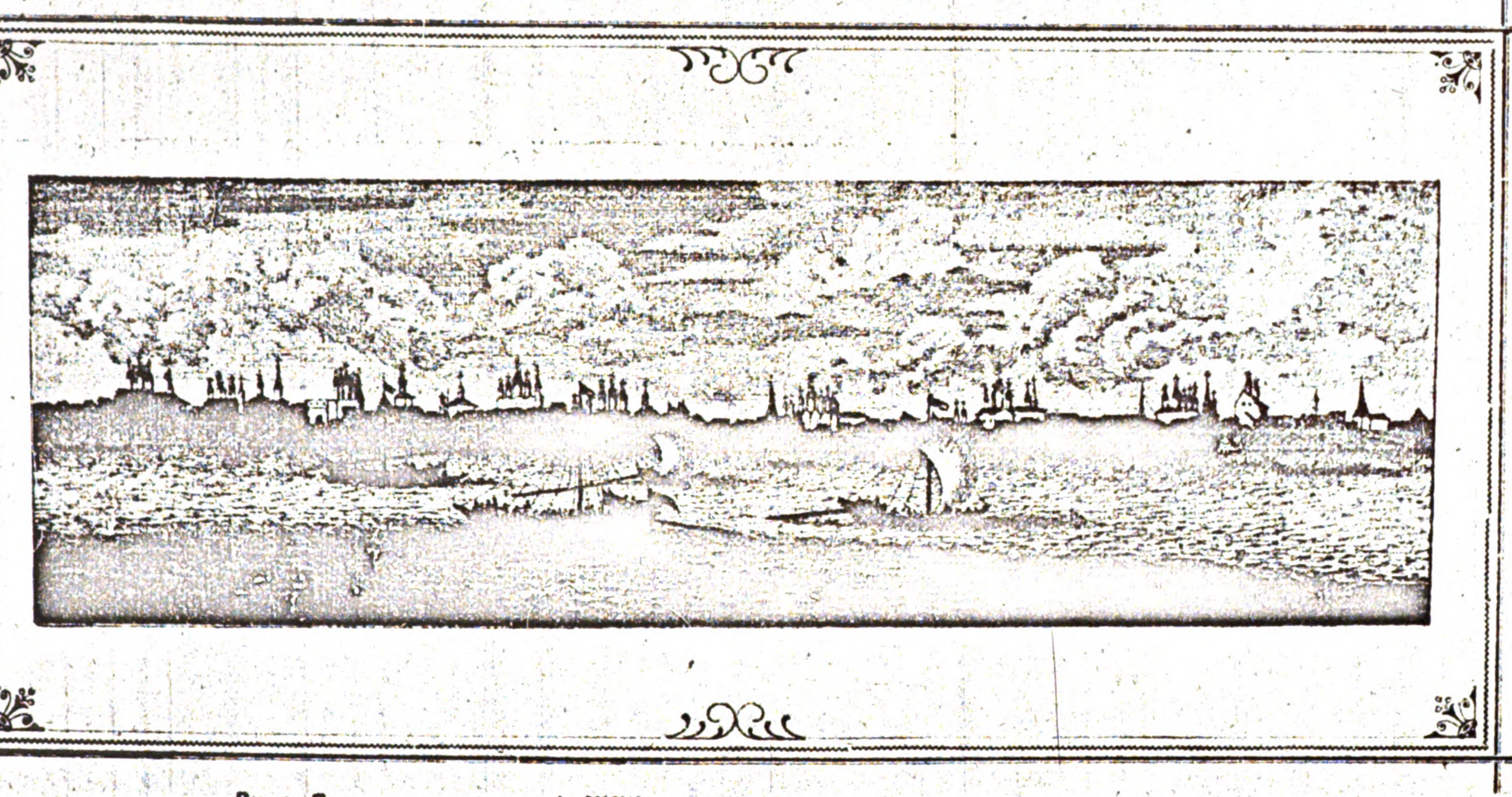
Получивъ въ Апрѣлѣ орд. Св. Анны 1-ой степени за прежнюю службу по Министерству Просвѣщенія, Стурдза отправился въ Бухарестъ, для управленія Канцеляріею Иностранныхъ Дѣлъ, тамъ водворенной во время войны противъ Турокъ. Прибывъ въ П. въ 1829 году, онъ пожалованъ Орденомъ Св. Владиміра 2-ой степ. больш. креста за труды въ военное время и составленіе перваго проекта преобразованія Молдавіи и Валахіи.

Въ Маѣ 1830 года вышелъ въ отставку съ чиномъ Тайнаго Совѣтника и пенсіономъ. Въ досугахъ домашней жизни Стурдза занимается современною политическою исторіею Россіи въ царствованіе Александра I-го. Нѣкоторыя мелкія сочиненія его: «Вѣра и вѣдѣніе», «О вліяніи земледѣлія на нравств. развитіе народовъ» и «Письмо опытнаго романтика къ новичку», *) обратили на него вниманіе мыслящихъ читателей.

Подлинникъ (собственноручный) напечатанной выше краткой автобіографической замѣтки А. С. Стурдзы, роднаго брата гр. Р. С. Эдлингъ, переписка съ которой гр. І. А. Каподистрія заканчивается въ этомъ нумерѣ

---

*) Это „Письмо опытнаго Романтика къ новичку, выступающему на поприщѣ родной словесности" было напечатано въ прибавленіи къ Одесскому Вѣстнику на 1834 годъ „Литературныя листки" стр. 80—82.



Видъ Ярославля въ началѣ XVIII ст. съ голландской гравюры того времени.
(Изъ собранія П. Я. Дашкова).

журнала, находится у крестной дочери А. С. Стурдзы—М. М. Розбергъ, живущей въ г. Юрьевѣ. Ея отецъ Михаилъ Петровичъ Розбергъ былъ много лѣтъ профессоромъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, послѣ службы въ Одессѣ (1830—1835 гг.), гдѣ сблизился съ Стурдзою.

Сообщилъ **Г. А. Тройницкій.**

Одинъ изъ русскихъ историковъ.

Недавно въ С.-Петербургѣ открылось бюро „для снабженія общественныхъ дѣятелей, литераторовъ, артистовъ и пр. вырѣзками изъ газетъ, заключающими въ себѣ свѣдѣнія по всѣмъ интересующимъ этихъ лицъ предметамъ". Подобныя бюро давно уже, по словамъ газетъ, [1]) существуютъ за границей, гдѣ „считаютъ между своими кліентами всѣ главы политическаго, научнаго и художественнаго міра. За небольшую плату каждый артистъ, или литераторъ получаетъ тамъ всѣ отзывы печати, касающіеся его или его произведеній; затѣмъ могутъ слѣдить: общественные дѣятели—за взглядами общества на интересующій ихъ предметъ, а промышленныя заведенія—за новостями въ техникѣ или направленіи ихъ спеціальности. Наше новое бюро пополняетъ, какъ гласила замѣтка, пробѣлъ, „который давно чувствуется у насъ въ Россіи, и навѣрно вызоветъ симпатію общества".

Прочитавъ пересказанную замѣтку, я живо вспомнилъ, что бюро для справокъ по всѣмъ отраслямъ знаній существовало уже въ Петербургѣ болѣе 11 лѣтъ сряду (1861 по 1872 г.) а принадлежало оно покойному Мих. Дм. Хмырову, написавшему за означенный періодъ времени болѣе 100 историческихъ монографій, помѣщенныхъ въ различныхъ тогдашнихъ изданіяхъ (нѣкоторыя изданы были отдѣльными книгами), напр. „Опала Эрнеста Бирона", „Густавъ Биронъ", „Ксенія Годунова", „Ермакъ", „Марина Мнишекъ", „Малолѣтство Ивана Грознаго", „Владиміръ Мономахъ", „Стрѣльцы", „Избраніе на царство Михаила Федоровича Романова", „Казанскій походъ Ивана Грознаго", „Богданъ Хмѣльницкій", „Коронованіе Екатерины II", „Первое нашествіе татаръ на Россію", „Генералъ-фельдцехмейстеръ Яковъ Брюсъ", „Графъ Лестокъ" и т. д. и т. д.

Въ свѣтлой большой комнатѣ квартиры Хмырова отъ пола до потолка было множество полокъ, а на нихъ хранились, въ тщательномъ порядкѣ, по предметамъ, вырѣзки изъ газетъ, журналовъ и книгъ; всѣ полки имѣли отдѣльныя надписи, нумераціи и алфавиты. За справками вольны были являться днемъ всѣ, кто хотѣлъ и свободно извлекать, что кому требовалось,—совершенно *даромъ*, а часто и съ помощью хозяина, который давалъ еще, при этомъ, полезные, для неопытныхъ, совѣты. Посѣщали бюро преимущественно готовившіеся въ литераторы, ученые, актеры, художники и проч.; при чемъ всѣ уходили съ признательностью къ любезному и просвѣщенному его владѣльцу.

Покойный М. Д. былъ очень достойный литераторъ и ориги-

[1]) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 7 декабря 1899 г. № 335.

нальный человѣкъ, а потому полагаю не безъинтереснымъ, кстати, кое-что разсказать о немъ по извѣстнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ личнаго знакомства съ нимъ, [1]) устныхъ его разсказовъ, да изъ достовѣрныхъ другихъ источниковъ.

Такъ, М. Д. родился въ 1830 г., воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, а тамъ, будучи въ выпускномъ классѣ, отличался такими литературными познаніями, что по приказанію начальства написалъ стихотвореніе, по случаю предстоявшаго, 28 января 1848 г., 50-лѣтняго дня рожденія тогдашняго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича. Стихотвореніе это, отправленное въ Петербургъ, удостоилось похвалы юбиляра и напечатано было въ январской книгѣ журнала военно-учебныхъ заведеній [2]) 1848 г. № 279 Стихотвореніе это слѣдующаго содержанія:

Прошло твоей полвѣка жизни,
Великій Князь нашъ Михаилъ.
Полвѣка братьямъ и отчизнѣ
Ты вѣрой—правдой отслужилъ.
Ты братъ Царя, по долгу вѣрный,
Ты подданнымъ образецъ:
Начальникъ, братъ и другъ примѣрный,
Кадетамъ ты родной отецъ.
Исполнилъ ты царя велѣнья:
Беречь, учить насъ, воспитать:
За подвигъ этотъ награжденья
Не можетъ онъ тебѣ воздать.
Но Тотъ, кто помыслы читаетъ,
Кто въ славѣ выше звѣздъ сидитъ—
На трудъ твой съ высоты взираетъ,

[1]) Мы познакомились, въ 1862 г., у его пріятеля, а моего руководителя вначалѣ моего писательства Д. А. Саранчева, у котораго я часто встрѣчалъ также Д. И. Писарева, находившагося въ дружбѣ съ нимъ. Саранчевъ по образованію юристъ, съ 1858 г. писалъ объ англійскихъ уголовномъ судѣ и администраціи; о Бѣлинскомъ и Грановскомъ, издалъ книги: Миттермайера—«Смертная казнь», Молешота—о физіологіи, участвовалъ въ изданіи «Жизни животныхъ», Брэма и проч. Былъ онъ, впрочемъ, преимущественно критикъ и помѣщалъ свои статьи, между прочимъ въ журналѣ «Разсвѣтъ». Кромѣ того служилъ въ канцеляріи Военнаго Министерства, но за писательство директоръ канцеляріи, генералъ Д. С. Мордвиновъ не взлюбилъ его до того, что послѣ двухлѣтняго управленія имъ эмеритальнымъ отдѣленіемъ, добился назначенія начальникомъ этого отдѣленія другого, офицера. Тогда Д. А., перевелся товарищемъ предсѣдателя Кишиневскаго областнаго уголовнаго суда, потомъ, по единогласному избранію, безъ ценза,—былъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ Кишиневскаго мироваго съѣзда, затѣмъ—по назначенію товарищемъ предсѣдателя тамошняго окружнаго суда, но просиживая, по этой должности, цѣлыми мѣсяцами въ судѣ надъ разборомъ уголовныхъ процессовъ шаекъ разбойниковъ, по 50—80 человѣкъ, вслѣдствіе переутомленія, съума сошелъ, бредилъ разбойничьими дѣлами и скончался, лѣтъ 50 отъ роду.

[2]) Въ этой же книгѣ помѣщено также юбилейное стихотвореніе другого кадета дворянскаго полка Василія Курочкина, впослѣдствіи издателя «Искры» и переводчика пѣсенъ Беранже.

И онъ тебя благословитъ.
Живи же князь,
Еще ты много, много лѣтъ;
Свершай свой подвигъ благородный
И будь отцомъ для насъ, кадетъ.

Затѣмъ 13 іюня того же 1848 г. авторъ приведеннаго стихотворенія, подписаннаго „унтеръ-офицеръ Хмыровъ", произведенъ въ прапорщики л.-гв. Измайловскаго полка, а служа въ полку М. Д. посвящалъ всѣ свои досуги саморазвитію — чтеніемъ, составлявшимъ для тогдашнихъ гвардейскихъ офицеровъ излишнюю роскошь, но пользоваться ею никто ему не мѣшалъ. Затѣмъ, когда приблизился 50 лѣтній юбилей шефства самаго Императора Николая I Измайловскаго полка (28 мая 1850 г.) начальство вспомнило Хмырова, какъ поэта, и поручило ему сочинить также соотвѣтственное событію стихотвореніе. Дабы содержаніе стихотворенія имѣло связь съ полкомъ, М. Д. изучилъ полковой архивъ и исполнивъ порученіе, долженъ былъ прочитать свое произведеніе по очередно всему по инстанціямъ начальству, а выслушавъ разнообразныя замѣчанія, по соображенію съ ними, исправилъ и приготовилъ стихотвореніе. Самое празднованіе перенесено было на храмовой праздникъ полка—11 іюня, въ Петербургѣ, а парадным обѣдомъ шефъ удостоилъ офицеровъ въ Петергофскомъ дворцѣ 14 іюня. За это стихотвореніе, содержаніе котораго я тщетно розыскивалъ, хотя онъ, по свидѣтельству Хмырова, было своевременно напечатано въ одномъ изъ тогдашнихъ газетныхъ изданій,—онъ былъ произведенъ, за отличіе по службѣ, въ подпоручики (11 іюля 1850 г.), да пожалованъ, по этому же чину, подаркомъ-перстнемъ. Начальство и со своей стороны благодарило М. Д., а самъ онъ чувствовалъ себя, какъ говаривалъ, на седьмомъ небѣ...

— Спустя три дня меня вызвали, продолжалъ М. Д. къ Министру Императорскаго Двора, свѣтлѣйшему Князю П. М. Волконскому. Средствами я располагалъ скудными, а слышалъ, что желающимъ, взамѣнъ подарковъ,—давали деньги, по ихъ стоимости. Предсталъ я предъ величественнымъ Министромъ и отрапортовалъ ему, по артикулу, кто я. Онъ окинулъ меня высокомѣрнымъ взглядомъ и торжественно поздравилъ съ царскимъ подаркомъ. Я замялся. Онъ освѣдомился почему я молчу? Я почтительно доложилъ ему, что по бѣдности желалъ бы получить деньги. Онъ вспылилъ, распекъ меня за дерзость, вольнодумство и грозно указалъ мнѣ на дверь. Я ретировался и, по дисциплинѣ, доложилъ о происшедшемъ по начальству, а оно само перепугавшись, тоже распекло меня. Миновала недѣля самаго тревожнаго состоянія духа моего и моего начальства, вмѣстѣ со мною ждавшаго бѣду. Вдругъ меня потребовали въ Зимній дворецъ, куда отпустили со страхомъ, который и я ощущалъ въ сильнѣйшей степени. Но оттуда я вынесъ 500 рублей, о чемъ снова отрапортовалъ по командѣ, при чемъ начальство порадовалось за себя и за меня. Съ тѣхъ поръ я пріобрѣлъ неодолимое

отвращеніе къ стихотворству, доставившему мнѣ невообразимое огорченіе.

Покончивъ съ поэзіею, М. Д., по „внутреннему влеченію обратился къ занятіямъ отечественною исторіею безъ писательскихъ, впрочемъ, цѣлей“. Начавъ съ полковаго архива, онъ переходилъ и въ разные другіе и вездѣ старательно изучалъ и извлекалъ матеріалы, дѣлалъ извлеченія, вырѣзки изъ газетъ, журналовъ, книгъ, подбиралъ все по предметамъ, бережно скапливалъ и пополнялъ. Даже въ походахъ, во время крымской войны, посвящалъ онъ свои досуги изученію исторіи, а по возвращеніи послѣ войны, съ полкомъ, въ Петербургъ, былъ уже готовымъ историкомъ.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ на Россію повѣяло, какъ извѣстно, свѣжимъ, благотворнымъ воздухомъ: всѣ почувствовали предстоявшія реформы, а народившаяся новая печать заговорила не слыханнымъ до толѣ бодрымъ голосомъ. Давно уже тяготѣвшій къ литературѣ, М. Д. свелъ знакомства естественно съ литераторами. Въ числѣ ихъ былъ ближе къ нему, по его положенію, артиллерійскій офицеръ Вал. Ал.-др. Кремпинъ, предпринявшій, въ 1859 г., журналъ „Разсвѣтъ“, для дѣвицъ, въ видахъ умственнаго ихъ развитія. Въ этомъ-то журналѣ [1]) и помѣщенъ былъ, въ 1860 г., впервые историческій трудъ Хмырова „Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время“. Польщенный успѣхомъ, М. Д. слышалъ, съ разныхъ сторонъ, что вслѣдствіе общаго чрезвычайнаго подъема духа, изъ офицеровъ—одни, помѣщики, — готовились въ мировые посредники, а другіе, охладѣвшіе къ фронтовой службѣ,—собирались замѣнить ее общественною. Отъ совокупности указанныхъ причинъ онъ „возмнилъ о возможности существованія однимъ литературнымъ трудомъ“—и, 13 января 1861 г., вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ, да превратился въ профессіональнаго литератора по исторіи. Какъ гвардейскому офицеру, ему легко открылся доступъ въ архивы высшихъ учрежденій и библіотеки, до личной Императора Александра II включительно.

Всѣ тогдашніе передовые люди бредили народомъ, всячески стремились приблизиться къ нему, даже и внѣшностью, да толковали о народности, истекавшей отчасти и изъ идей славянофильства, которымъ М. Д. симпатизировалъ. И вотъ, въ числѣ нѣкоторыхъ народниковъ и онъ, скинувъ военный мундиръ,—отростилъ бороду и волосы, подстригся въ скобку (онъ былъ сильный брюнетъ съ блѣднымъ лицомъ и сухопарый) и облачился въ красную, или зеленую рубашку, съ косымъ воротомъ, армякъ, плисовыя, черныя шаравары и сапоги бутылками, а въ этомъ всегда, впрочемъ, щегольскомъ костюмѣ [2]) появлялся онъ рѣшительно всюду, объясняя, что предпочитаетъ его, по удобству, всякому другому. Оттого однажды, Императоръ Александръ II, увидавъ его въ своей библіотекѣ, сперва выразилъ удивленіе, по-

[1]) Въ немъ начали литературную дѣятельность здравствующіе: Н. К. Михайловскій и М. М. Скабичевскій, покойный Д. И. Писаревъ и другіе извѣстные литераторы.

[2]) Я видѣлъ въ немъ, напр., И. С. Аксакова.

томъ разспросилъ: кто онъ, что дѣлаетъ, отчего такъ одѣтъ и въ заключеніе милостиво разрѣшилъ ему являться, въ его одеждѣ, въ дворцовую библіотеку. Совершенно противоположно отнеслись къ наряду М. Д. обыкновенныя власти: его, замѣченнаго въ креслахъ въ театрѣ, приглашали, не разъ къ начальству, которое настоятельно совѣтовало ему не смущать въ театрѣ, публику своимъ мужичьимъ платьемъ или туда вовсе не показываться мужикомъ, но онъ рѣшительно отказывался подчиниться требованіямъ „благопристойности", а за это былъ причисленъ къ категоріи легкомысленныхъ людей, вызывавшихъ, для ихъ благополучія, попечительное за ними наблюденіе.

Скромный кабинетный ученый, облюбовавшій исключительно русскую исторію, М. Д., по своему міровоззрѣнію, считался самымъ умѣреннымъ либераломъ, тѣмъ не менѣе послѣ поразившаго всѣхъ Каракозовскаго покушенія (4 марта 1866 г.), явились и къ нему, какъ продолжавшему носить мужичье платье, для ближайшаго ознакомленія съ его дѣяніями. Онъ встрѣтилъ нежданныхъ гостей съ полнымъ спокойствіемъ и предупредительностью, а они, обозрѣвъ бѣгло его бюро и узнавъ отъ него, что именно въ немъ заключается, пожалѣли разрывать его зря, быстро, а на обстоятельную и бережную разборку и укладку требовался, по крайней мѣрѣ, мѣсячный трудъ опытныхъ 15—20 человѣкъ, поэтому гости, удовольствовавшись его „офицерскимъ честнымъ словомъ", что онъ не располагалъ ничѣмъ запрещеннымъ и не тронувъ его достоянія, — миролюбиво отъ него удалились.

Занимался М. Д. только по ночамъ, а спалъ обыкновенно съ 5—6 часовъ утра до полудня. Постоянный усиленный умственный трудъ, ночныя бдѣнія и матеріальные недостатки, постепенно подтачивали его организмъ и сдѣлали его лицо какъ бы пергаментнымъ. Умеръ онъ 27 ноября 1872 г., отъ скоротечнаго пораженія мозга. Послѣ его смерти вдова принялась хлопотать о томъ, куда пристроить оригинальную библіотеку покойнаго, при этомъ нашлись свѣдующіе люди, по рекомендаціи которыхъ она была у нея пріобрѣтена, если память мнѣ не измѣняетъ, за 3.000 рублей, для Румянцевскаго музея, уложена въ тюки и свезена въ Москву, гдѣ долго находилась въ подвалѣ, не растюкованною... Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ ей, какъ я слышалъ, отведено было, въ музеѣ, подобающее мѣсто, но пользуются ли ею москвичи—мнѣ не извѣстно.

В. Никитинъ.

«Полетта»—до гроба...

Полетта Буонапарте, сестра Наполеона I-го, родилась въ 1780 году и семнадцати лѣтъ вышла замужъ за Шарля Эммануила Леклерка. Вступивъ въ батальонъ волонтеровъ и достигнувъ чина генералъ-лейтенанта, Леклеркъ былъ отправленъ въ экспедицію на островъ Санъ-Доминго, гдѣ и умеръ въ 1802 г. Вдова его, Полетта, возвратившись въ Парижъ, вышла въ слѣ-

дующемъ году замужъ за итальянца Людовика Боргезе, князя Росано и Сульмоно—приверженца Наполеона.

Полетта была женщина очень взбалмошная, но не глупая, умѣла вліять на своего брата Наполеона Бонапарта, и тотъ, несмотря на свой твердый характеръ, все-таки исполнялъ всѣ ея капризы и прихоти. Притворная болѣзнь была любимымъ ея орудіемъ. Главная мечта ея была жить всегда въ Парижѣ, но это не входило въ расчетъ Наполеона, который всѣхъ своихъ родственниковъ возводилъ въ королевскія или герцогскія достоинства, и то же самое хотѣлъ сдѣлать и со своею сестрою. Полетта терпѣть немогла своего мужа и всегда дѣлалась больною, когда тотъ хотѣлъ съ ней видѣться. Видя такое упорство сестры, разгнѣванный Наполеонъ наконецъ пожелалъ самъ съ ней объясниться, но результатомъ свиданія явилось назначеніе ея мужа въ прусскую кампанію и выздоровленіе Полетты.

Постепенно награждая Боргезе чинами, Наполеонъ назначилъ его генералъ-губернаторомъ провинціи по ту сторону Альповъ. Съ этого-то момента сестра Наполеона уже становится не Полетта, а Полина: „любезной нашей сестрѣ герцогинѣ Полинѣ, жалуемъ мы княжество Гвастала и именоваться она должна княгиня и герцогиня Гвастальская; князю Боргезе, ея супругу, жалуемъ мы титулъ князя и герцога Гвастальскаго съ тѣмъ, однако, чтобы титулъ этотъ перешелъ потомъ по наслѣдству на будущаго сына нашей сестры Полины, если же мужскаго наслѣдника не будетъ, то оставляемъ за собою право распорядиться княжествомъ по нашему усмотрѣнію".

Но назначеніе это нисколько не интересуетъ Полину, она готова лишиться доходовъ съ новаго княжества, лишь бы не видѣть мужа и остаться въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдній разыгралъ уже нѣсколько сценъ ревности изъ-за какого-то графа де-Л., который ужъ очень часто посѣщалъ его супругу.

Наконецъ, Полина рѣшилась захворать и отправиться на воды въ Пломбьеръ. Путешествіе довольно трудное, нужно взять съ собою и кровать съ матрасами, и кресло, и ванну. Но съ деньгами все можно! Пріѣхавъ въ Баръ, гдѣ префектомъ былъ ея beau frère Леклеркъ, она потребовала сдѣлать для нея молочную ванну и душъ изъ молока. Городокъ маленькій, молока достать трудно; тогда послали всѣхъ солдатъ по деревнямъ, и тѣ принесли по ведру молока, а ванны нужно было дѣлать два раза въ день. „Перенесите меня въ другую комнату, мой дорогой, какъ вы прежде это дѣлали". И префектъ, зная, что княгиня спускаетъ ноги на полъ лишь для танцевъ и ходить, можетъ быть, даже не умѣетъ, переноситъ ее на рукахъ въ другую комнату. У Полины — отдѣльный лакей, гигантъ-негръ, вывезенный изъ Санъ-Доминго, который переноситъ ее изъ комнаты въ комнату.

Въ Пломбьерѣ Полина встрѣтилась съ г-номъ Форбэнъ, красавцемъ мужчиной лѣтъ 30, знакомымъ ей еще по Риму. Увлекшись имъ, она сказывалась долго больною и оставалась въ Пломбьерѣ. Наконецъ, она отправилась въ Парижъ на нѣсколько

дней, чтобы проститься съ императоромъ, отправлявшимся на войну съ Пруссіей, да и кстати распроститься и со своимъ супругомъ. Въ октябрѣ 1807 года Полина поселилась въ Санъ-Лё, куда оффиціально сопровождалъ ее Форбэнъ, въ качествѣ камергера. Время проводили весело, а Форбэнъ и съ пользою: „у него появились прекрасные экипажъ и лошади, и всѣ долги его были уплачены".

Черезъ три мѣсяца Полина уже окончательно выздоровѣла и явилась въ Парижъ, гдѣ встрѣчала новый годъ и веселилась безъ конца. Однако лишь только она услышала о намѣреніи Наполеона отправить ее въ Туринъ къ мужу, опять захворала. Ей необходимо нужно лѣчиться, ѣхать на воды. Отказать нельзя, вѣдь можетъ быть, отъ этого зависитъ сохраненіе ея жизни. Она намѣревается провести зиму въ Монпелье, вдали отъ шума и этикета, чтобы возстановить свое здоровье. Но ѣдетъ въ Ниццу, живетъ весело. Форбэнъ замѣненъ піанистомъ Блангини. Наконецъ нужно же ѣхать въ свое княжество. Мужъ заѣзжаетъ за ней въ Ниццу. Она соглашается ѣхать, но съ условіемъ, чтобы и Блангини ѣхалъ, хотя бы инкогнито,—она такъ любитъ музыку! Однако, несмотря на настоянія императора, Полина скоро уѣхала отъ мужа въ Парижъ, уговорила Наполеона, и тотъ согласился наконецъ на разлученіе супруговъ. Полина осталась „Полеттой" [1]) до гроба...

По паденіи Наполеона князь Боргезе прекратилъ всѣ сношенія съ фамиліею Бонапарте и развелся окончательно съ своею женою. Полина умерла во Флоренціи въ 1825 году.

Капитуляція Парижа [2]).

Воскресенье, 29 января—роковой день въ который для патріотовъ угасъ послѣдній лучъ надежды: въ воскресенье 29 января „Journal Officiel" опубликовалъ конвенцію о сдачѣ, положившую конецъ мужественному сопротивленію Парижа. Облегченно вздохнули правители, почувствовавъ себя освобожденными отъ кошмара сопротивленія, и въ тотъ же самый день, 29 января, и на слѣдующій выпустили массу декретовъ, прокламацій и приказовъ.

Декретомъ дано было офицерамъ право на полученіе военной медали, хотя раньше она предназначалась исключительно для нижнихъ чиновъ арміи и для главнокомандующихъ.

Декретомъ распущенъ корпусъ вольныхъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ забота, не перестававшая мучить короля и предводителей нѣмецкой арміи съ самаго начала осады, была уничтожена французскимъ правительствомъ.

---

[1]) Всѣ эти интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Ф. Массонъ въ ст. «La princesse Pauline» въ «Revue de Paris».

[2]) Предлагаемый читателямъ въ переводѣ Л. Гофштеттеръ очеркъ представляетъ собой цитату изъ восьмаго и послѣдняго тома большаго труда М. Альфреда Дюке объ осадѣ Парижа 1870—1871 года, изданнаго библіотекой Шарпантье подъ подъ заглавіемъ „Парижъ" и заслужившаго самую почетную премію Французской академіи—премію имени Берже.

Дневнымъ приказомъ генерала Клемана Тома была открыта подписка для сооруженія памятника воинамъ національной гвардіи, павшимъ при Бузенвалѣ.

Съ этой минуты начинается эпоха *словъ* и *начертаній дѣйствій*, нѣтъ войны: наступило пассивное ничтожество мира.

Итакъ непріятель занялъ площадь. Съ самаго утра потянулись въ Парижъ безконечной вереницей линейные солдаты, мобили, вольные стрѣлки и національная гвардія, покидая свои передовыя позиціи.

„Нѣмцы торопились воспользоваться своимъ тріумфомъ и занять съ оружіемъ въ рукахъ эти ретраншементы, которыхъ они никогда не хотѣли брать приступомъ и штыками. У насъ были ружья и переполненные патронташи — писалъ М. Генрихъ Хусе, одинъ изъ храбрѣйшихъ мобилей-осады, — и мы покидали нашъ постъ, мы бѣжали! Кто былъ очевидцемъ этого, тотъ на вѣки затаилъ въ сердцѣ своемъ непримиримую ненависть".

Будемъ цитировать дальше М. Генри Хусее, свидѣтеля и потрясеннаго участника этой ужасной отечественной трагедіи. „Моросилъ дождь, мы двигались въ порядкѣ. Печальные и усталые люди шли правильнымъ строемъ, офицеры были на своихъ мѣстахъ и молчали; и такъ какъ еще съ начала осады былъ уничтоженъ барабанный бой и звонъ, то теперь слышался только размѣренный звукъ строеваго шага, отяжелѣвшаго въ грязи и тающемъ снѣгу. На Итальянскомъ проспектѣ мы встрѣтились съ баталіономъ національной гвардіи, шедшимъ смѣнять караулъ въ укрѣпленіяхъ. Рожки пѣли, барабаны радостно выбивали нападеніе; разноцвѣтные значки вились у ружейныхъ стволовъ. Противъ дисциплинарнаго дома девятой секціи стоялъ другой отрядъ національной гвардіи человѣкъ въ сто—двѣсти; солдаты вытянулись въ рядъ и глядѣли на насъ. Видя, что моряки обезоружены, они стали издѣваться: „Вотъ подлые трусы, которые отдали свое оружіе, отдали фортъ!" Моряки не слышали этихъ несправедливыхъ поношеній; они плакали. Эти гвардейцы оскорбляли солдатъ-героевъ форта Монружъ, а сами недѣлю тому назадъ пришли пьяные къ нашимъ траншеямъ и ушли обратно въ ту же ночь... Этимъ негодяямъ оставили ружья, которыхъ они никогда не пускали въ ходъ противъ непріятеля: они должны были сослужить службу 18-го марта".

Въ половинѣ втораго по полудни саксонскій маіоръ съ адъютантомъ, сопровождаемые нѣсколькими кавалеристами явились въ Исси. Пока офицеры переѣзжали подъемный мостъ, эскортъ выстроился по спуску.

Капитанъ французскаго генеральнаго штаба и лейтенантъ, посланные для пріема нѣмцевъ, встрѣчаютъ саксонцевъ и, обмѣнявшись документами всѣ четверо входятъ въ фортъ. Французъ капитанъ кусалъ усы и едва сдерживалъ слезы. Саксонецъ маіоръ съ уваженіемъ останавливалъ на немъ долгіе взгляды и былъ задумчивъ и молчаливъ. Въ продолженіе всей этой щемящей душу сцены оба противника держали себя съ равнымъ достоинствомъ.

Войдя къ коменданту, капитанъ досталъ изъ письменнаго стола

большую связку ключей: „господинъ маіоръ,—произнесъ, онъ, —мнѣ больно, но долгъ повелѣваетъ вручить вамъ ключи отъ форта". Нѣмецъ беретъ ключи, и начинается осмотръ. Въ четверть третьяго все окончено, протоколъ о передачѣ подписанъ, и оба французскихъ офицера возвращаются въ Парижъ. Одновременно съ этимъ адъютантъ маіора саксонца во всю прыть скачетъ по Версальской дорогѣ. Полчаса спустя послѣ этого отъѣзда на лѣвомъ берегу показались черные ряды солдатъ, пересѣкающіе желѣзнодорожный мостъ и направляющіеся къ форту; это были вражескіе отряды обязанные занять фортъ. Занятіе форта совершилось въ три часа безъ шума, безъ музыки съ безмолвствующими барабанами,—ружья на перевязяхъ, штыки въ ножнахъ, знамена обвитыя вкругъ древковъ. Не видно было ни чванства, ни гордости, оскорбительныхъ для побѣжденныхъ; чувствовалось, что побѣдитель сознаетъ величіе разыгрывающейся драмы, надъ которой спускался занавѣсъ послѣдняго акта. Во всемъ была замѣтна удивительная дисциплина, давшая громадное преимущество атакующимъ надъ осажденными; послѣдніе во время осады кричали и пѣли *марсельезу*, клялись *побѣдить* или *умереть*, разсуждали, ревѣли: *да здравствуетъ республика!* и ничего не сдѣлали. *Verba, non acta*.

Когда нѣмцы овладѣвали укрѣпленіемъ Иcси и окрестностями, они могли созерцать жалкое зрѣлище отставшихъ солдатъ въ красныхъ штанахъ, пьяныхъ, оскорбляющихъ армію, Парижъ и Францію. Наши правители и генералы не сумѣли уберечь насъ отъ этого позора и доставили это постыдное зрѣлище побѣдителямъ.

При занятіи крѣпости сейчасъ же была организована усиленная сторожевая служба, аванпосты и патрули. Двадцать минутъ спустя, караулы удаленные отъ крѣпости на сто метровъ, стояли уже съ заряженными ружьями, сообразно условіямъ перемирія: офицеры пѣшкомъ и верхами съ картами въ рукахъ уже знакомились съ окружающей мѣстностью.

Въ концѣ дня саксонцы, вюртембержцы, баварцы и пруссаки спокойно прогуливались по окрестнымъ деревнямъ безоружные, мирно бесѣдуя съ жителями, наполняли кафе и кабаки, радуясь окончанію тяжелой кампаніи.

Надо ли говорить о томъ, что въ фортахъ Ванвъ и Исси пруссаки нашли достаточное количество съѣстныхъ припасовъ и напитковъ? Французское интендантство, обязанное убрать все до прихода непріятеля, такъ плохо распорядилось, что повозки, посланныя за провіантомъ, прибыли въ Исси черезъ два часа послѣ сдачи крѣпости саксонцамъ. Въ Ванвъ онѣ опоздали на одинъ часъ, такимъ образомъ, французское войско предоставило непріятелю не только ложку, но и кисель. Безсиліе и безпорядокъ обычныя причины анархіи—достигли послѣдняго предѣла. Очищеніе фортовъ произошло одновременно, оно свидѣтельствовало о томъ же безсиліи и безпорядкѣ, которые царили уже пять мѣсяцевъ въ Парижскомъ генеральномъ штабѣ. Изъ южныхъ крѣпостей гарнизоны уходятъ съ оружіемъ и багажомъ; въ восточныхъ наоборотъ—все отдано въ руки враговъ. Въ большинствѣ

случаевъ никто не заботился о припасахъ, заготовленныхъ на случай долговременнаго сопротивленія: ихъ оставляли нѣмцамъ, тогда какъ въ городѣ люди умирали съ голоду (Франсисъ Гарнье).

Комендантъ одного восточнаго форта рѣшилъ ничего не дать врагу—ни провіанта, ни обоза, ни оружія; главные начальники узнали объ этомъ и приняли предосторожности противъ такого рода попытокъ. Надо было повиноваться приказамъ Трошю, Фавра и др.

При сдачѣ форта Монружъ одно происшествіе взволновало всѣхъ присутствовавшихъ. Генералъ Гартманнъ, командующій баварскимъ отрядомъ, окруженный эскортомъ, сидѣлъ верхомъ на лошади у самой дороги и смотрѣлъ на выходящихъ изъ форта моряковъ; одинъ изъ моряковъ не выдержалъ, сжалъ кулакъ и, поднеся его къ самому лицу нѣмецкаго генерала, проговорилъ: „Не смѣйтесь по крайней мѣрѣ!"—„Другъ мой, отвѣтилъ тактично генералъ,—мы и не думаемъ смѣяться, вы мужественные люди, и вы свято исполнили свой долгъ". Съ этими словами, во избѣжаніе дальнѣйшихъ разсужденій, онъ повернулъ коня и явился въ фортъ къ плацъ-коменданту только тогда, когда вышелъ весь гарнизонъ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что не могъ поздравить коменданта Амэ съ славной защитой, и вообще держалъ себя съ достоинствомъ и вполнѣ прилично.

За нѣсколько минутъ передъ этой сценой капитанъ фрегата Ларé-Ламалпньé—второй комендантъ форта, застрѣлился, чтобы не видать при жизни занятія своего форта непріятелемъ. „Это самоубійство приводитъ на память суровый героизмъ стоиковъ, открывавшихъ себѣ вены при видѣ паденія римскаго міра; этотъ случай не былъ единственнымъ" (Жюль Кларети). Старый морякъ Франсуа Дельдру, принужденный въ моментъ сдачи оставить фортъ, который онъ такъ хорошо укрѣпилъ и вооружилъ противъ нѣмцевъ, предпочелъ лучше умереть, чѣмъ видѣть его въ ихъ рукахъ. Выстрѣломъ изъ револьвера онъ раздробилъ себѣ черепъ. Франсуа Дельдру является типичнымъ представителемъ героевъ-моряковъ, мужественныхъ, простыхъ, сильныхъ и добрыхъ, защищавшихъ Авронъ и Бурже, которыхъ осада Парижа сдѣлала легендой будущаго". (Жюль Кларети).

Когда V корпусъ пруссаковъ приблизился къ Монъ-Валеріену, они думали, что придется брать его приступомъ. Въ продолженіе четырехъ часовъ пруссаки не могли войти. Наконецъ, когда послѣдніе французскіе солдаты ушли, угрожая побѣдителямъ, „трехцвѣтное знамя было спущено и замѣнено союзнымъ нѣмецкимъ". (Луи Шнейдеръ).

Одинъ ученый инженерный генералъ, думавшій, что достаточно знать математику, чтобы сдѣлаться военнымъ, и долго изучавшій философію войны, писалъ намъ о состояніи укрѣпленій въ моментъ сдачи непріятелю:

„Я посѣтилъ фортъ Исси послѣ осады и смѣю васъ увѣрить, что даже тогда онъ еще былъ неприступенъ. Нѣмецкая артиллерія разбила маскирующія стѣны двухъ казематовъ, но брешь—

закрытая камнями и мѣшками съ землей, была еще защитима, и, кромѣ того, сильно приподнята надъ дномъ рва такъ что спустившемуся туда уже нельзя было выйти и предстояла гибель. Такимъ образомъ, нападеніе открытой силой удалось бы не болѣе бомбардировки, и несмотря на все это защита велась позорно недѣятельно. Парижъ сдался лишь благодаря истощенію пищевыхъ припасовъ". (Письмо, написанное намъ генераломъ Виленуази, 5-го января 1898 года).

29-го января люди Четвертаго-Сентября предоставили нѣмцамъ въ фортахъ и окрестностяхъ: 602 полевыхъ орудія, 177.000 ружей, изъ которыхъ 150.000 шассепо, 1.200 обозныхъ повозокъ, 1.362 крѣпостныхъ орудія, 1.680 лафетовъ, 860 передковъ, 3.500.000 патроновъ для шассепо, 7.000 центнеровъ пороху, 200.000 гранатъ, начиненныхъ и пустыхъ для линейныхъ орудій и 100.000 бомбъ начиненныхъ и не начиненныхъ для мортиръ. (Прусскій генеральный штабъ) Альфредъ-Дюкѐ.

Бонапартъ и шуаны

Главные заправилы роялистовъ лелѣяли себя надеждою, что Бонапартъ въ душѣ стоитъ за Бурбоновъ. Поэтому, чтобы удостовѣриться въ справедливости своихъ предположеній, они и отправили къ нему генерала д'Андинье. Объ этомъ порученіи данномъ генералу д'Андинье въ декабрѣ 1799 г. на совѣтѣ шуановъ онъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ.

Роялистскіе коммиссары, отправленные для переговоровъ съ Гедувилемъ [1]), имѣли полномочія для заключенія мира или прекращенія переговоровъ, смотря по обстоятельствамъ. Генералъ д'Андинье долженъ былъ лишь узнать намѣренія Наполеона, и хотя и могъ говорить съ нимъ о мирѣ, но полномочій никакихъ не имѣлъ для заключенія таковаго. Поэтому миссія его была крайне щекотливой.

При свиданіи, Наполеонъ произвелъ на него очень невыгодное впечатлѣніе; д'Андинье не представлялъ себѣ чтобы этотъ маленькій невзрачный человѣкъ могъ играть такую значительную роль. Прочитавъ письмо отъ главныхъ роялистскихъ начальниковъ, Бонапартъ прямо приступилъ къ дѣлу: „Вы прекрасно сдѣлали, защищая страну противъ правительства, которое притѣсняло всѣхъ, но теперь обстоятельства измѣнились, и ничто не мѣшаетъ вамъ начать со мною переговоры".

Условія мира были уже въ рукахъ Наполеона и онъ сказалъ:

— Условія эти очень длинны, но мы можемъ кончить все въ пять минутъ, если хотите".

Бонапартъ говорилъ все это голосомъ крайне непріятнымъ, вы-

[1]) Гедувиль, генералъ, служилъ въ революціонномъ войскѣ въ Вандеѣ; заключилъ здѣсь перемиріе съ нѣкоторыми изъ роялистскихъ начальниковъ, и поступалъ съ человѣколюбіемъ Въ 1801—1804 г.г. былъ посланникомъ въ Петербургѣ. По вступленіи союзниковъ въ Парижъ, присоединился къ партіи, требовавшей сверженія Наполеона. Умеръ въ 1817 году.

ражался коротко и энергично. Очень увлекаясь, перескакивалъ отъ одного предмета на другой. Слѣдить за нимъ было очень трудно, приходилось угадывать его мысли. Задастъ вопросъ, перейдетъ къ другому, какъ будто не слушаетъ но на самомъ дѣлѣ ни одного слова не пропуститъ и если вопросъ интересуетъ его, то и никогда не позабудетъ. Безгранично гордый, онъ всегда переводилъ разговоръ на собственное я и съ удоволствіемъ слушалъ себя.

Генералъ д'Андинье говорилъ съ Бонапартомъ очень смѣло что иногда шокировало послѣдняго и онъ позволялъ себѣ нѣсколько увлекаться, но холодные, разсудительные отвѣты д'Андинье приводили его быстро въ себя.

По поводу условій о мирѣ д'Андинье ничего не могъ рѣшить самъ, о чемъ и сказалъ Бонапарту и просилъ два дня отсрочки, чтобы коммиссары имѣли время явиться въ Парижъ. Но тотъ отвѣтилъ:

— Никогда я не буду ждать два дня, если могу кончить все въ теченіе двухъ часовъ, хотя бы мнѣ это стоило ста тысячъ человѣкъ.

Послѣдствіемъ разговора была составленная самимъ Бонапартомъ прокламація къ жителямъ западныхъ провинцій; она была настолько оскорбительна для французскихъ принцевъ, что Талейранъ не отважился даже передать ее д'Андинье.

Д'Андинье, съ своей стороны, не желалъ уѣхать изъ Парижа, не извѣстивъ Бонапарта о своей настоящей миссіи и написалъ письмо, въ которомъ изложилъ, что цѣль его пріѣзда была передать ему предложеніе отъ роялистскихъ начальниковъ, отдать въ его распоряженіе всѣ имѣющіяся у нихъ средства, если онъ употребитъ ихъ на возстановленіе монархіи и возведеніе на престолъ законнаго наслѣдника несчастнаго Людовика XVI.

Бонапартъ отвѣтилъ очень любезнымъ письмомъ, но прямаго отвѣта никакого не далъ, а одному изъ окружающихъ сказалъ только, что д'Андинье, предлагаетъ ему какія-то глупости.

Ни миссія д'Андинье, ни переговоры роялистскихъ коммиссаровъ ни къ чему не привели, и враждебныя дѣйствія снова начались.

Послѣдніе Конде.

Главѣ этой линіи, Людовику-Іосифу принцу Конде въ 1789 г. исполнилось 50 л., — онъ былъ старшій изъ Бурбоновъ. Сквозь нѣкоторую наружную рѣзкость не трудно было различить живой и развязный умъ.

Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ 4 раза въ годъ переѣзжалъ со всей свитой въ Шантильи, гдѣ и занимался охотой. Остальное время Конде проводилъ въ Парижѣ.

Несмотря на громадные доходы, ему ихъ не хватало на представительство, и онъ рѣшилъ въ концѣ царствованія Людовика XV переселиться совершенно въ деревню, въ Шантильи.

Быть первымъ землевладѣльцемъ во Франціи однако не удовлетворяло его. Его тянуло къ общественной дѣятельности, а еще больше онъ любилъ войну. Конде участвовалъ въ Семилѣт-

ней войнѣ и впослѣдствіи считался авторитетомъ въ военномъ дѣлѣ, но, къ его отчаянію, 25 лѣтній миръ заставилъ его довольствоваться лишь командованіемъ войсками во время лагеря.

Въ концѣ 1760 г. ко двору была представлена принцесса Монакская. Екатерина де-Бриньоль, будучи еще почти ребенкомъ, была выдана замужъ за ревниваго и грубаго человѣка, царствовавшаго подъ именемъ Гоноре III въ старинномъ владѣніи семейства Грimальди. Десять лѣтъ молодая принцесса вела себя безупречно, несмотря ни на какіе сцены своего угрюмаго мужа. Даже, чтобы немного успокоить мужа, она согласилась избѣгать самаго виднаго изъ своихъ поклонниковъ — Конде. Но когда мужъ приказалъ ей вернуться, намекая при этомъ, что Монако можетъ, если онъ захочетъ, превратиться для нея въ тюрьму, она возстала и добилась у парижскаго парламента развода (arrêt de séparation). Сдѣлавшись свободною, она бросила всякое притворство и открыто стала хозяйкою въ Шантильи.

Этотъ союзъ длился 50 л. и въ концѣ концовъ окончился бракомъ, но въ началѣ претерпѣлъ много бурь. Принцесса была ревнива; пожертвовавъ всѣмъ, она требовала и отъ Конде безусловной вѣрности и не довѣряла ему ни въ чемъ, но несмотря на все это, обоимъ и въ голову не приходило порвать свою связь.

У Конде было двое дѣтей отъ умершей жены, — дочь и сынъ. Принцесса Луиза-Аделаида, вернувшись изъ монастыря, гдѣ она воспитывалась, была непріятно поражена, когда увидѣла, что мѣсто ея матери было занято чужою женщиною. Убѣдившись, что всякія выходки съ ея стороны только огорчаютъ отца, не измѣняя его привязанности къ „M-me de Monaco“, она великодушно удалилась и поселилась отдѣльно. Замужъ она не вышла, а ударилась въ религію и даже смутно мечтала о монастырѣ. Что касается сына принца Конде, герцога Бурбонскаго, то онъ былъ гораздо менѣе симпатиченъ, чѣмъ его сестра. Единственное достоинство его была привязанность къ сестрѣ. 14-ти лѣтъ онъ влюбился въ свою двоюродную сестру, Батильду Орлеанскую (Bathilde d'Orléans), которая была старше его на 6 лѣтъ. По тогдашнимъ обычаямъ ихъ сейчасъ же обвѣнчали, а затѣмъ отправили молодаго супруга къ гувернеру, а жену въ монастырь. Но маленькій герцогъ увезъ свою жену тайкомъ. Супружеская жизнь ихъ была полна катастрофъ. Юноша-мужъ, не дождавшись даже рожденія своего сына (несчастнаго герцога Энгіенскаго), затѣялъ связь съ одной изъ приближенныхъ дамъ своей жены. Послѣ цѣлаго ряда бурныхъ сценъ супруги разошлись: при герцогѣ остался сынъ, котораго онъ воспитывалъ какъ товарища своихъ оргій къ крайнему неудовольствію принца Конде.

Герцогиня переселилась въ замокъ Petit Bourg, ѣздила въ Парижъ, часто бывала у отца и съ братомъ своимъ, будущимъ Philippe-Egalité, была въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Любовь ко всему новому и природная экзальтація сдѣлали изъ нея ярую поклонницу магнетизма, отъ магнетизма она перешла

къ иллюминатству. Всѣ нѣсколько помѣшанные пророки конца XVIII вѣка видѣли ее въ числѣ своихъ послѣдователей.

Революція сильно измѣнила жизнь всего семейства Конде. Старикъ Конде, узнавъ о событіяхъ 14-го іюля, пріѣхалъ въ Парижъ и настаивалъ на политикѣ сопротивленія. Видя, что не можетъ убѣдить въ этомъ короля, онъ объявилъ, что не останется во Франціи при такихъ условіяхъ и поѣдетъ приготовлять поддержку извнѣ, въ которой монархія непремѣнно будетъ нуждаться. Всѣ три принца, Конде, Бурбонъ и Энгіенскій, позавтракавъ въ Шантильи, сѣли въ карету и уѣхали и за ними поѣхали, первый разъ въ жизни вмѣстѣ, принцесса Луиза и принцесса Монакская.

Во время эмиграціи принцесса Монакская выказала большое самоотверженіе. Будучи чужой по рожденію и по замужеству, ей легко было спасти свои богатства. Между тѣмъ она тратила все, что ей оставила революція, на принца Конде. Когда у ней остались лишь брилліанты, она и тѣ заложили въ Франкфуртскихъ синагогахъ. Пожертвовавъ всѣмъ, что имѣла, она, кромѣ бѣдности, должна была переносить еще и ядовитые памфлеты якобинцевъ.

Принцесса Луиза вела не менѣе кочующую жизнь, съ той разницей, что не слѣдовала за арміей Конде, а переѣзжала изъ одного монастыря въ другой, благодаря нерѣшительности своего характера, и въ одинъ прекрасный день сразу рѣшилась постричься.

Что касается герцогини Бурбонской, то она не эмигрировала, а, напротивъ, весною 1792 г. старалась уговорить мужа вернуться во Францію, говоря, что онъ долженъ покориться рѣшеніямъ провидѣнія. Разочарованія семейной жизни, предсказанія иллюминатовъ, драмы революціи,—все это вмѣстѣ, даже любовь къ брату совершенно сбили ее съ толку.

Когда герцогъ Орлеанскій присвоилъ себѣ прозвище „Egalité", герцогиня назвала себя „Правдою" („Verité"). Когда братъ ея умеръ на гильотинѣ, ее тоже арестовали. Послѣ Террора она уѣхала въ Испанію. Даже катастрофа въ Венсенѣ не повліяла на ея idée fixe. Она оплакивала смерть своего сына, но считала его человѣкомъ, понесшимъ наказаніе за непокорность волѣ провидѣнія. Остальные члены семейства Конде иначе смотрѣли на убійство, уничтожившее будущность ихъ рода.

Къ этому времени принцъ Конде женился на принцессѣ Монакской, и прося согласіе короля, настаивалъ на томъ, что не желаетъ морганатическаго брака, а хочетъ сдѣлать ее настоящею принцессою Конде. Когда, пять лѣтъ спустя, въ концѣ марта мѣсяца 1813 г., принцесса скончалась, Конде писалъ дочери, принцессѣ Луизѣ: „вчера я лишился нѣжной подруги, которая въ теченіе 50 лѣтъ составляла счастіе моей жизни".

Чтобы похоронить ее, бывшій владѣлецъ замка Шантильи долженъ былъ просить субсидію у регента Англіи.

Принцесса Луиза въ 1816 г. основала монастырь въ Парижѣ,

въ зданіи, гдѣ былъ заключенъ несчастный Людовикъ XVI (Тампль) и умерла въ 1824 г. настоятельницею этого монастыря.

Жизнь ея своячениццы, герцогини Бурбонской, прекратилась внезапно. Во время религіозной процессіи, въ которой она участвовала, она вдругъ упала и скончалась, не придя въ сознаніе.

Особенно трагична была смерть ея мужа, герцога Бурбонскаго, сдѣлавшагося, послѣ смерти отца, послѣднимъ принцемъ Конде.

Убійство сына не заставило его перемѣнить своего образа жизни. Въ Англіи онъ сошелся съ авантюристкой Софіей Девэсъ, впослѣдствіи баронессою Фешеръ (baronne de Feuchéres) и купилъ замокъ Сенъ-Ле (Saint-Leu). Понемногу были распущены всѣ старые слуги и взяты новые, преданные баронессѣ. Послѣдняя заставила герцога завѣщать ей нѣсколько милліоновъ. Революція 1830 г. окончательно разстроила умственныя способности послѣдняго Конде. Онъ вообразилъ, что Терроръ опять начнется, и думалъ о бѣгствѣ. 27-го августа прислуга нашла его повѣсившимся у окна своей комнаты.

Многіе обвиняли въ этомъ баронессу Фешеръ, и семейство Роганъ (Rohan). Близкіе родственники покойнаго подали на нее жалобу, но Парижскій судъ рѣшилъ, что тутъ не было преступленія, а лишь самоубійство. И дѣйствительно такое предположеніе самое вѣроятное — потому что самоубійство это вполнѣ объясняется состояніемъ умственныхъ способностей послѣдняго принца Конде.

Изъ мертвыхъ законовъ.

1800 г. Іюня 7. Именный, объявленный Сенату Генералъ-Прокуроромъ.—О не выпускѣ женскаго пола изъ селеній казеннаго вѣдомства въ купеческое и мѣщанское состояніе кромѣ замужества.

«Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ селеній казеннаго вѣдомства въ купеческое и мѣщанское состояніе женскій полъ лично не выпускать, кромѣ замужества».

Прежде не выпускали никуда «кромѣ замужества» женщинъ «казенныхъ», но выпускаемъ-ли мы и теперь женщинъ... своихъ собственныхъ.

Себѣ принадлежащихъ женщинъ едва-ли у насъ и теперь много...

Отъ казны-то онѣ ушли, но едва-ли ушли отъ казенщины нашихъ *мужскихъ* къ нимъ отношеній, стоящихъ въ законѣ и внѣ закона.

1800 г. Іюня 14. Синодскій.—О невѣнчаніи удѣльныхъ вдовъ и дѣвокъ ни съ кѣмъ, а паче съ помѣщичьими крестьянами, безъ увольнительныхъ писемъ отъ сельскихъ старшинъ.

„Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушавъ донесеніе Департамента Удѣловъ, которымъ представлялъ, что на основаніи Высочайшихъ указовъ Марта 17-го 1775 и Іюля 30-го 1782 годовъ, коими всякаго рода и поколѣнія людей вступать въ брачные союзы позволено, безъ платежа въ казну выводныхъ денегъ Департаментъ оный предписалъ всѣмъ Удѣльнымъ Экспедиціямъ, во владѣльческія селенія удѣльныхъ вдовъ и дѣвокъ выпускать по обряду помѣщичьему, но брать по согласію обѣихъ сторонъ, также и изъ помѣщичьихъ деревень въ замужество за удѣльныхъ крестьянъ; буде же которая вдова, или дѣвка, не взявъ для выхода въ замужество отъ міра письменнаго вида, выйдетъ въ помѣщичье селеніе замужъ, то Удѣльная Экспедиція имѣетъ относиться къ Епархіальнымъ Епископамъ и требовать подтвержденія приходскимъ священникамъ, чтобъ безъ увольнительныхъ отъ міра писемъ браковъ не совершали. Нынѣ же Тамбовской Удѣльной Экспедиціи Совѣтникъ донесъ Департаменту, что хотя онъ и Экспедиція относились къ Епархіальнымъ Архіереямъ и въ ихъ Духовныя Консисторіи, съ требованіемъ письменнаго приходскимъ Священникамъ подтвержденія, чтобы они безъ увольнительныхъ писемъ удѣльныхъ вдовъ и дѣвокъ съ помѣщичьими

крестьянами и съ людьми другихъ званій не вѣнчали, дабы чрезъ сіе прекратить подложные ихъ побѣги и самовольства: но по донесенію Тамбовской Губерніи Вановскаго приказа Темниковскаго уѣзда, села Веденяпина Священникъ Михайла Ивановъ и за симъ подговоренную и увезенную безъ вѣдома Приказа помѣщика Веденяпина крестьянами деревни Такушевой удѣльную дѣвку ночью, и безъ всякаго отъ міра увольнительнаго письма, обвѣнчалъ съ крестьяниномъ онаго Веденяпина Мануйломъ Фоминымъ. По чему Департаментъ Удѣловъ испрашиваетъ отъ Святѣйшаго Синода всѣмъ Епархіальнымъ Архіереямъ, или Духовнымъ ихъ Консисторіямъ предписанія, чтобы они всѣмъ приходскимъ Священникамъ строжайше подтвердили, ни съ кѣмъ, а особливо съ помѣщичьими крестьянами удѣльныхъ вдовъ, или дѣвокъ не вѣнчать, если они не предъявятъ о себѣ увольнительнаго письма отъ своихъ сельскихъ старшинъ. **Приказали:** согласно сему донесенію Удѣльнаго Департамента всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ предписать указами, чтобы они каждый по своему вѣдомству сдѣлали приходскимъ Священникамъ, о невѣнчаніи ни съ съ кѣмъ, а особливо съ помѣщичьими крестьянами удѣльныхъ вдовъ или дѣвокъ, если они не предъявятъ о себѣ увольнительнаго письма отъ своихъ сельскихъ старшинъ, строжайшее подтвержденіе. О чемъ увѣдомить и тотъ Департаментъ Удѣловъ указомъ, къ Преосвященному же Тамбовскому надлежащее о семъ предписаніе учинено".

И „Епархіальные Архіереи" т. е. *пастыри церкви* и сами слушались и другихъ пастырей церкви на то-же благословили... *Легально, но—по Христовой-ли заповѣди?*

Между тѣмъ это вопросъ не послѣдній въ отношеніяхъ церкви и государства.

Изъ области археологіи.

Древніе памятники библейскаго народа хеттовъ. Въ засѣданіи Классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 22 февраля Б. А. Тураевъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу письма генерала Лундквиста о хетскихъ рельефахъ. Отъ начальника Омской мѣстной бригады генерала Лундквиста, по просьбѣ Общества, было получено письмо съ изложеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ ему удалось пріобрѣсти для Россіи впервые памятники древняго малоазіатскаго искусства, принадлежащіе библейскому народу хеттамъ. Письмо это, по словамъ референта, представляетъ единственный документъ участія русской науки въ освѣщеніи культуры, процвѣтавшей нѣкогда такъ близко къ нашимъ предѣламъ.

Надгробные памятники хеттовъ — камни съ рельефными изображеніями открыты Лундквистомъ въ гор. Марашѣ (въ Азіатской Турціи) въ 1880 году.

Найдено было всего 4 камня — три отправлены въ Россію и въ настоящее время хранятся въ Тифлисскомъ музеѣ, четвертый же, съ цѣльнымъ рисункомъ и письменными знаками, вслѣдствіе огромной тяжести оставленъ на мѣстѣ.

Въ теченіе 20 лѣтъ, со времени открытія этихъ интересныхъ находокъ нѣмецкіе ученые, въ особенности Пухштейнъ, много потрудились надъ изслѣдованіемъ памятниковъ искусства, находимыхъ въ Марашѣ. Затѣмъ референтомъ былъ изложенъ историческій очеркъ гор. Мараша, изъ котораго происходятъ „хеттскіе" памятники. Городъ Марашъ былъ по своему географическому положенію культурной и политической единицей.

Ассирійскія лѣтописи даютъ немало указаній на судьбу Мараша.

Исторія Мараша обнимаетъ собою время съ XII и VII вѣка до Р. Хр.

Въ заключеніе своего референта Б. А. Тураева указалъ, что тѣ немногіе памятники „хеттскаго" стиля, которые попали благодаря просвѣщеннымъ стараніямъ генерала Лундквиста, происходятъ изъ пункта, имя котораго значится на страницахъ исторіи, какъ средоточіе малоазіатской культуры въ ассирійское время.

До настоящаго времени, когда не подвергавшійся еще систематическимъ раскопкамъ Марашъ далъ для науки цѣнные мате-

ріалы, можно надѣяться, что систематическія изысканія поведутъ къ весьма важнымъ открытіямъ.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи 1899 г. вып. 2.

Небольшой томикъ извѣстій, кромѣ протоколовъ засѣданій коммиссіи, заключаетъ еще описаніе П. А. Трейтеромъ документовъ XVII—XVIII столѣтія, пожертвованныхъ коммиссіи членомъ ея Н. П. Аврамовымъ. Весь остальной матеріалъ составленъ предсѣдателемъ коммиссіи И. Д. Четыркинымъ. И. Д. Четыркинъ большой знатокъ обрядовъ. мѣстныхъ старообрядцевъ. Статья „кресты у калужскихъ старообрядцевъ", иллюстрированная двумя снимками распятія и креста-энколпіона, рисуетъ намъ всѣ виды крестовъ, встрѣчающихся у мѣстныхъ „ревнителей" древняго благочестія. Темы о религіозномъ чествованіи восьмиконечнаго креста и двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія—излюбленныя въ бесѣдахъ со старообрядцами. „Старообрядцы"—говоритъ авторъ—„какъ бы инстинктивно чувствуютъ, что это такіе вопросы въ ихъ религіозномъ умовоззрѣніи, о которыхъ все-таки, хотя съ нѣкоторымъ достоинствомъ для себя они могутъ поговорить и даже поспорить съ „никоніанами". Кресты старообрядцевъ, собранные авторомъ въ теченіе 10 лѣтъ, онъ раздѣляетъ на 4 типа: кресты тѣльника, кресты мощевики (энколпіоны), кресты для поклоненія и кресты, употребляемые какъ украшеніе. Матеріалъ, изъ котораго приготовляютъ кресты перваго типа: камень, мѣдь, серебро, кость и дерево. Носятъ старообрядцы кресты не восходящіе далѣе XVII вѣка, болѣе же древніе хранятъ въ домахъ. Большая часть крестовъ имѣютъ надпись „да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его" и др. цитаты. „Мощевики" встрѣчаются весьма древніе, относящіеся даже къ первымъ временамъ христіанства на Руси и до XVIII столѣтія.

Встрѣчаются мощевики - энколпіоны иногда не въ цѣломъ видѣ, а лишь ихъ половинки. Объясняется это тѣмъ, что при семейныхъ раздѣлахъ кресты энколпіоны распредѣлялись между членами семьи, при чемъ верхняя часть доставалась одному члену семьи, нижняя—другому. Кресты для поклоненія часто укрѣпляются старообрядцами надъ дверью дома или „моленной", другіе же употребляются для поклоненія въ домахъ и „моленныхъ". Авторъ при этомъ отмѣчаетъ отживающій симпатичный русскій обычай — при входѣ во дворъ старообрядецъ всегда снимаетъ шапку, крестится и только тогда уже входитъ во дворъ.

Кресты какъ украшеніе носились и носятся до сихъ поръ крестьянками, а очень рѣдко городскими жительницами. Сдѣланы они бываютъ изъ серебра мѣди и олова.

Старообрядческіе кресты, складни и иконы встрѣчаются очень часто украшенными финифтью. „Есть какая-то своеобразная красота"—говоритъ И. Д. Четыркинъ—„въ сочетаніи различныхъ цвѣтовъ финифти, особенно когда складни или кресты къ тому же позлащены. При мерцаніи множества зажженныхъ лампадъ, картина получается привлекательная, даже для человѣка съ довольно развитымъ эстетическимъ вкусомъ".

Въ археологическихъ замѣткахъ И. Д. Четыркинъ касается

вопроса о распространенныхъ среди старообрядцевъ изображеніяхъ райскихъ птицъ сирина и алконоста. Сиринъ изображается имѣющимъ туловище птицы и голову женщины, алконостъ до половины съ туловищемъ женщины. Экземпляры подобныхъ изображеній были и на славяно-русской палеографической выставкѣ въ Археологическомъ институтѣ. Птицъ этихъ принято изображать съ сіяніемъ вокругъ лица, какъ святыхъ, придавая имъ очевидно религіозное значеніе. Происхожденіе же этихъ изображеній чисто языческое—а именно греко-римское сказаніе о сиренахъ.

И. Д. Четыркинымъ производились и раскопки въ уѣздахъ Козельскомъ, Лихвинскомъ и Калужскомъ, причемъ наиболѣе интересныя вещи найдены имъ при раскопкѣ древняго городища „Дуна" и мѣстечка по берегу Оки, при впаденіи Калужки. При изслѣдованіи послѣдней мѣстности обнаружена стоянка—мастерская доисторическаго человѣка, гдѣ изготовлялись преимущественно кремневыя оружія.

Каменныя бабы. На торжественномъ актѣ Археологическаго Института 7 Мая 1900 г. профессоромъ Н. И. Веселовскимъ сдѣланъ былъ крайне интересный докладъ о происхожденіи загадочныхъ каменныхъ истукановъ, ставившихся нѣкогда на вершинахъ погребальныхъ кургановъ. У насъ эти каменные болваны, представляющіе скульптурные изображеніе человѣческой фигуры, называются „каменными бабами", у татаръ они носятъ кличку „мамаевъ". Литература о „каменныхъ бабахъ" довольно обширна, но вопросъ о происхожденіи ихъ все же мало разработанъ и не рѣшенъ окончательно. Въ 1892 г. сводъ извѣстій объ этихъ памятникахъ древности собранъ былъ Гартманомъ. Послѣ него появилось еще много русскихъ изслѣдованій. „Бабъ" приписывали: гуннамъ, скиѳамъ, монголамъ, венграмъ, готамъ, польвцемъ и славянамъ. Нѣкоторыя изъ „бабъ" относятся несомнѣнно къ времени историческому, нѣкоторыя имѣютъ знаки креста, указывающіе на христіанскую эпоху, попадаются даже такія на которыхъ имѣется дома XI в. многіе думали, что кресты сдѣланы на бабахъ впослѣдствіи, но доказано, что нѣкоторые памятники принадлежатъ несомнѣнно эпохи христіанской.

Большинство изслѣдователей стоятъ за скиѳское происхожденіе „бабъ", хотя научныя доказательства ихъ довольно шатки. Затрудненія, встрѣчающіяся при изслѣдованіи вопроса заключаются, главнымъ образомъ, въ недостатки положительныхъ письменныхъ указаній, скудости матеріала и неопредѣленности расположенія памятниковъ.

Особенное вниманіе на „каменныхъ бабъ" обратили академики Миллеръ, Зуевъ и др., благодаря имъ Академія наукъ въ 1843 г. ходатайствовали о принятіи мѣръ къ сохраненію „каменныхъ болвановъ на степныхъ могилахъ".

Министромъ сдѣлано было циркулярное распоряженіе губернаторамъ, какъ о мѣрахъ сохраненія памятниковъ, такъ и о сообщеніи свѣдѣній объ неимѣющихся въ губерніяхъ экземплярахъ и мѣстности гдѣ они находятся.

Свѣдѣнія были доставлены къ 1848 году, оказалось, что большинство имѣющихся бабъ употреблены уже для практическихъ цѣлей и сняты давно со своихъ мѣстъ на курганахъ. Такъ въ селеніяхъ Маріупольскаго Округа каменныя бабы находятся съ 1818 года, всѣ онѣ были сняты съ могилъ и поставлены, вмѣсто дорожныхъ знаковъ, нѣкоторыя зарыты въ землю. Въ другихъ мѣстностяхъ бабы употреблены на фундаменты подъ церкви. Въ Екатеринославской губерніи изъ 428 бабъ уцѣлѣло на курганахъ только 14.

Циркулярное распоряженіе, направленное съ цѣлью сохраненія интересныхъ и загадочныхъ памятниковъ однако послужило отчасти во вредъ имъ. Боясь отвѣтственности мѣстные жители, у которыхъ имѣлись „бабы" старались водворить ихъ на тѣ мѣста, откуда онѣ были взяты, но водворяли ихъ куда попало, на первый встрѣчающійся курганъ. Впослѣдствіи, благодаря этому, бабы на курганахъ приводили къ ложнымъ выводамъ. Нѣкоторые же просто уничтожали или зарывали бабъ въ землю.

Существуетъ весьма любопытный разсказъ о крестьянинѣ въ Саратовской губерніи, который долженъ былъ везти на мѣсто каменную бабу. Не желая долго возиться съ ней, онъ выѣхавъ на мѣсто сбросилъ ее въ рѣку. Затѣмъ возвратившись къ себѣ онъ съ ужасомъ расказывалъ, что когда онъ выѣхалъ на мѣсто, то болванъ выпрыгнулъ изъ телѣги и бросился въ рѣку.

Очень часто бабъ находили съ отбитыми головами. Объясняется это тѣмъ, что въ особенности мусульманское населеніе считало ихъ за идоловъ и разбивало.

Раіонъ расположенія каменныхъ бабъ весьма обширенъ. По новымъ даннымъ онѣ находятся: въ Монголіи, въ областяхъ Семирѣченской, Семипалатинской, Акмолинской, въ Киргизскихъ степяхъ, на Кавказѣ, въ землѣ Войска Донского, въ Крыму, въ нашихъ южныхъ губерніяхъ до Карпатъ. На сѣверѣ граничатъ онѣ Курской губерніей, на западѣ Пруссіей.

Графъ А. С. Уваровъ въ статьѣ о „каменныхъ бабахъ" далъ сводъ всѣхъ извѣстій по 1870 годъ; 25 лѣтъ спустя Н. Е. Бранденбургъ, въ изслѣдованіи своемъ пришелъ къ выводу о скиѳскомъ происхожденіи бабъ. Академикъ Радловъ относитъ ихъ ко времени VII VIII столѣтія, а именно къ царствованію Турецкой династіи въ Монголіи. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ бабы принадлежатъ славянамъ, южно-русское же наиболѣе древнія принадлежатъ скиѳамъ, и относятся ко времени за нѣсколько вѣковъ до начала нашей эры. Приписывать славянамъ „бабъ" трудно въ виду того, что на сѣверѣ ихъ совершенно не встрѣчается. Если бы „бабы" принадлежали скиѳамъ, о нихъ были бы какія нибудь указанія у Геродота, который однако совершенно о нихъ умалчиваетъ. Найденныя же на нѣкоторыхъ скиѳскихъ курганахъ бабы поставлены очевидно позднѣе. На Финское происхожденіе бабъ почти нѣтъ указаній, за исключеніемъ одного о какой то золотой бабѣ, которой поклонялись финны. Монголы обыкновенно на могилахъ не ставили памятниковъ, а наоборотъ старались скры-

вать тѣло покойника. Такъ послѣ погребенія Чингизхана, всѣ участвующіе при погребеніи были умерщвлены.

По мнѣнію проф. Н. И. Веселовскаго бабы скорѣе всего принадлежатъ Туркамъ, на это указываютъ и три имѣющіеся о „бабахъ“ письменные памятника. Одинъ изъ нихъ относится къ VIII вѣку по Р.Х.—это указаніе китайской лѣтописи о постановкѣ статуи съ надписью; описаніе статуи сходится съ имѣющимися „каменными бабами“. Въ Турецкихъ надписяхъ сообщается о постановкѣ на могилахъ статуй (балбалъ). Въ лѣтописяхъ отмѣчается также обычай половцевъ ставить на могилахъ статуи.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

„Русская Мысль“, мартъ, апрѣль. „Алчущія души“, Ив. И. Иванова. Болѣе десяти лѣтъ русскій читатель созерцаетъ странное специфическое литературное явленіе: именно—*созерцаетъ* специфическую литературу, а не читаетъ ее, иначе онъ самъ бы обратился въ странное явленіе, чего, однако, съ русскимъ читателемъ, склоннымъ къ положительности, пока не случилось, да, вѣроятно, и не случится. Въ изготовляемой для созерцанія читателя литературѣ внутреннее содержаніе ея, отчасти и внѣшнее, проникнуто также созерцательнымъ характеромъ. Русскій читатель раздѣляется на двѣ группы. Одна безъ устали, но и безъ напряженнаго вниманія мысли, поглощаетъ романы. Другая группа, сухо практическая, читаетъ серьезныя статьи, отъ которыхъ непремѣнно требуетъ яснаго изложенія и немедленныхъ выводовъ, изъ которыхъ если нельзя тотчасъ „шубу сшить“, то ужь непремѣнно требуется извлечь категорическое разрѣшеніе одного изъ „проклятыхъ вопросовъ“ или всѣхъ разомъ. На долю созерцательной литературы, такимъ образомъ, читателя не оказывается. Но она существуетъ и обременяетъ глазъ читателя. Къ созерцательной литературѣ, усердно печатаемой, усердно излагаемой и усердно обсуждаемой, принадлежатъ произведенія Фр. Ницше, въ которыхъ онъ галлюцинируетъ афоризмами полумиѳическаго Заратустры. Фр. Ницше, это не ученый, не философъ, не ораторъ, это—оракулъ. Наши присяжные литературные дѣятели напряженно прислушиваются къ вѣщимъ словамъ этого оракула и истолковываютъ ихъ передъ пустой аудиторіей, будучи глубоко убѣждены, что публика съ замираніемъ сердца внимаетъ имъ. За „сверхчеловѣкомъ“ Ницше слѣдуетъ Леопарди со своими ребяческими „Афоризмами“ и Паскаль съ „Мыслями“. Не надо, не надо! вопитъ обремененный этимъ грузомъ читатель... — Нѣтъ, убѣждаютъ его литературные комментаторы новѣйшихъ оракуловъ, тебѣ необходимо прочувствовать этихъ оракуловъ, ты погрязъ въ житейской тинѣ, ты утратилъ потребность въ „живой водѣ“, а мы тебѣ покажемъ „алчущія души“, они тебя поведутъ къ „животворящему источнику“, они знаютъ дорогу къ нему, поспѣшай—антихристъ идетъ! Но читатель, какъ „мертвое тѣло“

въ одномъ юмористическомъ разсказѣ, *нейдетъ* и *упирается*, несмотря на усовѣщеванія блюстителей и окрикъ станового. Появляется рядъ статей, разъясняющихъ читателю необъятную глубину Ницше, Леопарди, Паскаля; попутно прихватываютъ Руссо, Гоголя. Достоевскаго Толстого, Ибсена и Вл. Соловьева; шагаютъ черезъ Ѳому Кемпийскаго и восходятъ до начала всѣхъ началъ—до Будды, съ котораго и упираются лбомъ. Вотъ они „сверхчеловѣки", вотъ „алчущія души", которыя на протяженіи тысячелѣтій волновали человѣчество, задавали ему вопросы: почему? и зачѣмъ? на которые наша хваленая цивилизація не съумѣла дать отвѣтовъ, а „алчущія души" насыщались изъ живого родника и оглашали міръ каждый разъ новымъ словомъ „откровеніе"! Исторію этого откровенія написалъ въ настоящее время г. Ив. Ивановъ. Въ мартовской книжкѣ „Русской Мысли" положено начало этой исторіи, въ апрѣльской она продолжается и въ майской обѣщано продолженіе.... Изъ желанія нагляднѣе воспроизвести характеръ тѣхъ глаголовъ, которыми жгли сердца людей эти „алчущія души", историки ихъ въ свою очередь тоже не просто излагаютъ предметъ, а глаголютъ, прорицаютъ, отрывочно выбрасываютъ фразу за фразой, сыплютъ афоризмами, сознательными парадоксами и сентенціями. Приходится и намъ, для ознакомленія съ обсуждаемой статьей, придерживаться того же пріема.

Человѣческое существованіе подобно полету птицы. Краткій перелетъ по свѣтлому пространству — наша жизнь. Изумительна высота, на которую поднимается первобытная мысль человѣка. Религіозное творчество—первая философія и первая наука. Первобычный человѣкъ разсуждаетъ просто и послѣдовательно. Я—центръ міровой жизни, и міръ существуетъ, чтобы вредить мнѣ или способствовать моему счастью. Научное воззрѣніе стремится установить принципъ, противоположный чисто религіозному. Бѣдствія, переполняющія человѣческую жизнь, никогда не допустятъ расцвѣта *безполезной* эгоистической умственной работы. Полтора вѣка назадъ разыгралась война „естественнаго человѣка" противъ цивилизаціи. Вдохновеніе поэтовъ заполонило всѣ литературы, потому что оно „міровая скорбь". Упражненія, которыя считаются наукой, совершенно безразличны для поднятія умственной культуры. Больше всего нашумѣла самая грубая научная идея—„борьба за существованіе". Наука оказалась способной понять только частности мірового процесса. Дюбуа—Реймонъ изслѣдовалъ вопросъ о границахъ знанія. Заключеніе его: „Ignoramus, ignorabimus!". Кто беретъ смѣлость допрашивать науку насчетъ ея идейнаго смысла и нравственнаго содержанія?.... Единицы „алчущія души". Мы выбрали три такихъ единицы—души: Паскаль—долгъ, Руссо—безумие, Гоголь—совѣсть.

На этомъ остановимся. Какъ допрашивали Руссо и Гоголь науку, авторъ пока еще не сообщаетъ. Что касается Паскаля, то уже давно извѣстно, какъ Паскаль допрашивалъ науку и что это была за геніальная, но несчастная и изломанная натура. Паскаль чуть не младенцемъ написалъ трактатъ о коническихъ

сѣченіяхъ, далъ теорію равновѣсія жидкостей, положилъ начало теоріи вѣроятностей. При громадномъ умѣ, онъ былъ чрезвычайно слабаго сложенія. Отъ умственнаго напряженія у него развились галлюцинаціи, онъ впалъ въ мистическій бредъ, сдѣлался послѣдователемъ религіознаго ученія янсенистовъ и съ раннихъ лѣтъ окончательно погибъ для науки. Между тѣмъ этотъ послѣдній періодъ жизни Паскаля г. Ивановъ главнымъ образомъ и цѣнитъ, здѣсь онъ и видитъ выполненіе Паскалемъ *доли*, здѣсь его алчущая душа насытилась и насытила человѣчество. Становится понятно, почему русскій читатель не проявляетъ ни малѣйшаго желанія знакомиться съ такого рода литературой и останавливаетъ свое вниманіе совсѣмъ на иныхъ произведеніяхъ, гдѣ нѣтъ потугъ на раскрытіе яко-бы широкихъ горизонтовъ а въ сущности—узкихъ и на столько спертыхъ, что въ предѣлахъ ихъ задыхается всякая живая мысль.

„Страница изъ современной астрономіи", ***В. К. Цераскаго.*** Вслѣдъ за ***алчущими душами***, которыя слѣдовало бы точнѣе назвать ***жаждущими***, ибо онѣ все ищутъ живой воды.... тамъ гдѣ она никогда не текла, г. Цераскій указываетъ совсѣмъ на другихъ людей, дѣйствительно открывшихъ источники животворящей воды для всѣхъ. Со времени открытія спектральнаго анализа, астрономія достигла такихъ крупныхъ успѣховъ, какіе даже не снились „алчущимъ душамъ", несмотря на ихъ безпредѣльное ясновидѣніе. Извѣстно, что такое спектральный анализъ. При помощи его мы теперь знаемъ не только составъ планетъ и солнца, но и каждой самой отдаленной звѣзды, хотя бы мы ее и не видѣли въ самый величайшій телескопъ. Статья г. Цераскаго небольшая, но сообщаетъ объ этомъ предметѣ много интереснаго. Статьи по точнымъ наукамъ рѣдко бываютъ объемисты, но часто бываютъ содержательны. Не останавливаясь на содержаніи этой статьи, приведемъ изъ нея нѣсколько строкъ, чтобы указать на алчущія души, которыя являются антиподами искалѣченнымъ душамъ г. Иванова. „Безъ малаго триста лѣтъ тому назадъ во Флоренціи въ ясные вечера Галилей показывалъ предметы звѣзднаго неба блестящему двору Медичи. Онъ только что изобрѣлъ зрительную трубу, и невѣдомыя дотолѣ явленія звѣзднаго неба стали доступны наблюденію. Весь міръ заговорилъ объ этомъ инструментѣ. Одни въ нѣмомъ удивленіи отходили отъ зрительнаго снаряда, другіе боялись въ него заглянуть, а съ церковной каѳедры раздавалась проповѣдь противъ Галилея, на текстъ изъ апостольскихъ дѣяній: „Мужи Галилейскіе! что стоите и смотрите на небо". Около того же времени, но нѣсколько раньше, на далекомъ сѣверѣ, въ одной изъ тѣхъ Гиперборейскихъ странъ, гдѣ, по словамъ Геродота, царствуетъ вѣчный снѣгъ и мракъ, ярко заблисталъ свѣтъ истиннаго коперникова ученія. Эти открытія дополняли другъ друга: передъ умственными очами человѣка земля, солнце и звѣзды являлись въ истинныхъ отношеніяхъ, и тѣлеснымъ глазамъ показались новыя свѣтила. Матеріальное тѣло земли превращалось въ исчезающую точку, въ нуль, и человѣческая мысль улетала въ безконечный просторъ звѣзднаго міра.

Не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, открытія слѣдовали другъ за другомъ, улучшена зрительная труба, изобрѣтена фотографія, что, по справедливости, нужно назвать вторичнымъ изобрѣтеніемъ телескопа, развита теорія, эта незыблемая основа науки, открытъ спектральный анализъ, и съ каждою новою прочитанною страницей великой книги природы ея содержаніе оказывалось все болѣе и болѣе величественнымъ и неисчерпаемымъ". Еслибы ко всѣмъ *добродѣтелямъ* Будды и Ницше присоединить качества Галилея и Коперника, то сталъ ли бы г. Ивановъ доволенъ своими Буддою и Ницше? Несомнѣнно, что со стороны г. Иванова на этотъ вопросъ „грянули бы камни въ отвѣтъ". Онъ возразилъ бы, что Галилей и Будда несовмѣстимы, что наука и нравственность не одно и то же. Тогда зачѣмъ же указывать на банкротство науки, на то, что „наши дни полны нападками на науку, какъ на безплодную и жалкую игру холоднаго и поверхностнаго ума", и гнуть только въ сторону „величайшихъ заслугъ алчущихъ душъ"? Заслуги людей науки всѣ осязаемы; мы ихъ можемъ всѣ перечесть—ихъ свитокъ больше ивановской колокольни, мы живемъ по этому свитку. Укажите же на заслуги алчущихъ душъ, чѣмъ онѣ осчастливили человѣчество, и почему же человѣчество, какъ полагаетъ г. Ивановъ, все—таки остается нравственно несостоятельнымъ, хотя передъ нимъ и лежитъ раскрытой книга жизни, написанная этими оракулами? И оракулы обанкротились! Если бы г. Ивановъ просто указалъ на появленіе, отъ времени до времени, алчущихъ душъ, мятущихся умовъ, безъ всякаго отношенія продуктовъ ихъ творчества къ человечеству, тогда бы отмѣченное имъ явленіе заслуживало вниманія и искренняго сожалѣнія: эхъ, сколько даромъ, безполезно потрачено самаго дорогого на свѣтѣ вещества—мозговой энергіи! А теперь...—„Не хорошо-съ, безобразіе-съ!". Такъ въ „Доходномъ мѣстѣ". Островскаго усовѣщеваетъ половой подгулявшаго Жадова.

„Современное состояніе о вопросѣ методахъ изученія литературныхъ произведеній", *М. Н. Розанова*. Къ числу статей, гдѣ предметъ берется просто, безъ всякихъ выкрутасовъ, и изслѣдуется столь же просто и ясно, принадлежитъ статья г. Розанова. Изучать литературное произведеніе приходится двояко: или какъ всякое историческое явленіе, занимающее мѣсто на нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи, или какъ явленіе, современное намъ. Къ тому и другому явленію, въ силу естественныхъ причинъ, мы не можемъ относиться одинаково. Къ первому мы имѣемъ возможность отнестись объективно, ко второму мы часто бываемъ совершенно лишены возможности примѣнить такой пріемъ, потому что мы сами часто, хотя косвенно, участвуемъ въ воспроизведеніи явленія, и какъ физикъ при обыкновенныхъ условіяхъ не можетъ взвѣсить воздухъ, такъ мы не можемъ оцѣнить современное намъ общественное явленіе, всегда сложное. Таковъ существуетъ взглядъ на оцѣнку литературнаго произведенія. Но нельзя утверждать, чтобы этотъ взглядъ былъ безусловно вѣренъ. Отъ оцѣнки литературнаго произведенія его собременники все таки не отказываются, какъ не отказались ученые отъ опредѣленія вѣса воз-

духа. Дѣло заключается въ томъ, что не только надо имѣть орудіе для оцѣнки, но и способъ его примѣненія. Въ настоящее время надо до извѣстной степени отрѣшиться отъ того взгляда, который навязывается намъ, что будто для оцѣнки литературнаго произведенія не наступило время. Сказать такъ—это значитъ все равно, что сознаться: мы, дескать, не знаемъ, или не усвоили, или не выработали соотвѣтствующаго метода для оцѣнки. Къ сожалѣнію, авторъ названной статьи съуживаетъ свою задачу и, говоря о методахъ изученія литературныхъ произведеній, имѣетъ въ виду приложеніе методовъ къ историческому изученію произведеній. Дѣлать нечего; приходится брать, что даютъ. Намъ, однако, кажется, что мы не впадемъ ни въ малѣйшую ошибку, если заявимъ, что указываемые имъ методы одинаково приложимы къ изученію литературныхъ произведеній, какъ отошедшихъ въ область исторіи, такъ и современныхъ. Въ первомъ случаѣ приложеніе метода будетъ проще, во второмъ сложнѣе.

До начала XIX ст. литература оставалась излюбленною областью диллетантскихъ экскурсій для людей самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. О выработкѣ какихъ либо не только критическихъ методовъ, но и пріемовъ литературнаго письма не могло быть и рѣчи. Достаточно вспомнить взаимныя полемическія препирательства нашихъ Ломоносовыхъ и Сумароковыхъ изъ за употребленія какихъ нибудь совершенно незначущихъ словъ „преграда“ и „ограда“, чтобы отбросить всякое желаніе считаться съ такой критикой или выработкой слога. На Западѣ потребовался цѣлый вѣкъ, чтобы разобраться въ пестрой массѣ противорѣчивыхъ сужденій, взглядовъ, теорій и привести ихъ къ нѣкоторому согласованію. Но и въ настоящее время, какъ замѣчаетъ авторъ, всякому, желающему создать опредѣленный взглядъ на этотъ предметъ, приходится повторить такую же работу: до такой степени еще не выясненъ окончательно данный вопросъ. При опредѣленіи методовъ изученія литературныхъ произведеній авторъ замѣтилъ четыре главныхъ основныхъ направленія: филологическое, историческое, психологическое и эстетическое. Каждое направленіе, кромѣ того, комбинируется съ какимъ нибудь другимъ, и получаются сложныя направленія: филолого-историческое, историко-психологическое, эстетико-психологическое, и т. д. Можетъ, такимъ образомъ, получиться шесть сложныхъ направленій, а съ основными десять, не считая тройныхъ сочетаній. Изложимъ кратко задачи каждаго направленія.

Пріемы филологическаго изученія точно выработаны современной наукой и сосредоточиваются на двухъ главныхъ задачахъ: критикѣ текста и его изъясненіи. Литературный памятникъ, дошедшій до насъ нерѣдко въ искаженномъ видѣ, филологическою критикою возстановляется.

Историческое направленіе критики (Вильменъ, Гервинусъ) разсматриваетъ каждое литературное произведеніе не иначе, какъ одно изъ звеньевъ длинной цѣпи историческаго и литературнаго развитія, находящееся въ причинныхъ отношеніяхъ къ предыдущимъ и послѣдующимъ звеньямъ; изслѣдуетъ его происхожденіе

и образованіе. Поэтическое произведеніе представляетъ всегда болѣе или менѣе сложный комплектъ идей, чувствъ, впечатлѣній, настроеній и воззрѣній, пришедшихъ къ художнику съ разныхъ сторонъ, но сплавленныхъ въ горнилѣ его творческаго духа. Критика должна разложить произведеніе на его составныя части. Элементы эти бываютъ или чисто литературнаго, или біографическаго, или культурнаго характера, и изслѣдованіе развѣтвляется. Не каждый авторъ обнимаетъ предметъ во всѣхъ направленіяхъ. Извѣстный французскій критикъ Сентъ—Бевъ прилагалъ къ литературнымъ произведеніямъ историческій методъ въ одномъ направленіи—біографическомъ. Онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о происхожденіи автора, его физической организаціи, знакомствахъ, подробностяхъ его обыденной жизни. Изученіе личности автора вмѣстѣ съ ея отраженіемъ въ его творчествѣ переходитъ въ изученіе культурно—историческихъ условій народа и его эпохи. Произведеніе, авторъ, среда представляютъ какъ бы три концентрическихъ круга, связанныхъ между собою органически. Это—теорія Тэна, утверждающая, что всякій писатель есть только естественный продуктъ расы, среды и историческаго момента.

Третье основное направленіе критики — психологическое — явилось дальнѣйшимъ и естественнымъ развитіемъ біографическаго и культурно-историческаго метода. Задача критики здѣсь заключается въ томъ, чтобы постигнуть душевное настроеніе, изъ котораго вытекло извѣстное произведеніе. Изъ галлереи написанныхъ портретовъ Сентъ-Бёвъ создавалъ „естественную исторію человѣческой души“; Тэнъ примѣнялъ психологическій анализъ къ цѣлымъ народностямъ и культурнымъ эпохамъ. Датскій критикъ Брандесъ является ихъ послѣдователемъ.

Изъ всѣхъ направленій въ изученіи литературныхъ произведеній эстетическое явилось раньше всѣхъ. Авторъ утверждаетъ, что оно устойчивѣе и живучѣе всѣхъ. Это направленіе разсматриваетъ литературное произведеніе исключительно съ точки зрѣнія искусства. Но въ настоящее время эстетика, какъ отдѣльная наука, утратила все свое значеніе. Большая часть ея положеній совершенно потеряна, а остатки затерялись въ психологіи и физіологіи. Эстетики говорили, что идея искусства прирождена человѣку, что художникъ творитъ безсознательно, что поэзія сама себѣ цѣль, что предметъ ея—*прекрасное.* Мы не будемъ ни защищать, ни опровергать эти положенія. Напомнимъ только, что до сего времени сами эстетики не согласились на общемъ опредѣленіи *прекраснаго,* и такихъ опредѣленій, главныхъ, смѣнявшихся безъ всякой преемственной связи на протяжаніи 2000 лѣтъ, отъ Аристотеля до гр. Толстого, насчитывается до двадцати. Небезъизвѣстный Генкенъ, старавшійся сосредоточить изученіе литературныхъ произведеній только на ихъ эстетическихъ особенностяхъ, сознавалъ что литературныя произведенія выпираютъ изъ этой рамки и вторгаются въ область психологіи и соціологіи. Онъ предлагаетъ подвергать художественныя произведенія троякому анализу, за которымъ долженъ слѣдовать синтезъ въ томъ же порядкѣ. Эстестическія волненія, производимыя даннымъ

сочиненіемъ въ разныхъ лицахъ, отличаются между собою только количественно, а не качественно, степенью эмоціональнаго возбужденія, а не свойствомъ и природою его. Задача психологическаго анализа заключается въ томъ, чтобы опредѣлить душевную организацію автора, которая, по мнѣнію Генкена, отражается цѣликомъ въ его произведеніи и является точной и полной копіей его души. Поэтому Генкенъ отрицаетъ біографическій методъ Сентъ-Бёва изученія жизни писателя. Анализъ соціологическій по Генкену заключается въ изученіи душевнаго строя той группы людей, среди которыхъ разбираемое произведеніе пользовалось наибольшимъ успѣхомъ. Съ Тэномъ онъ совершенно расходится. Отрицая вліяніе расы, онъ сводитъ къ минимуму вліяніе среды и историческаго момента, утверждая, что согласно естественному ходу цивилизаціи, человѣкъ, освобождается все болѣе и болѣе отъ вліянія окружающей среды, доходя до полнаго противорѣчія съ нею. Центръ тяжести, по мнѣнію Генкена, лежитъ не въ средѣ, вліяніе которой ничтожно и неуловимо, а въ оригинальной личности поэта, который самъ создаетъ среду. Это вліяніе и подлежитъ изученію. Воззрѣнія Генкена здѣсь примыкаютъ къ знаменитому „культу героевъ“ Карлейля. Направленіе Генкена остается до сего времени почти безъ приложенія. Его предшественникъ Карлейль, прогремѣвъ той же теоріей на весь міръ, съ трескомъ рухнулъ и подъ развалинами собственной теоріи похоронилъ самъ себя. Виднымъ сторонникомъ Генкена выступилъ въ Германіи Ветцъ, въ сочиненіи „Шекспиръ съ точки зрѣнія сравнительной исторіи литературы“. Сочиненіе его надѣлало шумъ, но не методомъ, а тѣмъ, что Ветцъ выступилъ противъ односторонняго филологическаго направленія въ Германіи. Изъ чистыхъ эстетическихъ критиковъ на Западѣ остались только двое: импрессіонистъ Жюль Леместръ и доктринеръ и догматикъ Брюнетьеръ. Но едва ли объ этихъ господахъ можно говорить серьезно. Надо только удивляться, что они и пріемы ихъ популяризировались у насъ одно время съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Что эта популяризація велась настойчиво „Сѣвернымъ Вѣстникомъ“—не удивительно, но что она поддерживалась „Вѣстникомъ Европы» остается только поставить знакъ вопроса.

Мы не будемъ останавливаться на смѣшанныхъ методахъ. Какъ не существуетъ чистыхъ темпераментовъ—сангвиническаго, холерическаго, меланхолическаго, флегматическаго,—такъ практически не осуществимо приложеніе исключительно одного изъ указанныхъ методовъ къ изученію литературныхъ произведеній. Авторъ статьи отдаетъ преимущество методу сравнительно—историческому. При изученіи литературныхъ произведеній отдаленнаго прошлаго этотъ методъ, можетъ быть, имѣетъ преимущество передъ другими.

Для оцѣнки современныхъ произведеній слова выработано въ русской литературѣ своеобразное направленіе, котораго держались всѣ наши лучшіе критики, начиная съ Бѣлинскаго. Въ методахъ западныхъ критиковъ слишкомъ много или старческой черствости,

или суетливаго диллетантизма или самодовольнаго педантизма у насъ же, по условіямъ русской жизни, критикъ есть судья общественной совѣсти, будильникъ общественнаго сознанія, глашатай общественнаго долга. Потому у насъ всегда преобладало въ критикѣ направленіе публицистическое.

„Вѣстникъ Европы“, апрѣль. „Опытъ, какъ источникъ знанія, и новѣйшая классификація наукъ“, кн. В. Н. Тенишева. Спенсеръ, приступая къ созданію своего колоссальнаго труда „Синтетическая философія“, написалъ предварительно цѣлый рядъ этюдовъ по разнообразнымъ отраслямъ знанія, которые извѣстны подъ именемъ „Опытовъ“. Къ числу такихъ опытовъ принадлежатъ его двѣ статьи „Генезисъ науки“ и „Классификація наукъ“. Второй статьи мы совсѣмъ касаться не будемъ, потому что кн. Тенишевъ, какъ ни странно, совсѣмъ не даетъ къ этому никакого предлога, несмотря на то, что собрался говорить о классификаціи наукъ. Изъ первой же статьи Спенсера мы возьмемъ очень интересную мысль о происхожденіи знанія вообще. Онъ говорилъ, что между людьми существуетъ представленіе, будто научное познаніе, по природѣ своей, отличается отъ обыкновеннаго, чего, однако, въ дѣйствительности не существуетъ. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствуютъ одни и тѣ же способности, и въ обоихъ случаяхъ способъ ихъ дѣйствія въ основѣ своей одинъ и тотъ же. Вся разница заключается въ томъ, что обыкновенное знаніе есть знаніе качественное, а научное есть знаніе количественное. Напр., въ первомъ случаѣ достаточно небольшого житейскаго опыта для опредѣленія, что одинъ предметъ тяжелѣе другого; но во сколько разъ или на сколько вѣсовыхъ единицъ тяжелѣе, для этого необходимо усвоить цѣлый циклъ условныхъ понятій. Если бы кн. Тенишевъ въ основу своей статьи положилъ это спенсеровское разграниченіе способовъ пріобрѣтенія знанія, то самая статья его не приняла бы характера разбросанности. Приведя нѣсколько примѣровъ пріобрѣтенія знанія (крайне неудачныхъ), онъ не дѣлаетъ между ними того различія, на которое указываетъ Спенсеръ, и склоняется къ другому, къ кантовскому: къ пріобрѣтенію знанія посредствомъ чувственнаго опыта и посредствомъ ума,—по Канту, только послѣднее знаніе становится достовѣрнымъ. При поверхностномъ взглядѣ кажется, что кантовское и спенсеровское разграниченіе одно и то же. Но кантовскій принципъ достовѣрности въ настоящее время совершенно оставленъ естественно-научнымъ методомъ, такъ какъ онъ полагаетъ границы между чувственнымъ воспріятіемъ и умственной дѣятельностью, что является дѣломъ совершенно неосуществимымъ. Переходя къ Конту, авторъ, повидимому, и съ нимъ соглашается. Контъ говоритъ: «хотя всякое знаніе основано на опытѣ, но наблюденія направляются теоріей». Здѣсь Контъ уже совсѣмъ близко подходитъ къ Спенсеру. Оставалось автору сдѣлать еще одинъ шагъ. Но онъ этого не дѣлаетъ и во всей статьѣ кружитъ около Канта и Конта и только по пути захватываетъ Спенсера, чтобъ дать резюме его двухъ типовъ эволюціонныхъ измѣненій, происходящихъ въ мірѣ, что къ данному вопросу совсѣмъ

не относится. Приведемъ образчикъ эрудиціи автора. «Когда человѣкъ бодрствуетъ, пріобрѣтеніе знаній происходитъ безостановочно; либо онъ воспринимаетъ внѣшнія явленія, либо идетъ въ немъ внутренняя переработка—человѣкъ мыслитъ. То и другое составляетъ состояніе сознательное, противоположное дремотному, сонному». Старо очень: это именно относится ко временамъ Канта и Конта, когда психологія была или совсѣмъ не годна или плохо разработана. Психическая дѣятельность человѣка никогда не падаетъ до нуля; иначе онъ уснулъ бы мертвымъ сномъ, на вѣки. Мысль постоянно работаетъ, а она можетъ работать только подъ вліяніемъ возбужденія со стороны внѣшнихъ чувствъ. Все дѣло въ степени сознанія: во снѣ она понижена. Дальше—за авторомъ мы не пойдемъ. Сказавши нѣсколько словъ о классификаціяхъ Канта и Спенсера, всѣмъ давно извѣстныхъ и достаточно устарѣвшихъ, авторъ ни о какой новѣйшей классификаціи наукъ ничего не сообщаетъ. Въ заключеніе авторъ, замѣтивъ, что всѣми принято дѣлить образованіе на общее и спеціальное, спрашиваетъ: «Но выясненъ ли окончательно вопросъ, что именно, кромѣ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, ведетъ къ тому, что называется образованіемъ? Считается ли болѣе существеннымъ обладать познаніями, нужными въ жизни и для служенія общественнымъ интересамъ? Или степень образованія, считается болѣе высокою у тѣхъ, которые обладаютъ знаніями въ области археологіи, миѳологіи, движенія планетъ, кометъ и т. п., и сверхъ того могутъ привести латинскую или даже греческую цитату»? Значитъ, авторъ въ этомъ направленіи собирается построить классификацію наукъ... Будемъ ждать.

«Міръ Божій», апрѣль. «Эрнестъ Ренанъ, опытъ характеристики». Статья Н. Schoen'a, переводъ съ нѣмецкаго. Лѣтъ двадцать назадъ у насъ Ренаномъ сильно интересовались. Его «Histoire des origines du christianisme» читали всѣ, знавшіе мало-мальски французскій языкъ и небеззаботные насчетъ исторической литературы. Мы не говоримъ уже о тѣхъ читателяхъ, которые относились къ произведеніямъ Ренана съ любопытствомъ, ожидая встрѣтить тамъ отрицательное отношеніе къ лицамъ и событіямъ начала нашей религіозной эры. Они, конечно, жестоко разочаровались въ Ренанѣ. Они думали встрѣтить въ немъ разсказчика, а натолкнулись на ученаго, у котораго текстъ переполненъ примѣчаніями, ссылками на разноплеменныхъ и разновременныхъ авторовъ и цитатами изъ языковъ до еврейскаго и арабскаго включительно. Они не подозрѣвали, что онъ ученый извѣстной научной школы, что свое изслѣдованіе онъ велъ не противъ теологіи и что у него существуетъ опредѣленная точка зрѣнія и методъ. Эта точка зрѣнія была раціоналистической, а методъ—историческій критицизмъ, пополняемый психологическимъ анализомъ. Словомъ, онъ былъ послѣдователемъ Тюбингенской школы, къ которой принадлежали Гукъ, Неандеръ, Толукъ, Уманъ и знаменитый Бауръ. Весьма странно, что антиподъ Ренана, Штраусъ, который смотрѣлъ на начало христіанства, какъ на

мнѣ и символъ, совсѣмъ не пріобрѣлъ популярности у диллетантовъ знанія, тогда какъ именно онъ, взамѣнъ Ренана, долженъ бы былъ увлечь ихъ. Надо, однако, замѣтить, что каждый послѣдующій томъ «Исторіи» Ренана, появлявшійся послѣ «Vie de Jesus»—«Les Apôtres», «Saint Paul», «Antéchrist», «Les Evangiles», «L'Eglise chretienne», и «Marc Aurèle ou la fin du monde antique» все болѣе и болѣе разочаровывали диллетантовъ. Его послѣдній въ этомъ родѣ трудъ «Histoire du peuple d'Israël» у насъ не привлекъ ни чьего вниманія и даже въ литературѣ не былъ встрѣченъ серьезнымъ отзывомъ.

О Ренанѣ такъ много писали, что новаго сказать о немъ нечего. Остается только подтвердить, что это писатель былъ оригинальный. Послѣ бури, возбужденной его изслѣдованіями среди теологовъ и противниковъ его взгляда, водворилось всеобщее къ нему уваженіе. Это обусловливалось его сангвиническимъ темпераментомъ, его жизнерадостнымъ оптимизмомъ и чисто дѣтской искренностью. Существуютъ люди, съ которыми можно не соглашаться отъ начала до конца, можно считать ихъ дѣятельность вредною, но при всемъ томъ эти люди не теряютъ въ глазахъ своихъ противниковъ ни іоты изъ своего достоинства. Католическій патеръ, конечно, отправилъ Ренана въ адъ, но онъ передъ нимъ отворилъ туда дверь почтительно. Чтобы понять весь оптимизмъ Ренана, мы приведемъ одно мѣсто изъ его безчисленныхъ эскизовъ. „Работайте, работайте, говоритъ онъ, обращаясь къ человѣчеству, радость и трудъ вызываютъ другъ друга. Счастье жизни есть трудъ, добровольно принятый на себя какъ долгъ. Надо умѣть работать всегда, надо устраивать жизнь такъ, чтобы время работы и время отдыха не были различны. Отдыхайте отъ одной работы за другою, пусть у васъ будутъ разнообразныя области труда. Будьте всегда честными людьми; безъ этого нельзя честно работатъ; невозможно ни съ пользой трудиться, ни вполнѣ веселиться, не будучи честнымъ человѣкомъ. „Веселость духа" подразумѣваетъ хорошую жизнь". „Будемъ строги къ самимъ себѣ, но не будемъ дѣлать жизнь скудною. Не слѣдуетъ слушать утонченныхъ писателей нашихъ дней. Не будемъ лишать человѣчество его радостей: будемъ радоваться, какъ оно наслаждается. Чужая радость есть большая часть нашей; она составляетъ веселость, великую награду за честную жизнь".

Внимая рѣчамъ Ренана, нельзя не проникнуться къ этому писателю глубочайшимъ уваженіемъ. Мы знаемъ, что его слова составляютъ не какой-нибудь плодъ досужей фантазіи, а результатъ серьезнаго наблюденія и изученія цѣлыхъ историческихъ эпохъ. Мы знаемъ также, что вся жизнь его самого была полна упорнаго труда, борьбы и самопожертвованія, что онъ въ темное время нравственнаго и умственнаго отчаянія (наполеоновскій режимъ), сохранилъ вѣру въ свѣтлое будущее, любовь къ людямъ, труду и знанію. Но мы знаемъ также, что Ренанъ былъ не только кабинетный ученый, но и въ значительной степени кабинетный человѣкъ. На призывъ его къ труду большая часть людей, навѣрное, только снисходительно пожала плечами и подумала:

„Блаженъ, кто вѣруетъ:
Тепло тому на свѣтѣ!“

Теперь перейдемъ къ „характеристикѣ“ Schoen'a. Одни, говоритъ онъ, восхваляютъ въ Ренанѣ неугасимую любовь къ истинѣ, его скептицизмъ, его стремленіе къ идеалу, наивное безпристрастіе взгляда, ревностное усердіе къ наукѣ, глубоко-религіозную натуру. Другіе порицаютъ его брюзгливый пессимизмъ, его аристократически-презрительный дилэтантизмъ, безнадежный скептицизмъ, грубо-реалистическій позитивизмъ, партійность его сужденій, неопредѣленность религіознаго чувства. Но очевидно, на чьей сторонѣ правда. Авторъ, характеризуя личность Ренана, связываетъ ее съ его историческими и критическими сочиненіями. Это одинъ изъ практикуемыхъ теперь пріемовъ характеристики писателей, и нельзя сказать, чтобы онъ былъ безусловно нуженъ и важенъ. Въ авторѣ намъ менѣе всего важно знать, кто онъ былъ и какія личныя обстоятельства его вліяли такъ или иначе на его творчество. Не важно потому, что его положеніе какъ человѣка имѣетъ самое малое значеніе для пріемовъ и для продуктивности и выполненія литературнаго труда. Надо быть или совершенно изолированнымъ отъ окружающей среды, чтобы всецѣло выразить въ своихъ произведеніяхъ свою личность, что неосуществимо; или жить въ средѣ и ей всецѣло подчиниться, что необходимо, отмежевавъ для собственной свободы незначительный уголокъ. Поэтому, для характеристики нужно сдѣлать только одно: опредѣливъ индивидуальныя свойства автора, нарисовать картину той общественной среды, въ которой онъ вращался, и его мѣсто въ той средѣ, а слѣдовательно, и степень взаимнаго вліянія. Авторъ статьи не придерживается строго этого пріема. Онъ указываетъ только на единичные случаи соприкосновенія Ренана со средою. Онъ говоритъ, что характеръ Ренана не уживался съ католическимъ лицемѣріемъ, что знакомство съ представителями естественныхъ наукъ придало его идеямъ эволюціонный оттѣнокъ.

Методъ Ренана заключался въ томъ критицизмѣ, который въ его время господствовалъ въ Германіи, именно — въ провѣркѣ историческихъ фактовъ. Нѣмецкая литература, особенно критика Библіи, произвела на него сильное впечатлѣніе. „Необходимость насколько возможно расширить мое изученіе семитическаго толкованія Св. Писанія заставила меня изучить нѣмецкую литературу, говоритъ Ренанъ. Въ этой литературѣ позналъ я новый геній, совершенно отличный отъ нашего духа семнадцатаго столѣтія. Я удивлялся этому генію тѣмъ болѣе, что я прозрѣвалъ его до его предѣловъ. Здѣсь, наконецъ, было то, чего я искалъ: примиреніе религіознаго духа съ критическимъ. Я часто сожалѣю, что не протестантъ: тогда я могъ бы быть философомъ, не переставая быть христіаниномъ“. Прозрѣвъ такимъ путемъ, Ренанъ принялся за работу. Соединеніе новаго метода съ живымъ увлекательнымъ поэтическимъ изложеніемъ создало Ренану большой успѣхъ въ публикѣ. Этотъ успѣхъ въ свою очередь повліялъ на Ренана. Ради дальнѣйшаго успѣха литературная форма у Ренана начинаетъ преобладать передъ научной; передъ драматиче-

скимъ интересомъ; интересъ историческій отступаетъ на задній планъ, и, наконецъ, мы видимъ Ренана выступившимъ въ роли драматурга въ его философскихъ драмахъ «Caliban», «L'eau de Jouvence», «Le prêtre de Nemi» и надѣлавшая шума драма «L'Abbesse de Jouarre», а затѣмъ пошли фельетоны въ газетѣ „Temps". Послѣ того, какъ форма возобладала надъ содержаніемъ, Ренанъ былъ потерянъ для науки окончательно. Его прежній критическій методъ уступилъ значительную долю скептицизму. Авторъ возмущается этимъ переворотомъ въ Ренанѣ. Но если бы онъ обратился къ тому времени, въ которое жилъ Ренанъ, то онъ бы понялъ, почему Ренанъ сталъ смѣяться надъ любовью къ *истинѣ* (лживой), осмѣивать добро и зло (взаимно перемѣстившіяся), онъ бы понялъ всю ядовитую иронію словъ Ренана: „весьма возможно, что наилучшую житейскую мудрость нашли прожигатели жизни".

Ренанъ былъ филологъ, но его филологическіе труды не пользовались извѣстностью среди широкой публики. Это и понятно: спеціальностью его были семитическіе языки, но и здѣсь онъ какъ писатель и лекторъ былъ таковъ, что „ему достаточно одного слова, чтобы обнаружить цѣлый міръ идей, изслѣдованіемъ одного корня онъ бросаетъ новый свѣтъ на рѣшеніе сложной, филологической проблеммы". Своимъ „De l'Origine de langage" онъ окончательно повалилъ старую теорію о прирожденности языка человѣчеству, но онъ не согласился и съ энциклопедистами о языкѣ какъ искусственномъ изобрѣтеніи. Ренанъ утверждаетъ, что языкъ неотдѣлимъ отъ совокупности всѣхъ особенностей расы; онъ также присущъ человѣку, какъ и мышленіе; мысль и звукъ нераздѣльны между собою. Авторъ статьи замѣчаетъ, что Ренанъ не довелъ рѣшеніе этого вопроса до конца. Это вѣрно, но этого мало. Ренанъ совсѣмъ не рѣшилъ вопроса, и вмѣсто одного неизвѣстнаго поставилъ другое. У Ренана въ въ то время и не было средствъ для рѣшенія вопроса; во первыхъ—потому, что его филологическія изслѣдованія относятся къ 40-мъ и 50-мъ годамъ, и во-вторыхъ—потому, что этого рода вопросы теперь рѣшаются не филологической, а естественной наукой. Но онъ былъ на вѣрномъ пути, направляя свое рѣшеніе къ тому, что языкъ развивается вмѣстѣ съ мышленіемъ.

Schoen дѣлаетъ попытку найти въ Ренанѣ философа, но приходитъ къ заключенію, что Ренанъ не создалъ никакой положительной философской системы; онъ даже не разобрался и въ другихъ системахъ. Въ концѣ концовъ, ему удалось слить въ себѣ казалось бы совершенно несовмѣстимыя воззрѣнія: детерминизмъ Спинозы, критицизмъ Канта, позитивизмъ Конта и скептицизмъ Вольтера. Этой смѣсью усвоенныхъ воззрѣній объясняется, почему изъ органически жизнерадостнаго темперамента Ренана постоянно била струя язвительной ироніи.

„Военный Сборникъ", май. „Суворовъ въ русской литературѣ", Вл. Апушкина. Въ цѣломъ рядѣ статей, закончившихся печатаніемъ въ этой книжкѣ „Военнаго Сборника", авторъ перечислилъ беллетристическія произведенія, въ которыхъ Суворовъ вы-

ступаетъ дѣйствующимъ лицомъ. Такъ, въ „Богатыряхъ" Чаева описывается итальяно-швейцарскій походъ 1799 г. Чаевъ былъ славянофилъ и, разумѣется, превозносилъ Суворова какъ выразителя руской мощи, унаслѣдованной отъ до-петровскаго времени. Надо все Петрово дѣло повернуть назадъ. Но Россія катилась по наклонной плоскости отъ толчка, даннаго Петромъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія Западъ началъ бродить, его сфера броженія стала распространяться далеко отъ очага броженія— Франціи. Отъ лица Суворова Чаевъ кричитъ Россіи: остановись. не поддавайся вліянію гнилого Запада! Миссія Суворова заключалась въ томъ, чтобы пресѣчь это вліяніе и еще лучше уничтожить самые корни его. Возникъ походъ союзныхъ войскъ противъ Франціи, безпримѣрный, въ исходѣ котораго герои-побѣдители были покрыты не лаврами, а униженіемъ. Г. Апушкинъ не соглашается съ Чаевымъ и высказываетъ обратное мнѣніе, что Суворовъ былъ не выразитель до-петровскаго строя, а прямое порожденіе Петра. Суворовъ благоговѣйно чтилъ память Петра, называлъ его Прометеемъ, творцомъ и благодѣтелемъ своего народа, государемъ, вмѣщавшимъ въ себѣ многихъ наилучшихъ государей; удивлялся его генію и на Ладожскомъ каналѣ и на Полтавскомъ полѣ, и совѣтывалъ иностранцамъ учиться по-руски, чтобъ познакомиться съ этимъ великимъ человѣкомъ. Г. Апушкинъ въ своихъ доводахъ недостаточно опровергаетъ Чаева. Что напр., заставляло и руское правительство и Суворова идти противъ Франціи рука объ руку съ союзными арміями, которыхъ они не уважали? Петръ при такихъ условіяхъ, не послалъ бы Суворова воевать; прежде всего онъ не видѣлъ бы здѣсь никакой практической пользы.

Авторъ включаетъ въ обзоръ произведеній руской литературы о Суворовѣ также „Войну и міръ" гр. Толстого. Онъ говоритъ, что хотя въ число дѣйствующихъ лицъ романа не входитъ Суворовъ, но въ романѣ встрѣчаются суворовскіе отголоски. Во главѣ нашихъ войскъ, боровшихся съ Наполеономъ, стояли суворовскіе сподвижники и ученики: Кутузовъ, Багратіонъ, Милорадовичъ, Ланжеронъ. Фигуры романа, выражавшія суворовскую идею, были Платонъ Каратаевъ, давнишній солдатъ, олицетворявшій, по мнѣнію Пьера Безухаго, „все руское, доброе и круглое", и безшабашный, но умный Долоховъ, возмущавшійся однимъ предположеніемъ, что Бонапарте „можетъ *показать* Суворову!" „Люди этого направленія говорили, вспоминая Суворова, что надо не думать, не накалывать иголками карту, а драться, бить непріятеля, не впускать его въ Россію и не давать унывать войску", не признавать отступленія:

— „Заманивайте! Хорошенько заманивайте!.. Шибче, шибче"!.. чтобъ затѣмъ скомандовать отступающимъ: „Стой!.. Впередъ! въ штыки!.. Ура!"

На разборѣ „Вольтерьянца" Вс. Соловьева мы останавливаться не будемъ. Вообще замѣтимъ, что вся статья г. Апушкина читается съ интересомъ. Выбранный имъ пріемъ освѣщенія литературныхъ произведеній практикуется рѣдко, что очень жаль.

И. М

Иностранные журналы.

Въ старѣйшемъ англійскомъ журналѣ The Gentleman's Magazine помѣщенъ очеркъ подъ названіемъ A Contemporary Russian Writer (Современный русскій писатель). Писатель этотъ В. Г. Короленко. Онъ вызвалъ къ себѣ большое сочувствіе со стороны англійскаго автора — г-жи Mackenzie. По мнѣнію ея, національная черта въ творчествѣ русскаго беллетриста это — воспроизведеніе молчаливаго, обиходнаго (of daily life) героизма. Весьма чуткій къ человѣческому страданію, Короленко, однако, не теряетъ изъ за этого вѣры въ людское счастье. „Даже въ Россіи (?) *лживость* крайностей, относительно-ли горя, радости-ли, и *нелѣпость* ихъ чрезмѣрнаго подчеркиванія—повидимому, постепенно обнаруживаются для общества“. Благодаря ссылкѣ, Короленко создалъ свои сибирскіе очерки. Сокрушительное чувство одиночества и неустанный трудъ изъ за куска хлѣба—вотъ какія темы они главнѣйше трактуютъ. И г. Mackenzie находитъ въ этомъ случаѣ извѣстное сходство между разсказами русскаго художника и первыми произведеніями Бретъ Гарта. Оба они разительно живописуютъ намъ, какъ, въ новыхъ и малонаселенныхъ странахъ, люди судятъ другъ о другѣ исключительно по настоящему — прошедшее словно вымарывается. Среди тишины и уединенія холодныхъ снѣговъ, звуки пріобрѣтаютъ величіе и важность, неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ. Короленко обладаетъ такимъ тонкимъ слухомъ, онъ такъ воспріимчивъ къ каждому дуновенію жизни, что подчасъ сострадательно смѣшиваетъ звуки съ музыкой. Ухо автора сочувственно-отзывчиво, испытываетъ-ли онъ самъ угнетенность, бодритъ-ли его надежда и мастерство художника тутъ удивительно воздѣйствуетъ (convincing). „Сонъ Макара“ (1885 г.), по словамъ г-жи Mackenzie—первая повѣсть нашего автора, которая обратила на него всеобщее вниманіе. Она переведена на англ., французск. и нѣмецк. языки. Англійская писательница приглашаетъ здѣсь воздать беллетристу благодарность за его талантливое ходатайство за страдающихъ и приниженныхъ. Къ русскимъ писателямъ обращаются со стереотипными упреками: „все это слишкомъ печально; русскіе авторы игнорируютъ отрадную сторону жизни“. Было бы хуже—не писать всего этого. И вѣчная честь (eternal credit) русскимъ, за то что ихъ писатели, говоря правду, боролись съ злоупотребленіями. А Короленко могъ бы отвѣтить, подобно художнику Millet: «Le côté joyeux de la vie? je ne l'ai jamais vu. Ce que je connais de plus gai, c'est le calme et le silence dont on jouit délicieusement (Радостная сторона жизни? Я ея никогда не видѣлъ. Самое веселое, что я знаю — это спокойствіе и безмолвіе, которымъ предаются съ наслажденіемъ). Въ очеркахъ Сибирскаго туриста англійская писательница останавливается на изображеніи ямщика Ѳедора и спрашиваетъ: какая литература снабдитъ насъ болѣе истиннымъ героемъ? „Нація, порождающая такіе типы—въ правѣ гордиться (may proud)“. По поводу повѣсти „Слѣпой музыкантъ“ г. Mackenzie дѣлаетъ разныя возраженія;

очевидно, англійская писательница внимательно присматривалась къ сочиненію нашего автора и иныя ея замѣчанія далеко не лишены критической зоркости. По словамъ г. М., „Слѣпой музыкантъ" имѣлъ большой успѣхъ, однако, не совсѣмъ *объяснимый*; „литературный критикъ Skabitchevski объявилъ это произведеніе лучшимъ у беллетриста". Но англійскаго читателя поражаетъ неправдоподобіе ближайшихъ лицъ, окружающихъ героя, временами маловѣроятны и второстепенные персонажи и ситуаціи. Идейный дядя слишкомъ дидактиченъ, непререкаемъ въ своихъ планахъ, пророчествахъ, приговорахъ По мнѣнію г. М., безспорно мастерская вещь у русскаго писателя это — „Въ дурной компаніи". Эта повѣсть переведена на англ., франц. и нѣмецк. языки— и вездѣ весьма сочувственно принята. Кого-бы ни изображалъ художникъ—святыхъ, разбойниковъ, королей, лакеевъ—вездѣ мы ищемъ и видимъ только душу самого писателя". Эти слова Толстого особливо примѣнимы къ Короленкѣ. Привлекаютъ болѣе, нежели сложность выдумки или глубина психологическаго анализа — прямота и правдивость писателя, его здоровое и мужественное отношеніе къ дѣлу, его простое, безъ эффектовъ сочувствіе родинѣ. Короленко могъ бы быть блестящимъ „эссеистомъ" (essayis). Онъ рѣдко прибѣгаетъ къ сатирѣ. Не одинъ Короленко пишетъ попреимуществу *очерки*: въ русской литературѣ нынѣ преобладаютъ небольшіе эскизы (англійская писательница припоминаетъ Глѣба Успенскаго, Чехова)—правду, протесты, желанія— даже надежды — передаютъ они.

Revue du Monde catholique № 2. 1900. Une famille sous la Terreur, par Louis Audiat.

Въ статьѣ описываются преслѣдованія семейства графа Байяръ де-Трусебуа во время французской революціи.

Причиною преслѣдованія этой семьи было желаніе графа выдать свою дочь за графа д'Аркура, эмигранта, и устроить ее при графинѣ д'Артуа,—мечты неосуществившіяся. Въ тѣ смутныя времена во Франціи—времена террора, достаточно было и этого предлога, чтобы графъ Байяръ де-Трусебуа приговоренъ былъ къ смертной казни.

Les dernières fouilles de Deir-el-Bahari, par V. Ermoni.

Въ Египтѣ идутъ уже давно археологическія розысканія и раскопки. Много уже сдѣлано цѣнныхъ открытій, преимущественно французскими археологами. Въ послѣднее время были открыты развалины древняго египетскаго храма.

Храмъ этотъ Deir-el-Bahari былъ построенъ въ древнія времена противъ Ѳивъ, съ сѣверной стороны, въ одной изъ лощинъ между горъ Ливійскихъ, идущихъ отъ р Ливіи къ верхнему Египту. Арабское названіе Deir el-Bahari, что означаетъ „сѣверный монастырь", храмъ получилъ уже отъ коптскихъ монаховъ, потомковъ древнихъ египтянъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру, которые основали на его развалинахъ свой монастырь.

По найденнымъ на стѣнахъ развалинъ надписямъ и изображеніямъ дознано, какимъ почитаніемъ пользовались у древнихъ египтянъ Тутмозисъ I, II и III. Удалось возстановить много стертыхъ

надписей (египетскіе властители стирали на стѣнахъ прежнія надписи и дѣлали свои).

При храмѣ была постройка вродѣ часовни, и въ ней-то открыты развалины naos—это святая святыхъ, гдѣ предполагалось присутствіе бога. Этотъ naos посвященъ былъ богу Аммону—первоэразрядному богу Ѳивъ, Тутмозисомъ II. Это самое главное открытіе, остальныя имѣютъ второстепенное значеніе.

Montalembert et M-gr Parisis, d'après les documents inédits. L'année 1845, par Abbé L. Follioley.

Графъ Монталамберъ былъ противникомъ французской учебной системы и представителемъ ультра—католическихъ интересовъ. Онъ вмѣстѣ съ монсиньоромъ Паризи, во время министерства Гизо, стоялъ въ оппозиціи къ правительству и боролся за свободу церкви. Монталамберъ былъ поддерживаемъ центральнымъ комитетомъ и провинціальными мѣстными отдѣленіями, а монсиньоръ Паризи вербовалъ приверженцевъ среди духовенства. Въ этой основанной на неизданныхъ еще документахъ статьѣ, описываются всѣ перипетіи борьбы.

Annales internationales d'Histoire № 5. 1900 года. Des concordats, par M-gr Adolfo Giobbio.

Въ этой статьѣ излагается исторія конкордатовъ (соглашенія между государствомъ и церковью) и ихъ значеніе.

Réceptions d'ambassadeurs à Compiègne (XV—XVIII siècles) Par M. le Comte de Marsy.

Компіень, знаменитый историческій французскій городъ (здѣсь въ 1430 году была взята въ плѣнъ Орлеанская дѣва). извѣстенъ по великолѣпному королевскому дворцу, построенному Людовикомъ XIV и Людовикомъ XV, который реставрированъ Наполеономъ I. Со временъ Карла Лысаго Компіень сталъ резиденціею, монарховъ и французскіе монархи часто и подолгу жили въ немъ.

Въ статьѣ подробно описываются по документамъ изъ мѣстнаго архива церемоніи при въѣздахъ иностранныхъ пословъ и пріемахъ ихъ. начиная съ 1480 по 1764 г.г.

Revue des questions historiques. 1900 г. Savary en Espagne, par M. Geoffroy de Grandmaison.

Статья составлена по рукописнымъ документамъ, извлеченнымъ изъ національнаго парижскаго архива, въ которыхъ находятся 28 неизданныхъ писемъ Савари къ Наполеону по испанскимъ дѣламъ.

Савари, герцогъ Ровигскій, сначала адъютантъ Наполеона, а съ 1802 года, завѣдующій его тайною полиціею, былъ самымъ довѣреннымъ лицомъ императора. Когда являлась необходимость что-нибудь вывѣдать или разузнать или вообще исполнить щекотливое порученіе, всегда посылался Савари. Въ 1807 году онъ съ этою цѣлью былъ посланъ въ Россію, откуда и донесъ Наполеону, что въ петербургскомъ обществѣ сильное неудовольствіе противъ союза съ Франціей, а правительство очень желаетъ удержать за собою дунайскія княжества. Въ слѣдующемъ году нужно было подготовить почву въ Испаніи для замысловъ Наполеона

свергнуть тамъ Бурбоновъ, и тотъ же Савари былъ посланъ въ Мадридъ (въ апрѣлѣ, іюнѣ и декабрѣ 1808 года).

О своихъ дѣйствіяхъ въ Испаніи Савари посылалъ донесенія Наполеону, которыя въ извлеченіяхъ и помѣщены въ этой статьѣ.

Не лишена интереса и статья V. Ermoni „La Pénitence dans l'histoire, à propos d'un livre récent". Она написана по поводу книги профессора Берлинскаго университета доктора Карла Голля: „Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchthum. Eine Studie zu Simeon dem neuen Theologen.

Далѣе идутъ слѣдующія статьи:

L'Invausion anglaise sous Charles VI Dernières batailles navales, Par M. Ch. de la Roncière.

Les Français à Tunis de 1600 à 1789, par M. Alfred Spont. Mélanges: Saint Waudrille était il apparenté aux rois mérovingiens et aux rois carolingiens? Par M. l'abbé E. Vacanard.

Статья написана въ отрицательномъ смыслѣ.

Une conférence de Fustel de Coulanges sur Colbert, par M. Léon-G. Pélissier.

La réunion des provinces septentrionales à la couronne par Philippe Auguste, par le comte Maxime de Germiny.

Revue d'histoire diplomatique № 1, 1900. Les missions diplomatiques de Pomponne de Bellièvre en Suisse et aux Grisons (1560—1574), par M. Ed. Rott.

Канцлеръ Помпоннъ де-Белльевръ, администраторъ и государственный человѣкъ, считался также и очень искуснымъ дипломатомъ второй половины XVI столѣтія. Кромѣ его шести миссій въ кантонъ Граубюнденъ (canton des grisons) и въ Швейцарію, онъ былъ еще въ Польшѣ (1573—1574), куда сопровождалъ, въ качествѣ посланника Карла IX, Генриха Анжуйскаго; въ Нидерландахъ, въ Англіи съ спеціальною миссіею попытаться спасти Марію Стюартъ (ноябрь—декабрь 1586 г.) Въ Реціи (часть Галліи, гдѣ жили реты) и въ Гельвеціи велъ разныя негоціаціи въ теченіе 14 лѣтъ.

Помпоннъ де-Белльевръ скончался въ Парижѣ, при Генрихѣ IV, 19 сентября 1607 года 80 лѣтъ отъ роду, окруженный почестями королей, вполнѣ имъ заслуженными.

Jean Barillon et son journal, par Pierre de Vaissière.

Жанъ Барилліонъ былъ секретаремъ канцлера Дюпра. Въ своемъ журналѣ,—родъ хроники событіямъ за первыя семь лѣтъ царствованія Франциска I (1515—1547 г.),—онъ даетъ наиподробнѣйшія свѣдѣнія о государственныхъ, политическихъ событіяхъ того времени, напр. о переговорахъ, послѣдствіемъ которыхъ были договоры Нуаонскій (13 VIII 1516 г.) и Брюссельскій (3 XII 1516); о проектѣ свадьбы дофина Франціи съ Маріею Тюдоръ; о сношеніяхъ Франціи съ Шотландіею и Венеціею; много подробностей о парижскомъ парламентѣ.

Origines de la guerre sino-japonaise, par M. Alexandre Halot.

Въ этой статьѣ интересны лишь выводы автора относительно послѣдней китайско-японской войны. Проложивъ дорогу въ Китай

для великихъ европейскихъ державъ, японцы гарантировали себя отъ ихъ притязаній. Утвердившись на китайской территоріи, великія державы не допустятъ другъ друга къ дальнѣйшимъ захватамъ и тѣмъ отдалятъ раздѣлъ Китая. Между тѣмъ, если бы, напримѣръ, Россія одна главенствовала на дальнемъ Востокѣ, то давно уже захватила бы весь Корейскій полуостровъ, что было бы несравненно опаснѣе для Китая и Японіи утвержденія ея въ Портъ-Артурѣ. Когда же наступитъ время окончательнаго раздѣла Китая, то тогда и Японія, окрѣпшая, сыграетъ свою роль.

Etudes publiées par des pères. de la Compagnie de Jésus, отъ 20 марта. Monseigneur Guillaume de Ketteler, evêque de Mayence (1811—1877) par P. H. de Bigault.

Монсиньоръ Вильгельмъ-Эммануилъ, баронъ де-Кеттелеръ, епископъ Майнцкій, имѣлъ большое вліяніе на католическую Германію. Его имя постоянно фигурировало во время борьбы изъ-за религіи. Какъ писатель, онъ проявилъ себя массою сочиненій Въ особенности отличался онъ въ области соціальныхъ вопросовъ; онъ однимъ изъ первыхъ обратилъ на нихъ всеобщее вниманіе и самъ старался разрѣшить ихъ.

Zeitschrift für vaterländische Geschichte und Alterthumskunde. Мюнстеръ.

57 томъ этого любопытнаго историческаго сборника состоитъ изъ двухъ частей: первая составлена директоромъ Мюнстерскаго отдѣленія общества профессоромъ А. Шперомъ а вторая — директоромъ Падерборнскаго отдѣленія докторомъ С. Мертенсомъ.

I часть.

Ein Beitrag zur Geschichte der altewestfälischen Malerei in der 2 Halfte des 15 Jahrhunderts, von Ferdinand Koch. Dietrich von Gallen, der Vater Christoph Bernhards, von H. Offenberg. Ueber die schriftstelliriische Thätigkeit des Dominikaners. H. von Herford, von Dr. Fr. Diekamp. Westfälische Gelehrte zu Mainz im XV und XVI Jahrhundert (1442—1591) Mitteilung von Archivar F. W. C. Koth-Wiesbaden.

Neu aufgefundene Wallburgen Westfallens, von Prof. Darpe.

II часть.

Gobelin Person (1358 — 1425) Sein Vesen und Wirken als Paderborner Reformator zu Anfang der 15 Jahrhunderts, von. H. Abels. Cresburg und Irminsul. on Dr. Kuhlmann. Geschichte der Stadt-Belecke, von Fr. J. Hilsmann. Rückblick auf die 75 jährsige Geschichte und Thätigkeit des Vereins, Von W. Richter. Wilhelm Siegfried Adolf Spansken. Eine Lebensskizze. Von W. Richter.

Revue de L'Orient Latin. Tome VII. № 1 — 2. 1900 г. Documents inédits concernant l'Orient latin et les Croisades (XII—XIV siécle) publiés par Ch. Kohler.

Notes et exraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siécle, par N. Iorga.

Chartes de l'abbaye de Notre-Dame de la Vallée de Jasaphat en terre Sainte (1108—1291) par Ch. Kohler.

Chronologie de la première Croisade par H. Hagenmeyer.

Budapesti szemle Въ этомъ венгерскомъ журналѣ за февраль мѣсяцъ напечатаны девять неизданныхъ писемъ графа Сечени къ Голлану за 1859—1860 г.г. по поводу примиренія Венгріи съ Австріею.

Историкъ Генрихъ Маркали помѣстилъ разборъ процесса Фелисьена Заха (1330), который, чтобы отмстить за поруганную честь своей дочери, бросился со шпагою въ рукѣ въ Вышеградѣ на королевскую семью (Анжуйскую) и ранилъ королеву. Захъ и его семья подверглись изгнанію.

Въ журналѣ „Rassegna nazionale" Г. Грабинскій помѣстилъ изслѣдованіе, на основаніи труда французскаго историка и академика Альберта Вандаля, о причинахъ прекращенія франко-русскаго союза при Наполеонѣ I.

Въ „Nuova Antologia" отъ 16-го февраля находится довольно интересная статья Эдмонда де Амичисъ о Джузеппо Гарибальди.

Новыя книги.

Альфредъ Фулье. **Психологія французскаго народа.** Съ приложеніемъ статьи *Бугле: Философія антисемитизма.* Перевелъ Б. Никитинъ. М. 1900 г.

Франція нынѣ не занимаетъ того мѣста, которое принадлежало ей въ XVII, XVIII вв. Она не идетъ впереди всѣхъ европейскихъ странъ, она идетъ съ ними въ ногу. Духъ времени все болѣе и болѣе учреждаетъ равенство не только внутри каждаго народа между его членами, но и между самими народами. О чемъ свидѣтельствуетъ это явленіе и служитъ ли оно къ униженію Франціи?.. Ничуть!.. Идеалъ прогресса и залогъ его успѣха не въ томъ, чтобы народы кичились другъ передъ другомъ своимъ превосходствомъ, а въ томъ, чтобы они считали другъ друга равноправными и дорогими братьями. Равноправность же и братство не уничтожаютъ вполнѣ самобытнаго индивидуальнаго развитія... нѣтъ! не только не уничтожаютъ, но еще и способствуютъ ему.

Современная Франція потому не впереди другихъ, что она уже развила свои силы до относительнаго совершенства. Она теперь въ зрѣломъ возрастѣ,—а это періодъ спокойнаго, чуждаго горячности существованія. Въ своей юности она увлекала всѣхъ своимъ темпераментомъ. Это была блестящая молодость! Тогда Франція была геніальный юноша, на котораго вся Европа, сама еще болѣе юная, обращала изумленные и радостные взоры, вліянію котораго съ увлеченіемъ поддалась, у котораго училась, которого любила. Такимъ образомъ Европа отчасти прошла французскую школу. Въ то время, какъ Франція окрѣпла, ставъ мужемъ, остальные народы, другъ за другомъ, уже освобождаясь отъ ея вліянія, сами начали переживать свои эпохи горячей, геніальной юности. Въ Германіи это была эпоха освобожденія, у

насъ шестидесятые годы, въ Италіи гарибальдійское движеніе, эра объединенія. Развитіе Франціи въ это время стало медленнѣе, развитіе другихъ народовъ шло ускореннымъ темпомъ. Не мудрено что болѣе даровитые и поравнялись, наконецъ, съ нею. Конечно, далеко еще не всѣмъ удалось догнать ее. И, въ концѣ концовъ, придется признать, что она и нынѣ ещу впереди многихъ.

Но вотъ раздаются тревожные крики, и въ самой Франціи и внѣ ея: „Франція вырождается! Франція гибнетъ!.. на краю пропасти!“ Враги торжествуютъ, друзья печалятся. Указываютъ много признаковъ вырожденія: физическое разслабленіе націи, нисхожденіе съ высшей антропологической ступени на низшую, отъ длинноголовости къ широкоголовости, все усиливающаяся нервозность, безплодіе браковъ, моральная распущенность, порочныя привычки, напр. алкоголизмъ, наконецъ умственное безплодіе. Но все это, въ большинствѣ случаевъ, лишь призраки. Изъ множества причинъ мнимаго вырожденія,—какъ это показываетъ изслѣдованіе Фулье,—только двѣ дѣйствительно существуютъ и представляютъ серьезную опасность: уменьшеніе населенія отъ безплодныхъ браковъ и отъ другихъ причинъ и алкоголизмъ. Не смѣшно говорить, напр., объ умственномъ вырожденіи націи, давшей намъ въ послѣднее время Пастера, Тэна Ренана, Золя!

„Психологія французскаго народа“ есть какъ бы апологія Франціи противъ всѣхъ этихъ криковъ о ея вырожденіи,—апологія умѣренная и деликатная: указывая софизмы нѣкоторыхъ доводовъ въ пользу вырожденія, другіе доводы Фулье считаетъ очень вѣскими, и самъ сознается и тревожится, что если не будутъ приняты нѣкоторыя вспомогательныя и даже предупредительныя мѣры къ увеличенію, напр., населенія, къ искорененію пьянства и разврата, то это очень можетъ повредить Франціи. Въ Фулье нѣтъ шовинизма; онъ даже не прочь поднять упадающую населенность привлеченіемъ во Францію иностранцевъ.

Но прежде чѣмъ обратиться къ вопросу о вырожденіи, Фулье даетъ намъ,—что собственно и составляетъ главную цѣнность его книги, книги,—физическій, физіологическій, умственный и нравственный портретъ французскаго народа. Онъ показываетъ при этомъ, такъ сказать, двѣ фотографическихъ карточки націи—одну въ ея дѣтствѣ, другую—въ зрѣломъ возрастѣ. Сначала онъ изображаетъ Галлію, потомъ Францію.

Если бы во Франціи было направленіе, соотвѣтствующее нашему славянофильству, то Фулье можно бы было назвать галлофиломъ. Вмѣстѣ съ Фюстель-де-Куланжемъ онъ думаетъ, что галло-римское общество представляло изъ себя „все, что было наиболѣе правильнаго, наиболѣе интеллигентнаго, наиболѣе благороднаго въ человѣческомъ родѣ“, вмѣстѣ со Страбономъ онъ находитъ, что „Галлія наиболѣе цвѣтущее въ мірѣ мѣсто“. Древнихъ галловъ онъ превозноситъ надъ древними германцами, восхваленными Тацитомъ. Основы характера французской націи не измѣнились, по мнѣнію Фулье, съ древнѣйшихъ временъ до

нашихъ дней. Этими основами онъ называетъ—чувствительность и легкую возбудимость къ радостямъ и страданіямъ, духъ общественности, горячности и прямолинейность, живой, быстрый умъ, любящій ясность и простоту, но болѣе отвлеченный, чѣмъ образный, наконецъ, раціонализмъ и идеализмъ.

Во введеніи къ „Психологіи" Фулье провозглашаетъ борьбу съ психологическимъ и историческимъ фатализмомъ. Нельзя,—говоритъ онъ, сводить человѣческую исторію къ исторіи естественной. Поэтому онъ—старается умалить значеніе теорій расъ, среды, экономическихъ силъ, выдвигая на первый планъ соціальные и психическіе факторы. Ему удается показать шаткость разнообразныхъ и противорѣчивыхъ антропологическихъ догадокъ. Извѣстно, сколько остроумныхъ, но смѣшныхъ, блестящихъ, но невѣроятныхъ, заключеній объ исторической роли народовъ создали антропологи на черепныхъ признакахъ — длинноголовости и короткоголовости. Блондины, длинноголовые—аристократія; брюнеты короткоголовые — плебсъ. Первымъ надо предоставить почетное мѣсто на пиру жизни; вторыхъ какъ-нибудь искоренить. Извѣстно, что говорятъ нѣмцы о нашихъ славянскихъ черепахъ... Но Сократъ, какъ-бы вопреки этому, короткоголовъ, какъ и вообще греки; Декартъ, Паскаль, Мирабо — тоже. За то негры — длинноголовые.

Удаляясь самъ и уводя съ собою читателя изъ дѣвственнаго лѣса антропологическихъ гаданій, Фулье предлагаетъ намъ ясное небо и надежный путь исторіи, соціологіи и психологіи. Его книга и составляетъ противовѣсъ многимъ поспѣшнымъ обобщеніямъ.

Что касается перевода сочиненія Фулье, онъ къ сожалѣнію, часто небреженъ. Ясный и точный языкъ автора превращается иногда подъ перомъ переводчика въ такую нескладную рѣчь, что кажется, будто г. Никитинъ переводилъ не французскаго писателя, всегда изящнаго, а тяжеловѣснаго нѣмецкаго гелертера.

Къ „Психологіи" присоединена живо написанная статья Бугле: „Философія антисемитизма". Въ ней вопросъ о расахъ, объ ихъ преимуществахъ, разсматривается въ его практическомъ приложеніи къ политикѣ: извѣстно, что во Франціи недавно образовалась партія антисемитовъ, съ Дрюмономъ во главѣ, которая, по свидѣтельству Бугле, опирается въ непріязни своей къ евреямъ, на расовыя различія между ними и французами. Бугле высмѣиваетъ эту партію и показываетъ, подобно Фулье, шаткость мнимонаучныхъ основаній теоріи расъ, глубокія различія которыхъ мѣшаютъ будто бы совмѣстному ихъ преуспѣванію. **В. Г.**

Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки Арс. И. Введенскаго СПБ. 1900 г.

Великіе учителя русскаго общества—поэты и писатели: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій и Л. Толстой въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ проходятъ передъ читателемъ въ указанной книгѣ извѣстнаго критика.

Авторъ смотритъ на великія литературныя произведенія какъ

на необходимыя явленія умственной жизни даннаго общества или народа, подчиненныя точно опредѣленнымъ, хотя и трудно опредѣляемымъ законамъ. Въ своей совокупности, составляя литературу общества или народа, они представляютъ картину послѣдовательнаго роста его общественнаго самосознанія. Съ этой точки зрѣнія и разсматриваются критикомъ произведенія перечисленныхъ выше великихъ писателей.

По мнѣнію автора: Гр. Л. Н. Толстой стоитъ въ центрѣ тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ движеній, чрезъ которыя проходятъ современныя русскія поколѣнія. Вѣра въ народъ, исканіе слiянія съ нимъ, отрицаніе идеаловъ не народныхъ, исканіе народныхъ идеаловъ, все это съ порожающей силой сказалось въ произведніяхъ Толстого еще временъ „Войны и Міра". Нравственныя томленія и сомнѣнія нашего времени находятъ въ Толстомъ геніальнаго выразителя, съ которымъ не всѣ во всемъ согласятся, быть можетъ, но по которому наши потомки поймутъ наше исканіе вѣры и Бога и наше время. Въ статьѣ „Литературные типы русской интеллигенціи" А. И. Введенскій даетъ анализъ главнѣйшихъ первоначальныхъ общественныхъ типовъ, выведенныхъ русскою литературою, въ сопоставленіи съ отзывами критики, которые они вызывали: Онѣгина, Чацкаго, Печорина, лишняго человѣка, Базарова и Раскольникова.

„Съ первыхъ же шаговъ своего самостоятельнаго существованія", „говоритъ авторъ, русская художественная литература всѣ свои лучшія силы отдала не на созданіе міровыхъ идеаловъ, а на простое плодотворное дѣло изученія людей своего общества. Въ рядѣ типическихъ представителей его, въ Онѣгинѣ, Чацкомъ и др. она представила печальную картину безплодныхъ усилій русскаго ума выбиться изъ подъ какихъ то цѣпей, оковывавшихъ его, не дававшихъ ему свободно и самостоятельно развиваться. Но эти же самыя цѣпи лежали и на умахъ, бравшихся анализировать эти типы, и въ результатѣ, вмѣсто истины, получалось еще больше затемнѣніе ея".

Освѣщая ново и оригинально художественныя произведенія колоссовъ нашей литературы, книга А. И. Введенскаго можетъ быть прочитана съ большимъ интересомъ, какъ людьми, знакомыми съ литературою, такъ и людьми, начинающими знакомиться съ нею.

Н. И Стороженко. О сонетахъ Шекспира въ автобіографическомъ отношеніи. Москва 1900 г. Маленькая брошюрка трактуетъ о поэтическихъ произведеніяхъ, составляющихъ интересную литературную загадку, надъ разрѣшеніемъ которой уже болѣе столѣтія трудится наука. Изложивъ взгляды на автобіографическія указанія, въ сонетахъ и мнѣнія о нихъ извѣстныхъ изслѣдователей Шекспира, авторъ брошюры приходитъ къ выводу: „если Шекспиръ, какъ творецъ Гамлета, Макбета и Лира, внушаетъ намъ благоговѣніе къ его генію, то Шекспиръ сонетовъ пылкій, восторженный, то бьющійся въ оковахъ недостойной страсти, то искупающій свою вину искреннимъ раскаяніемъ и при этомъ вѣчно стремящійся впередъ къ идеалу нравственнаго равновѣ-

сія, правды и гуманности,—внушаетъ намъ высокое уваженіе къ своему характеру и горячую симпатію къ своей нравственной личности".

И. Брилліантовъ. Патріархъ Никонъ въ заточеніи на Бѣлоозерѣ. Историческій очеркъ съ 3 портретами Патріарха Никона, его автографомъ и 17 рисунками. СПБ. 1899 г. цѣна 60 коп.

Грустная эпопея низложенія и долгихъ лѣтъ ссылки знаменитаго патріарха представляютъ большой интересъ какъ событіе безпримѣрное въ лѣтописяхъ русской церкви. Какъ говорили въ своей Исторіи русской церкви Преосв. Макарій „Допустивъ униженіе Никона, унижали въ его лицѣ дѣло святой правды и возвышали суевѣріе"....

Глава русской церкви, замѣчательнѣйшій ея іерархъ, выдвинувшійся изъ среды народа своимъ умомъ, энергіей и богатствомъ духовныхъ дарованій, патріархъ Никонъ палъ жертвою искусноведенной инриги своихъ многочисленныхъ враговъ.

Изъ „великаго государя патріарха", вершившаго нѣкогда судьбы русской церкви и государства, Никонъ, послѣ соборнаго осужденія становится простымъ ссыльнымъ монахомъ и доживаетъ свой вѣкъ въ далекихъ монастыряхъ, испытывая горечь униженія и торжества надъ собою своихъ враговъ, которые всѣми силами старались вредить ему до самой его смерти.

Властный непреклонный характеръ патріарха долго не покоряется обстоятельствамъ и суровая рѣчь его не умолкаетъ, но тяжелыя условія ссылки и старость съ ея болѣзнями заставляютъ смириться.

Авторъ очерка довольно полно передаетъ жизнь ссыльнаго патріарха въ Ѳерапонтовомъ и затѣмъ въ Кирилловскомъ монастырѣ. Надежда на освобожденіе во все время ссылки не оставляла Никона. Крайне интересны письма патріарха къ царю представляющіе большое значеніе для характеристики опальнаго „особиннаго друга" государя.

Освобожденный изъ Кириллова монастыря, Патріархъ Никонъ уже умирающимъ отвезенъ былъ на стругахъ (баркахъ) по Шекснѣ и Волгѣ, но не удалось ему достигнуть Москвы, и онъ скончался въ лодкѣ подъ открытомъ небомъ, на берегахъ родной ему рѣки Волги въ присутствіи многочисленной толпы народа, трогательно заявившаго свое сочуствіе къ нему, какъ уважаемому пастырю.

Очеркъ И. Брилліантова читается легко и съ большимъ интересомъ, и можетъ быть рекомендованъ всѣмъ интересующимся судьбою Патріарха Никона, личность котораго навсегда запечатлѣлась какъ въ исторіи русской церкви, такъ и въ народной памяти.

Исторія Русской Литературы *А. Н. Пыпина.* Томы I—IV. Спб. 1898—1899 года. „Исторія" А. Н. Пыпина представляетъ серьезный научный трудъ; написана она, по словамъ автора, для читателя болѣе или менѣе подготовленнаго, и предполагая основные факты извѣстными. Особенная задача ея—установить явленія литературы въ послѣдовательности ихъ историческаго развитія, въ внутреннихъ ихъ соотношеніяхъ и въ ихъ связи съ событіями

жизни государства, народа и общества. Этой задачей опредѣлялось и расположеніе историческаго матеріала.

„Въ строгомъ научномъ смыслѣ“,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ IV тому, въ „Исторіи Русской Литературы“ еще не можетъ быть рѣчи о законченности изслѣдованія. Историческія явленія сложны; въ нашемъ предметѣ все еще открываются не только новыя точки зрѣнія, но даже невѣдомые ранѣе факты; для новѣйшихъ періодовъ исторіи недостаетъ полнаго простора критикѣ, такъ что въ данную минуту обзоръ историческаго цѣлаго можетъ, при всей доброй волѣ, дать только относительную законченность“.

Отдѣльные очерки „Исторіи“ появлялись въ концѣ 1893 г. и даже ранѣе въ „Вѣстникѣ Европы“. Въ внѣшнемъ способѣ изложенія авторъ руководится положеніемъ, что исторія литературы есть исторія идей, а не исторія книгъ.

Особенности изложенія исторіи литературы Пыпина заключаются въ томъ, что имъ соединено все однородное, хотя и разновременное по происхожденію, но по существу имѣющее внутреннюю связь. Примѣромъ служитъ наша древняя письменность, почти не знающая хронологіи; большая часть памятниковъ оставалась въ обращеніи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, напр., съ XI—XII до XVII и даже XIX столѣтія; старые памятники не заслонялись новыми, какъ новою ступенью литературнаго развитія, напротивъ новые примыкали къ старымъ, какъ ихъ непосредственное продолженіе, и не разъединялись въ представленіи самихъ книжниковъ.

Народная поэзія помѣщена въ III томѣ. Отступленіе отъ обычнаго пріема—изложеніе народной поэзіи въ самомъ началѣ литературной исторіи, авторъ объясняетъ тѣмъ, что въ томъ составѣ, какъ мы знаемъ народную поэзію теперь,—это явленіе сравнительно позднее, съ архаическими остатками и съ новыми наслоеніями и образованіями, между прочимъ, именно подъ книжнымъ позднимъ вліяніемъ, и въ виду послѣдняго она и не можетъ стать во главѣ исторіи, какъ исходный пунктъ. Исторія новѣйшей литературы со времени Петра Великаго идетъ уже въ хронологической послѣдовательности. „Каждое поколѣніе,—говоритъ авторъ,—имѣло своего великаго представителя и даже иногда не одного, въ области поэзіи, въ усовершенствованіи литературнаго языка, въ вопросахъ общественнаго просвѣщенія, и каждое поколѣніе представляло собою новый шагъ въ развитіи литературы.

„Имена Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя давно стали историческими показателями знаменательныхъ моментовъ въ развитіи нашей новѣйшей литературы“

Не вдаваясь въ критическую оцѣнку труда уважаемаго ученаго, мы привѣтствуемъ появленіе этого труда, какъ богатый вкладъ въ нашу историческую литературу.

А. Ф. Масловскій. Русская общеобразовательная школа. Мысли отца семейства по поводу предстоящей реформы средней школы. Спб. 1900 г. Въ предисловіи г. Масловскій поясняетъ: „первымъ побудительнымъ стимуломъ къ этой работѣ были собственныя мои

нравственныя страданія, при видѣ того, какъ мои сыновья боролись съ нашей системой школьнаго образованія, идея, чисто схоластическими методами и пріемами обученія и нравственно растлѣвающимъ вліяніемъ на учащуюся молодежь. И далѣе: „пока все это (реформированіе) осуществится, въ той или другой формѣ, нельзя сидѣть сложа руки у моря ждать погоды. Каждый отецъ семейства, сознающій свое достоинство и обязанности, долженъ внести свою посильную лепту въ это дѣло. „Г. Масловскій подалъ свой голосъ—въ томъ его общественная заслуга, въ этомъ полезный смыслъ его довольно объемистой книги. Самъ авторъ не обѣщаетъ открыть въ учебной области новую Америку". Онъ стоитъ за упраздненіе „классическаго" ига, за внесеніе въ школу разумнаго реализма, за поднятіе собственно воспитательной старины учебнаго дѣла, за матеріальное такъ, и духовные обезпеченіе педагоговъ, за самодѣятельность ученикамъ, за правильную постановку „физическаго образованія", за уничтоженіе экзаменовъ и пр., и, наконецъ, *за настоящую общеобразовательную* однотипную школу—съ *латинскимъ* языкомъ, съ умѣреннымъ количествомъ уроковъ по послѣднему предмету. Авторъ даетъ сначала очень живой и обстоятельный *историческій* очеркъ нашего русскаго, толстовскаго классицизма, и затѣмъ толкуетъ о классицизмѣ вообще. Къ сожалѣнію, этой критикѣ классицизма подчасъ не достаетъ желательной глубины эрудиціи и серьезной теоретической обоснованности. Рѣзко полемизируя, авторъ въ грекоримской цивилизаціи находитъ чуть-ли не одинъ развратъ. Г. Масловскій очень резонно совѣтуетъ въ школѣ побольше читать и читать, справедливо налегаетъ здѣсь на русскій языкъ и его (новѣйшую) литературу. Однако, и тутъ авторскія указанія или черезчуръ общи или даже прямо *неясны*. Родной языкъ (какъ и новые иностранные языки) оказывается особенно важнымъ не „въ смыслѣ самостоятельнаго вліянія ихъ на умственное развитіе учащихся, а въ качествѣ единственныхъ средствъ къ воспрятію всякаго знанія". Но развѣ можно, *не развивъ*, снабдить ученика языкомъ *образованнаго* человѣка? Г. Масловскій высоко цѣнитъ русскую литературу позднѣйшей эпохи и признаетъ *первостепенными* писателями Загоскина и Лажечникова и пр.

А. Налимовъ.

Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства Томъ I, Максимъ Ковалевскій. Цѣна 2 р. 50 к. Москва, 1898 г. Тоже. Томъ II. Цѣна 3 руб. Москва 1900 годъ.

Большой историко-экономически научный трудъ М. М. Ковалевскаго посвященъ „экономистамъ-историкамъ и историкамъ-экономистамъ".

Закончивъ свою „Исторію происхожденія современной демократіи", вышедшую уже вторымъ изданіемъ, авторъ задался въ настоящемъ сочиненіи вопросомъ о подготовившемъ его въ прошломъ экономическомъ ростѣ европейской гражданственности.

Сочиненіе почтеннаго изслѣдователя возникло изъ читанныхъ имъ въ разное время въ Москвѣ и за границей лекцій, совер-

шенно переработанныхъ и изслѣдованій, основанныхъ частью на архивномъ матеріалѣ.

Задачи, которыя поставилъ себѣ авторъ, болѣе общи, чѣмъ тѣ, которыя затрогиваются существующей литературой.

„Европейская гражданственность“ говоритъ онъ „создана, какъ извѣстно, взаимодѣйствіемъ германскаго и романскаго элементовъ; она представляетъ въ прошломъ господство феодально-коммунальныхъ порядковъ, помѣстнаго и цехового хозяйства. Все, что выходитъ за эти предѣлы, искусственно обойдено въ виду его второстепеннаго значенія и невозможности обнять въ одномъ трудѣ всѣ особенности финскихъ, кельтическихъ, славянскихъ и нерѣдко арабскихъ поселеній и землепользованій, родоваго и кланового быта. на ряду съ феодальнымъ“.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе генезиса, природы и разложенія помѣстнаго хозяйства. Первая часть этого тома посвящена римскимъ и германскимъ элементамъ въ образованіи средневѣковаго помѣстья и сельской общины — вторая: экономической сторонѣ процесса феодализаціи недвижимой собственности.

Второй томъ содержитъ въ себѣ описаніе положенія англійскихъ, германскихъ, итальянскихъ и испанскихъ помѣстій во второй половинѣ среднихъ вѣковъ и крѣпостнаго хозяйства Англіи и Германіи. Послѣдняя глава втораго тома посвящена вопросу о разложеніи помѣстнаго хозяйства и процесса эмансипаціи крестьянскаго люда.

Маленькая Антологія. № 12. Поэты Швеціи. № 13. Поэты Финляндіи и Эстляндіи. Изданы подъ редакціею Н. Новича. Спб. 1898—1899 г. Цѣна каждой книжки 50 коп. Маленькіе изящно изданные томики представляютъ собраніе существующихъ въ русскомъ переводѣ поэтическихъ произведеній шведской, финской и эстонской литературы, а также переводъ этихъ произведеній частью съ нѣмецкаго и французскаго языка. Шведская поэзія богата талантами, но у насъ до сихъ поръ еще очень мало извѣстна вслѣдствіе крайней бѣдности переводовъ шведскихъ поэтовъ. Лучшіе переводы принадлежали В. Головину. Въ примѣчаніяхъ книжки помѣщены краткія біографіи поэтовъ.

Суровая, непривѣтливая природа Финляндіи положила свой отпечатокъ и на произведенія ея поэтовъ. Безотрадная грусть слышится во многихъ изъ нихъ. Отмѣтимъ полное глубокой поэзіи стихотвореніе финскаго поэта Оксанена „Невѣста Кормчаго“. Вообще, изданія у насъ поэтовъ сѣвера можно привѣтствовать— поэзія ихъ грустная, меланхоличная, но проникнутая глубокой любовью къ своей непривѣтливой, но дорогой родинѣ, всегда найдетъ отзвукъ въ русскомъ сердцѣ.

Лекціи по русской исторіи профессора С. Ѳ. Платонова, доктора русской исторіи, читанныя въ 1899 — 1900 учебномъ году въ Александровской Военно-Юридической Академіи, Императорскомъ Спб. Университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ, вып. 1. Издали на правахъ рукописи слушатели Военно-Юридической Академіи поручики Блиновъ и фонъ-Раупахъ. Спб. 1900 г.

Крайнее неудобство занятій по литографированнымъ лекціямъ заставляетъ прибѣгать отъ времени до времени къ изданію слушателями нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній лекцій печатнымъ способомъ. Изданное такимъ путемъ изложеніе курса русской исторіи почтеннымъ ученымъ С. Ѳ. Платоновымъ въ 1 выпускѣ доведено до времени усиленія Московскаго княжества. Трудъ этотъ благодаря ясной и интересной передачѣ могъ бы быть весьма полезенъ и для лицъ, желающихъ заняться исторіей для самообразованія.

Матеріалы по исторіи Россіи, т. I, А. И. Добросмысловъ. Оренбургъ 1900 г.

Въ первомъ томѣ означенныхъ „Матеріаловъ" появились пока важнѣйшіе историческіе документы, хранившіеся въ архивѣ тургайскаго областнаго правленія и касающіеся устройства Оренбургскаго края вообще и въ частности киргизскихъ степей и ихъ народовъ. Разумѣется, въ этомъ трудѣ г. Добросмысловъ является только добросовѣстнымъ архиваріусомъ. Тѣмъ не менѣе повсемѣстно архивы утрачиваютъ часть своихъ дѣлъ и потому представляется крайне желательнымъ сохранить ихъ богатый историческій матеріалъ на болѣе продолжительное время извлеченіемъ изъ нихъ важнѣйшихъ указовъ сената, проектовъ воеводъ объ управленіи краемъ, многочисленныхъ писемъ царствующихъ лицъ къ отдѣльнымъ начальникомъ, всевозможныхъ канцелярскихъ донесеній, промеморій, грамотъ, выписокъ изъ разныхъ дѣлъ и т. д. Въ настоящемъ сборникѣ указовъ и другихъ документовъ касающихся Оренбургскаго края, исчерпанъ исключительно только 1734 годъ когда русское правительство особенно было озабочено закрѣпленіемъ подданства къ себѣ степныхъ инородцевъ, изысканіемъ способовъ управленія ими: постройкою русскихъ городовъ, соляныхъ заводовъ, организаціей военныхъ экспедицій противъ набѣговъ киргизъ, каракалпаковъ, башкиръ,—грабежей яицкихъ казаковъ и т. д. Для спеціалистовъ, изучающихъ исторію нашихъ восточныхъ губерній, трудъ г. Добросмыслова крайне необходимъ.

Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое изслѣдованіе. Д-ръ медицины Д. П. Никольскій. 1900 годъ.

Знаніе духовной и физической сторонъ многочисленныхъ народностей, входящихъ въ составъ русскаго государства, необходимо для каждой реформы въ нашей странѣ, а между тѣмъ именно этого знанія весьма часто недоставало въ вопросахъ о томъ, вымираютъ ли народности при столкновеніи съ нами; утрачиваютъ ли онѣ свои типичныя стороны или послѣднія передаются культурной расѣ; чѣмъ подобное явленіе обусловливается и т. д.? Руководясь подобнымъ соображеніемъ, д-ръ Никольскій посвятилъ исторіи башкиръ свой замѣчательный трудъ, въ которомъ приведено множество научныхъ указаній для рѣшенія вопроса о будущности башкирскаго народа и для правильнаго освѣщенія его прошлаго съ момента покоренія степныхъ инородцевъ русскими. „Мы увидимъ,—приходитъ къ заключенію д-ръ Никольскій,—что отъ башкиръ многое взяли и очень мало имъ дали. Съ самаго начала нашего управленія башкирскимъ народомъ

были допущены ошибки, начиная съ заселенія Башкиріи русскимъ элементомъ и раздачи земель, посылки административныхъ лицъ, стоящихъ далеко не на высотѣ своего призванія и кончая отношеніемъ къ башкирамъ пришлаго люда. Все это возстановило башкиръ противъ русскихъ и породило волненія и смуты, которыя продолжались сотни лѣтъ, создавъ въ концѣ концовъ рѣзкую рознь между русскими и башкирами. Башкиры и до сихъ поръ остаются на одномъ и томъ же уровнѣ культурнаго развитія; нами ничего не сдѣлано для развитія между ними народнаго образованія. Существующія башкирскія школы не могутъ быть носительницами культурнаго развитія. Мы, русскіе, исконные владѣльцы, не могли обучить или даже пріохотить этотъ народъ къ хлѣбопашеству, хотя бы въ той формѣ, какъ оно практикуется у насъ. Будучи насильственно прикрѣплены къ землѣ, башкиры сразу почувствовали отвращеніе къ хлѣбопашеству. Однимъ изъ тормозовъ для правильнаго пользованія землею является не регулированное отношеніе между кореннымъ населеніемъ и пришлымъ. Послѣднее все болѣе и болѣе вторгается въ башкирскія владѣнія, захватывая землю законнымъ и незаконнымъ способомъ. Несмотря на неблагопріятныя условія, при которыхъ слагалась жизнь башкирскаго народа, онъ все же не вымираетъ и по физическому развитію не принадлежитъ къ вырождающемуся. Поэтому необходимо озаботиться развитіемъ этого народа. Для этого необходимо распространеніе между нимъ болѣе широкаго образованія, урегулированіе земельныхъ отношеній между самими башкирами и по отношенію къ остальному населенію".

Magyars et Roumains devant l'Histoire. A. de Bertha. Paris 1899.

Настоящая книга есть пересказъ обширнаго труда венгерскаго писателя доктора Бенуа Янчо „Исторія и настоящее положеніе національныхъ румынскихъ тенденцій". Въ этомъ трудѣ описывается происхожденіе румынскаго народа, переселеніе его и появленіе на территоріи, которую румыны занимаютъ по настоящее время, главныя событія изъ политической, военной и религіозной исторіи румынъ со времени императора Траяна до нашихъ дней.

Трансильванія (Siebenbürgen) составляла въ прежнія времена часть Дакіи. Ее занимали разные народы. Съ 1556 г. она была самостоятельнымъ княжествомъ. Но въ 1699 г. при заключеніи мира при Карловицѣ (25 января) отошла къ Венгріи. Съ 1849 г. Трансильванія хотя составляетъ отдѣльную провинцію австровенгерской имперіи, но подъ главенствомъ Венгріи (особенно со времени пресловутаго дуализма, съ 1867 года).

Съ момента сближенія австрійскаго императора Франца Іосифа и румынскаго короля Карла, такъ называемый румынскій вопросъ вошелъ въ новый фазисъ, другими словами: вопросъ этотъ, поднятый нѣсколькими заинтересованными лицами, искусственно поддерживаемый въ общественномъ мнѣніи сталъ менѣе обостреннымъ.

Цѣль румынъ и венгерцевъ (венгерскихъ румынъ) присоединеніе

провинціи Трансильваніи къ Румыніи: первые хотятъ просто присоединить эту область къ Румыніи, вторые же желаютъ сначала румынизировать Трансильванію и тогда уже готовою присоединить къ отечеству. Но Трансильванія имѣетъ громадное стратегическое значеніе, это ключъ къ Венгріи, которымъ пользовались турки для поддержанія своего владычества надъ мадьярами.

Въ книгѣ проводится та мысль, что населяющіе Трансильванію венгерскіе румыны поставлены въ гораздо лучшія условія, чѣмъ сами румыны; все это доказывается наглядными примѣрами и цифровыми данными, и поэтому желаніе венгерскихъ румынъ присоединиться къ Румыніи является очень страннымъ, такъ какъ, дескать, отъ добра добра не ищутъ. Такъ пишетъ авторъ.

Съ своей стороны мы должны сказать, что хотя трудъ доктора Бенуа Янчо и очень почтенный и не менѣе почтененъ и трудъ А. Берта, но тѣмъ не менѣе къ нему нужно относиться съ большою осторожностью, потому что авторъ, мадьяръ по происхожденію, не можетъ быть безпристрастнымъ. Къ румынскому вопросу ему бы не слѣдовало относиться съ такою легкостью, чтобы не сказать больше. Вопросъ этотъ вовсе не поднятъ заинтересованными лишь лицами, а онъ существовалъ всегда.—Кто виноватъ въ этомъ, нужно спросить у всѣхъ тѣхъ народностей, которыя порабощены Венгріею въ правовомъ, административномъ и соціальномъ отношеніяхъ. Недаромъ говорятъ, что „сердце содрогается при видѣ всего совершающагося въ Венгріи, и каждый честный человѣкъ, будь онъ нѣмецъ, французъ, англичанинъ, а тѣмъ болѣе, конечно, славянинъ,—съ презрѣніемъ отвернется отъ пресловутой тысячелѣтней мадьярской культуры“.

И. И. Крафтъ. Изъ Киргизской старины. Оренбургъ 1900 г.

Большой недостатокъ работы г. Крафта составляетъ несистематичность изложенія, безпорядочная разбросанность интересныхъ историческихъ матерьяловъ, которая нѣсколько затрудняетъ чтеніе и нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія.

Лучшимъ украшеніемъ первой части книги служатъ указы императрицы Екатерины II, взятые изъ архива тургайскаго областнаго правленія. Нѣтъ возможности въ коротенькой замѣткѣ перечислить всѣ жизненные вопросы, которыхъ императрица касается въ своихъ письмахъ. Эти указы именно скорѣе всего похожи на письма, на письменныя совѣщанія о дѣлахъ хозяйства россійскаго, они полны глубокаго интереса къ народу, заботливости и обстоятельности истинно дѣловаго человѣка, находящагося въ курсѣ дѣлъ своего громаднаго хозяйства.

Вездѣ видно желаніе сообразоваться съ мѣстными условіями и знать мнѣніе людей, близко стоящихъ къ дѣлу.

Между прочимъ чрезвычайно характеренъ указъ о магометанской святынѣ-развалинахъ древняго города Болгары (въ настоящее время отъ него осталось только 4 зданія, городской ровъ, валъ и много известковыхъ основаній еще недавно существовавшихъ построекъ — памятниковъ глубокой, слѣпой старины).

«Не стоитъ кажется прямаго опасенія — пишетъ императрица — отъ происходимыхъ у нихъ (магометанъ) къ тому мѣсту сборищей,

когда токма оныя, по ихъ обычаю, для молебія чинятся, для здѣшней стороны весьма еще полезнѣе, если они такія общія ихъ молитвы внутри Россіи приносить привыкнуть, а не въ Мекку для того ѣздить будутъ»... Таково было ея широкое пониманіе нуждъ разноплеменнаго народъ россійскаго.

Въ первой же части изложена исторія киргизскаго сепаратиста Морала Курманова, жившаго въ двадцатыхъ годахъ истекающаго столѣтія и заинтересовавшаго своимъ письмомъ наше правительство но не имѣвшаго никакого успѣха у своего народа.

„Неудача его объясняется, по мнѣнію г. Крафта, тѣмъ, что хотя «Маралъ Курмановъ былъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ добра своему народу, но за образецъ своихъ реформаторскихъ дѣйствій онъ взялъ идеалъ магометанской обособленности, чуждый натурѣ и привычкамъ мирныхъ и добродушныхо кочевниковъ“.

Очень любопытна историческая справка о тѣлесномъ наказаніи въ киргизскихъ степяхъ. Оно было тамъ совершенно отмѣнено русскими въ положеніи 1886 и 1891 г., но.... кочевники переходятъ къ осѣдлости, а съ нею и къ распространенію на нихъ общаго положенія о сельскомъ состояніи, съ волостнымн судомъ и тѣлесными наказаніями».

«Въ то время, когда туземецъ былъ дикаремъ — говоритъ по этому поводу авторъ — мы учили его гуманности, человѣчности и справедливости; мы познакомили его съ лучшими условіями жизни, показали ему свѣтъ просвѣщенія, предоставили ему свободу развиваться но когда онъ довѣрчиво дойдетъ до одной съ нами ступени, неужели станетъ необходимымъ возстановить давно отмѣненное тѣлесное наказаніе?»...

Рабство, не свойственное кочевому быту, было введено у киргизовъ ошибочною политическою мѣрою русскаго правительства, которое во время общаго возстанія кочевниковъ въ 1755 г., чтобы посѣять рознь между возставшими народностями, разрѣшило киргизамъ присвоивать женъ, дѣтей, скотъ и все имущество возставшихъ башкиръ. Съ тѣхъ поръ киргизы стали часто брать въ плѣнъ и русскихъ людей. Установленный выкупъ по 150 р. за каждаго русскаго невольника еще болѣе развилъ ловлю русскихъ киргизами. Въ 1777 г. въ Хивѣ и Бухарѣ насчитывалось уже болѣе 5.000 русскихъ невольниковъ. Приводя одного выкупленнаго невольника, каждый азіатъ естественно старался „на обратный путь двухъ или трехъ украсть“. Выгодной работорговлей занялись и русскіе люди. Въ Оренбургѣ былъ осужденъ за нее купецъ Зайчиковъ, нажившій огромное состояніе. Окончательно рабство было уничтожено въ киргизской степи рѣшительными мѣрами правительства только въ 1875 г.

Во второй части книги собраны киргизскія сказки, легенды и басни. Въ сказаніяхъ народа чувствуется его наблюдательная натура, иногда просвѣчиваетъ нѣкоторый юморъ, правда наивный и элементарный, какъ и сама жизнь кочевниковъ. Вотъ напримѣръ басня: „Хорошій раздѣлъ“. На охотѣ одинъ киргизъ убилъ гуся, лебедя и маленькаго куличка. Долго спорили, какъ

подѣлиться и наконецъ сарты предоставили киргизу произвести безобидный раздѣлъ. Киргизъ раздѣлилъ такъ:

— Васъ двое, я даю вамъ куличка и васъ будетъ трое, а я одинъ, и если добавить мнѣ гуся и лебедя, будетъ насъ тоже трое, значитъ, раздѣлъ будетъ вѣрный.

— Какъ же ты одинъ и берешь гуся и лебедя? —возразили сарты.

— Я беру вмѣсто васъ самихъ, а развѣ вы не стоите гуся и лебедя?—спросилъ въ свою очередь киргизъ.

— Ты правъ—сказали польщенные сарты и остались довольны раздѣломъ.

Сказка „Злая женщина и нечистая сила" представляетъ собою почти буквальное повтореніе русской народной сказки „Объ Анчуткѣ беззятомъ". И эта сказка и нѣкоторыя другія сопровождены послѣсловіемъ совершенно неизвѣстнаго происхожденія. Читатель часто недоумѣваетъ, принадлежитъ ли выводимая изъ сказанія мораль народному творчеству или же перу самого г. Крафта? Напримѣръ, заключеніе сказки о злой женѣ скорѣе напоминаетъ по тону игривость европейца,, чѣмъ восточную мудрость киргиза. „Злыя женщины страшнѣе всякаго чудовища и нѣтъ отъ нихъ спасенія.... Но какимъ образомъ нѣжныя и милыя созданія превращаются въ злыхъ женъ — этого никто еще не разгадалъ" Нѣкоторыя назиданія о томъ, напримѣръ, какъ русскіе должны относиться къ киргизамъ принадлежатъ, несомнѣнно лично самому изслѣдователю, который, къ большему ущербу читателя, не нашелъ нужнымъ отдѣлить замѣтками или даже простыми кавычками свою собственную мудрость отъ мудрости народной.

Редакторъ-издатель С. С. Сухонинъ.

Въ случаѣ необходимости произвести разслѣдованіе на мѣстѣ, гдѣ возникло гражданское дѣло или было совершено преступленіе, земскіе, городскіе и подкоморскіе суды назначали коммиссіи изъ должностныхъ лицъ; эти коммиссіи носили названія *«съѣздовыхъ судовъ»* или *«кондесценцій»*.

Апелляціонными инстанціями для шляхетскихъ судовъ были *трибуналы*: коронный и литовскій.

Коронный трибуналъ былъ учрежденъ въ 1578 г., литовскій же 1581 г. Воеводства: кіевское, брацлавское и волынское имѣли свой особый трибуналъ въ Луцкѣ, но въ 1589 г. они были подчинены коронному трибуналу. То же самое произошло и съ прусскими воеводствами, пользовавшимися раньше правомъ апелляціи къ королю. Одна только Ливонія не была подчинена судебной власти трибуналовъ, а обращалась съ апелляціями въ надворный ассессорскій судъ.

Ежегодно въ половинѣ іюля въ воеводствахъ земляхъ и повѣтахъ собирались *депутатскіе сеймики*, избиравшіе изъ мѣстной осѣдлой шляхты по два депутата, а въ волынскомъ воеводствѣ—трехъ. Избирались они какъ изъ рыцарскаго сословія, такъ и изъ свѣтскихъ сенаторовъ. Избранныя разъ лица могли быть вторично избраны лишь по истеченіи четырехъ лѣтъ. Каждый духовный капитулъ избиралъ въ то же время двухъ каноннковъ для наблюденія за разборомъ дѣлъ духовнаго сословія. Духовные депутаты тоже могли быть избраны вновь лишь по истеченіи четырехъ лѣтъ. Свѣтскіе и духовные депутаты обѣихъ коронныхъ провинцій съѣзжались въ Піотрковъ, гдѣ первые избирали изъ своей среды маршала, а вторые президента. Въ маршалы обыкновенно избирался сенаторъ, въ президенты же гнѣзненскій архіепископъ. Организованный такимъ образомъ трибуналъ разбиралъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи судебныя дѣла великопольской провинціи отъ перваго понедѣльника послѣ дня св. Франциска до вербной недѣли. По окончаніи своей дѣятельности въ Піотрковѣ трибуналъ переѣзжалъ въ Люблинъ, гдѣ разбиралъ дѣла Малопольской провинціи съ перваго понедѣльника послѣ ѳоминой недѣли до дня св. Франциска. Въ Литвѣ трибуналъ собирался въ Вильнѣ, начиналъ свою дѣятельность со второй недѣли послѣ пасхи и въ теченіе двадцати недѣль разбиралъ дѣла жмудскаго княжества и воеводствъ: виленскаго, трокскаго, смоленскаго, полоцкаго и брестъ-литовскаго. По окончаніи своей дѣятельности въ Вильнѣ трибуналъ въ одинъ годъ переѣзжалъ въ Новгородъ, а во второй въ Минскъ, гдѣ раз-

бирал дѣла остальныхъ литовскихъ воеводствъ. Рѣшенія трибуналовъ принимались по большинству голосовъ и были безапелляціонны.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ третью инстанцію для шляхты составлялъ *сеймовый судъ*. Производилъ этотъ судъ первоначально король съ канцлерами; съ конца же XVI столѣтія въ немъ засѣдали шляхетскіе послы, которыхъ въ числѣ восьми, двѣнадцати, а иногда двадцати четырехъ назначалъ маршалъ посольской избы. Сеймовый судъ рѣшалъ нѣкоторыя гражданскія и уголовныя дѣла, поступавшія къ нему изъ трибуналовъ; юрисдикціи его также подлежали обвиняемые въ оскорбленіи величества и государственной измѣнѣ. Засѣдалъ онъ во время собранія сейма и съ закрытіемъ его прекращалъ свою дѣятельность. Созваніе сейма не лишало силы его постановленій.

Духовные суды. Духовенство въ своихъ спорахъ о земельныхъ владѣніяхъ и десятинѣ было подчинено свѣтскимъ судамъ — земскимъ, подкоморскимъ, городскимъ и трибунальскимъ,— по уголовнымъ же и каноническимъ дѣламъ подлежало епископской юрисдикціи. Первую инстанцію здѣсь составлялъ *епископскій судъ*, вторую — *примасовскій*, третью — *нунціатура*. Нунцій рѣшалъ также въ послѣдней инстанціи семейныя дѣла. Замѣстителемъ его или *интернунціемъ* былъ гнѣзненскій архіепископъ, какъ *lagatus natus*.

Городскіе суды. Мѣщане, управлявшіеся на основаніи нѣмецкаго права, судились своими собственными судами. Дѣла, соотвѣтственно ихъ характеру, разбирались въ «*радецкомъ судѣ*», въ которомъ засѣдалъ бургомистръ съ «радными» (совѣтниками) или въ *войтовскомъ*, состоявшемъ изъ войта и «лавниковъ» (засѣдателей). Менѣе важныя дѣла (potoczne), не терпѣвшія отлагательства, разбиралъ бургомистръ съ писаремъ. Радецкой и войтовской юрисдикціи подлежали также и шляхта и духовенство по дѣламъ, касавшимся ихъ городскихъ домовъ и площадей. Апелляціи на рѣшенія городскихъ судовъ со времени Сигизмунда-Августа подавались въ коронный и литовскій *надворные ассесорскіе суды*. Въ ассесорскомъ судѣ, имѣвшемъ мѣстопребываніе въ королевской резиденціи, засѣдалъ канцлеръ въ качествѣ предсѣдателя съ референдарями, регентами канцелярій, великими секретарями и писаремъ декретовъ. По болѣе важнымъ дѣламъ на засѣданія ассесоріи приглашались сенаторы, а иногда даже сеймовые послы. Тяжбы мѣщанъ съ магистратами и старостами, а иногда и апелляціи на ассесо-

рію разбиралось въ коронномъ и литовскомъ *надворномъ реляціонномъ судѣ.* Въ немъ засѣдалъ король съ сенаторами и министрами, дѣла же докладывалъ референдарь. Сверхъ того, въ кругъ вѣдѣнія реляціонныхъ судовъ входили, кромѣ мѣщанскихъ тяжбъ, дѣла о привиллегіяхъ на земли и должности, о десятинѣ съ королевскихъ земель, о нарушеніяхъ свободы совѣсти и т. п. Реляціонные суды рѣшали также тяжбы между курляндской шляхтой и ея герцогомъ.

Еврейскіе суды находились въ вѣдѣніи кагальныхъ старѣйшинъ. Тяжбы евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ рѣшали воеводскіе суды, а на Волыни старостинскіе, на рѣшенія которыхъ подавались апелляціи въ ассесорію. Евреи, жившіе въ селахъ, подлежали безапелляціонной юрисдикціи землевладѣльца.

Крестьянскій судъ въ частныхъ владѣніяхъ вѣдалъ землевладѣлецъ, въ старостинскихъ же и столовыхъ—старосты и администраторы. Тяжбы королевскихъ крестьянъ со старостами безапелляціонно рѣшалъ референдарскій судъ.

Шляхетскіе суды:—земскіе, подкоморскіе, городскіе и трибунальскіе, а также ассессорскіе, реляціонные и референдарскіе—во время междуцарствія прекращали свою дѣятельность. Вмѣсто земскихъ, подкоморскихъ, городскихъ и трибунальскихъ судовъ въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ шляхта на предканвокаціонныхъ сеймикахъ избирала каптуровыхъ судей. *Каптуровые суды* организовывались для поддержанія порядка во время междуцарствія; они преслѣдовали уголовныхъ преступниковъ: убійцъ, поджигателей, грабителей и т. п. Съ окончаніемъ междуцарствія они прекращали свою дѣятельность; дѣла законченныя, но не рѣшенныя въ нихъ, передавались въ городскіе суды, начатыя же дѣла велись дальше трибуналами. Но и во время междуцарствія были открыты акты земскихъ городскихъ судовъ, писаря которыхъ заносили въ нихъ завѣщанія, дарственныя записи и т. п.

Исполненіе судебныхъ рѣшеній лежало на обязанности старостъ, городскихъ магистратовъ и другихъ органовъ исполнительной власти.

Военную силу республики составляло регулярное войско и всеобщее ополченіе шляхты.

Четвертное войско служило для защиты пограничныхъ воеводствъ отъ татарскихъ набѣговъ. Состояло оно, главнымъ

образомъ, изъ шляхетской конницы, формировавшейся посредствомъ добровольныхъ наборовъ. Король съ согласія государственныхъ чиновъ выдавалъ лицамъ, рекомендованнымъ гетманомъ, особыя грамоты (listy przypowiednie), предоставлявшія имъ право набирать конныя роты. Въ этихъ грамотахъ онъ опредѣлялъ численный составъ роты, плату, полагавшуюся на каждаго коня, родъ вооруженія, а также время и мѣсто сбора въ боевой готовности. Получившій такую грамоту, *ротмистръ*, входилъ съ своей стороны въ соглашеніе съ извѣстными ему воинами о наборѣ опредѣленнаго числа всадниковъ. Такимъ воинамъ онъ выдавалъ извѣстную сумму денегъ и назначалъ время и мѣсто явки. Изъ набранныхъ этимъ путемъ всадниковъ, по прибытіи ихъ на мѣсто, онъ составлялъ хоругви (отряды) и роты соотвѣтственно данной ему грамотѣ: по сто, двѣсти всадниковъ или больше. Принятый всадникъ назывался *товарищемъ* и являлся со своимъ «*почтомъ*», свитою, т. е. оруженосцами, слугами, которые тоже составляли военный строй. У болѣе зажиточныхъ товарищей были еще слуги для надзора за запасными лошадьми, несенія оружія и т. п. У ротмистра обыкновенно былъ замѣститель, котораго называли *поручикомъ*. Поручика замѣщалъ *намѣстникъ*, которымъ былъ одинъ изъ товарищей. Иногда товарищи ставили на свое мѣсто строевыхъ подъ названіемъ двойныхъ свитъ, а сами лишь носили военный титулъ.

По роду оружія эта конница дѣлилась на тяжелую и легкую. Къ первой принадлежали гусары, а ко второй казаки или панцырные.

Гусаръ носилъ шишакъ, кирасу, т. е. желѣзный кафтанъ и такіе же наручни, защищавшіе руки сзади и съ боковъ до локтя. На плечи онъ набрасывалъ шкуру леопарда или рыси, застегивавшуюся когтями; за плечами у него были прикрѣплены крылья коршуна; его шишакъ и голова его коня украшались перьями. Оружіе его состояло изъ большого копья длиною въ восемь локтей, кривой сабли при боку, рапиры или короткой широкой сабли (koncerz) у сѣдла подъ лѣвой ногой и пистолетовъ. Ѣздилъ онъ на большомъ конѣ, покрытомъ дорогимъ турецкимъ чепракомъ, сидя на расшитомъ сѣдлѣ съ золоченной лукой. Гусарскій товарищъ служилъ не меньше, какъ на трехъ коняхъ, т. е. приводилъ съ собою въ отрядъ двухъ хорошо вооруженныхъ людей, которые въ отличіе отъ господъ носили на плечахъ медвѣжьи или волчьи шкуры. Въ первый рядъ строя становились товарищи, а за ними

ихъ люди. Отряды (хоругви) отличались цвѣтомъ флаговъ на копьяхъ. Въ гусарскіе отряды поступала самая важная и богатая шляхта. Здѣсь служили товарищами даже такіе люди, которые были офицерами другихъ родовъ оружія.

Легкая конница носила панцыри и шишаки или «мисюрки» съ сѣткой; вооружена она была кривыми саблями, луками или огнестрѣльнымъ оружіемъ. Набиралась она такъ же, какъ и гусары, и употреблялась для развѣдочной службы, карауловъ и въ битвахъ сражалась на флангахъ.

Кромѣ гусаръ и панцырныхъ, были еще татарскіе и валашскіе отряды, а также нѣмецкіе полки рейтаровъ и драгунъ.

Татары, поселенные Витовтомъ въ Литвѣ и на Волыни, будучи свободны отъ всякихъ иныхъ повинностей, обязаны были нести военную службу. Валашскіе отряды набирались за плату, главнымъ образомъ, изъ молдаванъ. Татары и валахи составляли легкую кавалерію, вооруженную луками; ихъ употребляли для военныхъ разъѣздовъ, добыванія «языка» и на посылки. Вооруженіе рейтаровъ, называвшихся также аркебузерами, состояло изъ шишака, панцыря, наплечниковъ и наручней; въ битвѣ они употребляли три стрѣлы, двѣ изъ которыхъ были короткія и одна длинная,—и чеканъ. Въ XVII столѣтіи защитительное вооруженіе было замѣнено колетомъ изъ лосиной кожи; въ битвѣ употреблялись также прямые палаши и короткіе мушкеты. Полкъ раздѣлялся на компаніи, въ каждой изъ которыхъ было по сто человѣкъ. Драгуны, носившіе шляпы съ полями и красные мундиры, употребляли въ битвѣ палаши, пистолеты и карабины со штыками. Организація ихъ была такова же, какъ и у рейтаровъ.

Пѣхота, подобно конницѣ, образовывалась путемъ свободнаго набора и состояла изъ товарищей съ ихъ свитами. Вслѣдствіе отвращенія шляхты къ пѣхотной службѣ она была малочисленна и недостаточна для осады укрѣпленныхъ московскихъ городовъ. Стефанъ Баторій установилъ наборъ пѣхотинцевъ въ королевскихъ селахъ по одному съ каждыхъ двухъ сотъ лановъ. Такой пѣхотинецъ, свободный отъ всякихъ другихъ повинностей, обязанъ былъ каждую четверть года являться къ ротмистру на ученіе съ ружьемъ, саблей и аллебардой, одѣтый въ платье голубого цвѣта. Эта «выбранецкая» пѣхота употреблялась въ строю во время сраженій, на сооруженіе шанцевъ и разныя осадныя работы. Сеймъ 1649 г. замѣнилъ военную службу королевскихъ крестьянъ денежнымъ налогомъ. Старосты обязаны были платить съ каждаго выбранец-

каго лана первоначально по шестидесяти, а впослѣдствіи по сто золотыхъ: деньги эти употреблялись на наемъ пѣхоты, называвшейся лановой. Кромѣ выбранецкой, была еще пѣхота, обмундированная, вооруженная и организованная по иностраннымъ образцамъ, называвшаяся венгерской и нѣмецкой. Она набиралась не изъ свитъ товарищей, а путемъ вербованія. Король заключалъ съ предпринимателемъ такъ называемую капитуляцію, т. е. условіе на поставленіе послѣднимъ въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ полка, снаряженнаго по иностранному образцу. Предприниматель при посредствѣ своихъ помощниковъ вербовалъ добровольцевъ въ королевскихъ и духовныхъ селахъ и городахъ. Обмундировавъ и вооруживъ навербованныхъ имъ людей, онъ передавалъ ихъ королевскимъ военачальникамъ.

Артиллерія состояла въ вѣдѣніи *«старшаго надъ арматою»*, впослѣдствіи называвшагося генераломъ.

Магнаты тоже содержали или поставляли во время войны отряды конницы, пѣхоты и артиллеріи. Ординація Мышковскихъ обязана была поставлять на войну пятьдесятъ всадниковъ и сто пѣхотинцевъ; острожская ординація—триста человѣкъ конницы и пѣхоты. Города поставляли военный обозъ: важнѣйшіе изъ нихъ, какъ Краковъ, Познань, Львовъ, держали для своей защиты артиллерію, легкое оружіе и аммуницію. Башни городовъ, окруженныхъ стѣнами, распредѣлялись между цехами, которые обязаны были снабжать всѣмъ необходимымъ и защищать отведенные имъ посты.

Оба войска—коронное и литовское—находились подъ властью гетмановъ. Въ случаѣ бездѣйствія гетмановъ, король назначалъ имъ замѣстителей, называвшихся региментарями.

Кромѣ вооруженныхъ силъ, содержавшихся на счетъ республики, и войскъ частныхъ лицъ, въ экстроардинарныхъ случаяхъ для защиты страны созывалось *всеобщее ополченіе* шляхты.

Всеобщее ополченіе созывалось въ силу постановленій сейма. На основаніи такого постановленія король разсылалъ по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ универсалы, называвшіеся «вицами». Первыя и вторыя вици извѣщали о войнѣ и предписывали готовиться къ походу, третья же сообщала о срокѣ выступленія. Въ случаѣ крайней опасности король издавалъ, вмѣсто трехъ, двѣ вици и даже только одну. Принимать участіе во всеобщемъ ополченіи обязана была вся шляхта, за исключеніемъ министровъ, сенаторовъ-резидентовъ,

великихъ сановниковъ и другихъ должностныхъ лицъ, перечисленныхъ въ конституціяхъ. Отъ исполненія этой обязанности не могъ освободить даже король. Лицамъ, не явившимся въ ополченіе безъ уважительныхъ причинъ, грозила конфискація имущества. Всеобщее ополченіе по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ, являлось на смотръ (okazowanie) воеводъ и каштеляновъ, послѣ чего отправлялось въ назначенный ему сборный пунктъ. Предводителемъ его былъ король, а во время междуцарствія гетманъ. Законъ воспрещалъ раздѣлять всеобщее ополченіе на части; его также нельзя было держать въ бездѣйствіи дольше двухъ недѣль или выводить за предѣлы страны. Всеобщее ополченіе обязано было участвовать только въ оборонительной войнѣ: литовское—на границахъ Литвы, коронное—на границахъ Короны. Походъ за границу могъ быть предпринятъ только съ согласія сейма и долженъ былъ закончиться не позже, какъ черезъ три мѣсяца. За военную службу за предѣлами государства шляхта получала плату. По окончаніи похода она возвращалась домой въ порядкѣ, установленномъ закономъ. Всеобщія ополченія созывались рѣдко,—лишь въ критическихъ случаяхъ; республика боялась ихъ, какъ элемента своевольнаго и необузданнаго.

Защитительная сила государства основывшаяся на служебномъ войскѣ, зависѣла отъ состоянія государственной казны. Средства на содержаніе ея первоначально давалъ изъ своихъ доходовъ король, а впослѣдствіи *казна республики* или государственная казна (skarb pospolity). Въ XVI столѣтіи состоялось отдѣленіе королевской казны, которой предоставлены были доходы со столовыхъ земель, соляныхъ копей, таможенъ, монетнаго двора и т. д., отъ государственной казны, имѣвшей покрывать расходы на содержаніе войска, должностныхъ лицъ и другія государственныя надобности. Насколько большими средствами располагала надворная, т. е. королевская казна, настолько же случайны и незначительны были доходы казны государственной.

Доходы государственной казны составлялись изъ сеймовыхъ налоговъ и экстроординарныхъ поступленій. Сеймовые налоги были различны: *сельскій лановой налогъ*, взимавшійся съ крестьянскихъ влокъ королевскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ владѣній; *городской лановой налогъ*—съ городскихъ земель;

налоги взимавшіеся съ городскихъ строеній (*szos*), ремеслъ, промышленности и торговли, акцизъ носившій названіе «чоповою», подушная подать съ евреевъ и т. п. Къ экстраординарнымъ поступленіямъ принадлежало *subsudium charitativum*, дававшееся духовенствомъ. Высота налоговъ зависѣла отъ постановленія сейма, принимавшагося въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Взимали ихъ сборщики, назначавшіеся сеймомъ или избиравшіеся на сеймикахъ; они передавали полученныя ими суммы соотвѣтствующему великому подскарбію. Иногда во избѣжаніе расходовъ по сбору налоговъ взиманіе ихъ поручалось военнымъ, которые сдавали собранныя ими деньги непосредственно своимъ отрядамъ или полкамъ. Если воеводства и земли оказывались недоимочными во всей суммѣ налоговъ или части ея, сеймъ принималъ «коэквацію»: подъ этимъ названіемъ понимали уравненіе всѣхъ воеводствъ и земель въ платежѣ налоговъ.

Кромѣ сеймовыхъ налоговъ, на содержаніе войска употреблялись доходы *равской казны*.

«Кварта», т. е. четвертая часть доходовъ съ королевскихъ земель, а также тѣхъ, которыя раздавались въ пользованіе заслуженнымъ людямъ, и столовыхъ земель со временъ Сигизмунда-Августа поступала въ Раву и предназначалась на текущую защиту страны. Ее получалъ великій коронный подскарбій съ сеймовыми депутатами, назначавшимися королемъ, и въ присутствіи равскаго старосты помѣщалъ на храненіе въ башнѣ мѣстнаго замка. Подскарбій и депутаты обязаны были пробыть въ Равѣ три недѣли, за что они получали вознагражденіе изъ «кварты». Если оказывалась надобность увеличить численность войска, сеймы установляли на опредѣленный періодъ времени вторую «кварту», которая называлась *новой*. На сеймѣ 1637 г. была установлена новая «кварта» на содержаніе артиллеріи; она, какъ и прежняя, постоянно хранилась въ Равѣ. Однако отъ уплаты ея были свободны столовыя земли. Въ Литвѣ «кварта» была установлена лишь въ 1638 г. Ее взималъ великій подскарбій литовскій на содержаніе артиллеріи. Называлась она *дотативой*, такъ какъ ее уплачивали добровольно лица, пользовавшіяся королевскими землями. Конституція 1659 г. назначила на содержаніе артиллеріи первыя вакантныя королевскія земли, приносившія въ Коронѣ 30,000, а въ Литвѣ 15,000 золотыхъ годового дохода. Законъ этотъ въ Коронѣ не былъ примѣненъ, а въ Литвѣ на содержаніе

артиллеріи были отведены королевскія владѣнія: Геранопы, Липники и Виршупы.

Коронной и литовской казной завѣдывали соотвѣтствующіе подскарбіи; они обязаны были представлять отчетъ сейму; съ 1613 г. началъ функціонировать трибуналъ казначейства.

Онъ былъ учрежденъ для взысканія со сборщиковъ податныхъ суммъ, не внесенныхъ ими въ казну. Назначенный сперва для взысканія недобора 1609 г., онъ впослѣдствіи возобновлялся по мѣрѣ того, какъ оказывались недоборы, пока, наконецъ, не сталъ постояннымъ. Въ составъ его входили: сенаторы, назначавшіеся каждымъ сеймомъ на двухлѣтній срокъ—одинъ изъ нихъ былъ епископъ,—и представители рыцарства. Этими представителями были первоначально сеймовые послы, а съ 1667 г. въ Коронѣ и 1699 г. въ Литвѣ шляхетскіе депутаты, по одному отъ каждаго воеводства, избиравшіеся на сеймикахъ. Сенаторы и депутаты отъ коронныхъ провинцій съѣзжались въ Радомъ, гдѣ засѣдали втеченіе шести недѣль, начиная со дня св. Станислава. Сенаторы получали годовое вознагражденіе, а депутатамъ платила шляхта ихъ воеводствъ. Президентомъ трибунала былъ епископъ, а маршаломъ свѣтскій сенаторъ или депутатъ. На засѣданіяхъ трибунала присутствовалъ подскарбій или одинъ изъ должностныхъ лицъ казначейства для сообщенія необходимыхъ свѣдѣній по податнымъ вопросамъ. Трибуналъ привлекалъ къ отвѣтственности сборщиковъ налоговъ и всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ присвоеніи государственныхъ суммъ. Онъ разсматривалъ также счета войска, провѣрялъ численность людей въ военныхъ отрядахъ и полкахъ. Сверхъ того, онъ разбиралъ столкновенія, возникавшія между обывателями и войскомъ, принималъ жалобы солдатъ на злоупотребленія со стороны военачальниковъ и т. п. Рѣшенія его были окончательны. Литовскій трибуналъ казначейства состоялъ изъ сенаторовъ, назначавшихся королемъ на два года, и изъ тѣхъ депутатовъ, которые засѣдали въ апелляціонномъ трибуналѣ. Онъ засѣдалъ въ опредѣленное закономъ время въ тѣхъ городахъ, гдѣ были тогда засѣданія литовскаго апелляціоннаго трибунала: въ Вильнѣ, Новогрудкѣ или Минскѣ. Лифляндское воеводство высылало въ литовскій трибуналъ казначейства двухъ депутатовъ, избиравшихся на сеймикахъ.

VI.

Правленіе государственныхъ чиновъ республики.

Партія Зборовскихъ, раздраженная тяжелыми ударами, обрушившимися на это семейство—казнью Самуила и изгнаніемъ Кристофа—съ радостью привѣтствовала смерть Стефана Баторія. Въ пасквиляхъ, распространявшихся ею въ странѣ, она старалась обезславить покойнаго короля, обвиняя его въ самовластіи и деспотизмѣ; Яна Замойскаго она обвиняла въ содѣйствіи посягательствамъ на права и вольности шляхты. На конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ примасомъ Самуиломъ Карнковскимъ, Зборовскіе требовали устраненія, такъ называемыхъ, „экзорбитанцій" т. е., нарушеній законовъ; они домогались также отмѣны приговора надъ Кристофомъ и преданія суду Замойскаго. Наперекоръ Замойскому, противнику Габсбурговъ, они выставили кандидатуру на престолъ одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Замойскій, не принимавшій участія въ конвокаціонномъ сеймѣ, готовился къ борьбѣ со своими врагами на сеймѣ элекціонномъ.

Кромѣ австрійской кандидатуры, были еще: шведская—Сигизмунда Вазы, сына сестры послѣдняго Ягеллона, Екатерины; кардинала, коадъютора вармійскаго епископа, Андрея Баторія, племянника короля Стефана,—и молодого царя Өеодора Ивановича. Кандидатуру Вазы поддерживала тетка его, вдова Стефана Баторія, королева Анна; Андрея Баторія рекомендовала Турція, съ царемъ же Өеодоромъ сносились литовскіе паны.

На элекціонный сеймъ обѣ партіи—Зборовскихъ и Замойскаго—пришли съ наборными отрядами, занявшими позиціи близъ Варшавы. На полѣ избранія шляхта раздѣлилась: сторонники Зборовскихъ называли себя генеральнымъ кругомъ, сторонники же Замойскаго—чернымъ, въ знакъ траура по королѣ Стефанѣ. Партіи сперва осыпали другъ друга черезъ пословъ обвиненіями, а затѣмъ стали прибѣгать къ оружію. Примасъ устранилъ своимъ вліяніемъ грозившее было вспыхнуть побоище, но не могъ объединить шляхту на общемъ кандидатѣ на престолъ. Въ виду того, что кардиналъ Баторій, ожидавшій результатовъ избранія въ мѣховскомъ монастырѣ, имѣлъ среди шляхты мало сторонниковъ, а отъ царя, старавшагося соблазнить поляковъ видами на унію Москвы съ республикой, избирателей отталкивало православіе, Замойскій вынужденъ былъ стать на сторону шведскаго королевича. 19 августа 1587 г. примасъ провозгласилъ королемъ Сигиз-

мунда: черезъ нѣсколько дней послѣ этого партія Зборовскихъ объявила королемъ эрцгерцога Максимиліана, брата императора Рудольфа II.

Дальнѣйшая судьба партій зависѣла отъ того, какая изъ нихъ скорѣе успѣетъ доставить своего избранника въ страну и захватить коронаціонный городъ, Краковъ. Максимиліанъ присягнулъ въ Ольмюцѣ на соблюденіе *pacta conventa* и прибылъ въ Польшу раньше Сигизмунда, но засталъ столицу уже занятой отрядами Замойскаго. Онъ пытался взять Краковъ штурмомъ, но былъ отбитъ и вынужденъ отступить къ силезской границѣ. Это открыло дорогу Сигизмунду, который двинулся изъ Гданска, обходя засады своихъ враговъ, прибылъ въ столицу и совершилъ коронацію. Замойскій окончательно разстроилъ старанія своихъ противниковъ; во время коронаціоннаго сейма онъ настигъ эрцгерцога въ Силезіи, разбилъ его подъ Бычиною и взялъ въ плѣнъ. Избраніе и царствованіе Сигизмунда обѣщали Польшѣ союзъ со Швеціей противъ Москвы и присоединеніе Эстоніи.

Двадцатилѣтній *Сигизмундъ III Ваза* (1587—1632), воспитанный своей матерью въ католичествѣ, находившійся подъ неограниченнымъ вліяніемъ іезуитовъ, главной задачей своей считалъ борьбу съ иновѣріемъ. Онъ мечталъ объ искорененіи протестантства какъ въ своемъ наслѣдственномъ государствѣ, Швеціи, такъ и въ Польшѣ; внутреннюю и внѣшнюю политику онъ велъ въ интересахъ католичества, не сообразуясь съ дѣйствительными потребностями республики. Главное средство для достиженія своихъ цѣлей онъ видѣлъ въ союзѣ съ Австріей и желалъ содѣйствовать ей въ подавленіи реформаціи въ Венгріи, Чехіи и Богеміи, чтобы взамѣнъ получить ея помощь для обращенія въ католичество Швеціи, Польши и даже Москвы. Но союзъ съ Австріей ставилъ его во враждебныя отношенія къ Франціи, Англіи и Голландіи, которыя готовы были возбудить противъ Польши Турцію и оказать поддержку Швеціи и Москвѣ. Сближеніе съ Австріей противорѣчило политической программѣ Замойскаго, стремившагося обезопасить Польшу отъ гибельныхъ послѣдствій, которыя могъ повлечь за собою австрійскій союзъ.

Когда Замойскій, освободивъ эрцгерцога Максимиліана, потребовалъ на сеймѣ постановленія, которое бы навсегда лишало членовъ Габсбургскаго дома права быть избранными на польскій престолъ, Сигизмундъ дѣйствовалъ въ согласіи съ духовными сенаторами, отвергшими это предложеніе. Мало того, въ

1589 г. на съѣздѣ съ отцомъ своимъ, королемъ Іоанномъ шведскимъ, онъ самъ поднялъ вопросъ о возведеніи на польскій престолъ Габсбурга. Опасаясь утраты своего наслѣдственнаго престола, котораго добивался дядя его, популярный среди протестантовъ Карлъ, князь судерманландскій, *) Сигизмундъ желалъ короноваться шведской короной еще при жизни отца и, когда этому воспротивились какъ его соотечественники, такъ и поляки, онъ началъ переговоры съ австрійскимъ домомъ. Въ случаѣ смерти своего отца онъ предполагалъ отречься отъ польскаго престола въ пользу эрцгерцога Эрнста — взамѣнъ за союзъ съ Австріей и обѣщаніе не отнимать у Швеціи Эстоніи. Для установленія болѣе тѣсныхъ узъ съ австрійскимъ дворомъ, Сигизмундъ добивался руки Анны, сестры эрцгерцога Карла. Эти интриги разоблачилъ эрцгерцогъ Максимиліанъ, не оставлявшій своихъ притязаній на польскую корону и видѣвшій въ переговорахъ Сигизмунда съ Эрнстомъ посягательство на свои права. Задѣтый образомъ дѣйствій короля, Замойскій созвалъ своихъ сторонниковъ на съѣздъ въ Люблинъ. На этомъ съѣздѣ рѣшено было отправить къ Сигизмунду посольство съ просьбою оставить переговоры объ уступкѣ короны и отложить бракъ съ Анною до созванія сейма. Король, не обративъ вниманія на эту просьбу, повѣнчался съ Анною и отпраздновалъ свадьбу въ Краковѣ. Тогда канцлеръ собралъ своихъ сторонниковъ Енджеевѣ, откуда снова было отправлено къ Сигизмунду посольство съ предостереженіемъ и протестомъ противъ нарушенія законовъ республики. Подъ давленіемъ партіи канцлера король созвалъ въ Варшаву сеймъ (1592 г.). Когда партія Замойскаго стала добиваться на сеймѣ слѣдствія (инквизиціи) относительно тайныхъ переговоровъ Сигизмунда съ австрійскимъ дворомъ, король отрекся отъ всего и изъявилъ готовность оставаться на польскомъ престолѣ до смерти. Этотъ сеймъ, получившій названіе инквизиціоннаго, скомпромиттировалъ Сигизмунда, но не измѣнилъ его политическихъ стремленій.

*) Домъ Густава Вазы.

Густавъ, король шведскій.

- Іоаннъ III (1568—1592)
  - Сигизмундъ III, король польскій.
    - Владиславъ IV. Янъ-Казиміръ. Карлъ-Фердинандъ, епископъ.
    - Анна - Екатерина, за Филиппомъ-Вильгельмомъ, княземъ Нэйбургскимъ.
      - Анна, за Генрихомъ-Юліемъ, герцогомъ Ангіенскимъ.
- Карлъ IX (1604—1611)
  - Густавъ-Адольфъ (1611—1632)
    - Христина (1632—1654)
  - Екатерина, за Іоанномъ-Казиміромъ, княземъ Цвейбрюккенскимъ.
    - Карлъ X Густавъ (1654—1660)
      - Карлъ XI 1660—1697
        - Карлъ XII 1697—1718

Несмотря на обѣщанія, данныя Сигизмундомъ на инквизиціонномъ сеймѣ, онъ не порвалъ связей съ австрійскимъ дворомъ и, по смерти королевы Анны (1598 г.), хотѣлъ жениться на сестрѣ ея, эрцгерцогинѣ Констанціи.

Замойскій, готовившійся снова выступить противъ короля, умеръ (1605 г.); послѣ его смерти главою оппозиціонной партіи сталъ краковскій воевода, Николай Зебржидовскій. Воспользовавшись вторымъ бракомъ Сигизмунда съ эрцгерцогиней Констанціей, Зебржидовскій со своими сторонниками началъ оппозиціонную агитацію на сеймикахъ, предшествовавшихъ сейму 1606 г. Къ нему присоединилась и партія иновѣрцевъ, видѣвшая въ австрійской политикѣ Сигизмунда опасность для религіозной свободы въ Польшѣ, гарантированной актомъ варшавской конфедераціи 1573 г. и послѣдними *pacta conventa*. На сеймѣ вождемъ оппозиціи былъ Янушъ Радзивиллъ, подчашій литовскій, кальвинистъ. Короля упрекали во вступленіи въ бракъ безъ согласія народа, веденіи государственныхъ дѣлъ безъ совѣта сенаторовъ, нарушеніи правъ иновѣрцевъ, несправедливой раздачѣ должностей и т. п. Передъ закрытіемъ сейма Зебржидовскій со своими вооруженными сторонниками сталъ близъ Стэнжицы, куда прибылъ и Янушъ Радзивиллъ. Здѣсь было рѣшено собраться на всеобщій съѣздъ въ Люблинѣ. На люблинскомъ съѣздѣ, маршаломъ котораго былъ избранъ Янушъ Радзивиллъ, постановлено отказать королю въ дальнѣйшемъ повиновеніи и объявить о предстоящемъ избраніи новаго короля; рѣшено было также созвать всю шляхту въ Сандоміръ. Говорили, что на сандомірскомъ всеобщемъ съѣздѣ Зебржидовскій разоблачитъ важныя тайны, касающіяся интригъ короля; черезъ особое посольство Сигизмундъ былъ приглашенъ явиться передъ «рокошъ», мятежное собраніе шляхты, для представленія оправданій. Когда подъ Сандоміромъ собралось болѣе 50000 человѣкъ шляхты, маршаломъ которой былъ Радзивиллъ и руководителемъ Зебржидовскій, король, поддерживаемый своимъ старымъ сторонникомъ, Замойскимъ, коронномъ полнымъ гетманомъ Станиславомъ Жулкевскимъ, а также нѣкоторыми магнатами, какъ Сѣнявскіе и Потоцкіе, занялъ сперва Краковъ, а затѣмъ двинулся къ Вислицѣ съ войскомъ свыше десяти тысячъ челов. Подъ Вислицею сенаторы и часть шляхты, вѣрная престолу, заключила союзъ съ цѣлью примиренія короля съ рокошанами. Но когда этотъ союзъ отправилъ въ Сандоміръ пословъ съ приглашеніемъ делегатовъ съѣзда подъ Вислицу, рокошане тре-

бовали, чтобы король явился къ нимъ. Переговоры не привели ни къ чему; странѣ грозила опасность междусобной войны, такъ какъ король двинулся за отрядами Зебржидовскаго и Радзивилла подъ Яновецъ. Тѣмъ временемъ толпы шляхты, утомленные пребываніемъ въ лагерѣ втеченіе нѣскольких мѣсяцевъ, разошлись по домамъ; рокошане располагали лишь небольшимъ наборнымъ войскомъ. Зебржидовскій, не полагаясь на свои силы, первый предложилъ заключить миръ съ королемъ. Въ октябрѣ 1606 г. въ Яновцѣ состоялась церемонія извиненія, послѣ чего Зебржидовскій и Радзивиллъ распустили рокошъ подъ условіемъ, что ихъ требованія будутъ приняты во вниманіе на ближайшемъ сеймѣ.

Къ заключенію яновскаго соглашенія рокошанъ склонила больше опасность положенія, чѣмъ искреннее желаніе положить конецъ столкновенію. Раньше, чѣмъ Сигизмундъ созвалъ сеймъ, великопольская шляхта на съѣздѣ въ Колѣ издала универсалъ, созывавшій рокошанъ подъ Єндржеёвъ. Во время засѣданія сейма, собравшагося въ Варшавѣ, толпы вооруженной шляхты стеклись подъ Єндржеёвъ, куда прибылъ также Зебржидовскій съ Янушемъ Радзивилломъ. Изъ Єндржеёва рокошане перешли въ Черскъ, гдѣ, выслушавъ обвиненія, представленныя Зебржидовскимъ, обнародовали актъ объ отказѣ королю въ повиновеніи. Совѣтъ сената постановилъ принять военныя мѣры. Король съ гетманами: короннымъ польнымъ, Жулкевскимъ и литовскимъ великимъ, Карломъ Ходкевичемъ, напалъ на рокошанъ подъ Гузовомъ (въ іюлѣ 1607 г.) и разбилъ ихъ на голову. Однако сами защитники престола не позволили Сигизмунду извлечь всѣ выгоды изъ гузовской побѣды, опасаясь, какъ бы онъ не воспользовался ею для возвышенія королевской власти. При посредствѣ совѣта сенаторовъ между королемъ и Зебржидовскимъ состоялось примиреніе, окончательнымъ выраженіемъ котораго были постановленія сейма 1609 г. Объявлена была общая амнистія для рокошанъ, возобновлены предписанія объ обязательномъ пребываніи при королѣ сенаторовъ-резидентовъ; зачинщикамъ политическихъ смутъ, по новому постановленію сейма, грозило впредь преданіе сеймовому суду.

Подобно австрійской политикѣ, къ печальнымъ послѣдствіямъ привели и другія мѣры, принятыя Сигизмундомъ для искорененія иновѣрія въ Польшѣ.

Со времени піотрковскаго синода 1577 г. католическая реакція сдѣлала огромные успѣхи. Болѣе энергичные епископы,

во главѣ которыхъ стоялъ примасъ Карнковскій, путемъ преобразованія семинарій увеличили въ духовенствѣ религіозный пылъ и преданность церкви. Іезуиты, пользуясь проповѣдническою каѳедрой, исповѣдальней и школой, производили глубокое вліяніе на населеніе тѣмъ болѣе, что они отличались основательнымъ образованіемъ и добродѣтельной жизнью. Они обратили въ католичество самыя выдающіяся аристократическія фамиліи, какъ Радзивиллы и Ходкевичи, поддерживали въ шляхтѣ религіозное правовѣріе и старались обращать мѣщанство. Сигизмундъ пользовался своимъ положеніемъ для содѣйствія католической реакціи. Хотя онъ присягнулъ на вѣрное соблюденіе акта варшавской конфедераціи, но на дѣлѣ старался принизить иновѣрцевъ, обходя ихъ при назначеніи на должности, раздачѣ староствъ т. п. Торжествомъ своей политики онъ считалъ возсоединеніе восточной церкви съ западной, религіозную унію, установленную на синодѣ (соборѣ) въ Брестѣ-Литовскомъ.

Объединеніе церквей было въ концѣ XVI столѣтія чрезвычайно важнымъ вопросомъ не по однимъ только религіознымъ соображеніямъ. Надежду на осуществленіе уніи возбудилъ самъ Иванъ Грозный; съ мыслью о ней ѣхалъ Поссевинъ въ Москву; необходимость ея доказывалъ съ религіозной точки зрѣнія іезуитъ, свящ. Петръ Скарга, въ своемъ сочиненіи: «О единствѣ церкви Божіей» (Вильно, 1577). Въ царствованіе Сигизмунда III ее требовали и политическія соображенія. Восточная церковь раздѣлялась на четыре патріаршества: цареградское для Европы, антіохійское для Азіи, александрійское для Африки, и самое младшее по времени возникновенія, іерусалимское для Сиріи. Соборы четырехъ патріарховъ рѣшали догматическіе вопросы и дѣла общаго управленія церковью. Въ царствованіе Ѳеодора Ивановича шуринъ его и фактическій правитель государства, Борисъ Годуновъ, рѣшилъ учредить въ Москвѣ особое патріаршество, которое бы зависѣло исключительно отъ царской власти. Въ 1589 г. въ достоинство патріарха московскаго «и всея Русіи» былъ возведенъ митрополитъ Іовъ, титуловавшійся главою церкви сѣверныхъ странъ «божьею милостью и волею царя». Въ титулѣ патріарха московскаго «и всея Русіи» сказывалось политическое стремленіе распространить верховную власть царя на кіевскую митрополію, зависѣвшую до тѣхъ поръ отъ Цареграда. Въ это же время между цареградскимъ патріархомъ, Іереміею, и кіевскимъ митрополитомъ, Михаиломъ Рагозою,

возникъ споръ о платежахъ, которыхъ первый домогался за рукоположеніе русскихъ епископовъ. Отвращеніе къ подчиненію московскому патріарху т. е., въ сущности царской власти и нерасположеніе къ цареградскому патріаршеству, угнетавшему русскую церковную іерархію денежными поборами, стали побудительными мотивами къ возобновленію забытой флорентинской уніи. Возсоединенію церквей сочувствовалъ главный опекунъ русской церкви, кіевскій воевода, князь Константинъ-Василій Острожскій; расположены были къ нему также митрополитъ Рагоза и самые видные епископы: владимірскій Ипатій Поцей и луцкій Кириллъ Терлецкій. Послѣ совѣщаній на синодахъ въ Брестѣ-Литовскомъ и переговоровъ съ нунціемъ и королемъ, Поцей и Терлецкій отправились послами въ Римъ. 23-го декабря 1595 г. состоялся актъ возсоединенія русской церкви съ римскою. Уніаты, вступая въ догматическое единеніе съ католической церковью, выговорили себѣ употребленіе греческой литургіи, празднованіе священныхъ дней по юліанскому календарю, вступленіе въ бракъ священниковъ и т. п. Унія, упрочивъ положеніе католичества въ Польшѣ, встревожила протестантовъ, вызвала протестъ со стороны цареградскаго патріарха и недовольство нѣкоторой части русскаго духовенства. На синодѣ въ Брестѣ-Литовскомъ 1595 г., на которомъ имѣлъ быть окончательно принятъ актъ возсоединенія съ Римомъ, произошло раздвоеніе: князь Острожскій подъ вліяніемъ протестантовъ и уполномоченнаго цареградскаго патріарха, Никифора, выступилъ противъ уніи; за нимъ послѣдовали епископы: львовскій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстынскій. На Руси произошло распаденіе населенія на уніатовъ и «дизунитовъ», т. е. не принявшихъ уніи,— вспыхнула религіозная борьба. „Дизунія",*) поддерживаемая княземъ Острожскимъ (†1608), имѣла главную опору въ кіево-печерской лаврѣ и церковныхъ братствахъ, самымъ дѣятельнымъ изъ которыхъ была львовская „Ставропигія". Унію же поддерживалъ король съ іезуитами, ее распространяли кіевскіе митрополиты, какъ Рагоза и преемникъ его, Веньяминъ Рутскій, полоцкій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, базиліанскій орденъ и въ особенности архимандритство св. Троицы въ Вильнѣ.

*) Т. е. православіе. Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что тогдашнее православіе южной Руси отнюдь не тожественно съ московскимъ или нынѣшнимъ православіемъ. Однако останавливаться на этомъ неудобно.—Г. Л.

стомъ подтягивалъ свои чулки. Наступила тишина, и сиротка опять заиграла на скрипкѣ.

Оба одинокіе несчастливцы жили вмѣстѣ.

Слѣпой могъ наслаждаться музыкой, и горе его стало проходить.

Къ несчастію, вдругъ пріѣхала, обезумѣвшая отъ страха, Аврелія въ своемъ англійскомъ редпиготѣ съ свободной таліей. Извѣстіе объ осужденіи и казни герцога Енгіенскаго, появившееся въ «Мониторѣ», навело ужасъ па всю столицу. Пракси-Блассанъ сейчасъ же усадилъ свою жену съ маленькой Дельфиной въ почтовую карету, чтобы избавить ее отъ волненій, какія могла причинить полиція Перваго Консула всѣмъ, явно принимавшимъ друзей Моро.

Соперникъ! Герикуръ желалъ бы убить его или самъ умереть. Отчего судьба покровительствуетъ тѣмъ, кто попираетъ элементарныя правила честности и справедливости? Итакъ, значитъ, все ложь; и знаменитые подвиги великихъ гражданъ, и изученіе исторіи, и римскія традиціи, и книги философовъ! И какъ ярко горитъ звѣзда этого Бонапарте, добившагося власти, благодаря любимцамъ Богарне, и державшагося убійствами, клеветой, предательствомъ при рукоплесканіяхъ тридцати милліоновъ рабовъ. Онъ вспомнилъ лица довольныхъ горожанъ, насмѣхавшихся надъ нимъ за его заступничество за Моро...

Августинъ возмущался тоже. Въ Булонскомъ лагерѣ уже устали ждать. Офицеры обвиняютъ Моро въ томъ, что онъ не добился для нихъ тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются спутники Бонапарта въ Египетскомъ и Итальянскомъ походахъ. Ничего не желая брать отъ Корсиканца, Моро оттолкнулъ блестящую будущность отъ своихъ друзей. Онъ могъ добиваться мѣста, наградъ, начальствовать и, будучи у власти, раздавать тѣ же милости Дунайской арміи. Его упрекаютъ въ томъ, что, удовлетворяя собственное эгоистическое самолюбіе, онъ наносилъ ущербъ тѣмъ, чьи труды, опасности и кровь доставили ему богатство и славу. Уѣзжая въ лагерь, Августинъ сказалъ, что онъ не будетъ противиться общему теченію.

— Какъ!—вскричалъ съ удивленіемъ Бернардъ, хватая его за руку.—Ты переходишь на его сторону, ты тоже?... Отвѣчай.

Юноша въ замѣшательствѣ сталъ чистить свои фельдфебельскіе галуны на синемъ обшлагѣ. Развѣ Моро издалъ ка-

кой либо приказъ? Онъ, впрочемъ, ничего не знаетъ. Генералъ Жюно ему покровительствуетъ. Удино тоже. Онъ подчиняется своимъ начальникамъ. Что можетъ онъ сдѣлать, жалкій фельдфебель, противъ дисциплины? Онъ слышалъ, что парижская чернь освободитъ Морю. Онъ пойдетъ со своимъ полкомъ... Во всякомъ случаѣ ему надо торопиться ѣхать. Временный письмоводитель главнаго штаба дивизіи не можетъ отсрочить его отпускъ.

Старшій братъ только съ укоромъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза: «Дѣлай по-своему!» Августинъ пожалъ плечами:

— Итакъ, до свиданья, братъ! Пиши чаще. Ты мнѣ ничего не пишешь. Кавруа вздумалъ мнѣ давать совѣты! и это онъ—мнѣ! Однако я дѣйствую самостоятельно.

Чтобы разлука не была такъ горестна, братья снова заговорили объ отцѣ и объ огорчавшей ихъ обоихъ его маніи. Пріѣздъ Авреліи заставлялъ ихъ опасаться новаго испуга со стороны старика и новаго бѣгства. Они грустно разстались передъ кабріолетомъ, запряженнымъ рыжей лошадью, который долженъ былъ отвезти молодаго человѣка въ контору дилижансовъ. Падающіе отъ фонарей лучи тускло освѣщали сучки живой изгороди и мохъ на деревьяхъ.

Нѣкоторое время Герикуръ ничего не говорилъ отцу о пріѣздѣ Авреліи такъ какъ старикъ не хотѣлъ видѣть ни невѣстки, ни дочери. Запершись въ своемъ павильонѣ, слѣпой не позволялъ никого впускать, кромѣ сына. Онъ принялся опять за свое прежнее занятіе: взвѣшиваніе монетъ. А сидѣвшая тутъ же сиротка играла на скрипкѣ, или разсказывала ему дѣтскія сказки, которыми забавляла старика. Сынъ думалъ, что на нѣсколько времени старикъ излѣчился отъ своей черной меланхоліи. Онъ водилъ его гулять подъ слабыми лучами весенняго солнца. Окружилъ его нѣжными попеченіями: душевное разстройство старика вызывало въ немъ состраданіе. Онъ писалъ знаменитымъ хирургамъ, спрашивая, нельзя ли возвратить зрѣніе отцу, и далъ себѣ слово свозить его въ Парижъ, когда старикъ будетъ себя чувствовать лучше. Онъ уже воображалъ себя на югѣ, о которомъ столько говорили ему его братья-моряки, на террасѣ виллы между супругой, матерью ребенка, и зрячимъ отцомъ, счастливымъ и успокоеннымъ, передъ голубыми водами Прованса.

Онъ открылъ свои намѣренія обоимъ несчастливцамъ, надѣясь вызвать на ихъ лицахъ радостныя улыбки. Но сиротка съ страхомъ сжала руку старика, какъ бы боясь, что ее разлу-

чать съ нимъ. Привязанность этой дѣвочки къ старому Герикуру была проста и трогательна. Она ему всегда оставляла свою долю сладкихъ пирожковъ, и всегда сидѣла поперекъ двери, чтобы не пропустить въ павильонъ недруга. Она кончила тѣмъ, что стала раздѣлять злобу и страхъ старика относительно дочерей и невѣстокъ. Бернарду уже не легко было теперь добиться отъ нея свѣдѣній о снѣ, аппетитѣ и желаніяхъ своего отца. Она сдѣлалась подозрительна и стала молчалива.

— Аврелія преслѣдуетъ меня въ паркѣ,—однажды сказалъ старый Герикуръ.—Я больше не буду выходить.

Напрасно сынъ старался разувѣрить его. Старикъ улыбался съ горькой ироніей, и нервно натягивалъ чулки на свои толстыя ноги.

— Твоя сестра слѣдитъ за мной... Я узналъ шаги. Не опровергай! Я не хочу, чтобы меня опровергали! Такъ по-твоему я лгунъ?.. Лгунъ?!

Бернардъ передалъ эти слова Авреліи, распечатывавшей письма, пришедшія изъ Парижа. Событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Де Шатобріанъ подалъ въ отставку въ Римскомъ посольствѣ; онъ отказывался служить убійцамъ герцога Энгіенскаго. Но Сенатъ постановилъ приговоръ, въ которомъ выразилъ желаніе, чтобы власть была наслѣдственна въ семьѣ Перваго Консула, и этимъ думалъ лишить возможности заговорщиковъ сѣять возмущеніе и производить безпорядки.

Пракси-Блассанъ все-таки хвалилъ Бонапарте за то, что онъ собралъ вокругъ себя эмигрантовъ, роялистовъ и возвращавшихся толпами священниковъ. Ждали коронованія. Газеты печатали выраженія «Западная Имперія», «Гальская Имперія». Въ Тюльери появились «статсъ-дамы», хотя приближенные медлили еще просить высочайшаго титула побѣдителю при Маренго. Желательно было, чтобы инииціатива шла отъ Трибуната, слывшаго какъ самостоятельное собраніе. Что же касается самого Пракси-Блассана, то онъ вмѣстѣ съ Талейраномъ усилилъ тайный надзоръ за Европой. Послѣ смерти герцога Энгіенскаго всѣ дворы были въ оцѣпенѣніи. Онъ полагалъ, что между Пруссіей и Россіей заключенъ союзъ. Августинъ получилъ чинъ поручика по представленію генерала Удино, пріобрѣвшаго для своего дивизіоннаго корпуса кожи Каролины Кавруа. Мука съ мельницъ Герикуръ доставлялась даже въ главную квартиру въ Остенде на Дюнкирхенскихъ корабляхъ. Порядокъ срока платежей тоже понравился генералу, и онъ причислилъ молодаго человѣка къ главному штабу.

Всѣ эти новости были тяжелымъ ударомъ для капитана. Аврелія, подшучивая надъ ними, говорила о счастіи Соперника, но этимъ она увеличивала тайныя раны уязвленнаго самолюбія. Бернардъ жаждалъ новой войны, вторженія въ Англію, ночлеговъ подъ дождями и ужасовъ боя.

Виргинія между тѣмъ мучилась рвотой, стала сонная и подурнѣла. Въ кавалерійскихъ казармахъ полковникъ отвѣчалъ молчаніемъ на всѣ попытки завести политическій разговоръ. Самъ Питуэ желая получить повышеніе, замолчалъ также какъ и, благодаря ему научившійся читать и писать, Пье-де-Жасентъ который долженъ былъ получить званіе адъютанта. Они вмѣстѣ на антресоляхъ у книгопродавца изучали географію, лежа на картахъ Велико-британскихъ владѣній. Они разсчитывали, что, будучи офицерами, будутъ въ состояніи легко пополнить военною добычею—сумму, необходимую для устройства типографіи.

Неповоротливыхъ рекрутовъ Бернардъ старался преобразить въ смѣлыхъ и ловкихъ солдатъ. Подобно сворѣ молодыхъ собакъ, они сперва путались въ собственной одеждѣ, взбираясь на спину лошадей неуклюже, не знали, что значитъ право, что значитъ лѣво, и моргали глазами при угрозахъ начальства наказаніемъ. Но мало-по-малу подъ неустаннымъ и строгимъ надзоромъ Бернарда станъ ихъ выпрямился, движенія становились свободнѣе, и они стройными рядами смыкались въ взводы со старыми солдатами. И встрѣчая на улицѣ молодцоватыхъ драгунъ, затянутыхъ въ мундиры, бѣлые рейтузы и лакированные ботфорты, Герикуръ съ гордостью поздравлялъ себя, что такъ преобразилъ этихъ безобразныхъ, неповоротливыхъ простофилей отдаленныхъ провинцій въ бравыхъ солдатъ

Послѣ маневровъ Бернардъ возвращался домой бодрымъ и свѣжимъ. Физическая усталость не оставляла мѣста для раздраженія на болѣзненную, вѣчно валявшуюся на кушеткѣ беременную Виргинію, непереносившую ни сильнаго свѣта, ни шуму, который производила маленькая Дельфина, ударяя по спинкѣ кресла деревянной головой куклы, которую она за что-то наказывала. Стройная и меланхолическая Аврелія просматривала романы Дюкре-Дюмениля, пересказывая растроганной Виргиніи такіе драматическіе эпизоды, въ которыхъ описывается, какъ брошенныя дѣти находятъ богатыхъ покровителей, которые ихъ воспитываютъ въ довольствѣ и потомъ возвращаютъ матерямъ.

Капитанъ взялъ карандаши, мольбертъ, сепію и листъ

желтой бумаги и, сдѣлавъ нѣсколько попытокъ, нарисовалъ Дельфину въ видѣ херувима, придѣлавъ крылышки къ ея полненькому личику и золотистой головкѣ. Всѣ восторгались сходствомъ. Аврелія покрыла свою дочь поцѣлуями. Потомъ роясь въ картонѣ и пересматривая этюды, она нашла эскизъ маленькой баварки, сидящей на полу у стѣны, съ вытянутыми ногами и страдальческимъ выраженіемъ отчаянія на лицѣ.

— Вѣдь совсѣмъ на меня не похожа,—замѣтила Виргинія, какъ ты находишь, дорогая?

— Это не ты, а глаза твои.

— Бернардъ увѣряетъ, что я была такою въ пятнадцать лѣтъ. Ты согласна?

— Ты была полнѣе и больше ростомъ. Но тѣ-же густые длинные волосы!

Аврелія задумалась, потомъ сказала:

— Бернардъ, подари мнѣ пожалуйста этотъ рисунокъ! Да, да.. .отдай мнѣ его.

— Отдай ей, — поддержала Виргинія. — Отчего ты не хочешь?..

Капитанъ не противился, размысливъ, что не было никакого повода жалѣть его. Все-таки — это было ему непріятно.

Когда Виргинія ушла въ свою комнату, Аврелія, умѣривъ звуки своей арфы, сказала брату:

— У меня есть портретъ той, которую ты любишь.

— Виргиніи?

— Нѣтъ. Ты женился на Виргиніи, потому-что ея глаза напомнили тебѣ глаза той дѣвочки.

— Пустое! Это выдумки!

— Я знаю; я чувствую. Ты любишь это лицо, эту позу.

Онъ съ усмѣшкой пожалъ плечами и сказалъ, что не любитъ этой дѣвочки. Онъ старался только припомнить испытанное имъ тогда ощущеніе, но не могъ.

— Жалость, раскаяніе, потребность утѣшенія...—подсказала сестра.

— Конечно, отчасти жалость, отчасти раскаяніе, желаніе утѣшить... Да, одну минуту мнѣ хотѣлось ее утѣшить.

— Ты бы ее полюбилъ, если бы ты сталъ утѣшать. Чувствительный человѣкъ, ты тщетно сожалѣешь, что не утѣшилъ ее, ибо ты почувствовалъ въ эту минуту, какъ бы ты ее любилъ, если бы утѣшилъ...

Бернардъ задумался надъ словами Авреліи. Однако никакая страсть не могла восторжествовать надъ силой его ха-

рактера. Любовь онъ приписывалъ слабости духа: себя же онъ не считалъ слабохарактернымъ.

— Твой любовный порывъ по отношенію къ этой чужестранкѣ былъ порывомъ Народа—побѣдителя, торжествующей республики,—прибавила Аврелія; вспомни тотъ моментъ, когда въ твоемъ сердцѣ кипѣла буйная жизнь, когда въ душѣ твоей бушевали страсти болѣе, чѣмъ въ комъ-либо другомъ.

— Ахъ, сестра! ты впадаешь въ паѳосъ,—началъ Бернардъ.

Виргинія вошла въ комнату, и онъ вновь принялся за рисунокъ....

IX.

Получивъ извѣстіе, что дверь павильона была заперта, и на зовъ никто не откликнулся, Бернардъ, объятый испугомъ, соскочилъ съ кровати, и растерялся до того, что не могъ найти одежды. Отецъ его покончилъ самоубійствомъ -- что же сталось съ сиротой?

Виргинія проснулась также, и была ошеломлена этой вѣстью. Онъ ее оставилъ, сбѣжалъ по лѣстницѣ, понесся вдоль корридора. Но онъ побоялся, выломивъ дверь, очутиться, одинъ, посреди покойниковъ: поэтому на ходу онъ подозвалъ своего молодаго шурина Эдма Лирисса, прибывшаго недѣли полторы тому назадъ. Эдмъ отличался красивой осанкой, блѣднорозовымъ румянцемъ, бѣлоснѣжными зубами, длинными волосами и прищуренными глазами. На зовъ Бернарда онъ поднялъ на ноги всѣхъ слугъ и громогласно скомандовалъ принести другой ключъ отъ павильона. Оба они остановились передъ дубовой дверью, украшенной лотарингскимъ чертополохомъ, который былъ вырѣзанъ рельефомъ. Молодой человѣкъ стучалъ въ дверь, толкалъ ее ногами. „Отецъ, отецъ!“ звалъ Бернардъ, дрожа отъ холода, хотя утреннее солнце уже стало согрѣвать вершины кустовъ. Онъ чувствовалъ гнѣвъ къ яркому свѣту, шедшему въ разрѣзъ съ его печалью. Кто же довелъ отца до самоубійства?! Онъ. Бернардъ преступный сынъ, злодѣй! Да, онъ преступникъ, потому что отецъ умеръ по его винѣ. Бѣдный отецъ, несчастный отецъ! Съ какимъ стараніемъ облагораживалъ онъ характеръ своихъ дѣтей, съ какимъ трудомъ онъ поставилъ ихъ всѣхъ на ноги и не получилъ никакой радости! Бернардъ себѣ представлялъ трупъ отца, поверженный на землю выстрѣломъ въ високъ. Старецъ, по мнѣнію Эдма желалъ только, чтобы они побезпокоились, почувствовали

укоръ совѣсти, хотѣлъ имъ высказать свою обиду. Нѣтъ, нѣтъ! бормоталъ Бернардъ. Скорбь сдавила его сердце. Пришли слуги съ ключемъ. Эдмъ сталъ впереди ихъ, возлѣ комнаты, въ которой заперся старикъ. Дверь отворилась. Кровать была пуста. Слуги разсыпались по всей комнатѣ, бросились искать. Никого! Старикъ Герикуръ исчезъ.

Бернардъ сѣлъ, задыхаясь. Капли пота выступили у него на лбу. И такъ старецъ только что покинулъ жилище. Объ этомъ свидѣтельствовала мыльная вода, разбросанныя туфли и валявшееся платьице сиротки. Очевидно, она захватила съ собою лишь теплую одежду для дороги. Плащъ Герикура исчезъ точно такъ же, какъ и червонцы. „Это я его заставилъ уѣхать, сознавался Эдмъ“.—Онъ меня не любилъ. Онъ вчера еще приказывалъ дѣвочкѣ запереть дверь; говорилъ моимъ людямъ, что я преслѣдую его въ паркѣ, съ намѣреніемъ столкнуть въ воду“.

Побѣгъ былъ задуманъ неожиданно и поспѣшно. Одежда была разбросана на стульяхъ; пудра осталась на столикѣ; бутылка, остатки жаркаго, недопитое кофе въ обѣихъ чашкахъ, семиструнный музыкальный инструментъ дѣвочки-сироты валялись на столѣ. Подошедшая въ это время Виргинія была изумлена этимъ безпорядкомъ. Аврелія плакала.

Видно сильно преслѣдовалъ старика призракъ посягательства на его жизнь, если онъ такъ поспѣшно бѣжалъ. «Старикъ несчастный! ты не найдешь себѣ больше покоя. Ты будешь блуждать подобно человѣку, отверженному Богомъ..... не пользуясь даже дневнымъ свѣтомъ“.... твердила Аврелія.

Одна общая печаль еще только болѣе сблизила брата съ сестрой. Виргинія страдала зубною болью. Длинные локоны Эдма развѣвались по его бархатному рединготу. Онъ сѣлъ и машинально гладилъ голенища, своихъ сапогъ, перебиралъ оторочку манжетовъ. Потомъ неожиданно пригласилъ въ замокъ полковника, Питуэ, адъютанта Каюжака, съ которымъ встрѣтился на ученіи, когда онъ заходилъ на плацъ, чтобы повидаться со своимъ шуриномъ. Эдмъ угощалъ всѣхъ шампанскимъ, затѣмъ сопровождаемый драгунами поѣхалъ въ городъ и пировалъ два дня. Виргинія чувствовала безпрестанно тошноту.

Бернардъ и Аврелія бесѣдовали часто вдвоемъ. Когда раздавался звонокъ, они всякій разъ ожидали непріятной новости и безмолвно сидѣли до возвращенія служанки, которая ихъ успокаивала.

„Отца принесутъ назадъ на носилкахъ",—заявляла Аврелія—„О если-бъ Господь избавилъ его отъ мысли утопиться".

Судя по его кошельку, онъ не могъ далеко уйти, — добавлялъ Бернардъ.

Братъ и сестра не могли утѣшиться... Бернардъ воображалъ себѣ отца вздутаго газами, представлялъ себѣ обезображенный трупъ утопленника, задержанный шлюзами, увязшій въ прибрежномъ тростникѣ. Это тотъ самый отецъ, который его воспитывалъ, водилъ его по свѣжимъ цвѣтамъ, который объяснялъ ему созвѣздія на небосклонѣ, который такъ трепетно ожидалъ каждаго его возвращенія изъ училища, тотъ отецъ, который нѣкогда важничалъ въ своемъ новомъ платьѣ, и который, кряхтя, крошилъ свертки табаку.

Мысль о смерти отца смущала сына. Передъ нимъ мелькали тѣни сраженныхъ его саблей воиновъ на полѣ брани. Ихъ сыновья, дочери, братья, сестры ихъ оплакивали также. Но такое размышленіе казалось недостойнымъ доблестнаго мужа. Онъ хотѣлъ отогнать отъ себя эти навязчивыя мысли. Аврелія угадала, о чемъ онъ думалъ, и сказала ему объ этомъ.

Какъ будто у насъ одна душа,—замѣтила она. Бернардъ считалъ сестру слишкомъ самоувѣренной—общая скорбь заставляла ихъ однако быть снисходительными другъ къ другу. Ихъ не радовала первая зелень полей, ни вода бившая фонтаномъ въ бассейнахъ, ни яркій блескъ солнца.

Каролина имъ написала, что она не видѣла отца и что если онъ гдѣ-либо пріютился — такъ это непремѣнно въ Дюнкеркирхенѣ въ маленькомъ домикѣ у старшихъ братьевъ-моряковъ. Онъ ихъ болѣе другихъ любилъ, какъ холостяковъ, какъ людей, ведущихъ скромную жизнь. Аврелія упрекала себя въ томъ, что ей самой не пришла эта мысль въ голову. Вслѣдъ затѣмъ явился второй посланецъ отъ Каролины съ извѣстіемъ, что нотаріусъ изъ Дюнкирхена, потребовалъ для отца отъ нея вмѣстѣ съ братьями и сестрами сумму въ 150.000 ливровъ (30.000 р.) за мельницы и кожевенные товары. Изъ этого они заключили, что отецъ поселился у братьевъ. Это извѣстіе грозило разореніемъ. Пракси-Блассанъ, закупорившійся въ своемъ замкѣ, не располагалъ большою суммой. Приходилось платить эти деньги изъ части приданаго Авреліи. Эдмъ, между тѣмъ, тратилъ много денегъ на покупку и перепродажу лошадей. Вѣсть о страданіяхъ отца поглотила все вниманіе Бернарда. Его мало удивило предложеніе провозгласить перваго консула императоромъ. Протестъ Карно ка-

зался ему безсильнымъ въ виду могущества приверженцевъ корсиканца.

Не будучи въ состояніи отразить ударъ, Бернардъ принялся оплакивать униженіе народа. Едва раздался слабый протестъ въ столицѣ, противъ умерщвленія въ темницѣ Пишегрю. Бонапартъ, такимъ образомъ, избѣжалъ объясненій оправдывающагося генерала предъ уголовнымъ судомъ. Герикуръ боялся за Моро, такъ какъ «Соперникъ» торжествовалъ вопреки справедливости, чести и здраваго смысла. У Бернарда все перемѣшалось въ головѣ. Онъ принималъ къ сердцу политическіе перевороты; но его удручали, главнымъ образомъ, домашнія невзгоды. Онъ страдалъ, онъ обвинялъ себя. Онъ возненавидѣлъ Виргинію, которая была отчасти причиною случившагося. Ради красивой статной женщины, съ черными рѣсницами надъ глупыми глазами, ради обстановки замка, онъ, Бернардъ, пожертвовалъ бѣднымъ, больнымъ, слѣпымъ старикомъ-отцомъ; Аврелія плакала, спрашивала себя, за что она, ради тщеславія имѣть титулъ и мужа, вѣчно отсутствовавшаго и занятаго дѣлами, оставила старика...

Она плакала, не смѣя говорить. Оба думали, что ихъ жизнь грозила смертью человѣку, который далъ имъ эту жизнь.

Между тѣмъ, годовалый Эмиль, сынъ Авреліи, былъ привезенъ, окутанный въ женскую юбку. Блѣдный и неуклюжій, онъ боязливо улыбался. Онъ съ пренебреженіемъ относился къ матери, и кричалъ всякій разъ, когда его отнимали отъ няньки, глупой и неповоротливой женщины, гордившейся такимъ предпочтеніемъ мальчика. Это огорчало Аврелію.

— Вотъ мое наказаніе,—говорила она,—мой сынъ меня мучаетъ потому, что мой отецъ страдаетъ. Бернардъ успокаивалъ ее. Итакъ, увы! «Характеръ» Бернарда оказался не на высотѣ положенія. Отецъ порицалъ его справедливо. Надежды молодости не сбылись... Постановленіе Сената, провозгласившее Бонапарта императоромъ, довершило ударъ. Это убило въ Бернардѣ всю энергію. Получивъ, нѣсколько дней спустя, письмо объ исключеніи его изъ службы, онъ скрылъ свою досаду. Не сообщая пока никому извѣстія о постигшей его неудачѣ, онъ давалъ совѣты предосторожности Виргиніи, вслѣдствіе ея беременности, совѣтовалъ ѣсть мармеладъ сестрѣ, и весело пилъ вино съ Эдмомъ.

Капитанъ свое исключеніе изъ службы счелъ наказаніемъ за несчастія отца. Бонапартъ торжествовалъ окончательно за

его грѣхи противъ отца. «Кому судьба мать, кому мачиха». Бернарду казалось естественнымъ, что Бонапартъ, едва примѣтный, маленькій, широкогрудный, коротконогій, съ вычерненными помадою волосами, вытаращенными глазами, этотъ личный его врагъ и «Соперникъ» сталъ императоромъ, преемникомъ кесарей.

Войдя въ библіотеку, Бернардъ поспѣшно заперъ дверь передъ Эдмомъ, который слѣдовалъ за нимъ, и сталъ нервно смѣяться, Онъ, Бернардъ, не щадилъ своей крови за народъ, а его оттолкнули, какъ злодѣя... Отецъ его, Бернарда, находится въ предсмертной агоніи, вслѣдствіе его женитьбы, и называетъ его мошенникомъ. Бернардъ схватилъ шляпу, бросилъ ее объ полъ, и сталъ топтать ногами. Но онъ не могъ не отворить двери библіотеки для Виргиніи, которая плакала за дверями. Обливаясь слезами, она упрекала его. Полковникъ Лириссъ былъ оставленъ въ своемъ званіи, несмотря на дружбу съ Моро.

Бернардъ ничего не могъ отвѣтить; гнѣвъ жены окончился, по обыкновенію, тошнотой.

Второй гонецъ привезъ письмо отъ дипломата, въ которомъ онъ высказывалъ, что Бернардъ имѣлъ неосторожность выражать свои взгляды въ кафе. По доносу полиціи, Бонапартъ, досадуя на приверженцевъ Моро, и опасаясь неблагопріятнаго для него исхода суда рѣшился положить конецъ пропагандѣ сторонниковъ Моро. Немногія исключенія изъ службы были имъ сдѣланы лишь какъ временная мѣра для укрощенія ревностныхъ проповѣдниковъ заслугъ опаснаго генерала.

Пракси-Блассанъ это зналъ. Онъ совѣтовалъ дѣйствовать поспѣшно, получить удостовѣреніе отъ офицеровъ полка и мэра, обратиться съ просьбой къ Удино и Жюно чрезъ Кавруа, хотя бы для этого пришлось и сбавить цѣну на муку этимъ генераламъ, пріобрѣтавшимъ ее съ мельницъ Герикуровъ—вотъ что совѣтовалъ Пракси-Блассанъ, въ интересахъ семьи. Императоръ особенно любилъ Жюно, который выигралъ въ карты 300.000 ливровъ (60.000 р.), необходимыхъ для похода въ Италію и для снабженія штаба; вѣдь Бонапартъ получилъ начальство надъ Альпійской арміей въ вознагражденіе за свою женитьбу, но безъ денегъ, и Жюно его выручилъ. Въ награду Жюно получилъ званіе адъютанта, а потомъ произведенъ въ генералы. Между тѣмъ Августинъ привозилъ Жюно еженедѣльно сообщенія о движеніяхъ Удино. Пракси-Блассанъ увѣрялъ, что чрезъ Кавруа можно

все уладить... Начальники отрядовъ не могутъ отказать имъ въ такой мелочи. Виргинія рѣшила, что ея мужъ въ тотъ же вечеръ долженъ ѣхать въ Аррасъ. Она вдругъ стала командовать Бернардомъ. „Твоя вина", — говорила она, — „даетъ мнѣ право распоряжатся твоей личностью". Бернардъ выпроводилъ ее изъ комнаты и вновь заперся—до прибытія новой почты. Эдмъ, между тѣмъ, принялъ на себя хлопоты по полученію удостовѣренія отъ драгунъ—своихъ друзей, и мэра.

Аврелія спустя нѣсколько часовъ подошла къ двери, и заявила о своемъ желаніи переговорить съ Бернардомъ. Онъ ее впустилъ, они оба стали жечь письма. Сначала онъ молчалъ, потомъ сталъ осматривать находившіеся въ комнатѣ предметы. Наконецъ разразился упреками по адресу своей жены. Эта низкая душа не понимаетъ его самоотверженности. Она только спитъ, ѣстъ, страдаетъ зубной болью, и чувствуетъ тошноту. А внѣ этого она ничего не понимаетъ...

Прежде чѣмъ выйти въ залъ, онъ сбросилъ съ себя мундиръ и, скрѣпя сердце, надѣлъ свой коричневый сюртукъ съ пуговками изъ слоновой кости, который закрылъ его полукожаные рейтузы до самыхъ голенищъ.

Выйдя въ залъ, онъ увидѣлъ толстаго полковника, протянувшаго къ нему обѣ руки. „Я пришелъ къ тебѣ, — какъ видишь—произнесъ онъ.—„Меня могутъ также исключить, если имъ заблагоразсудится. Я явился съ поручикомъ... Вотъ удостовѣреніе, подписанное твоими товарищами и мной, твоимъ другомъ! Можешь меня обнять, вѣдь мы оба получили крещеніе огнемъ подъ Мескирхеномъ, Наумбургомъ и Гогенлинденомъ".

Взволнованный толстякъ насилу освободился изъ объятій Бернарда. Онъ выпилъ огромный бокалъ вина, который ему принесли на подносѣ вмѣстѣ съ тортомъ, и расчувствовался. „Бонапартъ мерзкій тиранъ!"...—завопилъ Питуэ, водя пальцемъ по столу; при этомъ онъ нападалъ на сдержанность Моро, пятналъ его преступную нерѣшительность; заявилъ, что если Бонапартъ воцарился, то этимъ онъ обязанъ всецѣло нерѣшительности Моро. Герикуръ понялъ, что Питуэ выражалъ общее мнѣніе. Всѣ обвиняли побѣжденнаго ради того, чтобы оправдать свое подчиненіе побѣдителю.

Полковникъ заявилъ, что Питуэ представленъ въ капитаны, и приметъ команду надъ ротой Герикура. Гордость сверкнула въ глазахъ журналиста. Однако, съ напускной скромностью Питуэ заявилъ, что онъ лишь временно принимаетъ эту обя-

занность. Бернардъ мужественно осушилъ бокалъ за новопроизведенныхъ.

Во всякомъ случаѣ Герикуръ отправился въ путь съ меньшей скорбью, когда прочелъ свидѣтельство товарищей о своей особѣ, которое онъ хранилъ въ своемъ портфелѣ, гласившее:

„23 полкъ драгунъ. Мы, нижеподписавшіеся, свидѣтельствуемъ передъ всѣми, кого это касается, и доводимъ до свѣденія всѣхъ, кому о семъ надлежитъ вѣдать, что г. Бернардъ Герикуръ, адъютантъ-майоръ сказаннаго полка, велъ себя съ достоинствомъ, присущимъ офицеру во все время своего пребыванія съ нами, и несъ свои обязанности безукоризненно, отличаясь доблестью въ битвахъ во время войнъ Республики, и при всѣхъ обстоятельствахъ, проявляя большую преданность къ Верховному вождю государства и т. д.“ Далѣе слѣдовали подписи.

Къ Бернарду возвратилось чувство самоувѣренности. Благородныя сердца восхищались его характеромъ, вопреки диктатору, и, рискуя навлечь на себя его немилость, свидѣтельствовали о своихъ чувствахъ письменно. Онъ гордился сочувствіемъ товарищей...

Путь, по которому Бернарду пришлось ѣхать, былъ прекрасенъ. Четыре года мира и спокойствія внутри страны возстановили благосостояніе деревень: тяжелыя першероны тянули плуги; скотъ тѣснился къ водопою: молодыя матери, кормя младенцевъ, сидѣли у порога своихъ жилищъ, обвитыхъ дикимъ виноградомъ. Все дышало благосостояніемъ кругомъ.

Бернарда совершенно не ждали на мельницахъ Герикуровъ. Онъ долго стучался въ дверь, вдѣланную въ толстую кирпичную стѣну. Въ нишѣ онъ увидѣлъ возстановленное мраморное изображеніе Пресв. Дѣвы, обезглавленное якобинцами. Три желѣзныхъ крючка соединяли шею съ плечами. Это былъ образъ, который съ благоговѣніемъ почитали многія поколѣнія Герикуровъ. Наконецъ заскрипѣли шаги по песку. Приподняли задвижку. Одинъ изъ мельниковъ пріотворилъ дверь, и узналъ Бернарда.

— Пожалуйте, господинъ Бернардъ!—воскликнулъ онъ.— На балконѣ Кавруа держалъ лампу. —Это, видно, Бернардъ!... подойди, Каролина.—Мой братъ, мой бѣдный братъ!—воскликнула она, и бросилась въ его объятія.

Кавруа успокоилъ Бернарда относительно отца. Хотя и не было никакихъ извѣстій объ немъ, однако всѣ увѣрены, что онъ чувствуетъ себя хорошо, проживая въ Дюнкеркирхенѣ. Но ты, ты, бѣд-

ный—сказала Каролина,—потерялъ свое положеніе. Какъ это случилось? Ахъ, Боже мой! А что твоя жена?.. какъ здорова Аврелія? Войди же, снимай плащъ! Ты ляжешь спать въ своей комнатѣ... Лиза, приготовь постель моему брату... Августинъ видѣлъ генерала Удино... Кавруа видѣлъ Жюно, который тоже дастъ отъ себя бумагу. Боже мой, сколько несчастій! а отецъ, гм...? какъ онъ уѣхалъ отъ васъ? Помилуй насъ, Господи! Хочешь ветчины, яицъ? Осипъ, подай стулъ! Ахъ, Бернардъ! что ты надѣлалъ до чего ты, насъ довелъ! Зачѣмъ ты затѣялъ заговоръ?

— Я не былъ заговорщикомъ,—отвѣтилъ Бернардъ?

— „Кого Богъ захочетъ наказать, у того сначала отниметъ разумъ“—сказала Каролина.—Зачѣмъ ты порицалъ Бонапарта? Ты долженъ былъ подумать о насъ всѣхъ. Если-бы генералъ Жюно побоялся, и лишилъ насъ поставки муки... гм?.. мы были бы всѣ разорены, и остались бы ни съ чѣмъ!

Каролина перекрестилась отъ страха. На слѣдующій день представили Бернарду наслѣдника Кавруа—2-хъ лѣтняго мальчика. Бернардъ подарилъ червонецъ племяннику, съ чрезмѣрно большой головой, живому портрету Каролины, мутные глаза котораго были устремлены на сюртукъ путника.

Бернардъ провелъ все послѣобѣденое время въ городѣ, наполненномъ гренадерами и вольтижерами, шнырявшими по лавкамъ. Въ дверяхъ одного кафе онъ встрѣтилъ товарища, произведеннаго въ званіе начальника батальона Дунайской арміи. Они обмѣнялись привѣтствіями и воспоминаніями. Герикуръ скрылъ свою неудачу. Онъ говорилъ, что подалъ въ отставку по случаю болѣзни жены, которая скоро должна быть матерью, и высказалъ, что думаетъ заняться дѣлами мельницъ Герикуровъ, такъ какъ сестрѣ одной трудно справиться съ этимъ. „Ахъ, счастливый смертный!“—воскликнулъ его товарищъ.—„Ты теперь блаженствуешь въ кругу родныхъ. Не можетъ ли Плутусъ ссудить несчастнаго поклонника Беллоны 50 ливрами“ (10 руб.). Бернардъ раскошелился, затѣмъ оба они вышли гулять на укрѣпленія кругомъ города. Гуляя, они поглядывали на маленькіе домики города, построенные изъ кирпича, узкія улицы, церкви, окруженныя стаями воронъ и галокъ, площади, поросшія травой. Жалобный звонъ колоколовъ, звукъ молота, ударявшаго по желѣзу, положенному на наковальню, возбуждали меланхолію. Вся жизнь горожанъ, сумма столькихъ заботъ и суетъ сливалась въ звонѣ колоколовъ, звукѣ желѣза и отголоскѣ барабановъ, сопровождавшихъ кое-гдѣ отрядъ солдатъ.—Ты помнишь ли барабанъ въ лѣсу въ Гогенлинденѣ, когда утромъ

морозило, а вечеромъ стало тепло! Этотъ бездѣльникъ Моро Чортъ возьми. Почему же онъ дѣйствуетъ заодно съ врагами націй—въ настоящую минуту. Онъ измѣнникъ! Понимаешь! Онъ, завидуя Бонапарту, искалъ поддержки за границей, чтобы получить консульство! Онъ не стѣснялся призвать на помощь самыхъ ярыхъ противниковъ свободы,—сказалъ новый начальникъ баталіона.

— Ты ошибаешься...—возразилъ Герикуръ.

Во время ихъ спора подходили, офицеры, здоровались. Раздосадованный Герикуръ высказалъ свое уваженіе къ Моро, потомъ онъ разсказалъ о временномъ исключеніи его изъ службы и о мести торжествующаго „Соперника“.

— Какъ!—завопилъ его собесѣдникъ—ты дѣйствовалъ заодно съ заговорщиками! И ты мнѣ пожимаешь руку, не предупредивъ меня объ этомъ. И насъ видѣли рядомъ!.. Если донесутъ, я погибъ!.. Такъ ты злоумышленникъ... Ты врагъ мнѣ, сударь! вотъ твои деньги! возьми ихъ обратно, я ничего не приму отъ измѣнника. Казиміръ Лантеролъ неподкупенъ. Знай это! Налѣво кругомъ—маршъ! На-лѣво—кругомъ!

Ошеломленный, капитанъ выпрямился... Наглость этого человѣка, угрозы его жестовъ возмутили его. Собесѣдникъ ударялъ себя по петлицамъ мундира, желая этимъ придать себѣ болѣе важности, въ глазахъ двухъ остановившихся офицеровъ и воскликнулъ: «Злодѣй!.... Ты заговорщикъ мнѣ предложилъ деньги, чтобы подкупить меня!.... Вотъ эти деньги, идущія отъ Питта и Кобурга....» и онъ указалъ на четыре червонца, брошенные имъ въ грязь. Въ этомъ нахальствѣ для Бернардѣ какъ-бы сосредоточились всѣ прочія оскорбленія, нанесенныя ему горожанами, прохожими, семействомъ Кавруа и даже превращеніемъ республики въ имперію. Въ лицѣ этого толстаго нахальнаго господина, всѣ ему высказывали свою ненависть, презрѣніе, всѣ оскорбляли его честь даже публично. Онъ поднялъ руку надъ Лантеролемъ, и приблизился, исполненный бѣшенства, готовый ударить, уничтожить. Показались палки: «Господа!....» Десять человѣкъ ихъ окружали—военные, статскіе.... Лантеролъ молчалъ, выпрямился, сжалъ кулаки, зашевелилъ губами. «Это бывшій капитанъ драгунъ», заявилъ онъ наконецъ. Онъ исключенъ изъ арміи за участіе въ заговорѣ злоумышленниковъ»..—«Я другъ генерала Моро, прервалъ Бернардъ; я горжусь этой дружбой.... Я не бросаю тѣхъ, кого постигаетъ несчастіе или неправосудіе... Мое имя Бернардъ Герикуръ.... Кто желаетъ быть моимъ секундантомъ.

Я зять полковника Лирисса, начальника 20-го полка кирасировъ». Изъ толпы выступилъ старикъ, знававшій полковника Лирисса и слышавшій о бракѣ. Поручикъ гренадеровъ присоединился къ нимъ.... Два капитана приняли на себя обязанность секундантовъ Лантерола, и начались переговоры. Герикуръ отошелъ въ сторону и сталъ шагать по травѣ. Вдали сквозь густую группу тополей просвѣчивало чистое поле. «Наконецъ я отомщу за все» думалъ молодой человѣкъ. Несмотря на усилія сдержать себя онъ хотѣлъ немедленно вступить въ бой. Онъ чуствовалъ въ своей душѣ такую ярость, что былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Онъ скрежеталъ зубами, свисталъ, сдержанное негодованіе напрягло его мускулы. Его, Герикура обвиняли въ измѣнѣ, въ желаніи дѣйствовать подкупомъ, его!... Онъ готовъ былъ смѣяться надъ этимъ; но нервы ужъ не повиновались его волѣ, не находившей оправданія, внѣ поединка. Онъ, онъ измѣнникъ! Онъ скрестилъ руки. Онъ отложилъ отъ себя навязчивыя мысли объ Авреліи, женѣ, Каролинѣ и все его вниманіе поглотила круглая и блѣдная фигура съ кудрявыми бакенбардами, которую онъ готовъ былъ зарубить саблей, стереть съ лица земли, уничтожить. Но вотъ возвратились секунданты... «Сабля, такъ, сабля» отвѣчалъ имъ Бернардъ. «Пусть привезутъ сабли изъ цитадели». Бернарда заставили по узкимъ тропинкамъ спустится въ ровъ, дно котораго было ровно и твердо... Артиллеристы принесли лопату, начертили границу, которую не дозволялось переступить. Эти мелочи занимали его. Онъ желалъ, чтобы судьба поставила его противника спиной къ стѣнѣ, такъ чтобы туловище его ясно выдѣлялось на этомъ фонѣ, чтобы можно было прижать его къ стѣнѣ, можно было изрубить его саблей въ куски. Впрочемъ, оба мѣста были удобны. Онъ сталъ дѣлать пробные удары тростью. Лантеролъ показался со своими секундантами и усѣлся на камень, дѣлая видъ что зѣваетъ.

Сабли не появлялись. Артиллеристы, сильными ударами сваливали камни, осколки и кочки. Арена была очищена. Бернардъ сталъ равномѣрно вдыхать и выдыхать воздухъ и правильно отдыхать. Онъ чуствовалъ въ себѣ веселость, какъ во дни дѣтства, когда задумывалъ какую нибудь выходку противъ своего товарища. Лантеролъ снялъ портупею и шпагу. Онъ растегнулъ свой сюртукъ и жилетку. Сабли были доставлены въ черномъ платкѣ, который принесъ артиллерійскій адъютантъ. Прибылъ и врачъ. Старый пріятель полковника Лирисса се-

кундантъ Герикура смѣрилъ клинки, только что отточенные. Вокругъ стали секунданты. Лантероль сбросилъ мундиръ и рубашку и обнажилъ косматую грудь. Бернардъ снялъ съ себя сюртукъ, галстухъ и рубашку. Каждый занялъ свое мѣсто. Онъ подошелъ къ центральной чертѣ, назначенной лопатою, и сталъ въ позицію. Его глаза утомлялись отъ ожиданія. Наконецъ онъ получилъ саблю, взялъ ее въ руку и крѣпко сжалъ. Она показалась ему легче пера. Его противникъ трижды провелъ саблей по воздуху, доказывая умѣнье обращаться съ ней. Но Герикуръ сразу почуствовалъ, что онъ искуснѣе Лантероля. Побѣдить! онъ жаждалъ побѣды. Онъ столько терпѣлъ до этого дня отъ Бонапарта. Онъ намѣтилъ ударъ по гладкому черепу лысаго противника. Этотъ черепъ, привлекалъ Бернарда, который разсчитывалъ, отбивъ саблю противника, нанести ударъ по головѣ. Онъ видѣлъ уже пошатнувшагося противника падающаго съ разрубленнымъ черепомъ. Послѣ трехъ словъ секундантовъ, два шага впередъ, еще слово, послѣдовало общее молчаніе офицеровъ въ голубыхъ мундирахъ и старика въ сѣрой шляпѣ, съ палкой подъ мышкой и висячими брелоками. Герикуръ, между тѣмъ, осматривалъ черепъ, ждалъ команды, какъ бы чувствуя что его оружіе повисло надъ ненавистнымъ Бонапартомъ. Онъ подставилъ эфесъ, и принялъ ударъ направленный противникомъ. Вслѣдъ затѣмъ его сабля повернулась внизъ, угрожая ребрамъ съ правой стороны, куда подоспѣлъ клинокъ противника, отразившій ударъ; но въ это мгновеніе ловкій поворотъ сабли Бернарда освободившаго ее и направившаго за наружную линію, далъ возможность поднять саблю и нанести ударъ... Бернардъ былъ вынужденъ отскочить немного назадъ, чтобы избѣжать удара, направленнаго прямо въ грудь его противникомъ.... Лантероль упалъ. Бернардъ замѣтилъ оцѣпенѣніе секундантовъ, изумленныхъ такимъ скорымъ исходомъ поединка. Затѣмъ они подбѣжали къ раненому, повернули его на спину. Кровь тотчасъ же окрасила щель его расколотаго лба. «Чортъ возьми! сударь» произнесъ старецъ «какъ ты скоро справился». Бернардъ воздержался отъ выраженія своего ребяческаго счастья, хотя онъ готовъ былъ плясать. Ему казалось, что злая судьба скрылась въ тѣлѣ повергнутаго имъ человѣка. Теперь счастье, къ нему возвратится. Солнце казалось ему ярче, деревья величественнѣе, воздухъ чище, все—прекраснѣе кругомъ. Онъ чувствовалъ себя свободнымъ, хотя впрочемъ затянутый галстухъ давилъ шею. Старецъ разсказалъ ему свои подвиги мо-

лодости проведенной возлѣ полковника Лирисса, въ Конно-Вандомскомъ полку. Врачъ потребовалъ носилки. Наконецъ Герикуръ и свидѣтели раскланялись и разошлись.

Его нисколько не удивилъ, врученный ему вечеромъ Кавруа документъ, въ которомъ генералъ Жюно, обѣщалъ хорошій исходъ дѣла. Герикуръ не сказалъ ничего о своемъ поединкѣ Кавруа и Каролинѣ. Бумага отъ Жюно была украшена виньеткой, изображающей бочки съ порохомъ, якоря, ружья и т. п. и текстъ ея гласилъ:

«Ж. А. Жюно, дивизіонный генералъ начальникъ гренадеровъ запаса, удостовѣряетъ что до его свѣдѣнія не доходило никогда ничего опорочивающаго Бернарда Герикура, капитана, адъютантъ-мажора 23-го полка драгунъ, ни относительно его поведенія, ни о противозаконныхъ поступкахъ противъ правительства».

Каролина торопила Бернарда скорѣе повидаться съ Августиномъ и представиться генералу Удино, чтобы заручиться подобнымъ же свидѣтельствомъ. Бернардъ рѣшилъ поѣхать утромъ, прежде чѣмъ разнесется вѣсть о его дуэли. Частые поединки между офицерами, не производили шума. Впрочемъ Лантеролъ, по увѣренію врача, могъ выздоровѣть. Мозгъ не былъ поврежденъ. Но Жюно, узнавъ о причинѣ поединка могъ пожалѣть о томъ, что свидѣтельствовалъ о политическомъ благоразуміи капитана Герикура.

Вечеромъ, онъ не отходилъ отъ сестры, которая упрекала его въ излишней тратѣ денегъ. Онъ не соблюдаетъ экономіи. Она знаетъ: полковникъ Лириссъ небольшое далъ приданое. Надобно было сначала увеличить цѣнность земли принадлежащей замку въ Лотарингіи, потомъ убавить роскошь Виргиніи. Развѣ она, Каролина, живетъ въ роскоши? Всѣ должны помнить, что доходы съ мельницъ, кожевни, склада въ Дюнкирхенѣ, барки съ углемъ принадлежатъ каждому лишь только въ седьмой части. Но такъ какъ отецъ затѣялъ тяжбу, этотъ доходъ долженъ уменьшиться еще на одну треть. Праксиблассанъ принужденъ будетъ пріостановить возстановленіе своего родоваго замка въ Вандомѣ. Разгнѣвить сердитаго дипломата—это значило уменьшить его дѣятельность по отношенію къ мельницамъ и кожевни Герикуръ. Талейранъ обѣщалъ къ осени прибыть въ Воклюзы. Отъ этого визита въ Блассанѣ непремѣнно послѣдовала бы значительная прибыль для всего семейства. Надобно только, чтобы каждый помогъ шурину, и съ этой цѣлью отчислилъ часть дохода на предпріятіе.

Она достала изъ конторки книги, и стала со слезами провѣрять цифры. Она подозрѣвала счетчиковъ, агентовъ, новѣренныхъ въ Остенде, перевозчиковъ товаровъ, шкиперовъ. Сверхъ всего братья изъ Дюнкирхена хотѣли вооружить двухмачтовое судно, чтобы напасть на англійскіе торговые корабли. Они расчитывали на успѣхъ; но она съ недовѣріемъ относилась къ этому предпріятію.

Каролина постоянно выступала съ упреками. Добродушная, она старалась для другихъ, снабжала деньгами, всѣхъ уговаривала кредиторовъ. Она копила громадное имѣніе для Кавруа, не тратя на себя ничего. «Если ты поѣдешь въ лагерь Остенде, сказала Каролина Бернарду, ты долженъ остановиться въ Дюнкирхенѣ. Отецъ тебя больше любитъ, чѣмъ дочерей или ихъ мужей. Можетъ быть ты его убѣдишь прекратить тяжбу.

Въ то же время ты скажешь Осину и Роберту относительно вооруженія двухъ-мачтоваго судна. Мы не въ состояніи рисковать имуществомъ. Я думаю, что безразсудно будетъ предпринимать морское плаваніе, когда англичане блокируютъ порты. Во всякомъ случаѣ терпѣніе лучше, чѣмъ рискъ... Они потеряютъ всѣ три двухъ-мачтовыя судна, которыя пойдутъ на понтонный мостъ въ Плимутѣ. Вотъ, что я имъ предсказываю. Слышишь Бернардъ?»

Она привела нѣсколько стиховъ Горація, въ которыхъ онъ бранитъ безразсудность моряковъ. Подавъ былъ ужинъ. «Поищи-ка Кадина, сказала она служанкѣ, поищи стараго Бордо для моего брата; онъ долженъ ѣхать пораньше. Знаешь, третій рядъ бутылокъ въ погребѣ».

Въ Дюнкирхенѣ Бернардъ Герикуръ остановился въ гостинницѣ. Старшіе братья были чужды ему. Будучи старше на 5 и 6 лѣтъ, они уже давно плавали по морю въ то время, когда онъ только что началъ изучать математику. Они рѣдко посѣщали мельницы Герикуровъ, гостили не болѣе недѣли, неповоротливые и грубые, курили, молчали, а иногда разсказывали сказки о разныхъ Эльдорадо. Что дѣлали они на морѣ во время своихъ плаваній объ этомъ, младшій братъ никогда ничего не зналъ. То они привозили хлѣбъ изъ за-границы во время плохаго урожая, то нагружали суда слоновой костью, маслами, дорогимъ деревомъ, пряностями, то перевозили сахаръ, ромъ, кофе и звѣриныя шкуры. Бернардъ презиралъ ихъ за невѣжество и смущеніе ихъ во время визитовъ. Смола очернила ихъ ногти, веревки порѣзали ихъ руки, крѣпкіе напитки произвели хрипоту, они страдали судорогами ногъ. Они смутно

чувствовали антипатію сестеръ, Бернарда и Августина. Сыновья отъ перваго брака ненавидѣли сестеръ отъ втораго брака. Они съ удовольствіемъ приняли отца въ свое жилище, расположенное на берегу морского вала. Они рады были, безъ сомнѣнія, поддержать его противъ неблагодарныхъ другихъ дѣтей.

Вслѣдствіе всего этого. Бернардъ счелъ благоразумнымъ, не заѣзжать къ нимъ. Его появленіе могло разстроить отца. Затѣмъ моряки могли ему сдѣлать выговоръ, и даже отказать въ гостепріимствѣ. Они вѣдъ вовсе не увѣдомляли родственниковъ о прибытіи отца. Предпочитая встрѣтиться съ ними въ порту, онъ сталъ отыскивать ихъ судно и баржи вдоль плотины, куда пристали корабли, опорожненные въ военное время, когда море стало театромъ войны. Среди груды пустыхъ бочекъ, множества роговъ буйволовъ изъ пампаса, и кучи ящиковъ, ожидавшихъ нагрузки нѣсколько моряковъ бесѣдовали о своей злосчастной судьбѣ. Они и сообщили ему, что судно его братьевъ дѣйствительно вооружалось. Люди кричали кругомъ: го, гей! Низкія колеса машины скользили по мостовой. Сзади вооруженные шестами, другіе люди помогали въ работѣ. Когда шедшіе позади выпрямились, Бернардъ узналъ брата Осипа въ голубомъ морскомъ одѣяніи и бѣлой шапкѣ... Что съ отцемъ? спросилъ Бернардъ. «Онъ плохъ. Здѣсь его все раздражаетъ, понимаешь. Я не думаю, чтобы онъ радъ былъ тебя видѣть. Онъ у насъ, съ маленькой дѣвочкой. Ни онъ, ни малютка ни въ чемъ не нуждаются. Есть еще сухари въ закромахъ и наливка въ фляжкахъ. Маленькая за нимъ присматриваетъ. Онъ сталъ менѣе чувствителенъ къ огорченіямъ... Ты лучше оставь его въ покоѣ. Вотъ мое мнѣніе... гм...?» Онъ сталъ стряхивать съ себя грязь и пыль. Пойдемъ смотрѣть «Прекрасную Аріадну». Бернардъ не согласился съ мнѣніемъ брата. Эти соображенія какъ-бы служили обвиненіемъ противъ Бернарда. Онъ далъ непріятное объясненіе о старческихъ вымыслахъ Герикура, пока они шли по борту судна вычищеннаго, вымытаго, какъ любой военный корабль. Извнѣ конопатили судно работники, спущенные на веревкахъ. Вокругъ мачтъ, причалки, мушкеты, сабли, топоры украшали желѣзные круги. Впереди была прикована на цѣпь малокалиберная пушка, блестѣвшая полированной бронзой. На заявленіе Бернарда о желаніи ѣхать съ братьями Осипъ сталъ отговаривать его: «Знаешь для плаванья, нужны хорошіе матросы. Я хочу вооружить два двухмачтовыхъ судна, я принимаю только настоящихъ матросовъ, которые знаютъ и около парусовъ и снастей. А ты, мой братъ, можешь

быть только коннымъ морякомъ». Да!.. и онъ разразился смѣхомъ, считая свою выходку остроумной. Во всякомъ случаѣ Осипъ обѣщалъ устроить Бернарду послѣ обѣда свиданіе съ отцомъ.

Въ условленный часъ взволнованный Бернардъ увидѣлъ идущаго къ нему старца, въ сопровожденіи Осипа. Отецъ пошатывался; на немъ былъ надѣтъ голубой сюртукъ. Оторочка манжетовъ скрывала его руки; когда онъ подошелъ ближе, Бернардъ замѣтилъ веселое расположеніе, которое отразилось на его лицѣ. Бернардъ подбѣжалъ къ нему: и на вопросъ «Какъ поживаешь? Отецъ?» «На столько хорошо, на сколько возможно», послѣдовалъ отвѣтъ. Слезы показались на глазахъ Бернарда. Отецъ открылъ ротъ, при чемъ обнажились его беззубыя десна. «Почему, отецъ ты насъ возненавидѣлъ?» Охъ, охъ! сказалъ старецъ и стонъ вырвался изъ его груди, но онъ подавилъ его достaлъ изъ кармана платокъ, и вытеръ губы. Отъ всей этой скорби съ трудомъ скрытой, сынъ почувствовалъ страхъ, хотя отецъ не жаловался, но Бернардъ предвидѣлъ его жалобы. «Не будемъ объ этомъ говорить, отецъ! Позволь только мнѣ увѣрить тебя, что я тебя люблю, Виргинія тебя любитъ, и мы всѣ тебя любимъ. Отъ этого насъ никто не удержитъ». «Видишь, онъ тебя не съѣлъ, онъ добрый малый», вставилъ Осипъ. «Мои бѣдныя сестры опечалены твоими мыслями о нихъ», продолжалъ Бернардъ. «Аврелія заливается слезами». «Я также плачу», произнесъ старецъ Герикуръ, и онъ указалъ ему на свои полумертвые глаза. «Да, да! я знаю, что ты, отецъ, страдаешь, но кто же виноватъ въ этомъ?» «Кто виноватъ? А роскошь Авреліи, ея пиршества, которыя ускользаютъ отъ моихъ помертвѣвшихъ глазъ: это веселіе Виргиніи, и твоя къ ней любовь, для которой ты меня покинулъ. А эти новшества Кавруа, которыя искажаютъ мой проэктъ... Ступай, отправляйся къ своимъ лошадямъ, своимъ деньгамъ, своимъ дурачествамъ. Оставь меня, въ моихъ сумеркахъ, какъ это ты сдѣлалъ прежде. Ты женился потому, что тебѣ былъ скученъ старикъ. Вы ищите граціозныхъ фигурокъ, которыя хохочатъ и веселятся. Каролина не довѣряетъ моей старости, считая меня неспособнымъ завѣдывать имуществомъ. Вы всѣ кричите, что смерть моя за плечами; она насъ раздѣлитъ, и вы заживете иною жизнью, чѣмъ я жилъ. Наше святое существованіе, наше благородное существованіе общими трудами—кончено... Мои и ваши чувства и обычаи идутъ въ разрѣзъ. Моя и ваша жизнь болѣе отличается другъ отъ друга, нежели чувства и обычаи двухъ разноплеменныхъ народовъ.

Ступай сынъ мой! Ты, который обрѣзалъ платья сестеръ, чтобы сшить первый трехцвѣтный флагъ городу, ты ищешь сегодня милости императора, я знаю. Я больше ничего не понимаю: я не понимаю никого изъ васъ, ни Пракси-Блассана, который служитъ такому тирану, ни Кавруа, который отрекся отъ республики, ни тебя, который не съумѣлъ спасти своего генерала, ни Каролины, которая даетъ взятки интендантскимъ чиновникамъ, чтобы продавать имъ продукты. Моя ночь чужда вашему свѣту».

Однако братья понемногу успокоили старика. Онъ расхваливалъ свое помѣщеніе, свою новую жизнь, освѣжаемую морскимъ вѣтромъ, прелесть свѣжей рыбы, ловкость моряковъ, его сыновей. «Пригласимъ брата обѣдать», предложилъ Осипъ. «Нѣтъ, нѣтъ! не сегодня», возразилъ старикъ. «Не разстраивай такъ поспѣшно моихъ мыслей. Его присутствіе еще слишкомъ напоминаетъ мнѣ, что онъ принадлежитъ другой странѣ, иному племени, съ другими правами. Онъ долженъ опять сюда явиться, я опять приду. Когда Каролина возвратитъ мнѣ мое имѣніе, тогда я буду въ состояніи сообразить, могу ли я васъ понимать». Старика нельзя было уговорить. Бернардъ не надѣялся его болѣе видѣть; но Осипъ его обнадежилъ. Отецъ чувствовалъ себя счастливымъ въ ихъ домѣ; сталъ поправляться. Онъ могъ дольше ходить, и дѣлалъ большія прогулки. Зачѣмъ спорить съ нимъ. Онъ съ нимъ ладитъ, здоровье отца физическое и душевное скорѣе возвратятся. Тогда онъ не будетъ нуждаться всѣхъ. Его можно будетъ свозить въ Парижъ къ знаменитому окулисту, который можетъ вылѣчить глаза. Надобно только подождать до осени. «До свиданія, мой сынъ, иди ищи Августина и генерала Удино, я тебя увижу на обратномъ пути... до свиданія. Поцѣлуй меня, сынъ мой». Бернардъ коснулся устами щеки отца. Затѣмъ Гермкуръ и Осипъ исчезли въ маленькой и узенькой улицѣ. Онъ остался въ задумчивости, сердце его сжимала скорбь, онъ чувствовалъ угрызенія совѣсти. Развѣ дряхлость и разслабленіе отца не вызвано его новою жизнью, жизнью любви, въ которой страдала Виргинія болью сердца и болью зубовъ.

Въ Остенде онъ узналъ отъ Августина, что Удино еженедѣльно получалъ жалобы отъ отца объ ограбленіи его дѣтьми, при чемъ отецъ умолялъ его о заступничествѣ. Удино сдѣлалъ сначала выговоръ молодому человѣку, а потомъ отправилъ его въ отрядъ, предназначенный для обученія ново-

бранцевъ. Вслѣдствіе всего этого трудно ожидать отъ генерала поддержки ходатайства Бернарда. Августинъ бѣсился. Они оба пришли въ отчаяніе; ихъ военная будущность зависѣла отъ капризовъ старика. Они обвиняли моряковъ. которые имѣли возможность образумить старца. Августинъ познакомилъ Бернарда со своими друзьями — фламандцами, проживавшими въ окрестностяхъ города.

Между мѣдными блестящими котлами, фаянсовыми сосудами, дубовою мебелью вертѣлись двѣ смазливыя сестрицы голландки; младшая была даже очень красива. Въ своемъ новомъ голубомъ мундирѣ съ бѣлыми клапанами на груди передъ ними важничалъ Августинъ. У него были красивыя сѣрыя глаза, тонкая талія — онъ былъ строенъ. Онъ квартировалъ здѣсь въ комнатѣ надъ огородомъ. Августинъ съ гордостью разсказывалъ. какъ дешево ему обходится помѣщеніе и пища. благодаря тому, что младшая голландка благоволитъ къ нему. Въ доказательство этого она не беретъ съ него денегъ... Бернардъ началъ стыдить брата...

Шумъ спора между братьями привлекъ хозяекъ, которыя вошли подъ предлогомъ подать вино. Младшая, полная брюнетка, съ испугомъ спросила Августина. «Голубчикъ, что онъ тебѣ сдѣлалъ... что онъ тебѣ сказалъ...» Старшая, не менѣе толстая, со складками на шеѣ замѣтила Бернарду: «Знаете, сударь, Августина не надо бранить, потому что мы его всѣ любимъ, пойдемте лучше ужинать...» Чтобы избѣжать ссоры. Бернардъ послѣдовалъ ея совѣту.

Служанка подала письма. Одно было отъ Осипа. приглашавшее отъ имени отца, непремѣнно на обратномъ пути заѣхать къ нему. Второе — заключало отвѣтъ Удино относительно испрашиваемой аудіенціи. Секретарь писалъ безъ обиняковъ. что генералъ занятъ весьма важными дѣлами и сожалѣетъ, что не можетъ ихъ принять, но проситъ письменно изложить въ чемъ дѣло. Послѣ этого, не дочитавъ письма Виргиніи. которая впрочемъ писала не о дѣлахъ, Бернардъ всталъ въ бѣшенствѣ. Августинъ его подстрекалъ. Этотъ отказъ аудіенціи развѣ не прямой результатъ отцовскихъ писемъ, посылаемыхъ генералу? «Это ужъ слишкомъ!» вскричалъ молодой человѣкъ. «Напиши ему Бернардъ, что ты не поѣдешь въ Дюнкирхенъ, потому что онъ жаждетъ нашей погибели. Къ нему надо быть по-строже... Этотъ старикъ-чудакъ погубитъ насъ обоихъ». Сообща они составили письмо отцу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Отецъ, вы меня простите, что я

не могу явиться сейчасъ къ вамъ, согласно письму Осипа. Гнѣвъ, возбужденный вашими письмами къ генералу Удино, уничтожаетъ для меня всякую надежду вновь поступить въ военную службу. Это заставляетъ меня бояться, чтобы я вамъ не наговорилъ дерзостей. Не прогнѣвайтесь если я отложу поѣздку. Уважающій васъ сынъ Бернардъ Герикуръ». Онъ долго колебался прежде чѣмъ запечатать письмо. Капитанъ уступилъ боязни оказаться слабымъ предъ гнѣвомъ своего брата, который справедливо указывалъ на весь вредъ, причиненный имъ обоимъ отцемъ. Каждый изъ нихъ ждалъ отъ другого совѣта не посылать письма. Бернардъ понялъ это, но не рѣшился высказаться. Августинъ же, изъ ложнаго тщеславія не рѣшался отказаться отъ своего перваго совѣта. «Это образумитъ его» говорилъ онъ. «Онъ не станетъ продолжать; а когда ты поѣдешь въ Дюнкирхенъ—онъ будетъ радъ помириться съ тобой; пошлемъ письмо». Каролина развѣ также не хотѣла сопротивляться требованіямъ желчнаго старика? Бернардъ дозволилъ брату запечатать письмо. Августинъ вышелъ, чтобы отправить его на почту. Во время его краткаго отсутствія капитанъ ушелъ въ свою комнату, и прочелъ еще два письма. Виргинія извѣщала, что общее состояніе ея здоровья улучшилось; тогда какъ Аврелія — наоборотъ стало хуже.

Онѣ обѣ вспоминали о путешественникѣ, онѣ говорили о неблагопріятномъ исходѣ: „намъ кажется твоя гордость должна испытывать тяжелые удары, мой милый мужъ. По крайней мѣрѣ, хоть бы я могла поскорѣе опять быть съ тобою. Мой отецъ болѣе не получаетъ авансовъ на закупку лошадей для трехъ эскадроновъ. Твой полкъ, говорятъ, отправляется на сборный пунктъ въ Бапомъ, во Фландріи. Носятся слухи, что всѣ войска будутъ сосредоточены въ Булони ранѣе наступленія осени. Праксъ-Блассанъ писалъ твоей сестрѣ, что онъ соглашается, чтобы ты жилъ на морскомъ берегу. Готовятся важныя событія, твое возвращеніе въ полкъ состоится, когда наслѣдственный императоръ направится чрезъ проливъ. Прости мнѣ, я тебя прошу, мои слова гнѣва въ моментъ разлуки. Во мнѣ твоя жизнь, какъ выражается твоя сестра; прости мнѣ ради этой жизни. Цѣлую тебя, Бернардъ, преданная и любящая жена“.

Въ гостинницѣ Бернардъ сочинилъ докладную записку генералу Удино, и легъ спать, а на слѣдующее утро, пожавъ руку брату, онъ отправился на площадь маневровъ, покрытую

гренадерами. Августинъ на разсказъ Бернарда о свиданіи съ отцемъ заявилъ ему:

«Оканчивай свою проповѣдь. Отецъ порицаетъ наши нравы. Его добродѣтель не мѣшала ему во времена Капета давать взятки, точно также какъ теперь это дѣлаетъ сестра. Я видѣлъ росписки. А Осипъ и Робертъ? знаешь, что они продѣлываютъ во время плаванія. Они вымѣниваютъ въ Гвинеи негровъ на разный хламъ, и перепродаютъ ихъ плантаторамъ на Антильскихъ островахъ. Вотъ какимъ образомъ они, потомъ, добываютъ сахаръ, ромъ, кофе и т. п. и привозятъ въ Дюнкирхенъ. Не сердись, братъ! До свиданія. Я самъ подалъ докладную записку генералу. Мы оба не будемъ лишними въ штабѣ, если пожелаемъ помочь Каролинѣ. Не сердись! Да здравствуетъ императоръ!“

И повернувшись на каблукахъ, Августинъ возвратился къ своимъ солдатамъ.

Первые дни въ Булони, не были пріятны для Бернарда. Бернардъ очутился въ полномъ разгарѣ военной жизни, но онъ не принималъ уже участія въ этой дѣятельности: въ облагороживаніи неуклюжихъ жителей деревень, упражненіи всадниковъ и развитіи новобранцевъ. Онъ болѣе не совершенствовалъ этихъ сыновъ Прованса, Бретани, Пикардіи и не доставлялъ отечеству достойныхъ защитниковъ. Онъ не выстраивалъ ихъ болѣе въ одну прямую линію. Когда проходилъ мимо эскадронъ, у него на глаза навертывались слезы. Изъ боязни компрометировать товарищей онъ избѣгалъ встрѣчъ съ ними. Удино, между тѣмъ, хранилъ молчаніе. Герикуръ однако уже не укорялъ внутренно отца ни въ чемъ. Онъ скорѣе обвинялъ себя, въ томъ, что позволилъ Августину послать письмо. На другое письмо, отправленное къ отцу не послѣдовало отвѣта. Это его еще болѣе огорчило. Ему хотѣлось видѣть свой полкъ, который могъ прибыть лишь черезъ нѣсколько недѣль. Онъ совершалъ продолжительныя прогулки на морскомъ берегу. Онъ часто думалъ: «что подѣлываетъ отецъ? По моей винѣ онъ вновь страдаетъ»: и рыданія сжимали горло и душили его. Бернардъ написалъ опять письмо, прося о свиданіи: «Я не желаю болѣе имѣть съ вами сношеній иначе, какъ чрезъ нотаріуса», былъ отвѣтъ отца, написанный на лоскуткѣ бумаги.

Бернардомъ овладѣло неподдѣльное отчаяніе.

Онъ прочитывалъ иногда старые нумера газетъ, которые обстоятельно описывали удушеніе Пишегрю въ темницѣ ма-

мелюками въ угоду консула, нуждавшагося въ молчаніи генерала. потомъ о приговорѣ Морю на два года заключенія, наконецъ о смерти Кадудаля.

Предъ Корсиканцемъ все уступало. Это увеличило душевное разстройство Герикура. Ему казалось, что одинъ исходъ— это выстрѣлъ въ ротъ изъ пистолета, который избавитъ его отъ всѣхъ мукъ.

И въ этомъ шумномъ счастьѣ упрекалъ его отецъ!..

Вдругъ онъ услышалъ, что кто-то стучитъ въ дверь. Вѣроятно, служанка съ письмомъ... Расчитывая на ночную пору, чтобы скрыть безпорядокъ, онъ всталъ, отворилъ дверь.

«Бернардъ!» и вмигъ двѣ руки обвили его шею, губы коснулись глазъ.

— Бернардъ ты плачешь! Ахъ! Я чувствовала, что ты страдаешь. Я чувствовала это потому, что я тебя люблю...

— Виргинія!...

— Да. Все мнѣ подсказывало, о твоемъ горѣ. Аврелія мнѣ совѣтовала также ѣхать.—Я и пріѣхала. Бернардъ!! Виргинія склонила голову на плечо Бернарда..

Наконецъ, послѣ первыхъ радостей встрѣчи, Виргилія вспомнила о своихъ вещахъ и ямщикѣ, который ждалъ у подъѣзда.

— Ты пріѣхала на почтовыхъ?—Спросилъ ее Бернардъ.

— Да! Я хотѣла поскорѣе къ тебѣ.

— Гдѣ же ты достала денегъ на дорогу?

— У Авреліи. Это она настаивала, чтобы я ѣхала; твоя сестра, ты знаешь, какъ она насъ любитъ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ о приговорѣ Моро къ заключенію, она стала меня торопить. Она заложила свои и мои драгоцѣнности и снабдила меня деньгами на дорогу.

— Аврелія?

— Да. Она сказала: Увѣряю тебя, что Бернардъ несчастливъ! Онъ испытываетъ мученія совѣсти потому что отецъ сердится на насъ всѣхъ.

Бернардъ понялъ, что сердце Авреліи говорило съ нимъ чрезъ жену... Бернардъ замѣтилъ фразу, которую наивная Виргилія произнесла и понялъ, что сердце Авреліи говорило съ нимъ чрезъ жену.

— Да, да! Я тебя люблю, Бернардъ! — твердила Виргилія. Дѣйствительно она произнесла его имя съ такимъ чувствомъ, какъ будто она пять лѣтъ его не видѣла.

— Твой голосъ даже похожъ на голосъ Авреліи.

— Ты находишь?

Нѣсколько смущенная Виргилія засмѣялась. И на слѣдующій день, оба вполнѣ были счастливы. Любви ихъ вторила свѣжесть моря и прекрасная погода мѣсяца Мессидора. Отъ всего военнаго шума до нихъ доносились только пушечные выстрѣлы, привѣтствующіе восходъ и закатъ солнца и полдень. Здѣсь Бернардъ и Виргилія стали мечтать о сынѣ. Ихъ взаимная любовь должна была отразиться на красотѣ сына. Онъ, этотъ сынъ, долженъ довершить то, чего не исполнилъ отецъ. Ради этого сына они оба хотѣли долго, долго жить, чтобы насладиться его славой.

Припоминая позу, которую она принимала будучи дѣвочкой, когда ее бранили, Виргилія была увѣрена, что она привлечетъ къ себѣ мужа. Онъ цѣловалъ темныя рѣсницы ея глазъ, въ память о другомъ, далекомъ образѣ.

Внезапно пришло письмо изъ Дюнкирхена: «Братъ, врачъ только что ушелъ... Отецъ сильно боленъ. Но онъ еще не расположенъ тебя видѣть. Я предупрежу тебя, когда наступитъ время. Осипъ».

Небрежно написанное письмо, на зеленоватомъ лоскуткѣ бумаги указывало на близкую опасность...

— Это я его убиваю... несчастный отецъ!—воскликнулъ Бернардъ.

— Не говори этого Бернардъ...

Виргинія старалась поцѣлуемъ замкнуть ему уста. Вскорѣ затѣмъ послышался голосъ, заставившій содрогнуться Бернарда. Какой-то человѣкъ билъ кулакомъ въ ставень. „Капитанъ!... Вашъ отецъ плохъ... надо ѣхать!“ кричалъ неизвѣстный.

За окнами стоялъ путникъ, завернувшійся въ плащъ «Я помощникъ Осипа Герикура. Съ отцемъ неблагополучно. Вотъ экипажъ... Я васъ жду...» сказалъ онъ. Бернардъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Ему казалось, что отецъ уже умеръ и посланный не хочетъ сказать этого. Виргилія въ испугѣ уже думала, что воры ломаютъ окно. „Отецъ, о мой несчастный отецъ“, наконецъ воскликнулъ Бернардъ. Вѣтеръ потрясалъ ставнемъ, море бушевало. Бернардъ впустилъ посланца. „Кончено, все. неправда-ли...“ Морякъ не хотѣлъ ничего объяснить. Его оставили въ покоѣ.

«Я убилъ старика. Все кончено»,—бормоталъ Бернардъ, и искалъ одежду, которую не могъ найти.

«Я убилъ его, какъ убивалъ другихъ»,—твердилъ Бернардъ.

Сколько часовъ пришлось Бернарду провести въ душной

каретѣ онъ не помнилъ. Виргинія держала его въ своихъ объятіяхъ. Онъ рыдалъ. Бернардъ, изумлялся стеченію столькихъ бѣдствій и тому горю, которое испытывалъ. Вѣдь въ сущности, отецъ былъ старъ: къ тому-же несправедливъ въ своемъ безуміи. Что сдѣлали они всѣ такого, что не было въ порядкѣ вещей? Молодымъ свойственно стремленіе къ личному счастію.

Однако Бернардъ чувствовалъ какую то физическую боль и мученія отъ огорченія. Въ Дюнкирхенъ Бернардъ пріѣхалъ съ Виргиліей вечеромъ и узналъ отъ братьевъ, что отецъ еще живъ и не соглашается его видѣть.

Это утѣшило Бернарда.

Если отецъ могъ еще спорить о томъ принимать ему или не принимать Бернарда—значитъ онъ еще не такъ слабъ, какъ Бернардъ думалъ и можетъ быть братья хотѣли лишь испугать его.

Однако смерть пришла скоро.

Склонившись головой къ колѣнямъ Виргиніи, рыдающій Бернардъ пряталъ свое лицо въ ея юбкахъ, какъ это дѣлаютъ плачущія дѣти. Она также плакала надъ нимъ, гладя его по головѣ.

Бернардъ, между тѣмъ, думалъ о своей жизни, промежуточной между жизнью дѣда своего сына и жизнью сына.

Онъ, Бернардъ, передастъ сыну мужество и мечты дѣда, усовершенствованныя его мечтами и культурой его жизни.

Будущее этого сына послужитъ ему, Бернарду оправданіемъ.

Еще нѣкоторое время Бернардъ глубоко страдалъ, но постепенно жизнь вступила для него опять въ свои права и нѣжныя ласки жены его успокоили.

ГЛАВА X.

Въ Лотарингскомъ замкѣ, молодые супруги ожидали появленія на свѣтъ ребенка. Термидоръ и Фруктидоръ уже позолотили траву и деревья. Пракси-Блассанъ пріѣхалъ къ Авреліи, бывшей въ послѣднемъ періодѣ беременности, и нѣжно за ней ухаживали въ свободное отъ своей огромной корреспонденціи время. По вечерамъ онъ принималъ шпіоновъ, наблюдавшихъ за построеніемъ маленькихъ нѣмецкихъ дворовъ.

Уѣхавшій спустя три дня послѣ отъѣзда Бернарда, Эдмъ Лириссъ гдѣ-то путешествовалъ.

Только въ серединѣ Вандемьера Бернардъ заговорилъ наединѣ съ Авреліей о причинахъ, приведшихъ его жену въ Булонь

въ Мессидорѣ мѣсяцѣ. Оба прогуливались подъ грабинами, сквозь листья которыхъ солнце бросало на песокъ свѣтлыя пятна. Пракси-Блассанъ въ это время былъ въ Швеціи, куда онъ отправился съ инструкціями помѣшать заключенію союза этой страны съ Англіей. Молодая женщина съ грустью жаловалась, что еще нѣсколько мѣсяцевъ ей придется быть одной.

— А я? спросилъ Бернардъ.

Она отвѣчала неопредѣленной улыбкой. Она признавалась, что устала жить. Оранжевый шарфъ, не закрывавшій ея талію, плохо защищалъ ее отъ сырости. Ея миніатюрное вытянутое лицо было блѣдно, глаза были окружены веснушками; длинныя шелковыя вязаныя митенки складками спадали съ ея похудѣвшихъ рукъ. На потерявшихъ блескъ волосахъ было накинуто кружево.

— Сядемъ, предложила она.

Она положила на каменную скамью свой сѣтчатый мѣшокъ и вдругъ закусила отъ боли губы.

— Дорогая Аврелія! съ нѣжнымъ состраданіемъ сказалъ братъ, поддерживая молодую женщину...

Нѣсколько минутъ они сидѣли молча. Въ вѣтвяхъ пустыхъ деревьевъ дрались птицы. Пышные красные георгины облетали. Золотистыя яблоки сверкали надъ гнувшимися подъ ихъ тяжестью вѣтками.

— Мнѣ кажется, проговорила Аврелія, осенью легче умирать.

— Мнѣ это тоже кажется. Но зачѣмъ говорить о смерти?

— Да почему?.. Мы убили нашего отца... Какъ мы должны упрекать себя?

— Природа преслѣдуетъ свою цѣль, давая намъ забвеніе. Одни умираютъ, другіе нарождаются.

— У насъ очень скоро преходящая жалость.

— Нѣтъ, Аврелія... Ваше сочувствіе ко мнѣ было очень продолжительно... Вы отнеслись ко мнѣ съ любовью, когда я находился передъ лицомъ смерти. Благодарю васъ за это, моя сестра.

— Я отнеслась къ тебѣ съ любовью?.. Да, я чувствовала, я поняла твою скорбь. Почва ускользала изъ подъ твоихъ ногъ, несчастный человѣкъ!

— На другихъ устахъ и въ другой душѣ вы принесли мнѣ ваше сочувствіе тамъ на берегу моря.

— Да, Бернардъ я послала тебѣ твою жену и мое сердце тоже.

— Виргинія привезла мнѣ вашъ голосъ и ваше сердце билось въ ея пылкомъ сердцѣ. Я это понялъ.

— Благодарю, братъ, благодарю, что ты меня вѣрно понялъ... Благодарю.

Онъ боялся выказать охватившее его сильное волненіе; онъ наклонился и, не дотрогиваясь до ея руки, прикоснулся губами къ ея шелковой митенкѣ и не поднялъ головы до тѣхъ поръ, пока не улеглось волненіе Авреліи. И потомъ сталъ смотрѣть прямо на солнце.

Часа два провели они такъ вмѣстѣ передъ лицемъ ликующей золотистой осени. Молчаніе ихъ не прерывалось.

Девятнадцатаго брюмера XIII года республики, у Виргиніи родилась дочь, походившая на свою мать темными рѣсницами и свѣтлыми глазами и на сына Авреліи, родившагося мѣсяцъ спустя въ томъ самомъ альковѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ рисунокъ Бернарда, изображавшій горе маленькой нѣмочки въ Месскирхенѣ.

— Милочка, ты слишкомъ много думала обо мнѣ во время твоей беременности, вскричала Виргинія! У твоего сына мои глаза.

Молодыя женщины обнялись, полныя какого-то неяснаго счастья.

Оправившись отъ родовъ, обѣ невѣстки вернулись въ Парижъ. Бернардъ не очень любилъ свою маленькую Денизу кричавшую на весь отель на улицѣ д'Антэнъ.

Неужели этотъ маленькій смуглый кричащій кусокъ мяса— Дениза отмститъ за Герикура. Сопернику его, сдѣлавшемуся христіаннѣйшимъ Императоромъ послѣ церемоніи коронованія? Виргинія, послушная традиціямъ, кормила дѣвочку сама и болтливыя пріятельницы ея, склонившись надъ ребенкомъ, припавшимъ къ полной груди, взвизгивали отъ восторга и удивленія, что у ребенка есть глаза, ротъ и руки.

Герикуръ предпочиталъ разъѣзжать съ полковникомъ, отцомъ Виргиніи въ его кабріолетѣ, запряженномъ быстрой лошадью. Они останавливались передъ лавками, домами генераловъ, инспекторовъ, сенаторовъ, кригсъ-коммисаровъ. Ихъ принимали суровые господа затянутые въ вышитые золотомъ мундиры, въ новыхъ крестахъ Почетнаго Легіона. Такимъ же образомъ Бернардъ познакомился съ барономъ де Кавањонъ затянутымъ въ зеленый мундиръ конныхъ егерей.

Этотъ баронъ часто появлялся въ отелѣ улицы д'Антэнъ въ сопровожденіи баронессы де-Каванонъ, пропитанной ста-

рымъ режимомъ и являвшейся всегда въ портшезѣ, какъ Маскарилья Мольера, въ блѣдно-шелковомъ платьѣ, съ напудренными волосами украшенными мелкими розами и красной бархатной лентой на шеѣ. За то, что Пракси-Блассанъ обѣщалъ ей вернуть ея имѣнія, сорокалѣтняя дама относилась къ нему съ нѣжностью и Аврелію называла «дружкомъ».

Послѣ болѣзни Аврелія очень похорошѣла; къ ея поблѣднѣвшему лицу очень шла модная прическа изъ мелкихъ локоновъ на лбу и на вискахъ. Фіолетовыя складки гладкаго бархатнаго платья красиво обрисовывали ея стройную фигуру. Ей не нравилось ухаживанье полковника Шабера и кригсъ-комиссара д'Ерви. Пракси-Блассанъ теперь любилъ ее больше прежняго. Въ ихъ отелѣ толпились прежніе аристократы, добивавшіеся милостей новаго режима, иностранные агенты, предпочитавшія его ясныя выраженія остроумнымъ подвохамъ Талейрана.

По вечерамъ Кавруа уводилъ Герикура къ себѣ, въ улицу Дюбонъ. Квартира его состояла изъ трехъ обширныхъ комнатъ, убранныхъ старинной мебелью и книгами. Кривая старуха кое-какъ стирала пыль съ чудеснаго письменнаго стола Буль, картинъ Ванъ-Дика и Веласкеца, собранныхъ еще родителями, и цѣлой коллекціи вещей изъ слоновой кости. Дѣла Кавруа, благодаря умѣлому управленію Каролины, были въ блестящемъ состояніи. Кавруа предоставлялъ ей свободу дѣйствій и слѣдилъ за ней съ лукавымъ любопытствомъ зрителя въ театрѣ маріонетокъ. Онъ называлъ ее «Муравьемъ».

Каролина его откровенно презирала, какъ и прочихъ членовъ семьи, исключая Пракси-Блассана, какъ вліятельнаго и трудящагося человѣка. Дѣйствительно Пракси-Блассанъ съ шести часовъ утра принимался въ своей библіотекѣ за бумаги. Въ 10 часовъ онъ уже былъ въ министерствѣ или въ Тюльери съ Талейраномъ; домой являлся усталый, но довольный своимъ постояннымъ успѣхомъ. Это былъ хорошо сохранившійся сорокалѣтній, нервный, живой насмѣшливый человѣкъ, вѣчно волнуемый мыслью о предстоящемъ тріумфѣ. Множество знаковъ отличія уже украшали его фракъ въ торжественные дни. Въ ущербъ всякимъ личнымъ интересамъ его умъ былъ занятъ дѣлами Европы, политикой ея дворовъ, характерами государей, жизнью выдающихся людей, финансовымъ состояніемъ городовъ и банковъ. Его не трогали ни болѣзни дѣтей, ни собственныя денежныя потери. Разсчеты вѣнскаго кабинета заставляли его забывать о коклюшѣ Дельфины. Его гораздо

менѣе интересовали новые туалеты Авреліи, чѣмъ результаты новаго союза Англіи съ Россіей. Онъ не замѣчалъ ни дождя ни снѣга и узнавалъ о существованіи гололедицы только по тому что лошади его съ трудомъ тащили экипажъ.

Въ четыре часа, углубленный въ свои мысли, онъ молча принимался за обѣдъ. Всегда любезный полковникъ Лирисъ поднималъ вопросъ о дрессировкѣ лошадей въ Девонширѣ. Онъ очень заботился обо всемъ, что касалось его полка и совѣтовался съ капитаномъ, который тоже очень увлекался фасономъ сѣделъ и превосходствомъ гасконскихъ всадниковъ надъ тюрингенскими. Виргинія злословила по поводу той или другой изъ своихъ посѣтительницъ, напримѣръ г-жи Гранъ, состоявшей въ гражданскомъ бракѣ съ Талейраномъ, и извѣстной своей глупостью; всѣ считали своимъ долгомъ освѣдомиться о мѣстѣ ея рожденія, потому что она имѣла обыкновеніе отвѣчать: Je suis d'Inde (непереводимая игра словъ Inde—Индія, dinde—индюшка) такъ какъ она родилась на берегахъ Ганга и потомъ уже попала въ Парижъ послѣ многихъ приключеній, достойныхъ пера Рестифа или Кребильона. Только благодаря маніи Бонапарте женить своихъ приближенныхъ, могло выйти такое странное соединеніе наивности этой женщины съ необыкновеннымъ умомъ Талейрана, который говорилъ, что выбралъ ее потому, что если умная женщина компрометтируетъ иногда своего мужа, то глупая компрометтируетъ только себя лично. Разсказывалось также много исторій насчетъ генеральшъ, вышедшихъ изъ низшихъ общественныхъ слоевъ и, благодаря военнымъ талантамъ своихъ мужей, попавшихъ въ высшее общество, гдѣ онѣ сталкивались съ представительницами старой аристократіи, примирившейся съ имперіей, и гдѣ къ изысканной рѣчи аристократокъ онѣ примѣшивали свой уличный жаргонъ—какъ воспоминаніе о томъ времени когда онѣ стояли за прилавками въ своей лавочкѣ.

Аврелія очень мило спорила о послѣдней модѣ.

— Понимаешь, мой до-огой, говорила она брату, заслуга женщины состоитъ въ томъ, чтобы своей особой вмѣстѣ съ окружающей обстановкой составить хорошенькую картину. Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы Гастону казалось, что у него въ домѣ всегда маленькая выставка совершенствъ.

— Мнѣ это и кажется, Аврелія! Мнѣ это кажется, отвѣчалъ дипломатъ, цѣлуя ея пальчики.

— Вы мнѣ льстите, мой до-огой! Вамъ не нравилась ни

моя греческая прическа ни мои „repentirs“, и теперь вы не переносите ни украшеній, ни обоевъ моего салона.

Всѣ весело засмѣялись. Аврелія не была грустна по примѣру фатальныхъ героинь, описываемыхъ въ романахъ, хотя и не безъ оттѣнка меланхолій, которая такъ шла къ ея воздушной красотѣ. Мужъ, занятый своими важными дѣлами, часто оставлялъ ее одну.

Виргинія много отдавала времени своей маленькой Денизѣ, толстому и смуглому ребенку, котораго ей ежечасно приносили кормить. Иногда къ другой груди она прикладывала сына своей невѣстки, Эдуарда. Полковника Лирисса и Бернарда приводило въ восторгъ серьезное лицо малютки, смотрѣвшее съ удивленіемъ на яркій свѣтъ, улыбки и движенія взрослыхъ. Пракси-Блассанъ обѣдалъ въ улицѣ д'Антэна, чтобы избѣгать просителей, осаждающихъ его отель на улицѣ Сентъ-Оноре. Такимъ образомъ, обѣ семьи вмѣстѣ укрывались отъ докучливыхъ посѣтителей и вплоть до весны проводили очень хорошіе вечера.

Смотря на этихъ двухъ кроткихъ веселыхъ женщинъ, на ихъ красивыхъ дѣтей, Бернардъ часто задавалъ себѣ вопросъ, что было ненавистнаго въ этомъ мирномъ зрѣлищѣ для его отца, который говорилъ: „между нами есть чужіе“.

Нѣсколько времени спустя одинъ сардинскій офицеръ, майоръ Брандини, въ отместку Пракси-Блассану за то, что тотъ помѣшалъ исполненію его дипломатическихъ плановъ въ министерствѣ, вездѣ сталъ разсказывать, что Пракси-Блассанъ — интимный другъ Мора и Пишегрю, что зять его, капитанъ Герикуръ, тоже участвовалъ въ заговорѣ, за что его лишили командованія, что у обоихъ были очень двухсмысленныя связи. Эти слухи дошли до ушей императора, который сдѣлалъ выговоръ Талейрану.

Положеніе Пракси - Блассана было скверное. Всѣ его планы были изложены письменно и находились въ рукахъ министерства уже на пути къ исполненію, потому его легко могли оставить за штатомъ или послать съ какимъ-нибудь непріятнымъ порученіемъ, между тѣмъ какъ дѣло объ императорѣ-королѣ могло упрочить его будущность. Опечаленный этимъ Герикуръ поѣхалъ къ барону Каванону, который его отговорилъ вызывать на дуэль Брандини: дуэль вызвала бы еще большій скандалъ. А взамѣнъ этого посовѣтовалъ видѣть императора, добиться внесенія въ списокъ императора, объяснить ему дѣло и просить о правосудіи. Каванонъ обѣщалъ

Бывшія ЕГОРОВА.

Бол. Казачій пер., д. № 11.

Телефонъ № 2144.

ИЗЪ ВѢНЫ

ПОРТНОЙ С. А. РАБИНОВИЧЪ.

Мужскія платья по послѣднему фасону.

Только на заказъ.

Приглашать прос. только письменно, адресуя на Ямскую, д. 4 кв., 18.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Послѣ высылки седьмой книги, доставка журнала будетъ прекращена всѣмъ лицамъ не внесшимъ платы за второе полугодіе.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Ямская, 2.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію, если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ **будутъ уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

5) **Историч. документы и письма,** присылаемые для напечатанія, сдаются въ типографію въ копіяхъ и **тщательно сохраняются редакціей до востребованія** въ несгораемомъ помѣщеніи.

6) Съ перваго мая по первое сентября редакція будетъ открыта для личныхъ объясненій только по вторникамъ отъ 4 до 6 часовъ вечера.

Отъ конторы редакціи.

*** *Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п., производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Ямская, 2), между часомъ и четырьмя дня.*